СТАНИСЛАВЪ-АВГУСТЪ ПОНЯТОВСКІЙ
ВЪ ГРОДНѢ
И
ЛИТВА ВЪ 1794—1797 ГОДАХЪ.

Сочиненіе Михаила Де-Пуле.

Изданіе второе.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
1871.

СТАНИСЛАВЪ-АВГУСТЪ ПОНЯТОВСКІЙ

ВЪ ГРОДНѢ

и

ЛИТВА ВЪ 1794—1797 ГОДАХЪ.

Сочиненіе Михаила Де-Пуле.

Изданіе второе.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
№ 976. Типографія Майкова, въ д. Министер. Фин., на Дворц. площ.
1871.

С. А. ПОНЯТОВСКІЙ

и

ЛИТВА ВЪ 1794—1797 ГОДАХЪ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Представляемое на судъ читающей публики сочиненіе составлено по документамъ, извлеченнымъ изъ архива виленскаго генералъ-губернатора въ 1867 году. Описаніе этого архива, издаваемое гг. Энгелемъ и Гомолицкимъ, появилось только въ 1869 году (вышло 3 книги) и доведено до половины 1794 г., до событій, предшествующихъ разсказу, содержащемуся въ этой книгѣ. Мы пользовались архивомъ виленскаго генералъ-губернатора самое короткое время, именно съ іюля по октябрь 1867 г., до его закрытія, и притомъ при обстоятельствахъ, весьма неблагопріятныхъ: кромѣ насъ, архивными документами пожелали пользоваться еще два претендента,—покойный Ратчъ, авторъ „Свѣденій о польскомъ мятежѣ 1863 г. въ северо-западной Россіи," которому они дѣйствительно были необходимы, и тогдашняя администрація учебнаго округа, которой они ни на что не были нужны и ни для чего не пригодились. При такихъ условіяхъ пользованія, неизбѣжны значительные пропуски и неполнота многихъ фактовъ, относящихся ко времени, обозрѣнію котораго посвященъ нашъ трудъ. Пополнить ихъ можно будетъ только тогда, когда выйдутъ въ свѣтъ тѣ томы „Архива виленскаго генералъ-губернатора, въ которыя войдутъ документы 1795—1798 гг. Но, такимъ образомъ поступая, придется, пожалуй, ждать нѣсколько лѣтъ, когда, и безъ того, между появленіемъ первыхъ двухъ главъ этого сочиненія, въ

четвертой книгѣ „XVIII Вѣка,“ и окончанiемъ его въ журналѣ „Заря“, прошло два года. Прекращенiе сборника г. Бартенева было причиною столь долгаго непоявленiя въ свѣтъ трехъ послѣднихъ главъ нашего труда; въ настоящемъ изданiи онъ составленъ по другому плану, сообразно съ которымъ передѣланы и первые двѣ главы.

Нашъ трудъ былъ уже оконченъ, когда вышло въ свѣтъ, вторымъ изданiемъ, сочиненiе Н. И. Костомарова, „Послѣднiе Годы Рѣчи Посполитой“ произведенiе весьма талантливое, прiобрѣтенiе для нашей исторической литературы капитальное. Но, будучи художникомъ по натурѣ, г. Костомаровъ часто является несостоятельнымъ, какъ судья, какъ безпристрастный изслѣдователь: онъ нерѣдко увлекается предвзятой идеей, даже фразами, порожденными не давно пережитою минутой, въ родѣ *полонофильства и измѣны народнымъ началамъ*. Продолжая разсказъ о событiяхъ, на которыхъ останавливается г. Костомаровъ, и нераздѣляя этихъ воззрѣнiй, мы не могли не отнестись полемически къ труду уважаемаго нами историка,—отношенiе, безпорно увеличившее недостатки нашего собственнаго труда, въ которомъ читатель, вѣроятно, замѣтитъ и другой полемическiй прiемъ,— по отношенiю къ событiямъ недавняго прошлаго.

Полемическое отношенiе къ недавнему прошлому, проходящее по всему настоящему труду, объясняется мѣстомъ и родомъ дѣятельности его автора. Авторъ прожилъ 2½ года въ Вильнѣ, посвящая свои труды педагогической и литературной дѣятельности. Онъ прибылъ въ этотъ городъ въ самомъ началѣ 1866 г., когда главное дѣло—усмиренiе мятежа и надѣлъ крестьянъ землею—было давно покончено; оставались частности, подробности; предстояла дѣятельность спокойная, культурная, *умиротворяющая*. Но, вмѣсто этого, пришлось встрѣтить вражду самую жгучую, видѣть явленiя диковинныя! Не касаясь другихъ сферъ дѣятельности, довольно указать на одну литературную,— на „Виленскiй Вѣстникъ“ 1866 г., на „Вѣстникъ

Западной Россiи“ Говорскаго, на сочиненiя Ратча, словомъ на цѣлую школу пишущей братiи, вклады которой въ русскую литературу едва ли принесутъ ей много чести. Дикiя идеи, дикiя выходки противъ нашихъ иноплеменниковъ, живущихъ въ краѣ, поляковъ и евреевъ, конечно, только смѣшны,— тѣмъ болѣе, что приходилось ратоборствовать съ вѣтряными мельницами, такъ какъ противники не издавали (да и *не могли* издать) ни единаго звука. Но это направленiе, считаясь славянофильскимъ и патрiотическимъ, къ несчастiю возымѣло такую силу въ краѣ, что дошло до террора, до неумолимости преслѣдованiя противниковъ, — своихъ, русскихъ, и чужихъ, иноплеменниковъ, преслѣдованiя, далеко не ограничивавшагося одною областiю печатнаго слова. И хотя съ конца 1866 г., съ назначенiемъ графа Э. Т. Баранова виленскимъ генералъ-губернаторомъ, обстоятельства измѣнились не въ пользу этой многочисленной партiи; и хотя пишущему эти строки и его друзьямъ (П. А. Безсонову, Е. А. Лопушинскому и др.) удалось значительно ее потревожить въ „Виленскомъ Вѣстникѣ“ 1867 г., а еще болѣе „Виленскими Письмами,“ печатавшимися въ „С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ“ 1867—1868 гг.: однакоже партiя и оживляющiй ее духъ не переставали существовать. Если Вильна и сѣверо-западныя губернiи теперь, т. е. съ 1868 г., отъ нихъ поопростались, за то Москва и Петербургъ переполнились сѣверо-западными „ташкентцами“, родоначальниками Щедриновскихъ; вмѣстѣ съ ними вошла въ литературу и новая, мутная струя, ничего истинно славянофильскаго въ себѣ не имѣющая. Ложность и дикость направленiя, о которыхъ идетъ рѣчь, сильнѣе сатиры поражаются неумолимою логикою фактовъ; къ этимъ послѣднимъ принадлежитъ вся прошлая исторiя края, исторiя нашихъ отношенiй съ поляками. Съ точки зрѣнiя партiи, эта исторiя заподозрѣна также въ *полонофильствѣ* и въ *измѣнѣ русскимъ народнымъ началамъ;* ибо, по ея мнѣнiю, истинно патрiотическая и государственная мудрость въ дѣлѣ организацiи и управленiя сѣверо-западными губернiями начинается,

даже не съ усмиренія мятежа, а только съ 1865 г., съ отъѣздомъ изъ Вильны графа Муравьева, т. е. какъ разъ съ того времени, когда почва стала уходить изъ-подъ ногъ и когда въ воздушномъ пространствѣ легко строились фантастическіе зáмки. Мы избѣгали натяжки фактовъ, приводимыхъ въ настоящемъ обозрѣніи, въ пользу основной его мысли; но, сознаемся, *не могли* сохранить объективнаго спокойствія, говоря о принципахъ, противъ которыхъ намъ пришлось вести долгую и упорную борьбу.

Въ основной мысли нашего труда нѣтъ ничего новаго: мы возстановляемъ положенія, давно извѣстныя, которыя стараются упразднить, во что бы то ни стало, новѣйшіе софисты-славянолюбцы.

Нашъ разсказъ оканчивается управленіемъ Литвою князя Репнина,—временемъ, нѣсколько предшествующимъ его смѣнѣ. По настоящему, его слѣдовало бы довести до 1801 г., до воцаренія императора Александра I; но 1798 годомъ прекращаются сдѣланныя нами извлеченія изъ виленскаго архива. Мы не имѣли ни времени, ни возможности пользоваться богатыми матеріалами польской литературы, хранившимися тогда въ складѣ учебнаго округа и частію въ неустроенной еще библіотекѣ при виленскомъ музеѣ.

Полтава,
14 ноября 1871 г.

ГЛАВА I.

(1794 г.).

Введеніе. Назначеніе Гродна мѣстопребываніемъ Станислава-Августа. Приготовленія Репнина къ его пріему; наказы, данные имъ гр. Безбородку, кн. Циціанову и генералу Бенингсону. Путь короля отъ Варшавы до Гродна и ожиданіе его въ этомъ послѣднемъ городѣ. Гродно и вообще литовскіе города. Пріѣздъ короля. Его свита и издержки, нужныя на его содержаніе. Князь Н. В. Репнинъ. Состояніе Литвы послѣ 2-го раздѣла Польши. Военныя дѣйствія въ этой странѣ во время революціи Косцюшки и участіе въ нихъ кн. Репнина. Назначеніе его литовскимъ генералъ-губернаторомъ; манифестъ, обнародованный отъ его имени, къ жителямъ великаго княжества Литовскаго; принесеніе ими вѣрноподданнической присяги.

Взятіе Суворовымъ варшавскаго предмѣстья, Праги, 24-го октября 1794 года, рѣшило жребій Польши: революціонное правительство, образовавшееся 28-го мая того же года и не оставившее даже тѣни власти королю Станиславу-Августу Понятовскому, перестало существовать. Казалось бы, что, съ паденіемъ революціонеровъ, король снова вступалъ во всѣ свои права, но... третій, послѣдній раздѣлъ Польши уже считался дѣломъ рѣшеннымъ,— она исчезала съ карты Европы [1]). Послѣднему польскому королю не трудно было отказаться отъ призраковъ павшей власти, такъ какъ во все время своего долголѣтняго царствованія, возсѣдая на варшавскомъ тронѣ, онъ не успѣлъ познакомиться съ властолюбіемъ, всего менѣе съ его пресыщеніемъ. Ода Державина на взя-

---

[1]) См. *Исторію Паденія Польши*, сочиненіе С. Соловьева, гл. XII-ую. Профессоръ Соловьевъ относитъ штурмъ Праги къ 4-му ноября, выставляя это число по новому стилю.

тіе Варшавы не была простымъ стихотвореніемъ на *случай*, а восторженнымъ національнымъ гимномъ по поводу событія первѣйшей исторической важности. Отсюда въ этомъ стихотвореніи Суворовъ является богатыремъ и изображается яркими красками народной поэзіи.

Новый трофей твой днесь созерцаемъ:
Тронъ подъ тобой, корона у ногъ,—
Царь въ полону!

Какой тронъ?—*Варшавскій!*.. Чей царь?—*Польскій!*.. Въ прошломъ столѣтіи живѣе помнились событія начала XVII вѣка — взятіе Москвы поляками, плѣнъ Василія Шуйскаго, казавшаяся неминуемою гибель всего Московскаго государства: понятно, живѣе былъ и восторгъ отъ событія 24 октября. Подъ вліяніемъ этого чувства, должно было забыться и смолкнуть многое. Забывались извѣчная племенная непріязнь, коварство *Ляха;* забывались и личныя качества послѣдняго польскаго короля, слабыя и дурныя стороны его характера. Польша входила въ составъ Россіи; польскій король исчезалъ: оставался Станиславъ-Августъ Понятовскій, живой образъ развѣнчаннаго величія, во всякомъ случаѣ возбуждающій участіе. Таково, по нашему мнѣнію, значеніе послѣдняго польскаго короля послѣ паденія Варшавы и Польши. При всѣхъ своихъ недостаткахъ, при безцвѣтности и вялости своего характера, впрочемъ добродушнаго и симпатичнаго, Понятовскій все же былъ и до конца оставался *добрымъ* (какъ говорятъ) полякомъ, т. е. человѣкомъ, искренно любившимъ несчастное свое отечество [1]). Спасти его онъ былъ не въ силахъ, и тогда, какъ тридцать лѣтъ тому назадъ, вступалъ онъ на престолъ Пястовъ и Ягеллоновъ, и теперь, когда пали подпорки, поддерживавшія ветхое зданіе Рѣчи Посполитой, и онъ увидѣлъ себя царемъ безъ царства. „Судьба Польши въ вашихъ рукахъ, писалъ несчастный король императрицѣ Екатеринѣ, ваше могущество и мудрость рѣшатъ ее; какова бы ни была судьба, которую вы назначаете мнѣ лично, я не могу забыть своего долга къ моему народу, умоляя за него великодушіе вашего императорскаго величества [1]).“ Королю Станиславу-Августу оставалось теперь болѣе всего позаботиться о дальнѣйшей своей судьбѣ, хотя и здѣсь жизнь уже не могла, по видимому, обольщать его надеждами: въ это время ему было уже 62 года отъ роду. Отвѣчая Станиславу на письмо, императрица Екатерина, между прочимъ, выражалась, что извѣстія объ опасностяхъ, которымъ подвергался король въ Варшавѣ „среди разнузданнаго народа варшавскаго, заставляютъ меня желать, чтобъ ваше величество *какъ можно скорѣе переѣхали изъ этого виновнаго города въ Гродно*“ [2]). И такъ развѣнчанному польскому величеству оставалось только покориться опредѣленному для него жребію—покинуть блестящую столицу, обращавшуюся въ прусскій провинціальный городъ, и удалиться въ чужую, хотя и очень близкую землю, въ чужой, еще недавно польскій, а теперь *русскій* городъ. Не легокъ былъ для Станислава-Августа этотъ переѣздъ, медленно и неохотно собирался онъ въ недалекую дорогу. Узнавъ о новомъ раздѣлѣ Польши, король въ разговорѣ съ барономъ Ашемъ, завѣдывавшимъ его дипломатическими дѣлами, сказалъ, что въ такомъ случаѣ онъ лучше согласится отречься отъ престола и провести остатокъ жизни въ Римѣ. Ашъ отвѣчалъ, что отреченіе въ его королевской власти и что его величество можетъ устроить это дѣло въ Гроднѣ. Король обратился къ Суворову и представилъ, что ему не съ чѣмъ выѣхать, не чѣмъ расплатиться съ долгами, вознаградить своихъ слугъ, обезпечить судьбу родныхъ; но и фельдмаршалъ указывалъ ему на ту же Гродно, гдѣ, по словамъ его, обо всемъ этомъ позаботятся. Л. Н. Энгельгардтъ (1766—1836), авторъ любопытныхъ записокъ, свидѣтель знамена-

---

[1]) Весьма обстоятельную характеристику Станислава-Августа представляетъ г. Костомаровъ въ своемъ сочиненіи «Послѣдніе годы Рѣчи-Посполитой», Спб. 1870 г. (стр. 76—78). Онъ, дѣйствительно, былъ типомъ поляка XVIII вѣка, со свойствами европейской знатной особы того времени; объ этой національной типичности, замѣтной во всѣхъ его дѣйствіяхъ, говоритъ и Лелевель, въ своемъ сочиненіи, посвященномъ царствованію этого короля. Самымъ безпощаднымъ образомъ относится къ Станиславу-Августу нѣмецкій историкъ XVIII вѣка, Шлоссеръ; но все дряблое, отжившее, деморализированное находитъ у него точно такой же приговоръ. Станиславъ Понятовскій не былъ и не могъ быть героемъ, потому что воспитавшая его среда, тогдашнее польское общество, ничего подобнаго не могла произвести; но его коварство и двоедушіе не шли такъ далеко, какъ объ этомъ говорятъ. Въ послѣднее, по крайней мѣрѣ, время онъ нерѣдко былъ глубоко искрененъ. Такъ, напр., въ деревнѣ у Огинскаго, автора извѣстныхъ мемуаровъ, къ которому заѣхалъ король послѣ Гродненскаго сейма, кончившагося вторымъ раздѣломъ, оставшись наединѣ съ хозяиномъ, онъ истерически рыдалъ о судьбѣ Польши и произнесъ слѣдующія слова, которыя нельзя же считать пустою фразою:—«Telle est ma triste destinée! J'ai toujours voulu le bien de mon pays, et je ne lui ai fait, que du mal!»

[1]) Ист. Пад. Польши Соловьева, стр. 355.

[2]) Тамъ же и слѣд. стр.

тельныхъ событій, происходившихъ въ это время въ Варшавѣ, приводитъ нѣкоторые факты, по которымъ можно заключить, что фельдмаршалъ-побѣдитель относился къ развѣнчанному королю съ почтительною деликатностію. „Миръ, тишина и спокойствіе“ — были первыя слова, которыми встрѣтилъ Суворовъ (сидя въ палаткѣ, разбитой въ опрокинутомъ пражскомъ ретрашаментѣ и на деревянномъ отрубкѣ вмѣсто стула) варшавскихъ депутатовъ; послѣдніе, обласканные и очарованные пріемомъ, возвратились въ столицу Польши, и слова: „Покой! Покой!“ вмѣстѣ съ привѣтствіями императрицѣ и Суворову, громко и торжественно произносились народомъ, всего менѣе дорожившимъ благами покоя [1]). Итакъ, король началъ собираться въ путь; другой причины, кромѣ приготовленія необходимыхъ экипажей, къ медленности не было; въ Гроднѣ все было готово для пріема почетнаго гостя; тамъ съ нетерпѣніемъ ожидалъ его давнишній старый знакомый, князь Репнинъ, игравшій такую важную роль въ возведеніи его на польскій престолъ, теперь генералъ-губернаторъ Лифляндскій, Эстляндскій и Литовскій.

13-го ноября 1794 г. отправился князь Репнинъ изъ Несвижа, гдѣ онъ находился во время взятія Праги, въ Литву, именно въ Гродно, для принятія присяги отъ жителей на вѣрноподданство императрицѣ. Присяга долженствовала произойти тотчасъ же по обнародованіи отъ имени генералъ-губернатора манифеста. 17-го числа Репнинъ былъ уже въ Гроднѣ; но приведеніе къ присягѣ замедлилось, потому что, по неимѣнію русскаго шрифта въ литовскихъ типографіяхъ, пришлось отправить манифестъ для напечатанія въ Бердичевъ и ожидать оттуда его полученія. Но кромѣ принятія въ подданство и устройства вновь присоединяемаго польскаго края, въ духѣ русскихъ государственныхъ учрежденій, Репнину предстояли большія хлопоты съ устройствомъ резиденціи и встрѣчи для бывшаго польскаго короля. Высочайшимъ рескриптомъ отъ 21-го ноября Суворовъ былъ извѣщенъ о назначеніи Гродно мѣстопребываніемъ Станиславу-Августу. 2-го декабря литовскій генералъ-губернаторъ спрашивалъ фельдмаршала, когда онъ думаетъ отправить короля изъ Варшавы и какія, при этомъ, предполагаетъ сдѣлать распоряженія; но Суворовъ предупредилъ Репнина слѣдующимъ письмомъ отъ 3-го декабря:

[1]) Записки Л. Н. Энгельгардта, издан. Р. Архива, стр. 178—180.

„Милостивый государь мой, князь Николай Васильевичъ!

„Вслѣдствіе всевысочайшаго ея императорскаго величества повелѣнія касательно перевезенія короля польскаго изъ Варшавы въ Гродну, немедленно приступлю я къ выполненію; а потому, вашему сіятельству сообщая, покорнѣйше прошу, для принятія его въ Гроднѣ, взять свои мѣры. И какъ для проѣзду нужно поставить, по недостатку обывательскихъ, отъ войскъ команды моей отсюда до Бѣльска на каждой (станціи) по 80-ти человѣкъ; отъ онаго жъ до Гродны ваше сіятельство не оставьте то (также) учинить съ вашей стороны. Имѣю честь быть и пр. Графъ Александръ Суворовъ-Рымникскій.“

Провожать короля до Гродна фельдмаршалъ назначилъ генерала Тормасова.

Высочайшее повелѣніе о принятіи и о водвореніи короля польскаго на жительство въ Гроднѣ, данное князю Репнину, состоялось 23-го ноября. Оно, какъ кажется, застало въ расплохъ генералъ-губернатора, находившагося въ то время въ Вильнѣ, съ цѣлію отправиться потомъ въ Ковно и др. мѣста, для обозрѣнія ввѣреннаго его управленію края. Это приказаніе заставило Репнина поспѣшить возвращеніемъ въ Гродно. Наканунѣ своего отъѣзда изъ Вильны, 2-го декабря, извѣщая императрицу о полученіи ея указа, старый дипломатъ, глубокій знатокъ польскихъ дѣлъ и польскаго національнаго характера, отлично знавшій и того, кто поручался теперь его непосредственному надзору, вотъ что писалъ государынѣ [1]):

„Стану я, всемилостивѣйшая государыня, по высочайшей вашей волѣ, которая для меня всегда была священнымъ закономъ, *стеречь и честить* короля польскаго; желаю только, чтобы силъ моихъ и способностей достало на выполненіе, по сему отношенію, всѣхъ высочайшихъ вашихъ наставленій. Не упущу всякимъ образомъ, въ пристойныхъ случаяхъ, внушать и твердить его польскому величеству все вами предписанное, и что по сему послѣдуетъ, буду о томъ въ свое время всеподданнѣйше доносить. Но долженъ, всемилостивѣйшая государыня, сказать, что трудно, мнѣ кажется, за то увѣрительно отвѣчать, чтобы сей государь, имѣя съ собою своихъ ближнихъ и нѣкоторую свиту и бывъ хотя подъ надзоромъ, но однакожъ съ оказаніемъ къ нему уваженія и въ нѣкоторой свободѣ со всѣми тѣми людьми, не имѣлъ бы случая сноситься съ нашими противниками, противъ чего, однако же, я всю возможную прилежность употреблю и всѣ, безъ огласки, мѣры приму, которыхъ только понятіемъ моимъ обнять возмогу. Не извѣстны мнѣ, всемилостивѣйшая государыня, положенія политическихъ дѣлъ; но

[1]) Письмо Екатерины къ Репнину напечатано у Костомарова (Послѣд. Годы Р. П., стр. 859).

относительно того вашего величества повелѣнія, чтобы отыскивать способы, коими наиудобнѣе можно было короля отдалить отъ Польши, доставя ему содержаніе на счетъ тѣхъ союзныхъ дворовъ къ жизни, для него покойной и для нихъ безвредной; то думаю, что можно его будетъ на то склонить, ежели онъ точно узнаетъ, что раздѣлъ Польши и ея политическое уничтоженіе уже совсѣмъ рѣшено между трехъ союзныхъ дворовъ. Но поколь онъ въ семъ не будетъ увѣренъ, дотоль своевольно (добровольно) ни на что подобное, не думаю, чтобы согласился; слѣдов., почитаю первымъ къ тому нужнымъ шагомъ его удостовѣрить, что раздѣлъ всей Польши уже непремѣнно рѣшенъ. А къ сему удостовѣренію необходимо надобно, чтобы онъ никакихъ сношеній съ посторонними людьми не имѣлъ, чтобы до его свѣдѣнія только доходило то, что мы допустить за благо разсудимъ, дабы онъ не льстился всѣми пустыми надеждами отъ разныхъ слуховъ и извѣщеній, которые до него доходить будутъ. Къ таковому содержанію сего государя, соблюдая все пристойное къ нему уваженіе, пребываніе его въ Гроднѣ, опасаюсь, что не будетъ способно, почитая, что для него станутъ въ томъ мѣстѣ толпиться легкомысленные здѣшніе обыватели и, ежели не письменно, то хотя словесно, допускать до него всякія несмысленныя басни и сплетенныя ихъ безмозглостію новости, къ колебанію его удобныя. Естли бы возможно было, по политическимъ обстоятельствамъ, перевести его въ Ригу; то тутъ бы съ оказаніемъ всего пристойнаго къ нему уваженія, можно было, имѣя свой вѣрный и исправный почтамтъ, а сверхъ того не бывъ онъ окруженъ здѣшнею толпою, сношенія его всѣ современно знать и не допускать къ нему, безъ всякаго оскорбленія, скрытнымъ образомъ, инаго, какъ то, что доходить до него должно; равнымъ образомъ, тамъ бы онъ нашелъ какъ покойный домъ, такъ и всѣ выгоды. Но не смѣю я о семъ представлять вашему императорскому величеству, а только всеподданнѣйше мысль мою доношу".

Императрица не раздѣляла опасеній своего осторожнаго генералъ-губернатора; но Репнинъ очень хорошо зналъ живой, мечтательный, поддающійся всякимъ вліяніямъ характеръ короля и поляковъ, а потому не могъ не тревожиться. Онъ принялъ всѣ необходимыя, по его мнѣнію, мѣры для стереженія и чествованія польскаго короля. Приставомъ къ королю онъ назначилъ генералъ-маіора графа Илью Андреевича Безбородка, которому 9-го декабря далъ слѣдующую инструкцію:

„Его величество король польскій, по высочайшей волѣ ея императорскаго величества, пріѣдетъ сюда немедленно, а ваше сіятельство, по довѣренности къ вамъ, мною опредѣляется къ нему въ приставы. По прибытіи его въ сей городъ, для пребыванія его величества съ фамиліею и свитою, опредѣляется здѣшній дворецъ, съ его принадлежностями. Для караула его будетъ рота съ знаменемъ и 30 человѣкъ конвойныхъ драгунъ съ литаврами, изъ которыхъ 24 съ офицеромъ, помѣщенные въ передней комнатѣ, всегда должны ѣздить съ его величествомъ, а 6 человѣкъ съ литаврами оставаться при фрунтѣ. Конвою же имѣть при выѣздѣ его величества 12 человѣкъ передъ самой каретою, а другіе 12 за самою же оною, а офицеръ долженъ ѣздить у дверей кареты, имѣя съ собой двухъ унтеръ-офицеровъ для посылокъ и надзирать на (за) сохранность его величества вездѣ и во всякомъ случаѣ. А ваше сіятельство и сами, когда король выѣзжать станетъ, всегда за нимъ ѣздите въ каретѣ, ежели онъ васъ когда съ собою не посадитъ. Воля ея императорскаго величества есть, чтобы мы всѣ оказывали сему государю все слѣдующее уваженіе; почему и изволите оное наблюдать, какъ и то, чтобы караулы ему всегда честь отдавали, какъ должно, съ барабаннымъ боемъ и знаменнымъ уклоненіемъ. Вамъ должно осмотрѣть все положеніе дворца и при всѣхъ выходахъ и входахъ имѣть часовыхъ, коими обезпечено бы было сохраненіе его величества, и чтобы никто изъ онаго и въ оный входить не могъ, который бы видимъ и знаемъ не былъ и о комъ бы вы извѣстія не имѣли: понеже, при всемъ вышесказанномъ всевозможномъ къ королю уваженіи, высочайшее желаніе въ томъ состоитъ, что, поелику управленіе здѣсь дѣлъ производится именемъ и властію ея императорскаго величества, то само по себѣ разумѣется, что король ни въ какія дѣла входить не можетъ и въ отправленіи дѣлъ ни малѣйшаго участія имѣть не долженъ, — о чемъ всемѣрно стараться надлежитъ, дабы его до оныхъ ни подъ какимъ видомъ и отнюдь не допускать. *Многіе опыты насъ уже удостовѣрили, что сей государь былъ всегда вопреки пользъ нашихъ; ибо ни единое не совершилось* въ Польшѣ противное видамъ нашего высочайшаго двора *событіе, въ которомъ бы онъ не нашелся главою, или соучастникомъ и соревнителемъ. Извѣстность таковая, какъ и давное познаніе мое свойствъ и качествъ* его величества, *долженствуютъ поставить* сколь меня, столь и ваше сіятельство, *противу его въ крайнюю осторожность; а по сему за перепискою его и другими сношеніями надлежитъ принять весьма близкое наблюденіе, позволяя чинить сіе только съ людьми, кои не могутъ подвержены быть подозрѣнію, не исключая родныхъ его, коихъ безъ причинъ отдалять отъ него не слѣдуетъ* [1]). А какъ, при томъ, надобно полагать, что онъ стараться будетъ перессорить сопредѣльные и союзные дворы и преклонить въ пользу свою и другіе разными и ему одному извѣстными происками, кои при всемъ ихъ незначеніи, могутъ иногда причинить въ будущихъ дѣлахъ затрудненіе: то, въ предупрежденіе сего, переписка его съ иностранными землями и совсѣмъ не должна имѣть мѣста. Почему все сіе въ примѣчаніе вашему сіятельству предлагаю, дабы вы сообразныя и всевозможныя по всему оному мѣры непрестанно принимать старались.... По всякимъ случаямъ и осторожностямъ, какъ выше по-

[1]) Слова, взятыя буквально изъ письма императрицы.

мянутымъ, такъ и таковыя (sic), которыя бы здѣсь упомянуты не были, требующихъ моего разрѣшенія,—изволите, ваше сіятельство, мнѣ немедленно доносить, дабы я могъ, также безъ потерянія времени, васъ снабдить моими резолюціями. При пріѣздѣ его величества въ здѣшній городъ, ваше сіятельство имѣете его встрѣтить во дворцѣ, на крыльцѣ, гдѣ я равнымъ образомъ буду и васъ ему представлю“.

Въ тотъ же самый день и генералъ-маіоръ князь Цицiановъ, командовавшій войсками, расположенными въ Гроднѣ, получилъ отъ князя Репнина слѣдующую особую инструкцію:

„Какъ его величество король польскій немедленно изъ Варшавы въ здѣшній городъ прибудетъ; то, для его пріѣзда, изволите ваше сіятельство отсель, безъ потерянія времени, отправить, съ надлежащимъ прокормленіемъ, на каждую станцію изъ полковыхъ и артиллерійскихъ по 80-ти лошадей, съ упряжью и извощиками, въ Кузницы, Соколку и Букштель, а при томъ, для конвоя его величества, по одному эскадрону драгунъ, при штабъ-офицерахъ, и человѣкъ по 30-ти казаковъ въ Кузницу и Соколку. Для караула же въ Соколку, сверхъ того, пошлите двѣ роты гранадеръ съ знаменемъ и двѣ полковыя пушки; домъ же въ Соколкахъ прикажите топить и вычистить на тотъ случай, ежели бы его величество тамъ ночевать заблагоразсудилъ. Поручите въ Соколкахъ какъ надзираніе за всѣмъ тѣмъ, такъ и команду особому надежному штабъ-офицеру, дабы никакого безпорядка тамъ произойдти не могло. А караулъ дому королевскому поставить прикажите—роту гранадеръ съ знаменемъ, и чести ему отдавать всѣ, слѣдующія государю; а другая рота гранадеръ съ пушками чтобы стояла въ караулѣ въ городѣ, для удержанія въ ономъ всякого порядка. Въ дорогѣ конвою его величества ѣхать слѣдующимъ образомъ: предъ самою его каретою—казаки, за самою же тою—эскадронъ драгунъ, а штабъ-офицеръ, онымъ командующій, и другой еще одинъ оберъ-офицеръ чтобы ѣхали по обѣимъ сторонамъ кареты, отдавая ему всю надлежащую честь и имѣя къ нему все надлежащее уваженіе, сохраняя его отъ всякаго приключенія и, притомъ, готовыми чтобы были на всякое ему пособіе, надзирая наикрѣпчайше, чтобы его величество довезенъ былъ сохранно и предупреждая всемѣрно всякій случай, тому противный. Съ дороги прикажите, чтобы командиры конвойные, какъ скорѣе возможно, присылали сюда рапорты о пріѣздѣ и выѣздѣ его величества въ назначенныя имъ мѣста. При пріѣздѣ его величества сюда, должно выстрѣлить изъ парка сто одинъ выстрѣлъ холостыми зарядами, а войско, какъ гранадеры, такъ и драгуны, пѣшкомъ на проѣздѣ его, въ пристойныхъ мѣстахъ, чтобы были поставлены подъ ружьемъ, отдавая ему честь, какъ слѣдуетъ государю, съ барабаннымъ боемъ и уклоненіемъ знаменъ. На караулѣ у него здѣсь, во дворцѣ, должна быть рота съ бѣлымъ знаменемъ и 30-ть человѣкъ драгунъ съ литаврами, которые должны быть и конвойные, когда его величество выѣзжать

станетъ. Къ его особѣ приставленъ г. генералъ-маіоръ и кавалеръ графъ Безбородко, въ коего начальствѣ находиться должны какъ весь караулъ и конвой королевской, такъ и весь дворецъ. Ваше сіятельство, при пріѣздѣ короля, изволите его встрѣтить за мостомъ и, переправя черезъ рѣку сохранно, потомъ ѣхать къ войскамъ, для его пріѣзда въ строю находящимся, и оными командовать“.

Независимо отъ этихъ мѣръ, князь Репнинъ посылаетъ циркулярныя предписанія къ кн. Голицыну и генералу Кноррингу, въ Ковно и Вильну, чтобы они словесно, безъ огласки, объявили и крѣпко подтвердили, какъ въ этихъ, такъ и въ повѣтовыхъ городахъ, чтобы жители, кромѣ поставленной отъ русской императрицы власти, другой не признавали, и ни королевскихъ, ни иныхъ повелѣній, кромѣ исходящихъ отъ генералъ-губернатора и поставленныхъ надъ ними начальниковъ, не слушались. Поручивъ распоряженія и встрѣчу короля въ Гроднѣ генераламъ гр. Безбородку и кн. Цицiанову, Репнинъ поручаетъ распоряженія встрѣчею и проводами короля въ предѣлахъ своего управленія, отъ Бѣльска до Бѣлостока, генералъ-маіору Бенингсону. Этотъ генералъ долженъ былъ выставить по 80-ти лошадей, отъ своей команды и полевой артиллеріи, въ Бѣльскѣ, Воишкахъ и Бѣлостокѣ; тоже количество лошадей на станціи Кузницу, Соколку и Букштель посылалось изъ Гродны; отъ Варшавы до Бѣльска, на станціяхъ Венгровѣ и Брянскѣ, какъ сказано, всѣ распоряженія дѣлались отъ имени фельдмаршала Суворова. Маршрутъ этотъ — обычный путь, которымъ всегда ѣзжалъ въ Гродно послѣдній король польскій. На каждой изъ этихъ станцій должны были находиться: штабъ и оберъ-офицеръ, эскадронъ Изюмскаго легко-коннаго полка и 30 человѣкъ казаковъ, для конвоя и караула; казаки должны были ѣхать впереди королевской кареты, эскадронъ конницы—позади ея, а офицеры по обѣимъ сторонамъ, съ боковъ. Бенингсонъ долженъ былъ встрѣтить короля въ Воишкахъ и сопровождать его со всѣми почестями, кромѣ пушечной пальбы (отмѣненной потомъ), до Букштеля.

„Есть ли бы, пишетъ князь Репнинъ Бенингсону, паче всякаго чаянія, нашелся при его величествѣ какой либо караулъ или конвой собственныхъ его войскъ изъ гвардіи его, или изъ иныхъ какихъ польскихъ, — въ такомъ неожиданномъ случаѣ изволите тѣ войска остановить и не пропускать, а напротивъ, обезоруживъ совершенно, отпустить ихъ въ домы, донеся почтительно и учтиво его величеству, что вѣрность его и совершенная сохранность всего съ нимъ ѣдущаго будутъ всемѣрно наблюдаться нашими войсками,

которое (что) прикажите наикрѣпчайше, что въ мѣстахъ, занятыхъ войсками ея императорскаго величества, не могутъ уже другія войска вмѣстѣ съ ними быть. Однакожь, естьли бы случилось, что на экипажахъ королевскихъ, по разнымъ повозкамъ, сидѣли человѣкъ 10 или 20 съ ружьями, пистолетами или саблями; то ихъ не трогать, какъ не составляющихъ войска, и не безоруживать, а пропускать свободно, по уваженію и почтенію къ его величеству."

Предположеніе, что польскій король явится въ Россію хотя съ небольшимъ отрядомъ войска, Репнинъ основывалъ на простомъ слухѣ, что у Станислава-Августа есть небольшая гвардія, состоящая изъ 300 — 400 человѣкъ, пѣшихъ и конныхъ. Въ другомъ письмѣ къ Бенингсону, писанномъ черезъ 10 дней, князь Репнинъ говоритъ:

„Ежели бы, паче всякаго чаянія, дерзнули тѣ войска вамъ противиться, въ такомъ неожиданномъ случаѣ должно уже вамъ съ ними поступить военною рукою, какъ съ непріятелемъ; но сего я не ожидаю, и сколь возможно отъ того, до самой крайности, удерживаться должно."

Онъ, наконецъ, совѣтуетъ Бенингсону отправить курьера къ Тормасову, когда тотъ пріѣдетъ съ королемъ въ Бѣльскъ, съ извѣщеніемъ его о распоряженіи на счетъ польскихъ войскъ и о томъ, дабы этотъ генералъ предупредилъ Станислава-Августа заблаговременно, еще не вступая въ предѣлы литовскаго генералъ-губернаторства. Но опасенія Репнина шли уже черезчуръ далеко: роялистическія манифестаціи вовсе не были въ духѣ поляковъ, и послѣдній король всего менѣе могъ на это разсчитывать. Вообще пріемъ неожиданнаго гостя доставилъ князю Репнину множество хлопотъ. Онъ ни минуты не зналъ покоя, и надобно удивляться, когда этотъ человѣкъ находилъ время вести такую обширную и притомъ собственноручную переписку, какую велъ онъ въ послѣдній мѣсяцъ 1794 г., адресуя свои письма въ Петербургъ (къ императрицѣ и гр. Платону Зубову), въ Варшаву (къ Суворову, Ферзену и Тормасову) и въ Бѣлостокъ; во всѣхъ этихъ письмахъ рѣчь шла все о томъ же неожиданномъ гостѣ. Читатель, мало знакомый съ личностію кн. Репнина, съ его блестящими дипломатическими способностями, обнаруженными имъ въ бытность его нашимъ посломъ въ Варшавѣ (1764—1769), можетъ приписать его тревоги и опасенія просто трусости, а въ его подозрительности и во взглядѣ на бывшаго короля Польши—провидѣть русскаго Гудсона-Лоу. Ничего подобнаго не было: послѣдующіе факты прежде всего убѣдятъ читателя, что князю Репнину, образованнѣйшему человѣку своего времени, франмасону, были доступны самыя высокія душевныя движенія по отношенію къ тому же Станиславу Понятовскому, который, не будучи Наполеономъ, естественно возбуждаетъ въ каждомъ, коловратностію судьбы своей, чувство жалости; притомъ же не слѣдуетъ забывать, что въ то время, когда Репнину предстала возня съ бывшимъ польскимъ королемъ, на рукахъ у него была великая обуза—цѣлый вновь присоединенный польскій край, почти незнакомый съ гражданскимъ покоемъ.

Въ Варшавѣ, между тѣмъ, шли переговоры между королемъ и фельдмаршаломъ Суворовымъ (желавшимъ сбыть поскорѣе съ рукъ перваго) о времени выѣзда: одинъ желалъ оттянуть его, другой—ускорить; Суворовъ настаивалъ на 21-е, Понятовскій—на 26-е декабря, на которомъ, наконецъ, и остановились. „Его величество король польскій, писалъ фельдмаршалъ Репнину отъ 20-го декабря, по причинѣ, что экипажи не могутъ быть ближе готовы исправленіемъ, изволитъ предпринять путь свой въ Гродню 27-го сего мѣсяца". На другой день литовскій генералъ-губернаторъ получаетъ отъ генерала Тормасова слѣдующее, успокоившее его письмо:

„Сіятельнѣйшій князь, милостивый государь!

Имѣвъ препорученіе находиться при его величествѣ королѣ польскомъ, для почестей и препровожденія до Гродни, долгомъ себѣ поставлю донести вашему сіятельству, что его величество назначилъ выѣхать изъ варшавы 27 числа и первый ночлегъ имѣть будетъ въ Венгровѣ, второй — въ Бѣльскѣ, третій — въ Бѣломъ Стокѣ, а оттуда—въ Гроднѣ. Желаніе его величества было остановиться въ Бѣломъ Стокѣ двѣ недѣли, но на сіе отвѣтствовано было его сіятельствомъ графомъ А. В. Суворовымъ-Рымникскимъ, что сіе зависитъ отъ учрежденія (распоряженія) вашего сіятельства. Сегодня получилъ я извѣщеніе отъ г. генералъ-маіора барона Бенингсона, что ваше сіятельство предписать изволили—не впускать въ Литву никакихъ польскихъ войскъ; соотвѣтственно чему буду имѣть попеченіе, что бы при его величествѣ, кромѣ самаго малаго числа офицеровъ, никакихъ польскихъ войскъ не было. При семъ честь имѣю представить списокъ всѣмъ особамъ, королевскую свиту составляющимъ, изъ коихъ нѣкоторыя съ запасами вчерашняго числа отправлены, а другія завтра (22-го) отправляются.

Удостойте принять увѣреніе искреннѣйшаго высокопочитанія и безпредѣльной преданности, съ коими и проч.

Александръ Тормасовъ".

Остановиться королю на двѣ недѣли въ Бѣломъ Стокѣ князь Репнинъ не позволилъ.

И такъ Станиславъ-Августъ Понятовскій 27-го декабря (7-го января) 1794 года, [1]) въ четвергъ, въ 10 часовъ утра, покинулъ свою столицу, куда уже не суждено было ему возвратиться. Длинная цѣпь экипажей, составлявшихъ королевскій поѣздъ, медленно тянулась по дорогѣ въ Венгрово. Ее обогналъ молодой русскій офицеръ, спѣшившій въ это время изъ польской столицы къ своему отцу, въ Могилевскую губернію, и занесшій потомъ въ записки свои сіи знаменательныя строки: „Дорогою объѣхалъ я короля Станислава-Августа, котораго везли въ Гродно, гдѣ ожидалъ его князь Н. В. Репнинъ. Итакъ императрица возвела его на престолъ польскій, и она же лишила его короны!“ [2]). Думалъ ли въ эти минуты уѣзжавшій изъ Польши послѣдній ея король о безвозвратно-прошломъ, о московскомъ Кремлѣ и Жолкѣвскомъ, о Владиславѣ и Василіѣ Шуйскомъ,—осталось его тайной! Но минуты были великія, и слабѣйшій изъ государей, едва ли не слабѣйшій изъ людей, благодаря имъ, непремѣнно долженъ былъ возвыситься, просвѣтлѣть нравственно, уже по одному тому, что судьба его роковымъ образомъ соединилась съ судьбою его отечества.

Первый ночлегъ варшавскіе путники имѣли въ Венгровѣ; на другой день, въ 8 часовъ вечера, прибыли они въ мѣстечко Брянскъ; 29-го, въ 10 часовъ ночи, пріѣхали въ Бѣлостокъ, протащившись 8 миль 13 часовъ, по причинѣ большихъ снѣговъ. Здѣсь было думали поставить экипажи на полозья, но такъ какъ эта работа угрожала затянуть отъѣздъ на три дня, поэтому положено было раздѣлить поѣздъ на двѣ партіи и каждой ѣхать особо, но нѣсколько медленнѣе. Въ Бѣлостокѣ король отдыхалъ до 31-го числа. Въ этотъ день, въ 9 часовъ утра, онъ отправился въ Соколку, куда и прибылъ въ 6 часовъ вечера, располагая на другой день, въ самый Новый годъ по старому стилю, въ 7 часовъ утра отправиться въ Гродно.

---

[1]) День выѣзда изъ Варшавы (27 декабря 94 г. 7 января 95 г.) и пріѣзда въ Гродно (1-го—(12-го) января 1795 г.). Станислава-Августа разными историками показывается различно, но совершенно невѣрно. Соловьевъ и Костомаровъ относятъ выѣздъ къ 8-му января, Лелевель (Panowanie Stanisława-Augusta Poniatowskiego. W. 1831 r. p. 163)—къ 9-му. Въ польскомъ историческомъ сборникѣ (Pamiętniki z XVIII wieku, T. X. p. 88) пріѣздъ Станислава въ Гродно отмѣченъ 5-мъ января (вмѣсто 12-го).

[2]) Записки Л. Н. Энгельгардта, стр. 190.

Въ то время, какъ король польскій былъ уже въ пути, князь Репнинъ, въ ожиданіи его, далъ князю Циціанову еще слѣдующее, *секретное*, наставленіе:

„По случаю скораго прибытія его величества короля польскаго въ Гродню и его въ семъ мѣстѣ нѣкоторое время пребыванія, необходимо нужными почитаю имѣть слѣдующія осторожности: 1) чтобы его величество самъ и никто изъ окружающихъ его особъ не могъ имѣть съ иностранными которыми-либо дворами и ихъ министерствами переписки, чрезъ учрежденную здѣсь почту: то съ почты всѣ письма его и свиты его, не отправляя, а проходящія по почтѣ на имя его величества и свиты его не отдавая, представлять ко мнѣ, и крайне наблюдать, чтобы никто изъ здѣшнихъ, какого-бы званія не былъ, доставленія переписки чей-либо изъ придворныхъ ни тайно, ни явно принимать на себя не осмѣлился. А если, паче чаянія, откроется, что кто на таковой поступокъ дерзнетъ, таковаго, взявъ подъ стражу, представлять ко мнѣ; 2) для лучшаго успѣха въ открытіи приверженныхъ королю самому, или свитѣ его, особъ, здѣшняго мѣста жителей, надлежитъ прилежное смотрѣніе, наблюденіе и примѣчаніе имѣть за тѣми всякаго званія людьми, кои необыкновенно часто во дворецъ въѣзжать и входить будутъ, надзирая—къ кому въ покои кто ходитъ и подъ какимъ предлогомъ, а особливо, чтобъ изъ торгующихъ здѣсь ни съ какими товарами, какъ во дворецъ, такъ и изъ онаго, безъ строгаго примѣчанія впускаемы и безъ возможнаго обозрѣнія выпускаемы не были. Для присмотру же за всѣмъ вышесказаннымъ, который долженъ быть непримѣтенъ, имѣть, сверхъ караульныхъ, двухъ расторопныхъ дежурныхъ и надежныхъ офицеровъ, которые бы, ведя дневную записку всѣмъ во дворецъ пріѣзжающимъ и изъ дворца выѣзжающимъ и выходящимъ, при вечернемъ бы рапортѣ вашему сіятельству представляли бы, а вы изволите, для свѣдѣнія моего, оныя представлять ко мнѣ; 3) изъ принадлежащихъ къ свитѣ королевской особъ многія по свойству или по старой связи, съ здѣшними, конечно, будутъ имѣть сообщеніе, — чего для нужно примѣчать: кто у кого примѣтнымъ образомъ часто будетъ въ домѣ, и не будетъ ли, въ одно время съ таковыми, въ томъ домѣ съѣзжаться еще кто-либо изъ здѣшнихъ сомнительныхъ, а особливо изъ духовныхъ чиновъ? Сіе замѣчаніе для того наиболѣе имѣть нужно и должно, чтобы, подъ видомъ обычайныхъ посѣщеній, не составились совѣтованія, до чего они (поляки) падки, а оттого не послѣдовала бы начальству излишняя забота; 4) изъ мелкихъ чиновъ, какъ-то: офицеровъ, офиціантовъ и ливрейныхъ, по свойственной имъ праздности, думаю, часто посѣщать будутъ трактиры и корчмы; то также наблюдать строго того, чтобы кто-либо изъ свиты королевской не вздумалъ, по врожденной польской націи необдуманной дерзости и запальчивости, особливо въ пьяномъ образѣ, произвести въ черни, въ сего рода мѣста стекающейся, какого-либо колебанія, или внушенія,

пустыми разговорами,—и для того всѣмъ хозяевамъ трактировъ и корчмъ строго приказать и подтвердить, чтобы въ 10 часовъ вечера никто въ оныхъ, ни подъ какимъ видомъ, пьяный ночью не оставался, и давали бы они о таковыхъ знать къ ближнимъ къ нимъ расположеннымъ командамъ, коимъ подтвердите: всѣхъ таковыхъ пьяныхъ, коль скоро имъ сказаны будутъ, взявъ подъ караулъ, препровождать назавтра рано въ ихъ квартиры пристойнымъ образомъ; 5) карауламъ во всѣхъ мѣстахъ въ Гроднѣ приказать, чтобы ружей у сошекъ ночью не оставляли, а вносили бы ихъ всегда съ собою въ караульныя казармы; часовые же, на часахъ стоящіе, имѣли бы ружья заряженныя, дабы въ случаѣ,—чего я хотя не уповаю, но если, паче чаянія, нужно будетъ,—выстрѣлъ ихъ сигналомъ для всѣхъ служить могъ. Часовыхъ ночью, какъ у фронта, такъ и въ казармахъ, имѣть двоихъ, а треть людей, сверхъ караула, изъ числа въ казармахъ остающихся, должна быть всегда во всякой военной осторожности и готовности, на всякій могущій быть случай; 6) наконецъ, сверхъ всѣхъ вышесказанныхъ осторожностей, для сохраненія въ городѣ совершенной тишины, спокойствія и безпечности, изволите ваше сіятельство учредить ежедневно патрули и конные разъѣзды по всѣмъ улицамъ, кои начинать съ сумерекъ до разсвѣта. По поводу патрулей и разъѣздовъ, должно вамъ примѣтить, что оные, по испытаніи въ службѣ нашей, дѣлаются махинально, и когда повелѣно будетъ ихъ дѣлать, продолжаются все послѣдующее время, въ тѣ самые часы, въ которые въ первый день то учинится; а отсего и пользы настоящей быть не можетъ, понеже всякій неблагонамѣренный, желая воспользоваться удобнымъ временемъ, узнавъ однажды часы, въ которые патрули и разъѣзды дѣлаются, возметъ по тому свои мѣры и осторожности и намѣреніе свое удобно выполнить можетъ. А посему, дабы желаемую отъ сего имѣть пользу, надлежитъ учредить патрули и разъѣзды такъ, чтобы они дѣлались не въ одно время, а напротивъ слѣдующимъ образомъ: напримѣръ, сегодня пополудни въ 6, 8, 10, 12 и 2, 4, 6 часовъ пополуночи; завтра въ 5, 7, 9, 11 и 1, 3, 5; послѣзавтра въ $5^1/_2$, $7^1/_2$, $9^1/_2$, $11^1/_2$ и $1^1/_2$, $3^1/_2$, $5^1/_2$ часовъ; и ежедневно бы сіе перемѣняемо было, и чтобы никто не зналъ, въ которые часы патрули и разъѣзды дѣлаться будутъ. Приказывать же о томъ въ тотъ самый день, передъ вечернею зарею, дежурному штабъ-офицеру, который посуточно наряжаемъ быть долженъ отъ расположенныхъ въ Гроднѣ полковъ и котораго должность быть должна — надзирать, чтобы наряженные патрули и разъѣзды дѣлать офицеры повелѣнное имъ урочное время, или какъ отъ него имъ приказано будетъ, исполняли и его о всемъ рапортовали, а онъ относиться имѣетъ, если бы что важное случилось, къ вамъ и моему дежурному, ни мало немедля. Патрули и разъѣзды начинать всякій день съ разныхъ пунктовъ; и проходя всѣ улицы, если бы гдѣ услышали крикъ, шумъ или какую-либо неблагопристойность, должны все таковое, остановясь, унять, развести и виновныхъ, естли быть

случатся изъ ливрейныхъ его величества, препроводить тотчасъ къ дежурному его сіятельства, генералъ-маіора Безбородка, а прочихъ, естли изъ военныхъ, то въ дежурство вашего сіятельства, а естли изъ здѣшнихъ обывателей, то, взявъ подъ караулъ, отсылать къ дежурному штабъ-офицеру, или правящему должность плацъ-маіора, или же куда отъ васъ приказано будетъ."

Читая это наставленіе, сообщенное въ копіи и приставу, графу Безбородку, можно подумать, что король Станиславъ-Августъ съ своею свитою въѣзжалъ въ обширный и многолюдный городъ, въ тѣсныхъ улицахъ котораго, среди враждебно-настроеннаго и многочисленнаго населенія, со стороны русскихъ властей требовалось, какъ говорили тогда, чуткое, недреманное око; вспомнивъ значеніе Гродна въ исторіи Польской республики, какъ мѣста, гдѣ не разъ собпрались генеральные сеймы, гдѣ по-долгу жилъ и умеръ Стефанъ Баторій, ея близость къ Варшавѣ, Вильнѣ, можно, дѣйствительно, представлять себѣ этотъ городъ, по меньшей мѣрѣ, чѣмъ-то среднимъ между столицами Литвы и Польши. Въ ту эпоху, о которой идетъ рѣчь, гродненское общество, если не населеніе, должно было удвоиться отъ пребыванія въ городѣ начальника края съ его штабомъ, отъ водворенія въ немъ варшавскаго двора, отъ пріѣзда множества лицъ, которыхъ привлекало и то, и другое, и при томъ съ разныхъ мѣстъ, — изъ Варшавы, Вильны, Риги и Петербурга. Словомъ, городъ Гродно, или, какъ называли его тогда русскіе, Гродня, былъ дѣйствительно (и еще болѣе казался) шуменъ и многолюденъ; но ничего похожаго на Варшаву и Вильну онъ не имѣлъ: это доказываетъ теперешнее его состояніе, отсутствіе въ немъ памятниковъ давней старины, за исключеніемъ развалинъ Коложенской православной церкви (не говоримъ о немногихъ незначительныхъ постройкахъ, принадлежавшихъ къ прошлому вѣку).

По разсказамъ одного остзейца [1]), посѣтившаго Гродно въ 1793 г., городъ этотъ нѣсколько напоминалъ нашу Москву, по странной смѣси роскоши и нищеты, дворцовъ и лачугъ. Лучшая пора для Гродна относится къ 1775—1785 г., когда Антоній Тызенгаузъ, надворный подскарбій литовскій, выбралъ этотъ городъ главнымъ мѣстомъ своей плодотворной дѣятельности [2]). До него,

[1]) См. Voyage en Pologne et en Alemagne, fait en 1793, par un Livonien. Brux. 1807 г.

[2]) Лелевель, стр. 69 — 72, Obraz Litwy Ярошевича, «Гродненская губ.» Бобровскаго (Матер. дл. Геогр. и Стат. Рос.), Т. I., стр. 99, 408. Т. II, стр. 772—773.

несмотря на свое историческое значеніе, Гродно пребывало въ ничтожествѣ, подобно множеству польскихъ городовъ; изъ такого состоянія извлекъ ее литовскій подскарбій, съумѣвшій возбудить производительныя силы цѣлаго края. Въ самомъ городѣ, именно на предмѣстіи Городницѣ, и въ ближайшихъ его окрестностяхъ (какъ, напр., въ Лососнѣ) Тызенгаузъ завелъ разныя фабрики (суконныя, полотняныя, кисей, шелковыхъ матерій, шляпъ, булавокъ, экипажей, писчей бумаги) и заводы (желѣзные, смоляные, дегтярные, поташные, лѣсопильныя мельницы). Множество иностранныхъ мастеровъ, изъ Германіи, Голландіи и Франціи, явились въ Гродно въ качествѣ учителей; но рабочими, учениками было мѣстное крестьянское населеніе, къ которому Тызенгаузъ относился самымъ гуманнымъ и просвѣщеннымъ образомъ. Будучи главнымъ правителемъ королевскихъ имѣній въ Литвѣ, онъ сочувствовалъ освобожденію крестьянъ, улучшилъ положеніе крестьянъ экономическихъ, привелъ въ извѣстность казенные лѣса, водворилъ порядокъ въ лѣсномъ хозяйствѣ, провелъ каналы, очистилъ рѣки [1]). Вызванные имъ колонисты изъ Пруссіи, какъ и вообще иностранцы, не были бременемъ для мѣстнаго населенія, возбужденнаго къ самой живой дѣятельности. Для рабочаго люда Тызенгаузъ завелъ въ Гроднѣ: госпиталь, воспитательный домъ, реальныя школы (бухгалтерская, межевщиковъ, повивальная, сельской архитектуры); эти заведенія были открыты и для всѣхъ желающихъ. Не довольствуясь этимъ, Тызенгаузъ устроилъ въ Гроднѣ: купеческую контору, постоянный театръ, оркестръ, театральное училище, кадетскій корпусъ, медицинскій факультетъ; при этомъ послѣднемъ былъ разведенъ ботаническій садъ и находились библіотека и кабинетъ естественной исторіи. Но происки іезуитовъ и потомъ зависть и интриги магнатовъ парализировали дѣятельность Тызенгауза; фабрики его закрылись, ремесла почти всѣ

[1]) По свидѣтельству г. Бобровскаго, имя Тызенгауза до сихъ поръ сохраняется въ народной памяти, какъ, напр., между крестьянами, живущими въ Бѣловѣжской пущѣ. Краткая характеристика литовскаго подскарбія, приводимая г. Костомаровымъ (стр. 182), противорѣчитъ всему, что писалось другими объ этомъ лицѣ. Въ то время, какъ польскіе писатели, а за ними и г. Бобровскій, называютъ Тызенгауза человѣкомъ геніальнымъ, благодѣтелемъ края, по словамъ нашего историка, онъ былъ человѣкъ пьяный, буйный и своевольный и, кромѣ затѣй, почти ничего не сдѣлалъ. Подобными крайностями, происшедшими отъ излишне-обличительнаго направленія, къ сожалѣнію, во многихъ мѣстахъ страдаетъ классическій трудъ г. Костомарова.

уничтожились. Онъ умеръ въ 85-мъ году, но и черезъ десять лѣтъ послѣ его смерти, т. е. въ эпоху, о которой идетъ рѣчь, слѣды его дѣятельности оставались замѣтными, — во множествѣ капитальныхъ сооруженій, отъ которыхъ теперь не осталось почти и слѣда.

Исторія городовъ, находившихся въ предѣлахъ бывшей Рѣчи Посполитой, даже ихъ теперешній, внѣшній, такъ сказать, архитектурный видъ наводитъ на мысли, далеко неблагопріятныя для польской цивилизаціи. Въ сѣверо-западномъ, напримѣръ, краѣ, гдѣ такъ усиленно пропагандировалась эта цивилизація и гдѣ она, дѣйствительно, сдѣлала большія завоеванія, за исключеніемъ Вильны и Ковна, собственно не было города, даже въ русскомъ, необширномъ, какъ извѣстно, значеніи этого слова. Правда, Вильна была и есть городъ по преимуществу: ея узкія, кривыя улицы, громадные каменные дома, тяжелой, наводящей тоску архитектуры, словомъ, вся она въ цѣломъ представляетъ такое монументальное явленіе старины, какого не представляетъ даже Москва; но, увы! старина эта мало польская, не смотря на множество вѣковыхъ костеловъ, все того же наводящаго тоску архитектурнаго стиля; старина эта тѣмъ болѣе не литовско-русская и уже никакъ не русская, не смотря на существовавшія прежде и недавно возобновленныя православныя церкви, почти такого же стиля. Въ Екатерининское время очень хорошо понималось историческое, воспитывающее значеніе этой монументальной старины, все же созданной подъ условіями польской гражданственности, — и, конечно, по этой причинѣ, при назначеніи главнаго административнаго центра для Литвы, Вильна была обойдена. Есть въ Варшавѣ часть города, очень напоминающая Вильну и, повидимому, представляющая образчикъ польской старины: это—*Старое Мѣсто* (Stare Miasto); еще больше, говорятъ, такой старины въ Краковѣ. Но дѣло въ томъ, что эта старина не столько польскаго, сколько нѣмецко-еврейскаго происхожденія, а архитектурные памятники ея принадлежатъ къ эпохѣ упадка средневѣковаго искусства. Дивиться, впрочемъ, здѣсь не чему, такъ какъ города, находившіеся въ предѣлахъ бывшей Польши, обязаны своимъ существованіемъ нѣмецко-еврейскому элементу, а городская жизнь слагалась въ нихъ подъ вліяніемъ Магдебургскаго права. Соціальный строй Польской республики парализировалъ образованіе крѣпкаго торговаго и промышленнаго сословія изъ національныхъ элементовъ; еврейство, вошедшее въ польскій организмъ громадною, нерасплавившеюся

массой, дѣлало его, по крайней мѣрѣ такъ казалось, не нужнымъ; по этой причинѣ польская національность обнаружила гораздо меньшую способность къ созданію города, чѣмъ русская, или точнѣе, великорусская. Еще лучше было дѣло въ Коронѣ, т. е. областяхъ чисто-польскихъ, гдѣ менѣе были истощены, всякаго рода эксплуатаціей, живыя производительныя силы народа. Въ бывшемъ великомъ княжествѣ Литовскомъ, классической странѣ еврейскаго и владѣльческаго преобладанія, города находились въ самомъ незавидномъ положеніи. Путешествующій остзеецъ, о которомъ выше упомянуто, хотя называетъ Ковно хорошимъ городомъ, но полагаетъ въ немъ только 400 домовъ и 4,500 жителей [1]), между тѣмъ, какъ при Сигизмундахъ этотъ городъ носилъ европейскую физіономію и имѣлъ четыре торговыхъ факторіи, — голландскую, англійскую, прусскую и шведскую. Магдебургское право, введенное въ Польшѣ еще въ половинѣ XV вѣка, не могло, по силѣ и духу польскихъ учрежденій, дать тѣхъ результатовъ, какіе оно давало вездѣ, — корпоративнаго духа и крѣпкой замкнутости, во всякомъ случаѣ способной къ борьбѣ; притомъ же далеко не всѣ города пользовались этимъ правомъ. За исключеніемъ Вильны и Ковна и частію Бреста и Гродна, остальные литовскіе города были почти сплошь помѣщичьи, тѣ же почти мѣстечки, съ помѣщичьей юрисдикціей и всякаго рода вліяніемъ, съ неизбѣжными евреями, безъ которыхъ не мыслимо понятіе о польскомъ панствѣ. Лучше было положеніе городовъ королевскихъ: въ нихъ было больше иностранцевъ, больше торговцевъ и ремесленниковъ изъ поляковъ, больше свободы и благосостоянія и меньше дѣтей Израиля, — хотя и относительно. И теперь литовскіе города поражаютъ своею ничтожностію: древностей въ нихъ, памятниковъ лучшей старины, нѣтъ никакихъ, за исключеніемъ иногда одного или двухъ костеловъ; все, что замѣчается лучшаго, растущаго и богатѣющаго, принадлежитъ новому времени и уже носитъ русскій характеръ, типъ русско-европейскаго города. Таковъ, напримѣръ, Ковно, растущій и богатѣющій и мало чѣмъ отличающійся отъ хорошаго губернскаго города средней и южной полосъ Россіи; да такова и самая Варшава, предметъ гордости и тщеславія поляковъ; ея архитектурныя красоты, дѣйствительно нося европейскій (а не нѣмецко-еврейскій, или польско-еврейскій, какъ въ Вильнѣ) характеръ, въ тоже самое время, и на столько же, если не болѣе,

[1]) Voyage en Pologne, стр. 15.

носятъ, увы! и типъ русскій, петербургскій, съ тою, впрочемъ, разницею, что колоссальные размѣры Сѣверной Пальмиры на берегахъ Вислы значительно съуживаются, вездѣ и во всемъ, — отъ Краковскаго предмѣстія, напоминающаго Невскій проспектъ, до варшавскихъ дворцовъ и палатъ. Городъ Гродно ничего виленскаго и ковенскаго въ себѣ не имѣетъ; въ настоящее время онъ принадлежитъ къ числу лишь посредственныхъ русскихъ городовъ, — въ родѣ порядочнаго уѣзднаго, но не первой руки, каковы Серпуховъ, Коломна, Елецъ, Козловъ и т. п. Въ немъ всего одна порядочная улица да площадь, съ неизбѣжнымъ *тѣлятникомъ* (т. е. бульваромъ), фарой (рим.-катол. соборъ), присутственными мѣстами и т. п.; остальныя улицы состоятъ почти сплошь изъ деревянныхъ крытыхъ гонтомъ или черепицею домиковъ, самой незатѣйливой архитектуры. Время истребило въ Гроднѣ почти всѣ памятники прошлаго вѣка; на мѣстахъ вымершей польской жизни привольно раскинулось еврейство. Палаццы Огинскихъ, Сангушки и Юндзила или точнѣе — мѣста, на которыхъ они находились, нынѣ принадлежатъ евреямъ; въ домѣ Сапѣги, принадлежащемъ князю Любецкому, нынѣ помѣщается такъ называемое „благородное“ собраніе. Но вообще въ Гроднѣ нѣтъ ни одного, хотя бы въ развалинахъ, панскаго дворца, или палаццо, въ настоящемъ смыслѣ этого слова, хотя бѣдное и некрасивое Гродно считаетъ у себя не одинъ, а чуть ли не три дворца. Первый гродненскій дворецъ стоитъ на площади, тотчасъ же при въѣздѣ въ городъ изъ Вильны по желѣзной дорогѣ, въ части города, называемой *Городницею;* онъ представляетъ довольно большое, покоеобразное, одноэтажное и очень низкое зданіе, окруженное большимъ садомъ; въ немъ теперь живетъ гродненскій губернаторъ, въ немъ же жилъ въ описываемую нами пору кн. Н. В. Репнинъ [1]); домъ этотъ построенъ литовскимъ подскарбіемъ Тызенгаузомъ. Другой дворецъ, двухъэтажный, меньшихъ размѣровъ, стоитъ на противоположномъ концѣ города, на самомъ берегу р. Нѣмана, на горной, почти утесистой его сторонѣ, съ которой онъ, если смотрѣть на него съ луговой, кажется готовъ сползти. Видъ изъ этого дворца, занятаго теперь военнымъ госпиталемъ и называемаго *Новымъ замкомъ*, на луговую сторону Нѣмана, на широко раскинувшійся горизонтъ, —

[1]) Домъ, занимаемый Репнинымъ, принадлежалъ тогда Станиславу Понятовскому, вѣроятно, королевскому племяннику, которымъ могъ быть пріобрѣтенъ отъ Тызенгауза.

очарователенъ. Этотъ домъ былъ построенъ Сигизмундомъ-Августомъ II собственно для сеймовъ, и въ немъ-то жилъ Станиславъ-Августъ Понятовскій; въ немъ было три большихъ зала и капелла. На углу, образуемомъ впаденіемъ рѣчки Городничанки въ Нѣманъ, тотчасъ же подлѣ *Новаго*, находится *Старый замокъ*, отдѣляющійся отъ него однимъ рвомъ. До Стефана Баторія замокъ этотъ былъ деревянный; на мѣстѣ деревяннаго этотъ король выстроилъ каменный, нынѣ тоже не существующій. Теперешній *Новый замокъ*—позднѣйшей, неуклюжей архитектуры; въ немъ теперь также помѣщаются войска. Ближайшія окрестности Гродна, за исключеніемъ прибрежныхъ по-нѣманскихъ мѣстъ, довольно печальны и однообразны; ихъ и сравнивать невозможно съ прелестными окрестностями Вильны и съ живописными ландшафтами, которые сопровождаютъ р. Вилію по всему ея теченію. Посѣтивъ Гродно въ началѣ 1868 года, мы недоумѣвали: гдѣ и какъ могли размѣститься въ этомъ маленькомъ городкѣ толпы знатныхъ переселенцевъ изъ Варшавы, Риги и Петербурга и прожить здѣсь болѣе двухъ лѣтъ? Эти два многознаменательные въ исторіи Гродна года пролетѣли надъ нею, не оставивъ ни малѣйшихъ слѣдовъ, никакихъ почти воспоминаній. Впрочемъ, спѣшимъ прибавить, что по *исключительнымъ* причинамъ, къ несчастію и теперь еще имѣющимъ мѣсто въ нашемъ западномъ краѣ, мы не могли обратиться за справками къ мѣстнымъ уроженцамъ польскаго происхожденія (нельзя не отдать имъ чести), ревниво относящимся къ своей старинѣ.

Въ первый день новаго 1795-го года, въ понедѣльникъ, въ исходѣ 12-го часа утромъ, пріѣхалъ король Станиславъ-Августъ въ Гродно и расположился въ приготовленномъ для него дворцѣ. Вотъ современное описаніе этого пріѣзда, имѣющее, впрочемъ, офиціальное происхожденіе: имъ начинается первая страница поденныхъ записокъ, которыя вести, конечно, приказывалъ кн. Репнинъ, кромѣ тѣхъ ежедневныхъ записокъ о посѣтителяхъ, составленіе которыхъ, какъ мы видѣли, поручалось Циціанову; онѣ велись гр. И. А. Безбородкомъ, по крайней мѣрѣ, подъ его непосредственной редакціей, имъ подписывались и ежемѣсячно представлялись генералъ-губернатору.

„Въ ожиданіи въ тотъ день (1-го января) прибытія его величества, по полученному извѣстію отъ препровождавшаго до Гродно генералъ-маіора Тормасова, что его величество имѣлъ ночлегъ въ мѣстечкѣ Соколкахъ, за 6 миль отъ Гродно, а выѣхалъ января 1-го, въ 7 часовъ по полуночи, — въ тотъ же день во дворцѣ гродненскомъ поставленъ караулъ, состоящій въ ротѣ съ бѣлымъ

знаменемъ, музыкою и 24-хъ человѣкахъ драгунъ съ литаврами. Въ 11 часовъ его сіятельство главнокомандующій, кн. Николай Васильевичъ Репнинъ, прибылъ во дворецъ и ожидалъ прибытія его величества. Получа жъ извѣстіе, что король за нѣсколько только верстъ отъ Гродно, послалъ генералъ-маіора кн. Циціанова, который, при сближеніи его величества въ двухъ верстахъ отъ Гродно, встрѣтилъ его и препровождалъ верхомъ до дворца; эскадронъ же драгунъ, при штабъ-офицерѣ, встрѣтивъ за двѣ версты, препровождалъ до города и дворца. Въ исходѣ 12 часовъ прибылъ его величество во дворецъ, стоящій тамъ караулъ отдалъ честь съ музыкою, барабаннымъ боемъ и уклоненіемъ знамя. Главнокомандующій съ генералитетомъ и штабъ-офицерами встрѣтилъ его на крыльцѣ и препроводилъ въ парадные покои. Съ его величествомъ сидѣли въ каретѣ: польскій генералъ Горжинскій, камергеръ его Дюгамель и докторъ Беклеръ. Его величество и главнокомандующій, оставя всѣхъ въ аудіенцъ-залѣ, пошли во внутренніе королевскіе покои, откуда черезъ часъ главнокомандующій возвратился въ свою квартиру и къ обѣденному столу къ королю въ два часа паки пріѣхалъ. Въ сей день былъ у его величества подскарбій и кавалеръ Дзяконскій и черезъ часъ уѣхалъ. Того же дня ввечеру пріѣзжалъ отъ главнокомандующаго генералъ-маіоръ Тормасовъ—спросить его величество о назначеніи времени, когда представить ему находящійся здѣсь нашъ генералитетъ и штабъ-офицеровъ и, получа отъ его величества отвѣтъ о назначеніи на то завтрешняго дни по утру въ 12 часовъ, возвратился къ главнокомандующему. Въ 9 часовъ того же вечера посланъ былъ отъ короля съ письмами къ главнокомандующему польскій маіоръ Понятовскій [1].“

До 14-го числа король никуда не выѣзжалъ изъ дворца; первый выѣздъ его былъ къ обѣднѣ въ бывшій іезуитскій монастырь; 21-го января онъ былъ съ визитомъ у главнокомандующаго.

Вотъ при какой обстановкѣ встрѣтились старые знакомые, князь Репнинъ и бывшій графъ Понятовскій! При этой первой встрѣчѣ бесѣда ихъ шла несомнѣнно о путешествіи и касалась лицъ, составлявшихъ королевскую свиту. „При первомъ свиданіи, я ни объ чемъ съ нимъ не говорилъ,“ писалъ кн. Репнинъ императрицѣ; но на королевскую свиту онъ посмотрѣлъ не благосклонно: „она, кажется, говорится въ томъ же письмѣ, составлена изъ людей не лучшаго выбора, каковые, къ несчастію, всегда его величество окружали“ [2]). При полномъ уваженіи, подобающемъ коро-

---

[1]) См. *Журналъ Пребыв. въ Гроднѣ Ст. Понятовскаго*, изд. М. О. Ист., стр. 1.

[2]) Это мнѣніе князя Репнина вполнѣ подтверждается Китовичемъ въ его Pamiętniki do panowania Augusta III i Stanisława-Augusta (см. стр. 245—250),—

левскому сану, Репнинъ привыкъ относиться къ польскому королю съ нѣкоторымъ педагогическимъ снисхожденіемъ. Свита королевская должна была состоять изъ слѣдующихъ лицъ:

1) Принцъ Іосифъ Понятовскій, королевскій племянникъ, которому впрочемъ, какъ увидимъ, не дозволено было пріѣхать. 2) Оберъ-шталмейстеръ Кицкій. 3) Генералъ Горжинскій. 4) Графъ Трембицкій. Камергеры: 5) Стржембашъ (Strzembasz); 6) Дюгамель. Адъютанты: 7) Киркоръ; 8) Гордонъ; 9) Бишевскій; 10) Грабовскій, прибывшіе послѣ. Секретари: 11) Пузына; 12) Баччіарелли, по дипломатической части. 13) Устрицкій, по финансовой; 14) Саготинскій; 15) аббатъ Любанскій, милостыneраздаватель, l'aumonier; 16) аббатъ Воловичъ, докладчикъ (réferendaire). 17) Фризъ (Friese); 18) Швендровичъ; 19) Карась; 20) Антонъ Понятовскій. Пажи: 21) Яблоновскій; 22) Дубецкій; 23) Скорульскій; 24) Буховецкій. Каммердинеры: 25) Брунетъ; 26) Руссо. 27) Шталмейстеръ, полковникъ Политаньскій. 28) Квартирмейстеръ, Ромуальдъ Понятовскій. 29) Смотритель королевскаго дворца Янъ Маковскій. 30) Главный докторъ Беклеръ. 31) Главный кухмистеръ Трель. 32) Главный буфетчикъ Шульцъ. 33) Парикмахеръ Прдушевичъ. Кондиторы: 34) Рихтеръ; 35) Людвигъ; 36) Мундшенкъ Антонъ Луцинскій. 35) Главная прачка Петерсонова; 4-е камеръ-лакея; 1 фурьеръ; 1 скороходъ; 1 егерь; 6 лакеевъ; 6 гайдуковъ; 6 полотеровъ; 13 конюховъ; 6 кучеровъ; 22 погонщика (вѣроятно, чернорабочіе); 1 кузнецъ; 1 сѣдельщикъ; 10 человѣкъ обоего пола чернорабочихъ при кухнѣ; 5—при буфетѣ, 7—при прачешной (къ нимъ потомъ прибавлено 11 человѣкъ), 5—при кондитерской (потомъ прибавили 4-хъ), 5—при мундшенкѣ; 8 сторожей.

Сверхъ того при королевскомъ дворѣ находились:

a) Главный экономъ староста Рыксъ, b) 1 маіоръ, c) 1 капитанъ, d) 7 писарей. Всего съ королемъ прибыло изъ Варшавы болѣе [1]) 153 человѣкъ; въ послѣдствіи число это увеличилось. При королѣ и его свитѣ находились 184 лошади. Въ ожиданіи Станислава-Августа, Репнинъ выдалъ Безбородку три тысячи червонныхъ на столъ и другія необходимыя издержки, приказавъ ему тотчасъ же составить ежемѣсячную смѣту расходовъ, съ обозначеніемъ прежней ассигновки на жалованье служащимъ лицамъ и на другія статьи. Все королевское хозяйство (а по немъ и статьи

характеристиками Рыкса, Баччіарели, Комаржевскаго, Бишевскаго и Кортицелли.

[1]) Говоримъ *болѣе* потому, что, при счетѣ ихъ и указаніи по двумъ спискамъ, нѣсколько разнаго времени, неизбѣжно должны были вкрасться нѣкоторые пропуски и неточности.

бюджета) раздѣлялись на 12 частей, или *департаментовъ*, по выраженію Безбородка. По каждой статьѣ расходовъ этому послѣднему подавались частныя смѣты, составляемыя лицами, которыя ими завѣдывали; такимъ образомъ предполагалось:

a) На столъ	2,000	червонцевъ	(злоты отбрасываются).
b) На жалованье служащимъ	1,364	—	
c) На освѣщеніе	150	—	[1])
d) На погребъ	619	—	[2])
e) На кондитерскую и кофешенкерскую	450	—	[2])
f) На конюшню	200	—	[3])
g) На королевскій кабинетъ .	100	—	
h) На отопленіе	1,000	—	[4])
i) На уголья	32	—	
j) На мелочные расходы . .	288	—	

Всего съ прежними 6,204 червонца.

Утвердивъ эту смѣту 13-го января, князь Репнинъ прибавилъ еще двѣ слѣдующія статьи:

k) На ремонтъ ливреи	750	червонцевъ.
l) На фуражъ	751	—

Всего, съ прежними 7,705 червонцевъ.

Но вниманіе Репнина къ королю не ограничилось одною этою прибавкою: представляя эту смѣту на высочайшее утвержденіе, онъ просилъ императрицу увеличить ее до 11-ти тысячь червонцевъ, назначая лишніе 3,295 червонцевъ ежемѣсячно на „карманные расходы“ для короля. Екатерина согласилась съ мнѣніемъ генералъ-губернатора. Такимъ образомъ, Русскому правительству со-

---

[1]) По этой статьѣ таже сумма была назначена королю на послѣднемъ сеймѣ; но по статьямъ *d* и *e* потребовали прибавки.

[2]) Безбородко полагалъ достаточнымъ на обѣ статьи *450* червонцевъ, но Репнинъ оставилъ просимую сумму.

[3]) По назначенію графа Безбородка; на Гродненскомъ сеймѣ было назначено болѣе. На 184 лошади потребовано въ мѣсяцъ: сѣна—1,744 пуда, овса — 618 гарнцевъ.

[4]) Т. е., въ сторонѣ и теперь еще лѣсистой, гдѣ дрова, сравнительно съ Москвою и Петербургомъ, ни по чемъ, на отопленіе, уже не говоримъ *одного небольшаго дворца*, а всѣхъ жилищъ 153 лицъ, потребовали почти столько же, сколько и на ихъ содержаніе пищу, одежду, обувь (1,364 червонца!)

держаніе бывшаго польскаго короля стоило ежемѣсячно 11-ть тысячь червонцевъ, или 33 тысячи руб. серебромъ, по тогдашней цѣнности золота; въ годъ, слѣд.,—396,000 руб. сер. По тогдашней цѣнности серебрянаго рубля, сравнительно съ теперешнимъ, это выйдетъ громадная сумма. Станиславъ Понятовскій могъ жить съ царскою пышностію: онъ получалъ гораздо болѣе, чѣмъ будучи *настоящимъ* королемъ. Правда, потомъ, какъ увидимъ, онъ постоянно канючитъ, выпрашиваетъ денегъ; но финансовое положеніе его было, дѣйствительно, очень не завидно: кругомъ въ долгахъ, почти нищимъ въѣхалъ въ Россію король Польскій!

Время, протекшее между 2-мъ раздѣломъ Польши (въ сентябрѣ 1793 года) и послѣднею, вспыхнувшею въ Варшавѣ революціею (6 апрѣля 1794) было слишкомъ коротко для установленія въ Литвѣ хоть какого-нибудь порядка, даже вступленія во владѣніе всѣми пунктами, которые достались Россіи. Изъ земель, доставшихся Россіи по второму раздѣлу, было предписано образовать тогда же три губерніи: Минскую, Изяславскую и Брацлавскую, управленіе коихъ ввѣрено было сначала генералу Кречетникову, а потомъ генералъ-поручику Тутолмину; но дѣйствительное образованіе ихъ совершалось весьма медленно и едва было окончено въ 1796-мъ году. Въ собственной Литвѣ, еще принадлежавшей Польшѣ, въ нѣкоторыхъ пунктахъ, какъ напримѣръ, въ Вильнѣ и Гроднѣ, оставались русскіе военные отряды, частію еще неуспѣвшіе выйдти, частію нарочно удерживаемые для возстановленія спокойствія въ странѣ, гдѣ не улеглись еще волненія, приведшія къ событіямъ 1793 г., частію и для безопасности нашей новой западной границы. Варшавская рѣзня 6-го апрѣля потребовала съ истощенной Литвы новыхъ жертвъ; поэтому самому и русское правительство должно было обратить на независимую еще отъ него часть Литвы особенное вниманіе. Это наблюденіе за Литвою, съ цѣлію обезпеченія нашихъ границъ отъ вторженія вооруженныхъ шаекъ и уничтоженія этихъ послѣднихъ на самомъ мѣстѣ ихъ возникновенія, императрица поручила Лифляндскому и Эстляндскому генералъ-губернатору, генералъ-аншефу князю Репнину въ тоже самое время, какъ верховное предводительство арміей, назначенной дѣйствовать противъ поляковъ, ввѣрено было фельдмаршалу графу Румянцеву-Задунайскому. Собственно въ Литвѣ, у Репнина, во время послѣдней польской войны, не случилось ничего важнаго. Довольно под-

робный и обстоятельный разсказъ о военныхъ дѣйствіяхъ этого времени въ Литвѣ находится въ любопытныхъ запискахъ Л. Н. Энгельгардта [1]). Мы нѣсколько останавливаемся на этомъ времени единственно для того, чтобы ознакомиться съ состояніемъ страны въ туже пору и съ личностію того, кто является однимъ изъ главныхъ лицъ нашего разсказа.

Князь Н. В. Репнинъ (1734—1801 гг.) принадлежитъ къ числу замѣчательнѣйшихъ людей екатерининскаго вѣка, о которомъ, впрочемъ, до послѣдняго времени было менѣе извѣстно, чѣмъ о людяхъ несравненно его низшихъ. Несмотря на древность происхожденія, на то, что дѣдъ его, кн. Аникита, былъ любимцемъ Петра Великаго и генералъ-фельдмаршаломъ, а отецъ, генералъ-фельдцейхместеръ (ум. 1748 г.), принадлежалъ къ числу образованнѣйшихъ людей своего времени; не смотря на военную славу, пріобрѣтенную имъ въ войнахъ съ Турціей, и блестящіе дипломатическія способности, обнаруженныя имъ въ Берлинѣ, Варшавѣ, Константинополѣ, Тешинѣ, — кн. Репнинъ не пользовался особеннымъ благоволеніемъ императрицы, впрочемъ, щедро его награждавшей; въ вѣкъ фаворитовъ, *случаевъ*, человѣкъ, достойный по правамъ рожденія и образованія играть одну изъ первыхъ ролей, естественно долженъ былъ стоять нѣсколько въ тѣни, — хотя это и былъ вѣкъ Екатерины. Причины неособеннаго расположенія императрицы къ князю Репнину, кажется, лежали въ основѣ его характера и въ складѣ его образованія. Твердый и рѣшительный тамъ, гдѣ облекался полномочіемъ, Репнинъ являлся другимъ человѣкомъ при дворѣ, въ Петербургѣ, въ сношеніяхъ съ людьми *случая* и *фавора*: такому сильному уму, каковъ былъ у Екатерины, не могла нравиться такая уклончивость, признакъ натуры слишкомъ мягкой. Князь Репнинъ въ совершенствѣ владѣлъ французскимъ, нѣмецкимъ и итальянскимъ языками; многократно и подолгу онъ бывалъ въ западной Европѣ, познакомился съ лучшимъ тамошнимъ обществомъ и въ тогдашнихъ блестящихъ салонахъ (какъ, напр., у госпожи Помпадуръ) пріобрѣлъ ту общительность и привѣтливость, коими онъ рѣзко отличался отъ своихъ русскихъ современниковъ. Не будучи человѣкомъ геніальнымъ, Репнинъ неоспоримо былъ замѣчательно — умнымъ и съ большими административными способностями; онъ принадлежалъ къ категоріи умовъ зиждущихъ, умно устроивающихъ (хотя не всегда по собственному почину), а не

---

[1]) См. стр. 159—178, а также у Костомарова, 744—751, 803-806.

разрушающихъ жизнь, не тѣхъ людей шумной, блестящей, хотя и внѣшней дѣятельности, имена которыхъ пользовались у насъ такою громкой извѣстностью. Онъ былъ человѣкомъ безустанного, неугомоннаго труда; читалъ онъ замѣчательно много, писалъ—и того больше: занимая постъ литовскаго генералъ-губернатора, онъ важнѣйшія бумаги писалъ собственноручно и почти ни одной не пропускалъ безъ своихъ поправокъ; онъ велъ обширную переписку съ разными лицами, и между прочимъ съ Фридрихомъ 11, и оставилъ цѣлую библіотеку (62 тома) записокъ, еще неизданныхъ [1],—лучшее свидѣтельство его дѣловитости и серьезности его образованія. Впрочемъ, о послѣднемъ говорить принадлежность его къ обществу нашихъ масоновъ, которые высоко его уважали, хотя отношеніе къ нимъ Репнина еще не опредѣлены съ достаточною полнотою; одинъ изъ нихъ, И. В. Лопухинъ, называетъ его въ своихъ запискахъ *великимъ мужемъ* и гордится его дружбой; Державинъ воспѣваетъ его добродѣтели, въ стихотвореніи *Памятникъ герою* [2]; желаніе дѣлать добро, кроткій, гуманный нравъ, составляли, по мнѣнію современниковъ Репнина, русскихъ и поляковъ, отличительныя его качества [3]. Остзейскій край и Польша были для всей фамиліи Репниныхъ, дѣда, отца и внука, своими, почти родными мѣстами. Дѣдъ Николая Васильевича, рижскій генералъ-губернаторъ, и отецъ похоронены въ Ригѣ; оба они вдоль и поперекъ прошли Польшу, въ которой, кажется, внукъ князя Аникиты Репнина явился на свѣтъ Божій. Екатерина вообще не жаловала масонскій мистицизмъ, тѣмъ болѣе не нравилась ей общественная дѣятельность нашихъ мартинистовъ, ускользавшая отъ правительственнаго контроля, и присущее имъ, до нѣкоторой степени, критическое отношеніе къ жизни, хотя, съ другой стороны, они были самыми строгими консерваторами. Такимъ былъ и кн. Н. В. Репнинъ. Политическій идеалъ его былъ—Россія, созданная Екатериной, но нравственно—просвѣтленная и болѣе благополучная. Подъ эту мѣрку онъ сталъ подгонять доставшійся его управленію край, но трезво и прямо смотря на жизнь, которую онъ долженъ былъ реформировать. Съ глубокою антипатіей относясь къ польскимъ государ-

---

[1]) Нынѣ принадлежатъ Историческому обществу въ Петербургѣ. Къ сожалѣнію, мы не могли не только пользоваться ими, но даже просмотрѣть ихъ.

[2]) Сочин. Державина, изд. Грота, т. 1, стр. 431.

[3]) Біографіи россійс. генералиссим. и генер.-фельдмаршаловъ, соч. Бантышъ-Каменскаго, ч. 2, стр. 204—234.

ственнымъ учрежденіямъ, кн. Репнинъ прямо и спокойно отнесся къ жизни, сложившейся подъ ихъ непосредственнымъ вліяніемъ,—безъ задней мысли и террора. Дѣятельность его, въ качествѣ литовскаго генералъ-губернатора, мы увидимъ; требовать отъ этой дѣятельности характера, возможнаго лишь въ настоящее время, упрекать Репнина, напр., въ крѣпостничествѣ, нельзя, не становясь въ романтическія отношенія къ событіямъ давно минувшаго времени [1]).

Хотя князь Репнинъ пріобрѣлъ во время войнъ съ Турками извѣстность не только боеваго генерала, но и отличнаго полководца, однако же достаточно одного бѣглаго взгляда на его дѣйствія въ Литвѣ, съ первыхъ чиселъ апрѣля 1794 г., чтобы убѣдиться въ недостаточности его полководческихъ способностей: медленнымъ и осторожнымъ онъ является вездѣ, на каждомъ шагу, и притомъ до крайности. Военныя его способности тѣмъ болѣе выступаютъ здѣсь въ невыгодномъ свѣтѣ, что онѣ сталкиваются одновременно и на той же мѣстности съ геніальностію Суворова, уничтожившаго быстро и смѣло польскую армію и взявшаго приступомъ Прагу,—подвиги, на которые и въ мысляхъ не рѣшился бы князь Репнинъ. Но въ репнинскомъ кунктаторствѣ ярко выступаетъ одна свѣтлая сторона; это—присущая ему организаторская способность, которая проглядываетъ въ самыхъ незначительныхъ его распоряженіяхъ. Сбереженіе людей, заботы объ ихъ продовольствіи, объ удовлетвореніи ихъ жалованьемъ, амуницiею и т. п. не даютъ ему ни минуты покоя: переписка его съ графомъ Н. И. Салтыковымъ, президентомъ военной коллегіи, доказываетъ это какъ нельзя лучше.

---

[1]) См. нашу статью „Крестьянское движеніе при импер. Павлѣ“, въ „Русск. Архивѣ“ 69 г., № 3-й, стр. 525—577. Не можетъ не замѣтить, что до извѣстной степени, страдаетъ и сочиненіе Н. И. Костомарова „Послѣдніе Годы Рѣчи-Посполитой“ рамантическими воззрѣніями: такими мы считаемъ слѣдующія фразы,—что Репнинъ „усвоивалъ польскіе взгляды на человѣческія отношенія“, что онъ „безъ сердечности относился къ православному народу“, что онъ былъ баринъ по своимъ понятіямъ и сочувствіямъ (стр. 91—92). Въ устахъ историка, говорящаго, что „русскіе бары, вмѣстѣ съ прадѣдовскими кафтанами и бородами, теряли и завѣтныя преданія своихъ предковъ“ (ibid), эти, какъ бы выхваченныя изъ полемическихъ газетъ фразы, кажутся намъ болѣе, чѣмъ странными. Дѣло въ томъ, что какъ ни почтенны завѣтныя преданія нашихъ предковъ, людей до петровскаго времени, но съ ихъ *исключительностію, нетерпимостію*, съ ихъ пріемами нельзя же было дѣйствовать въ концѣ XVIII вѣка въ такомъ щекотливомъ дѣлѣ, какъ русско-польскій вопросъ.

Впрочемъ, въ то время, когда Репнинъ получилъ команду надъ русскими войсками въ Литвѣ, о наступательныхъ дѣйствіяхъ нечего было и думать: всѣ наши войска въ этомъ княжествѣ состояли изъ двухъ небольшихъ отрядовъ — въ Вильнѣ подъ начальствомъ генералъ-маіора Арсеньева, и въ Гроднѣ подъ начальствомъ кн. Цицiанова; но всякое сообщеніе, какъ между ними, такъ и съ ними, было прервано; свѣжіе полки изъ Россіи только подходили; съ Тутолминымъ также прервались сообщенія; шляхта повсемѣстно пришла въ движеніе; появились вооруженныя банды; возстаніе, обхватившее Литву, грозило распространиться и въ Курляндіи, находившейся, какъ извѣстно, въ ленной зависимости отъ Польши. Главнокомандующій русской арміей, защищая старый польскій порядокъ, дѣло Торговицкой конфедераціи, естественно долженъ былъ смотрѣть на возставшихъ противъ нея съ оружіемъ въ рукахъ, въ интересѣ конституціи 3-го мая 1791 г., какъ на мятежниковъ, на ихъ стремленія—какъ на государственный бунтъ противъ польскаго правительства, поддерживаемаго Россіею. Тарговицкая конфедерація, какъ извѣстно, возникла въ маѣ 1792 г., съ цѣлію поддержанія стараго анархическаго порядка, уничтоженнаго конституціею 3-го мая 1791 года; 12 іюля приступилъ къ ней король Станиславъ-Августъ; въ іюлѣ слѣдующаго 1793 г., на гродненскомъ сеймѣ, состоялась уступка земель Россіи, ограничившая предѣлы Рѣчи-Посполитой съ востока—чертою отъ селенія Друи, на лѣвомъ берегу Двины, на Наровъ, Столбцы, Несвижъ и до Пинска. Послѣднее возстаніе Поляковъ, такъ называемая революція Косцюшки, было направлено противъ событій, кончившихся 2-мъ раздѣломъ, прекращавшимъ политическое существованіе республики, и въ интересѣ конституціи 3-го мая 1791 г., установлявшей въ Польшѣ наслѣдственное правленіе и имѣвшей въ предметѣ ограничить шляхетскій произволъ на сеймахъ, уничтоженіемъ права подрывать ихъ крикомъ: nie pozwoliam! Конституціонисты, повторяемъ, въ глазахъ Репнина иначе и не могли быть, какъ *мятежниками;* таковыми же они слыли тогда и въ глазахъ всѣхъ русскихъ. Къ такому взгляду, не вѣрному юридически, по отношенію къ подданнымъ другаго государства, присоединились общія господствовавшія тогда у насъ опасенія *разрушительныхъ французскихъ идей*, вполнѣ раздѣляемыя и Репнинымъ, и тогда уже, въ концѣ XVIII вѣка, мѣшавшія успѣху всякаго дѣла и прежде всего путавшія понятія. Такъ и теперь спутали понятіе о польскомъ конституціонистѣ, нисколько не думавшемъ

объ освобожденіи крестьянъ, съ французскимъ республиканцемъ, уничтожившимъ старый, феодальный порядокъ [1]).

Вначалѣ революціи Репнинъ находился въ Ригѣ. Въ безопасности Остзейскаго края, Лифляндіи и Эстляндіи, онъ былъ увѣренъ, хотя и выражается въ одномъ изъ писемъ къ Салтыкову: „чернь, *особливо нѣмецкую*, я весьма не люблю“, а въ другомъ еще опредѣленнѣе высказываетъ свои опасенія относительно благонадежности остзейскихъ крестьянъ: „нѣсколько лѣтъ назадъ, при покойномъ графѣ Броунѣ, здѣсь начинались бунтованія крестьянъ противъ помѣщиковъ... Хотя нижніе земскіе суды рапортуютъ, что вездѣ все благополучно; но я знаю, что въ генеральности жребій здѣшнихъ крестьянъ хотя не хуже, но и не лучше сталъ прежняго. А Латыши, натурально, злы; въ нынѣшнее же развратное время всего остерегаться должно“. Эту „развратность времени“, иначе «богопротивныя и отвратительныя правила французскія, которыя царствуютъ теперь въ Литвѣ и Польшѣ», князь, вмѣстѣ почти со всѣми изъ своихъ современниковъ, видѣлъ наиболѣе въ духѣ свободы, начинавшемъ проникать въ народныя массы; но онъ ошибался, вообразивъ, что крестьянскія массы, подымавшіяся въ Литвѣ и Польшѣ, одушевлены тѣмъ же самымъ духомъ, что запоздалыя прокламаціи Косцюшки о свободѣ въ состояніи тотчасъ же пробудить въ нихъ этотъ духъ, такъ долго спавшій: крестьяне поднимались, вмѣстѣ съ шляхтою, если и не всегда *принуждаемые* панскою волею, то побуждаемые силою общаго движенія, силою внѣшнихъ, такъ сказать, фактическихъ толчковъ, при которыхъ мудрено оставаться въ неподвижности; куда нибудь да двинуться нужно! Въ такомъ пассивномъ способѣ движенія, характеризующемъ народныя массы въ предѣлахъ Рѣчи Посполитой, особенно въ Литвѣ и Бѣлоруссіи, нечего искать ни патріотическаго одушевленія съ одной, ни симпатій и антипатій съ другой стороны. Но, какъ бы то ни было, князь Репнинъ опасался за Курляндію и придавалъ большое значеніе возстанію мелкой шляхты и литовскихъ крестьянъ, дѣйствительно поднявшихся отъ Ковна вплоть до Вильны. Репнинъ предполагалъ образовать въ Курляндіи, или на ея границѣ, особый обсерваціонный корпусъ, который долженъ былъ удерживать спокойствіе въ этой странѣ и возстановить

---

[1]) Впрочемъ, тоже воззрѣніе на польскихъ конституціонистовъ и тѣже упреки въ якобинизмѣ были въ Австріи и Пруссіи. См. Шлоссера. Т. 5. стр. 160—194, въ русск. переводѣ.

прерванныя сношенія съ русскими отрядами, расположенными въ Литвѣ и Бѣлоруссіи. Корпусъ этотъ, или отдѣльный отрядъ, ему и удалось сформировать на границѣ Курляндіи, въ Бовскѣ (Баускъ). Зная партизанскій характеръ войны, которую вели инсургенты, Репнинъ однако же не соглашался дѣйствовать противъ нихъ небольшими отрядами. „Выворочення вверхъ дномъ дѣла (здѣсь) весьма трудны теперь, писалъ онъ Салтыкову, и великихъ осторожностей требуютъ. Съ здѣсь находящимися войсками, обезпеча границу, чего изъ вида николи упускать не должно, идти мнѣ будетъ не съ чѣмъ: какъ бы какъ безславія не нанести оружію нашему, которое во все настоящее царствованіе такъ блистательно отличалось. Бѣгать и впередъ не должно, когда идетъ дѣло о чести имперіи, дабы какъ не забѣжать неосмотрительно. Если будетъ угодно ея величеству меня назначить къ командованію, то прошу я, чтобы отрядъ былъ такой, съ которымъ бы я честь ея удержалъ и исправилъ то, что испорчено“. „Малѣйшая наша неудача, пишетъ онъ въ другомъ мѣстѣ, часъ отъ часу подымать будетъ и такъ уже наглостію набитыя польскія головы, отчего опасно, чтобы, напротивъ, наши люди не пришли въ торопливость“. Кн. Репнинъ совѣтывалъ начать наступательныя дѣйствія, со стороны Минска, генералу Тутолмину, но этотъ послѣдній былъ, кажется, болѣе, чѣмъ остороженъ: даже Репнинъ трунилъ надъ его нерѣшительностію. Взятіе въ плѣнъ генерала Арсеньева [1]) въ Вильнѣ и истребленіе его отряда окончательно смутили Репнина. „Теперь, пишетъ онъ Салтыкову, вы уже о всѣхъ нашихъ несчастіяхъ извѣстны несомнѣнно: онѣ, такъ сказать, неисчетны. Вы все еще считаете (расчитываете) на наши въ Литвѣ войска и мнѣ пишете, что я назначенъ ими командовать; но ихъ уже нѣтъ ни клочка: можетъ быть, только куда ни есть укроются, а куда — того и придумать нельзя; слѣдовательно, и распоряжать(ся) не кѣмъ и даже выручать не кого“. Въ самомъ дѣлѣ, русскія силы, которыми начальствовалъ Репнинъ, были по своей численности ничтожны: ихъ даже въ послѣдствіи времени, когда вошли въ Литву свѣжіе полки изъ разныхъ мѣстъ, было менѣе 25 тысячъ. „Никто еще, говоритъ Репнинъ, такой арміи въ команду не принималъ, въ которой даже знать нельзя, гдѣ и самому быть“. Кромѣ этого, Репнинъ жалуется постоянно на недостатокъ у насъ людей, на недостатокъ хорошихъ образованныхъ офицеровъ и генераловъ. Не-

[1]) Подробности см. у Энгельгардта, стр. 162—164.

извѣстность, что сталось съ гродненскимъ отрядомъ князя Циціанова, что дѣлается въ Несвижѣ, гдѣ въ это время находился Тутолминъ; усилившееся волненіе въ Литвѣ, гдѣ все пришло въ движеніе (снимали съ костеловъ колокола для литья пушекъ, съ трехъ дымовъ брали вооруженнаго солдата, а остальныхъ крестьянъ вооружали топорами и косами), гдѣ распространялись прокламаціи Косцюшки, гласившія, что онъ, съ помощію французовъ, турокъ, датчанъ и шведовъ, надѣется освободить Польшу; частныя удачи повстанцевъ при мѣстечкѣ Янишкахъ, недалеко отъ Бовска, и подъ Вильною, гдѣ они разбили казачій полкъ Кирѣева и баталіонъ Нарвскаго пѣхотнаго полка, взявши въ плѣнъ самихъ начальниковъ; затруднительность, почти невозможность прямыхъ сношеній съ начальниками отрядовъ: — все это заставило Репнина нѣсколько отступить отъ своего начальнаго плана. Онъ вознамѣрился выдти изъ Лифляндіи и соединиться съ Дерфельденомъ. Отрядомъ, стоявшимъ у Бовска, сначала командовалъ генералъ-поручикъ Ферзенъ, который былъ посланъ потомъ къ Гродну, чтобы выручить изъ бѣды отрядъ Циціанова. Когда этотъ послѣдній благополучно выбрался изъ Гродна, Ферзенъ, угрожаемый Косцюшкою, соединился съ прусскими войсками, вступившими въ Польшу и до самаго прибытія Суворова оставался внѣ предѣловъ Литвы. Отрядъ Дерфельдена, подчиненный Репнину, дѣйствовалъ въ это время противъ польскихъ войскъ, также внѣ этихъ предѣловъ, именно на югѣ. Мѣсто Ферзена въ курляндскомъ отрядѣ занялъ генералъ Нумсенъ, неспособный, дряхлый и расточительный старикъ, которому не съ чѣмъ было явиться даже къ мѣсту своего назначенія, если бы Репнинъ не выдалъ ему въ счетъ жалованья 2 тысячи рублей, обращенные потомъ въ подъемныя. Принимая къ себѣ такого безполезнаго человѣка, Репнинъ искренно радовался прибытію къ нему людей способныхъ. Въ это время ему сдѣлалось извѣстнымъ, что князья Юрій Владиміровичъ Долгорукій и Сергѣй Ѳедоровичъ Голицынъ, жившіе въ Москвѣ, изъявили желаніе служить въ литовской арміи. Князь Ю. В. Долгорукій былъ въ одномъ чинѣ съ Репнинымъ [1]), кн. С. Ѳ. Голицынъ — въ чинѣ генералъ-поручика. Пріѣзду Долгорукова, впрочемъ несостоявшемуся, кн. Репнинъ очень радовался: онъ просилъ Салтыкова похлопотать о его переводѣ, убѣдить князя, чтобы онъ «изъ усердія къ отечеству»,

[1]) Объ Ю. В. Долгорукомъ, см. въ нашей статьѣ *Дневникъ Репнина* Русск. Арх. 1869 г. № 3, стр. 556—567.

рѣшился на эту поѣздку, прибавляя, что онъ „будетъ командовать всѣмъ, чѣмъ самъ пожелаетъ; я искренно и сердечно его почитаю и люблю, по какой причинѣ его и прошу“. Видя неизбѣжность наступательныхъ дѣйствій, кн. Репнинъ предполагалъ поставить Долгорукова на своемъ мѣстѣ, въ Лифляндіи. О Голицынѣ, любимомъ потомъ своемъ помощникѣ, кн. Репнинъ выражался такимъ образомъ: „Голицынъ долго, думаю, изъ Москвы не будетъ. Онъ хорошій офицеръ; но, думаю, не имѣетъ желанія служить: а кто не хочетъ, тотъ хуже того, кто не можетъ“. Голицынъ прибылъ въ половинѣ мая и заступилъ мѣсто Нумсена. Положеніе Репнина, въ самомъ дѣлѣ, было незавидно. Вниманіе его раздваивалось: онъ долженъ былъ беречь и стеречь Литву, и въ тоже самое время не выпускать изъ виду самой Польши, гдѣ теперь находились два главныхъ его отряда, Ферзена и Дерфельдена, и гдѣ распоряженія самаго главнокомандующаго, фельдмаршала Румянцева, еще ничѣмъ не опредѣлились. Въ 1793 году въ Литвѣ былъ сильный голодъ; въ этомъ году стояла засуха, и яровые совсѣмъ не родились, сѣна не было: все это приводило въ отчаяніе Репнина. Напрасно писали ему изъ Петербурга о ничтожности инсуррекціи, о трусости поляковъ: „воображаемая робость поляковъ, отвѣчалъ онъ, которая подлинно быть можетъ отъ стороны мужиковъ, ни мало не согласуется съ ихъ настоящею наглостію, съ каковою они дрались съ подполковникомъ Люисомъ и съ полковникомъ Дѣевымъ; почему сіе не инымъ чѣмъ почитаю, какъ разсказами нашихъ офицеровъ, въ угодность писанными. Хорошо, впрочемъ, чтобы они такъ подлинно мыслили!“ Дѣло Дѣева, происходившее 26-го апрѣля, въ 20 миляхъ отъ Несвижа, принадлежитъ къ числу замѣчательнѣйшихъ во всю кампанію: оно подняло духъ нашихъ отрядовъ, расположенныхъ по границамъ Минской губерніи. Въ слѣдующемъ отрывкѣ, осуждая воззрѣнія своихъ помощниковъ на предстоящую войну съ поляками, князь Репнинъ самому себѣ противорѣчитъ: „Г-да тактисты почитаютъ дѣлать свою войну противъ взбалмошныхъ поляковъ такъ, какъ противъ регулярныхъ войскъ она дѣлается; ихъ изъ сихъ мыслей выбить нельзя. Здѣсь же не войски, а вѣтеръ, и должно, безъ всякихъ мудростей, гдѣ ближе скопище случится,— то и бить, глядя только, чтобы коммуникацію свою сберегать, а за дальними отнюдь не гоняться“. Въ нѣкоторыхъ нашихъ полкахъ, особенно конныхъ, служило въ это время много поляковъ, частію изъ присоединенныхъ уже отъ Польши мѣстностей, большею же частію передававшихся изъ польской арміи. Репнинъ положительно отказывался отъ этихъ

людей, говоря: „мнѣ ихъ употреблять нельзя, какъ подозрительныхъ и опасныхъ людей; почему лучше желаю имѣть меньше у себя людей, нежели водить съ собой предателей или, по крайней мѣрѣ, бѣглецовъ, которые о всей внутренности нашей, перебѣгая, непріятелю разсказывать станутъ“. Продолжая себя считать предводителемъ нашихъ войскъ, находящихся въ самой Польшѣ, князь Репнинъ обратилъ все свое вниманіе на Курляндію, на восточную границу Литвы, къ Минску, и на соединеніе съ Дерфельденомъ, которому приказалъ поспѣшить своимъ приходомъ съ Волыни, гдѣ въ то время онъ находился.

Хотя курляндское дворянство еще въ апрѣлѣ просило о дозволеніи составить конфедерацію въ пользу Россіи, но волненія продолжались въ этой странѣ, и вооруженныя шайки не переставали появляться въ разныхъ мѣстахъ Курляндіи, проникая даже въ Либаву. Противъ самого Бовска, гдѣ расположенъ былъ отрядъ кн. Голицына, появлялись вооруженныя банды. Два раза ѣздилъ Репнинъ въ Бовскъ на совѣщаніе съ кн. Голицынымъ о наступательныхъ дѣйствіяхъ, и рѣшились еще пообождать ихъ началомъ. Впрочемъ, Голицынъ дѣйствовалъ съ большимъ успѣхомъ противъ инсургентовъ не только въ Курляндіи, но и въ такъ называемой Самогитіи, на Жмуди, близъ Шавель и Поневѣжа. Князь Репнинъ несомнѣнно преувеличивалъ значеніе участія крестьянъ въ инсурреквіи, хотя и несомнѣннаго, но уже никакъ не происходившаго отъ „проклятаго духа своеволія, извергами французскими вездѣ разсѣяннаго“; онъ вѣрилъ всѣмъ доходившимъ до него по этому поводу слухамъ и продолжалъ въ этомъ смыслѣ дѣйствовать, т. е. связывать себѣ руки ложными опасеніями. Такъ, при разбитіи повстанцевъ при мѣстечкѣ Биржѣ, на границѣ Курляндіи, онъ велѣлъ наказать крестьянъ, „своевольно приставшихъ къ сему скопищу“; по этой же причинѣ онъ продолжаетъ настаивать на стратегическомъ значеніи Курляндіи, колеблясь между необходимостію наступательныхъ дѣйствій и страхомъ передъ „проклятымъ духомъ своеволія“. „Ежели“, писалъ онъ, „Курляндія оголится нашимъ вступленіемъ глубже въ Литву, то неизбѣжно будетъ мятежниками выжжена. А, сверхъ того, въ ней города и крестьяне заражены мыслями вольности и равенства и, кажется, весьма дурно расположены,—отчего и сами призовутъ мятежниковъ противъ дворянъ: крестьяне начинаютъ уже въ нѣкоторыхъ мѣстахъ помѣщиковъ не слушаться. Такое развратное расположеніе земли, въ смежности съ нашею здѣшнею границею лежащей, требуетъ вниманія и осто-

рожности; почему надлежитъ съ великою осмотрительностію отсель отдаляться, ежели когда то нужно и можно будетъ... Жаль мнѣ только князя Голицына, что человѣкъ такихъ достоинствъ и способностей тутъ запропастился; но польза однакожь отъ его корпуса уже есть весьма ощутительная; онъ оттянулъ къ себѣ слишкомъ 10 тысячъ человѣкъ, которые были бы въ Вильнѣ или противъ нашей минской границы". Расположивши свой отрядъ по курляндской границѣ, кн. Голицынъ долженъ былъ вести партизанскую войну съ бандами инсургентовъ, скрывавшимися по лѣсамъ и перебѣгавшими съ одного мѣста на другое.

Тутолминъ, какъ мы сказали, сосредоточилъ свои силы въ Несвижѣ. Положеніе его было тоже не авидно: и въ Бѣлоруссіи начали формироваться банды и обнаружились безпокойства между крестьянами, хотя, по свидѣтельству Репнина, тамошніе крестьяне были „болѣе на нашей сторонѣ, нежели на мятежничей". На помощь Тутолмину и для защиты минской границы, Репнинъ сначала посылаетъ генералъ-маіора Кнорринга, потомъ Германа; но происшедшее несогласіе между боязливымъ бѣлорусскимъ генералъ-губернаторомъ и Кноррингомъ до такой степени мѣшаетъ дѣлу, что князь Репнинъ, державшій сторону послѣдняго, не видитъ иной возможности положить конецъ ихъ ссорѣ, какъ самому отправиться въ Несвижъ, куда онъ и прибылъ въ началѣ іюля. Здѣсь, на пространствѣ отъ Вильны до Минска, отъ Слонима до Динабурга, все было объято пламенемъ возстанія. Вильна, это, по мѣткому выраженію кн. Репнина, „мятежное лукошко", находилась въ рукахъ непріятеля: здѣсь засѣлъ польскій генералъ Віельгурскій съ 8 т. отрядомъ; на всемъ пространствѣ отъ Вильны до Минска бродили не однѣ вооруженныя шайки, но появились и регулярныя польскія войска, въ немалыхъ силахъ. Польскіе генералы Сѣраковскій и Бѣлякъ начали угрожать со стороны Слонима, Оскерко — Динабургу; Полоцкъ былъ не въ безопасности; противъ Пинска появились вооруженныя толпы въ числѣ 20 тысячъ.

Съ прибытіемъ Репнина въ Несвижъ начались наступательныя дѣйствія, большею частію малыми отрядами, противъ чего въ началѣ кампаніи такъ вооружался главнокомандующій; при этомъ особенно прославились уже извѣстный намъ гродненскій сидѣлецъ князь Цыціановъ и бригадиръ, вскорѣ генералъ-маіоръ, Бенингсонъ. Этотъ послѣдній съ отличнымъ успѣхомъ дѣйствовалъ между Ошмянами и Дисною; потомъ онъ пробирается къ Ковнѣ, занимаетъ этотъ городъ и два раза отбиваетъ отъ него поляковъ; въ

концѣ кампаніи мы видимъ его у Бѣлостока. Цыціанова мы видимъ во всѣхъ мѣстахъ, гдѣ нужна отвага и рѣшительность. Кноррингъ, очистивъ путь отъ Минска до Вильны, устремляется къ этому послѣднему городу противъ Віельгурскаго, но терпитъ неудачу; но когда соединился съ нимъ отрядъ Цыціанова, въ концѣ іюля, Віельгурскій былъ разбитъ, и наши войска заняли городъ. Въ Динабургѣ, окруженномъ непріятелемъ, дѣйствуетъ Германъ также съ большимъ успѣхомъ; въ Полоцкъ идетъ изъ Лифляндіи генералъ-поручикъ графъ Румянцевъ, для сбереженія съ этой стороны нашей границы. Между тѣмъ, отрядъ Дерфельдена вошелъ въ Литву и направился къ Слониму, откуда Сѣраковскій, избѣгая рѣшительной битвы, ушелъ къ Кобрину; кн. Репнинъ не позволилъ Дерфельдену его преслѣдовать. Между тѣмъ, почти передъ глазами самого Репнина, находившагося, какъ сказано, въ Несвижѣ, смѣлый польскій партизанъ Грабовскій съ партіей, состоящею изъ 3 тысячъ, по однимъ, или изъ 8-ми тысячъ, по разсказамъ другихъ, ударился на Минскъ, портя на пути своемъ мосты и дороги, захватывая наши посты, заваливая лѣса засѣками и увлекая за собою цѣлыя толпы крестьянъ. Противъ него былъ посланъ князь Цыціановъ. Узнавъ о преслѣдованіи, Грабовскій повернулъ къ Бобруйску, а отсюда къ Рогачеву; здѣсь настигъ его Цыціановъ и поразилъ наголову, оттѣснивъ къ пинскимъ болотамъ. При мѣстечкѣ Люблинѣ произошло окончательное пораженіе, и самъ Грабовскій былъ взятъ въ плѣнъ. Вотъ чѣмъ объясняетъ Репнинъ дерзкое предпріятіе Грабовскаго, ворвавшагося въ русскіе предѣлы, въ виду русскихъ войскъ. „Дерзостное стремленіе сихъ мятежниковъ, пустившихся въ глубину нашихъ границъ, не понятно: оно доказываетъ согласіе съ ними здѣшнихъ обывателей; понеже тѣ мятежники никакихъ съ собою повозокъ не имѣютъ и, слѣдственно, пропитаніе находятъ готовое у обывателей, куда они придутъ, — давая (думать должно) впередъ о томъ знать. Здѣшніе жители еще ежели не бунтуютъ, то единственно отъ страха; а сколь скоро войскъ нашихъ не видятъ, столь немедленно и готовы уже приступить къ бунту." Во время этой кампаніи начались успѣхи нѣкоторыхъ лицъ, въ послѣдствіи времени громко прославившихся; къ числу ихъ принадлежатъ: графъ Витгенштейнъ, Ермоловъ, князь Багратіонъ, Коновницынъ и Барклай-де-Толли; послѣдній, въ чинѣ премьеръ-маіора, отличился храбростію при взятіи Вильны и у Рогачева.

Назначеніе фельдмаршаломъ Румянцевымъ Суворова въ предво-

дители войскъ, долженствовавшихъ дѣйствовать въ самой Польшѣ, появленіе послѣдняго у Кобрина и Бреста и разбитіе стоявшихъ тамъ сильныхъ польскихъ отрядовъ, быстрое движеніе его къ Нѣману, — все это имѣло рѣшительное вліяніе на исходъ кампаніи, окончившейся знаменитымъ штурмомъ Праги, и на положеніе князя Репнина, изъ военачальника, какъ мы видѣли, не совсѣмъ предпріимчиваго, обратившагося въ организатора страны, разоренной войною. Главныя силы Репнина, корпуса Дерфельдена и Ферзена, отошли теперь подъ начальство Суворова; Репнинъ только заботился, попрежнему, объ ихъ продовольствіи. Такое положеніе не могло ему, конечно, нравиться: „Мнѣ крайне прискорбно, пишетъ онъ Салтыкову, сіе случившееся со мною обстоятельство: я уже не знаю—самъ ли я командую, или отданъ подъ команду?“ „Бога для, пишетъ онъ позднѣе, убѣдительнѣйше ваше сіятельство прошу: разведите насъ, раздѣлите между нами тѣ войска,—которыя *кому* принадлежать должны?“ Но этого *развода* не послѣдовало, не послѣдовало и распоряженія, по которому бы Репнинъ уже былъ не въ правѣ считать себя главнокомандующимъ *всѣхъ* войскъ.

Спѣшимъ прибавить, что недоразумѣнія не перешли въ ссору между военачальниками. О взятіи Праги, Суворовъ слѣдующею лаконическою запискою извѣщалъ кн. Репнина: „Съ милостію Всемогущаго Бога ваше сіятельство поздравляю.“—Происходили между ними и нѣкоторыя другія недоумѣнія, неизбѣжныя при смѣшеніи ихъ властей въ командованіи почти одними и тѣми же войсками, начальники которыхъ, Ферзенъ и Дерфельденъ, находясь подъ командою Суворова, продолжали сноситься рапортами съ бывшимъ своимъ начальникомъ, кн. Репнинымъ. Такъ произошли недоразумѣнія, по поводу отправленія плѣннаго Косцюшки: Суворовъ хотѣлъ было отправить его въ Кіевъ; но Репнинъ *приказалъ* Ферзену представить его къ себѣ, въ ожиданіи дальнѣйшихъ распоряженій, на его счетъ, со стороны императрицы; „можетъ статься, пишетъ Репнинъ, Косцюшко понадобится въ Петербургъ: отъ него думаю, много узнать можно не только о Польшѣ, но о всей адской якобинской связи, устремляющейся на разрушеніе во всей Европѣ всякаго порядка и всякой законной власти“. Но всѣ эти недоразумѣнія не имѣли никакихъ дурныхъ послѣдствій: князь Репнинъ вполнѣ благодушно и доброжелательно относился къ успѣхамъ Суворова, и потомъ, когда Литвѣ уже не угрожало никакою опасностію, самъ и охотно посылалъ къ нему свои войска, сознаваясь въ ихъ безполезности для себя. Слѣдующее письмо могло бы также служить доказательствомъ его благодушныхъ отношеній и къ другимъ, низшимъ лицамъ, если бы тотъ, о комъ въ немъ идетъ рѣчь, не былъ братомъ фаворита, обязаннаго своимъ *случаемъ* тому же графу Н. И. Салтыкову, съ которымъ Репнинъ переписывается. Этотъ братъ, графъ Валеріянъ Зубовъ, 23-хъ лѣтній генералъ-маіоръ, служившій подъ начальствомъ Суворова, при переправѣ черезъ Бугъ, былъ тяжко раненъ: ему оторвало лѣвую ногу. Объ этомъ-то происшествіи писалъ Репнинъ Салтыкову отъ 20-го октября.

„Сейчасъ получилъ я рапортъ, здѣсь включенный, отъ ген. поруч. Дерфельдена, который спѣшу, безъ всякаго прочаго, отправить, по причинѣ несчастнаго приключенія съ графомъ Валеріаномъ Александровичемъ, опасаясь, чтобы сіе извѣстіе не дошло какъ прежде неосторожно до графа Платона Александровича. По словамъ курьера, простаго вахмистра Украинскаго легкоконнаго полку, онъ будетъ живъ,—что тотъ курьеръ слышалъ изъ разговоровъ лѣкарей и офицеровъ. Дай Боже, чтобы то такъ и было. *Не могу описать вамъ, какъ мнѣ его жаль: молодой человѣкъ рѣдкихъ качествъ и способностей, усерденъ неограниченно къ службѣ, смѣлъ, вникателенъ ко всякому* (всему), *что до его дѣла касается, и съ тѣмъ даромъ, что всѣ его любятъ, всѣ довольны, и всѣ служить съ нимъ желаютъ! Боже сохрани его для самой пользы службы!*—Здѣсь влагаю письмо ко мнѣ отъ полковника графа Клисона, изъ коего видно, что нога оторвана ядромъ и уже лѣкарями отнята. Тамъ есть хорошій лѣкарь Штоффъ, Кіевскаго конно-егерскаго полку; а, сверхъ того, я отсель сей же часъ туда отправляю штабъ-лѣкаря Роде, котораго также очень хвалятъ“. Рѣшившись не пропускать безъ вниманія въ нашей монографіи замѣчательныхъ этнографическихъ, бытовыхъ и біографическихъ чертъ, намъ мало знакомыхъ и постепенно исчезающихъ, останавливаемся на этомъ письмѣ не по одному тому, что оно доказываетъ, что и Репнинъ шелъ не впереди, а за вѣкомъ, *плылъ по теченію* (кто же тогда поступалъ иначе?). Напечатанныя курсивомъ строки представляютъ любопытную и, несомнѣнно-правдивую характеристику Валеріана Зубова, объясняя (если не оправдывая, благодушныя отношенія современниковъ къ подобнымъ лицамъ, намъ теперь непонятныя.

По окончаніи кампаніи, у Репнина въ Литвѣ оставались еще нѣкоторые военные отряды, находившіеся подъ начальствомъ слѣ-

дующихъ лицъ: кн. Голицынъ стоялъ на Жмуди, Германъ — у Вилькоміра, кн. Циціановъ—въ Гроднѣ, Бенингсонъ—въ Бѣлостокѣ, Лассій—по Минской границѣ; но Брестъ, Кобринъ, Пружаны, Шерешевъ и Владавы, т. е. вообще южная граница Литвы, были, по мнѣнію Репнина, недостаточно защищены. По очищеніи Литвы отъ инсургентскихъ шаекъ, князь Репнинъ вознамѣрился обнародовать отъ своего имени манифестъ ко всѣмъ жителямъ великаго княжества Литовскаго, конечно, предварительно испросивъ на это высочайшее соизволеніе. Къ составленію этого манифеста былъ приглашенъ имъ Т. И. Тутолминъ. „Я заимствовалъ перо Тимофея Ивановича Тутолмина, говоритъ Репнинъ въ письмѣ къ Салтыкову, къ составленію онато, какъ знающаго, по его мѣсту, здѣшнія гражданскія постановленія, дабы чего несогласнаго съ ихъ обрядами не предписать“; но и безъ этой замѣтки видно, что перо было заимствованное—водянистое и риторичное. Репнинская рѣчь была проще и чище. Манифестъ этотъ былъ отправленъ въ Петербургъ (въ октябрѣ) на высочайшее утвержденіе; вотъ онъ:

„Ея императорскаго величества, самодержицы Всероссійской, генералъ-аншефъ, предводительствующій войсками ея въ коронѣ Польской и великомъ княжествѣ Литовскомъ, на прекращеніе мятежа дѣйствующими, сенаторъ, Лифляндскій и Эстляндскій генералъ-губернаторъ, генералъ-адъютантъ, полковъ лейбъ-гвардіи Измайловскаго подполковникъ, Таврическаго гренадерскаго шефъ и кавалеръ орденовъ россійскихъ императорскихъ святыхъ: апостола Андрея, Александра Невскаго, военнаго великомученика и побѣдоносца Георгія и равноапостольнаго князя Владиміра, большаго креста первыхъ степеней, такожъ польскаго Бѣлаго Орла и Гольстинскаго святыя Анны, князь Николай Репнинъ объявляетъ симъ: всякаго званія, духовнымъ, военнымъ и гражданскимъ чинамъ, благородному рыцарскому стану, и всѣмъ вообще обывателямъ великаго княжества Литовскаго.

„Утихли печальныя слѣдствія коварства и мятежа, воздвигнутаго внутренними республики польской врагами! Священное покровительство ея величества императрицы Всероссійской и непобѣдимая сила ея, предводительству моему высочайше повѣренная, успокоивъ смятеніе въ землѣ сей, гдѣ духъ буйства превозмогалъ надъ всѣми уваженіями, измѣнники отечеству похитили преимущества власти, ниспровергли связь законовъ гражданскихъ и политическихъ, проливали съ безчеловѣчною жестокостію кровь невинныхъ, истощевали стяжанія ихъ и уловляли благомыслящихъ въ союзъ съ собою гоненіями, угрозами и даже самыми лютыми казнями,—сближили васъ паки къ наслажденію тишины и общаго въ спокойномъ пребываніи удовольствія! Уже, подъ защитою войскъ всемилостивѣйшей государыни моей, не обуреваетъ васъ то ужасное смятеніе, коего каждый часъ ознаменованъ былъ въ несчастной землѣ вашей новыми народа отягощеніями, неустройствомъ и своевольствомъ, которыхъ обычными слѣдствіями были раззоренія, насилія и убійства. Собственность ваша была пищею наглости и хищенія; всеобщій развратъ господствовалъ надъ всѣми состояніями, и порядокъ политическаго народнаго состава былъ разрушенъ. Прекративъ, съ помощію Всевышняго, пагубное зло сіе въ областяхъ великаго княжества Литовскаго, имѣю я обязанность, яко учрежденный, по волѣ ея императорскаго величества, главный начальникъ войскъ, противу возмутителей дѣйствовавшихъ, объявить, собственнымъ ея императорскаго величества именемъ и словомъ, нижеслѣдующее:

1. Что обнадеживаются всѣ обыватели сего края въ безопасности лицъ и имѣній ихъ, подъ защитою и охраненіемъ россійскихъ императорскихъ войскъ. Да останется всякъ при совершенной и неограниченной свободѣ, на основаніи древнихъ сего княжества коренныхъ правъ и при законномъ каждаго владѣніи и имуществѣ.

2. Вызываются, силою сего, въ имѣнія свои всѣ тѣ, кои или отъ преслѣдованія возмутителей укрываются, страха ради, или, бывъ совращены льстивыми зломыслящихъ убѣжденіями, присоединились къ нимъ отъ простоты сердечной, но теперь, раскаяваясь въ заблужденіи и отставъ чистосердечно отъ измѣнниковъ, прибѣгаютъ подъ охраненіе россійскаго воинства. Всѣ сіи торжественно обнадеживаются, что останется всякъ изъ нихъ при невозбранномъ владѣніи законнаго достоянія своего и что мщеніе и притѣсненіе, отъ кого бы то ни было, ихъ коснуться не могутъ.

3. Свобода торга, художествъ, рукодѣлій и промысловъ дозволенныхъ не только не стѣсняется, но поощряются и возвываются всѣ и каждый: оставить суетное къ разврату прилѣпленіе, коего плачевныя событія въ землѣ вашей вы уже испытали, обратиться каждому на дѣло свое и остаться въ кротости и безмолвномъ повиновеніи законной власти. Сельскіе же жители, яко совершенно невинные и вовлеченные въ бунтъ принужденіемъ развратныхъ, вызываются симъ: отстать отъ совращенія, имъ паче всѣхъ пагубнаго, не внимать никакимъ измѣнническимъ разглашеніямъ и угрозамъ и, подъ обороною войскъ россійскихъ императорскихъ, спокойно и безопасно упражняться въ земледѣліи и домостроительствѣ своемъ.

4) Подтверждается настрожайше всякаго рода, пола, возраста и состоянія жителямъ, край сей населяющимъ: блюсти свято и ненарушимо тишину и спокойствіе, насажденныя благостію великія государыни Екатерины въ землѣ ихъ, прервать всякое съ возмутителями сношеніе, подъ страхомъ законной строгости и лишенія всякаго покровительства и пощады надъ тѣми и имѣніями ихъ, кто покусится на вѣроломство и, съ нарушеніемъ паки общаго и частнаго блага и пользы, дерзнетъ прямо или посредственно, тайно или явно, участвовать и способствовать не только дѣломъ, но

внушеніями, или инымъ чѣмъ, замысламъ, дѣйствіямъ и намѣреніямъ извергов отечества вашего,—на что распредѣленные по землѣ генералы и всѣ военные частные начальники, по силѣ данныхъ имъ повелѣній моихъ, не оставятъ взирать бдительнымъ окомъ:—вслѣдстіе того,

5. Буде кто получитъ отколь какіе-либо возмутительные письма, изданія и другіе акты, общему благосостоянію противные, да не осмѣлится сокрыть и удержать оные въ рукахъ своихъ, паче же производить ихъ въ дѣйство и передавать другимъ, подъ какимъ бы предлогомъ ни было; но имѣетъ тотчасъ представлять и доносить о томъ помянутымъ генераламъ, для принятія надлежащихъ по обстоятельствамъ мѣръ и для наказанія преступниковъ и единомышленниковъ, въ страхъ другимъ, безъ всякой пощады.

6. Войскамъ ея императорскаго величества, расположеннымъ въ великомъ княжествѣ Литовскомъ, для удержанія внутренняго въ немъ покоя, найкрѣпчайше предписано отъ меня блюсти строжайшую военную дисциплину. Вступленіе ихъ въ разныя мѣста отнюдь не долженствуетъ никому и ни мало препятствовать въ спокойномъ и безопасномъ домостроительствѣ, промыслахъ и торгахъ. Всякія обиды и притѣсненія обывателямъ отвращены и успокоены будутъ недреманнымъ частныхъ военныхъ начальниковъ и моимъ собственнымъ надзоромъ; за все, для продовольствія войскъ взимаемое, удовлетворится полною заплатою каждому. Но дабы, съ одной стороны, удалить и при семъ случаѣ всякое одних предъ другими отягощеніе, съ другой же — не подвергнуть побѣдоносныхъ ея императорскаго величества войскъ нуждѣ и недостатку въ ихъ довольствѣ, предписываю: опредѣлить немедленно въ каждомъ повѣтѣ коммиссаровъ изъ людей надежныхъ и вѣрныхъ, которымъ доставлять и располагать, по требованіямъ командующихъ генераловъ, все къ продовольствію надобное, вести счетъ съ особо учрежденною отъ меня по сей надобности коммиссіею и, яко повѣреннымъ соотчичей своихъ, блюсти и наставлять, чтобъ производима была слѣдующая за все, по постановленнымъ цѣнамъ, заплата тѣмъ, у кого что, для содержанія и пропитанія войскъ, будетъ, по нарядамъ и росписаніямъ ихъ коммиссаровъ, взято, съ наблюденіемъ безобиднаго между жителями уравненія и взирая на обиліе жатвы минувшаго лѣта.

7. Въ предупрежденіе, дабы собираемые съ земли доходы не могли быть расточены и злоупотребленіемъ неблагонамѣренныхъ употреблены на поддержаніе возмутительскихъ дѣйствій, повелѣваю: тѣхъ, кои къ сбору податей приставлены по началіи уже возмущенія, перемѣнить немедленно другими, прежде сего бунта при помянутыхъ должностяхъ находившимися; если же оныхъ въ близости не состоитъ,—опредѣлить вновь въ экзекуторы благомыслящихъ и надежныхъ людей, которымъ препоручается пещись о неусыпномъ, исправномъ и бездоимочномъ сборѣ всякаго рода установленныхъ доходовъ и податей, требовать, въ случаѣ медленія, военной, для понужденія неплательщиковъ, экзекуціи, и всѣ собранныя деньги, по прошествіи каждаго мѣсяца, отдавать, при обстоятельныхъ отчетахъ, командующимъ генераламъ, коимъ нынѣ же предварительно доставить акты послѣдней люстраціи и тарифовъ по каждому повѣту и представить обстоятельныя табели о всѣхъ сборахъ, податяхъ и доходахъ, по положенію республики въ казну ея вступающихъ.

8. Оградивъ симъ образомъ безопасность лицъ и имуществъ вашихъ и обезпечивъ тишину, порядокъ и спокойствіе въ великомъ княжествѣ Литовскомъ, гдѣ прежде побѣдоносной защиты войскъ ея императорскаго величества всѣ мѣста и селенія ваши угнетались буйствомъ, своевольствами и раззореніями, отнимались жизни безъ содраганія и расхищалось достояніе каждаго безъ пощады и страха, я надѣюсь совершенно, что возчувствуетъ каждый изъ васъ милосердіе и благость ея величества императрицы Всероссійской, спасительною коея десницею исторгнуты вы и стяжанія ваши отъ послѣднихъ и невозвратныхъ пагубнаго смѣшенія слѣдствій, и что духовенство, вышнее и нижнее, яко пастыри человѣческихъ душъ, подадутъ къ тому первый собою примѣръ и потщатся всѣми силами впечатлѣть въ сердца паствы своей сладость тишины, гнусность измѣны и бунта и собственную тяжесть того несчастнаго правленія, гдѣ нѣтъ ни правосудія, ни добраго порядка, ни подобающаго повиновенія къ законамъ и власти.

9. Сей манифестъ во всѣхъ монастыряхъ и приходскихъ церквахъ не только читать для всенароднаго свѣдѣнія съ каѳедръ въ четыре воскресные дни сряду, но тутъ же повелѣвается духовенству толковать содержаніе онаго четыре воскресные дни сряду, а сверхъ того военные начальники войскъ ея императорскаго величества прикажутъ прибить оный въ надлежащихъ мѣстахъ, дабы всякъ о томъ зналъ и не имѣлъ никто повода отрицаться невѣдѣніемъ.

Данъ, за подписаніемъ руки моей и съ приложеніемъ герба моего печати, въ Несвижѣ, Октября 1794 году.

Этотъ манифестъ былъ возвращенъ къ Репнину для обнародованія, но нѣсколько въ иной, мѣстами совершенно новой, редакціи [1]). 9-ти статьямъ репнинскаго манифеста соотвѣтствуютъ 12 статей петербургскаго, еще болѣе витіеватаго, напечатаннаго въ Полномъ Собраніи Законовъ. Вотъ содержаніе этихъ статей: въ 1-й говорится о милости и прощеніи, во 2-й, о „совершенной и ничѣмъ неограниченной свободѣ въ публичномъ отправленіи вѣры“, о утвержденіи правъ владѣнія и безопасности; въ 3-й—учрежденіе въ Гроднѣ Верховнаго Литовскаго Правленія, въ 4-й—присяга на вѣрноподданство; въ 5-й—воззваніе къ римско-католическому духовенству, чтобы оно подавало собою примѣръ своей

1) Полн. Собр. Законовъ, Т. XXIII, стр. 580—584.

паствѣ; 6-я статья соотвѣтствуетъ 3-й репнинской, 7-я—4-й, 8-я—5-й, 9-я—6-й, 10-я—7-й, 12-я—9-й Репнина; въ 11-й статьѣ говорится объ упроченіи спокойствія, при чемъ указывается на примѣръ трехъ Бѣлорусскихъ губерній, Минской, Изяславской и Брацлавской.—Черезъ шесть дней по взятіи Варшавы, 30-го октября, Репнинъ былъ назначенъ литовскимъ генералъ-губернаторомъ. Императрица приказала ему одновременно обнародовать во всемъ княжествѣ манифестъ отъ его имени, принять присягу отъ всякаго званія обывателей, открыть ея именемъ суды и во всѣхъ главныхъ и повѣтовыхъ городахъ учредить исполнительную власть изъ военныхъ начальниковъ. Отпечатанный въ Бердичевѣ, съ переводомъ на польскій языкъ, манифестъ былъ вездѣ обнародованъ 20-го ноября; въ главномъ городѣ края, въ Гродно, торжество его обнародованія и принесеніе вѣрноподданнической присяги происходило по слѣдующему церемоніалу.

Всѣ войска, находящіяся въ Гродно, въ 9 часовъ утра, въ полной парадной формѣ, были собраны на площади. Въ это время сдѣланъ былъ сигнальный выстрѣлъ изъ пушки, для предувѣдомленія „всѣхъ знатныхъ особъ“, имѣвшихъ собраться въ домъ генерала-маіора графа Палена, а прочихъ, незнатныхъ,—въ церковь; объ этомъ распоряженіи всѣ жители Гродна еще наканунѣ были извѣщены черезъ мѣстную полицію. Въ исходѣ 10-го часа послѣдовалъ второй пушечный выстрѣлъ, по которому всѣ высшіе гражданскіе чиновники и значительнѣйшіе изъ мѣстнаго дворянства, вмѣстѣ съ гр. Паленомъ, отправились въ домъ, занимаемый генералъ-губернаторомъ, а духовенство—въ церковь. Въ половинѣ 11-го литовскій генералъ-губернаторъ, съ собравшимися у него лицами, вышелъ изъ занимаемаго имъ дома, чтобы отправиться въ церковь; въ это время сдѣланъ былъ третій пушечный выстрѣлъ. Русскіе, составлявшіе свиту князя, отправились въ православную церковь, католики—въ іезуитскій монастырь, куда поѣхалъ и генералъ-губернаторъ. У церковной паперти встрѣтили его стоявшіе здѣсь канцелярскіе чиновники, магистратъ, купечество и ремесленные цѣхи, а при входѣ въ костелъ—католическое духовенство. Принявъ князя, это послѣднее отправилось для совершенія литургіи, а князь Репнинъ, не занявъ приготовленнаго для него мѣста, вышелъ изъ костела и отправился въ православную церковь для слушанія обѣдни. По окончаніи службы въ русской церкви, князь, предшествуемый чинами своего штаба, возвратился въ іезуитскій монастырь, гдѣ, при входѣ въ церковь, все католическое духовенство снова встрѣтило его и проводило до приготовленнаго для него мѣста. Когда онъ занялъ послѣднее, самъ епископъ внятнымъ и громкимъ голосомъ, началъ чтеніе высочайшаго манифеста, сопровождаемое пушечною пальбою,—101-мъ выстрѣломъ. По прочтеніи манифеста, епископъ совершилъ благодарственное молебствіе за здоровье ея императорскаго величества. По окончаніи молебствія, на особо приготовленномъ мѣстѣ, громко, внятно и протяжно началъ тотъ же епископъ читать присягу на вѣрноподданство императрицѣ Всероссійской и ея преемникамъ, которую всѣ присутствующіе въ церкви за нимъ повторяли, отъ слова до слова. Послѣ этого, на особомъ большомъ столѣ началось письменное утвержденіе клятвеннаго обѣщанія, на особыхъ, для каждаго сословія, присяжныхъ листахъ. Оставивъ гр. Палена присутствовать при этой церемоніи, князь отправился въ свою квартиру, куда приглашены были къ обѣду всѣ „знатные чины“. Когда главное духовенство, магистратъ и первѣйшее купечество подписались подъ присяжными листами, гр. Паленъ также оставилъ костелъ, въ которомъ, до окончанія подписи, поочередно дежурили члены верховнаго литовскаго трибунала. Въ 7 часовъ вечера все знатное духовенство и обоего пола дворянство было приглашено на балъ и ужинъ къ генералъ-губернатору.

ГЛАВА II.

(1795 г.).

Трудность положенія кн. Репнина на Литвѣ. — Состояніе этого княжества въ моментъ присоединенія его къ Россіи, объясняемое причинами, погубившими Польшу. — Политическое и соціальное значеніе польской шляхты.—Отношеніе кн. Репнина и русскихъ къ польскимъ помѣщикамъ. —Крестьяне и отношеніе къ нимъ новаго правительства.—Черты нравовъ литовскаго дворянства въ эту эпоху. — Нравственная невозможность для литовскаго генералъ-губернатора отдать предпочтеніе какому-нибудь одному сословію; но видимое предпочтеніе, оказываемое имъ дворянству.— Временное устройство края: суды, печать, духовенство, просвѣщеніе и пр. —Ближайшее слѣдствіе паденія Польши.—Станиславъ-Августъ привыкаетъ къ своему положенію.—Финансовыя его затрудненія и желаніе Репнина помочь ему.—Образъ жизни короля.—Сближеніе двухъ обществъ, русскаго и польскаго въ Гроднѣ.—Польскія женщины.—Заботы Станислава-Августа о своихъ родственникахъ.—Лѣтнія прогулки короля и замѣчательные случаи дворской жизни, въ продолженіи 1795 г.—Прибытіе королевскихъ сестеръ и др. родныхъ.—Отреченіе Станислава-Августа отъ престола и его послѣднія желанія.

Не легко было привести въ исполненіе даже первоначальную програму, которую кн. Репнинъ получилъ при назначеніи своемъ литовскимъ генералъ-губернаторомъ: отъ времени этого назначенія до введенія въ краѣ русскихъ государственныхъ учрежденій, именно Положенія о губерніяхъ, должно было пройдти не мало времени, въ продолженіи котораго предстояло и успокоеніе края, взволнованнаго послѣдними событіями, и настоятельная необходимость хорошенько опознаться въ немъ, изучить его во всѣхъ подробностяхъ, какъ край уже *свой*, но долженствующій перейдти изъ однихъ формъ государственнаго быта въ другія. По ничтож-

ности вооруженнаго возстанія въ Литвѣ, по легкости пораженія его, никакъ нельзя судить о громадной трудности дѣла, предстоявшаго Репнину: причина этой трудности лежала не въ однѣхъ всевозможныхъ потрясеніяхъ края, но и въ самомъ характерѣ польскихъ учрежденій, въ характерѣ польской гражданственности.

Тревожныя событія послѣднихъ лѣтъ, окончательно погубившія Польшу, потрясли до послѣдней возможности общественное и экономическое благосостояніе великаго княжества Литовскаго, и безъ того далекаго отъ процвѣтанія. Неурядица польской республики и здѣсь принесла свои горькіе плоды. Безпрестанныя конфедераціи, эти государственные бунты и мятежи, имѣвшіе хотя легальную, но тѣмъ не менѣе безобразную форму; самодержавная власть въ рукахъ немногихъ большею частію продажныхъ магнатовъ, ничѣмъ необуздываемая и принявшая форму самаго дикаго произвола, напоминающаго самыя мрачныя эпохи феодализма; король, нужный лишь для раздачи милостей и бенефицій; незначительное, еле-дышащее среднее сословіе съ многочисленнымъ, всемогущимъ, въ экономическомъ отношеніи, еврействомъ; разноплеменный, разновѣрный народъ, порабощенный и истощенный до послѣдней степени, до невозможности тѣхъ даже протестовъ, какіе встрѣчались въ юго-восточной Россіи противъ владѣльческаго и иныхъ видовъ произвола,—народъ, окаменѣвшій въ сельской крестьянской неподвижности; обычныя, впродолженіи всего XVIII вѣка, вторженія иноземныхъ войскъ, саксонскихъ, шведскихъ, русскихъ, ихъ квартированіе и переходы по странѣ, ихъ деморализующее вліяніе:—достаточно вспомнить все это, чтобы составить себѣ понятіе о состояніи вновь присоединеннаго къ Россіи края. Эти, указанныя нами, черты суть, въ тоже время, и главнѣйшія причины погубившія Польшу. Объ этихъ причинахъ очень много писано. Поляки въ этомъ, кровномъ для нихъ дѣлѣ, не могутъ быть судьями; иностранцы, по недостаточному знакомству съ польской исторіей вообще и съ русской въ особенности, всегда будутъ ошибаться; намъ, русскимъ, недоставало и еще недостаетъ нужнаго спокойствія. Поэтому, читая сочиненія, посвященныя паденію Польши, убѣждаешься, вмѣстѣ съ ихъ авторами, что Польша дѣйствительно умираетъ, что польскій духъ, по прочтеніи послѣдней страницы, долженъ безвозвратно исчезнуть изъ міра,—между тѣмъ какъ кровавыя событія конца 90-хъ, первыхъ годовъ этого столѣтія, начала 30-хъ, конца 40-хъ и всѣмъ памятные 62—64-е годы убѣждаютъ совершенно въ противномъ, и даже, хотя и смутно, рисуютъ на заднемъ планѣ поль-

скій народъ, казалось улетучившійся послѣ 3-го раздѣла. Невѣрность картины (вмѣсто изслѣдованія, дѣйствительно рисуютъ лишь *картины* паденія Польши) происходитъ отъ того, что историки обращаютъ вниманіе или на однѣ государственныя формы, или на одинъ соціальный строй; но ни государственныя формы, ни соціальный распорядокъ еще не исчерпываютъ всего существа національности: образовательная культура, дающая извѣстный колоритъ умственному настроенію, гражданственность, какъ продуктъ всѣхъ силъ (государственныхъ, соціальныхъ, культурныхъ и т. п.) политическаго организма, не могутъ и не должны быть обходимы въ вопросѣ о жизни или смерти извѣстной національности. Польское государство, дѣйствительно, сложилось подъ вліяніемъ весьма свободныхъ учрежденій; и въ основу его легло рабство, а потому и изъ строя его легко могъ возникнуть безпорядокъ, анархія. Польское государство было сильно тогда, когда еще слабо было рабство и не возникалъ безпорядокъ (nierząd), отожествляемый поляками съ свободою; Польша пала, когда процвѣла *польская* свобода, — иначе: необузданный произволъ для однихъ, тяжкая неволя для другихъ, словомъ: свобода *самодурная*. Государство сложилось въ невиданную нигдѣ форму—помѣщичьей, дворянской республики, гдѣ для пріобрѣтенія не только гражданскихъ, но простыхъ человѣческихъ правъ, требовалось возведеніе въ дворянство, посвященіе въ шляхетный санъ. Безобразіе этихъ либеральныхъ, аристократическихъ и анти-государственныхъ учрежденій всего рѣзче бросается въ глаза и поражаетъ своею аномаліею въ тѣхъ польскихъ провинціяхъ, гдѣ собственно не было польскаго народа, гдѣ сельское и городское населеніе представляло смѣсь племенъ и вѣрованій, какъ это было въ бывшемъ великомъ княжествѣ Литовскомъ. Въ эпоху, о которой идетъ у насъ рѣчь, въ Виленской губерніи, состоявшей изъ западной части теперешней губерніи этого имени и почти изо всей теперешней губерніи Ковенской, народонаселеніе обоего пола и всѣхъ сословій простиралось до 961 тысячи. Изъ этого числа: крестьянъ обоего пола и всѣхъ наименованій (экономическихъ, старостинскихъ, помѣщичьихъ и духовныхъ) было до 732 тысячъ; шляхты обоего пола—до 90 тысячъ; духовенства бѣлаго и монашествующаго, всѣхъ исповѣданій, вмѣстѣ съ такъ называемыми „вольными людьми“, жившими и служившими при церквахъ и монастыряхъ,—до 4,500; городскаго населенія (купцовъ, мѣщанъ и ремесленниковъ), въ 11 городахъ и 229 мѣстечкахъ,—до 63 тысячъ; число помѣщичьяго сословія въ нашихъ источникахъ не показано. Оставляя въ сторонѣ городское населеніе, почти сплошь не польское, мы видимъ, что въ центрѣ Литвы настоящій польскій элементъ, шляхта, не составляла и десятой части народонаселенія; но тѣмъ не менѣе, политическими правами польской псевдо-республики пользовались только эти девяносто тысячъ, считая, конечно, особо римско-католическое духовенство (около 2 тысячъ), и небольшое число землевладѣльцевъ, что́ все вмѣстѣ едва-ли составляло цифру 5 тысячъ. Что же на самомъ дѣлѣ представляли эти полноправные граждане? Изъ нихъ только не много болѣе одной трети (до 34 т.) были собственниками, владѣющими землею и обитающими въ особенныхъ селеніяхъ, называемыхъ *околицами*. Это была шляхта болѣе или менѣе независимая и неиспорченная, еще до сихъ поръ сохранившая добрыя черты стараго польскаго быта, но все же необразованная, невоспитанная для свободной политической жизни, которою тщеславятся поляки. Польская шляхта, по историческому своему происхожденію, представляетъ замѣчательно-аналогическія черты съ нашими прежними однодворцами (какъ измельчавшимъ и *захудавшимъ* дворянствомъ, а не какъ государственными крестьянами, совершенно забывшими всякое родовое преданіе, чѣмъ явились наши однодворцы въ позднѣйшее время, когда они совершенно выродились въ простыхъ крестьянъ-земледѣльцевъ). Наше до-петровское служилое сословіе, именно боярскіе дѣти, также имѣло сходство съ польской шляхтой, какъ сходны съ нею бѣлорусскіе панцырные бояре и малороссійскіе казаки. Остальныя двѣ трети шляхетскаго сословія въ Литвѣ хотя и не перешли въ крестьянство, подобно нашимъ однодворцамъ (до сихъ поръ шляхта отличается замѣчательно-архаистическими свойствами, крѣпкой упругостію и неподатливостію къ ассимиляціи, къ переходу въ крестьянство); но за то были въ полнѣйшей, экономической и моральной, зависимости отъ помѣщиковъ, съ каждымъ поколѣніемъ растлѣваясь отъ анархическаго состоянія республики и отъ своихъ раболѣпныхъ отношеній къ гордому и ничѣмъ необуздываемому въ своемъ произволѣ польскому панству. Изъ этихъ ⅔ до 20 тысячъ шляхты обоего пола находилось въ личномъ услуженіи у помѣщиковъ и до 36 тысячъ жило на земляхъ помѣщичьихъ, съ платежомъ за пользованіе ихъ чинша, или оброка. Эти 56 тысячъ номинальныхъ гражданъ одной части (но не всего) Литовскаго княжества, составлявшаго часть Польской республики, были настоящею дѣятельною политическою силою лишь для высшаго дворянства, которому они нужны были для голосованія, для выкрикиванія на сей-

махъ; на самомъ же дѣлѣ, экономически, они были тѣже крестьяне, хлопы. Между этими послѣдними и шляхтой почти не было никакихъ общихъ духовныхъ интересовъ, если исключить интересы религіозные. Шляхта, естественно, тянула къ дворянству, аристократіи, для которой она составляла своеобычную кліентуру, самую подвижную и легко воспламеняемую на всякаго рода предпріятія; но эти кліенты не были римскимъ плебсомъ, какъ не были патриціями польскіе дворяне. И такъ польская шляхта была двухъ категорій—имѣвшая собственность и ничего не имѣвшая, голодный, невѣжественный и тунеядный пролетаріатъ. То, что у насъ, напр., называлось мелкопомѣстнымъ или малодушнымъ дворянствомъ, совсѣмъ не похоже на польскую шляхту. Шляхта, шляхетный, дѣйствительно, имѣли у поляковъ смыслъ гражданскаго полноправія, *благородства*, и первый магнатъ, какъ и послѣдній обыватель околицы, были, дѣйствительно, шляхтичами; но это совсѣмъ не то, что наше помѣстное дворянство, крупные и мелкіе землевладѣльцы, хотя наши дворянскіе понятія и обычаи складывались подъ сильнымъ польскимъ вліяніемъ. Польское *благородство*, или шляхетство, соединялось (по крайней мѣрѣ идеально) съ полными политическими правами на дѣлѣ, какъ мы видѣли, принадлежащими только немногимъ; но сознаніе ихъ, сознаніе своей гражданской полноправности, естественно, поднимало духъ и развивало личность, хотя, повторяемъ. *шляхетность* на самомъ дѣлѣ отнюдь не означала гражданскаго равенства; а поэтому и государственный строй Польши никакъ нельзя назвать даже аристократической республикой, ибо существованіе таковой хотя и возможно при неравенствѣ, даже рабствѣ другихъ сословій, но никакъ не при рабствѣ въ нѣдрахъ, такъ сказать, самой свободы; республиканскій строй дѣйствительно существовалъ, но для немногихъ. Безправный литовскій, бѣлорусскій и даже польскій крестьянинъ тянулъ лишь къ землѣ, держался и стоялъ лишь за кусокъ насущнаго хлѣба, часто у него вырываемый, безъ надежды на помощь, безъ утѣшенія въ благости короля, идея о которомъ, какъ о народномъ защитникѣ, была вовсе не знакома крестьянину. Литовское дворянство, каково бы ни было его происхожденіе, было въ то время совершенно польскимъ, помѣщики—настоящими поляками; вся страна, даже съ лучшей, привлекательной стороны своей, носила на себѣ вотчинный помѣщичій характеръ. Польская республика была единственною, классическою страною, гдѣ высшее аристократическое сословіе полновластно и безконтрольно располагало всѣмъ. Передъ

польскимъ вельможествомъ никло всякое другое,—дореволюціонно-французское англійское, русское временъ Екатерины II-й. Польское панство, т. е. аристократія, не многочисленная, но могущественная по своему вліянію, богатству, родственнымъ связямъ, нерѣдко съ владѣльческими иностранными фамиліями, одно пользовалось державными правами въ республикѣ и въ погонѣ за ихъ сохраненіемъ разбило государственный организмъ, систематически подтачиваемый всѣми средствами анархіи. Матеріальныя средства польскаго вельможества были неистощимы; истощились онѣ лишь съ политической смертью націи. Независимо отъ своихъ родовыхъ имѣній, отъ высшихъ государственныхъ, ему лишь доступныхъ должностей (гражданскихъ, военныхъ и духовныхъ), вся страна предлагала свои экономическія средства къ услугамъ польскаго вельможества,—въ видѣ арендъ и кормленій. Къ числу первыхъ принадлежатъ *староства*, государственныя имущества (королевщизны), раздаваемыя королемъ въ пожизненное владѣніе вельможамъ, съ платою въ казну ¼ доходовъ, никогда не выплачиваемыхъ. Къ числу вторыхъ относятся *воеводства* и *каштелянства* (отъ castellum), на которыя дѣлилась страна въ административномъ и судебномъ отношеніи; польскіе воеводы и каштеляны (послѣднихъ было 76), бывшіе въ тоже время сенаторами и генералами, не имѣли ничего общаго, по своему значенію, съ нашими старинными воеводами и губными старостами, изъ коихъ послѣдніе были людьми выборными, *излюбленными* обществомъ, а первые вполнѣ зависѣли отъ правительства, которымъ смѣнялись черезъ 2—3 года. Словомъ, за исключеніемъ небольшой части имѣній, принадлежащихъ королевской экономіи, вся Рѣчь-Посполитая была помѣстьемъ вельможъ, для которыхъ каждая крупная перемѣна въ государствѣ (какъ новый король, торжество своей партіи и т. п.), въ экономическомъ отношеніи, была очень выгодна, ибо представляла возможность поживы. Мало чѣмъ, по политическому своему значенію, т. е. по зависимости отъ вельможъ, отличалось отъ шляхты не только мелкое, малоземельное и малодушное дворянство, но даже и такое, какое у насъ въ Россіи никогда ни считалось мелкимъ. Экономическое и моральное положеніе, какъ этого дворянства, такъ и шляхты, при кажущейся полнотѣ ихъ политическихъ правъ, заключавшейся, въ выкрикиваніи на сеймахъ слова—nie pozwoliam, было далеко не блестящимъ: это сословіе почти не знакомо было даже съ матеріальными благами гражданскаго покоя, потому что само не знало, къ какой придется ему присоединиться партіи, или конфедераціи и когда, добровольно

или *вынужденно*, будетъ это присоединеніе. На это деспотическое принужденіе къ участію въ псевдо-политическихъ партіяхъ, затѣваемыхъ *фамиліями* польскихъ магнатовъ, нельзя не обратить вниманія безпристрастному историку, если онъ не желаетъ впасть въ крайность огульнаго осужденія высшихъ классовъ польскаго общества. Оставляя за послѣдними неопровержимыми племенныя и общечеловѣческія достоинства и добродѣтели, историкъ, тѣмъ не менѣе, не можетъ умолчать о томъ глубоко-деморализующемъ вліяніи, которое имѣлъ такой общественный порядокъ на полноправные польскіе классы: онъ могъ развить (и развивалъ) идеи *вольности, независимости*, но никакъ не идею того равноправнаго патріотизма, безъ котораго нѣтъ спасенія государствамъ и народамъ, не идею политической свободы въ истинномъ ея значеніи. Нѣтъ надобности распространяться объ этой глубокой деморализаціи высшихъ класовъ польскаго общества, погубившихъ Польшу: она всѣмъ теперь извѣстна и осуждена безпристрастною исторіею. Въ дальнѣйшемъ нашемъ разсказѣ, относящемся собственно къ Литвѣ, читатель увидитъ также нѣкоторыя любопытныя черты помѣщичьихъ нравовъ. Не безъинтересны въ этомъ отношеніи слѣдующія два письма къ кн. Репнину, писанныя польскими женщинами; мы читали эти письма по русски, но не знаемъ, подлинникъ ли это или переводъ.

I.

„Сіятельнѣйшій князь, милостивый государь!

„Видя, что Всевышній не пересталъ еще творить чудеса, какъ помню, когда были больны и изъ Львова въ Варшаву на рукахъ несены, я посѣщала (васъ); но столь были удручены слабостію отъ трехъ болѣзней, въ то время претерпѣнныхъ, что я не ожидала уже, чтобы остались въ живыхъ [1]); однако Создатель всѣхъ благъ одарилъ (даровалъ вамъ) здравіе единственно (для того), чтобы возвратили вожделѣнное спокойствіе *обуреваемому въ мнѣніи вольности непостоянному народу*. Соизволеніемъ Создателя, всемилостивѣйшая государыня опредѣлила намъ васъ начальникомъ, и я бывъ (была) симъ обрадована, а наипаче, что дни жизни моей доводится кончить подъ вашимъ покровительствомъ. Признаюсь, что проживая въ Вѣнѣ, *сдѣлался мнѣ собственный (родной) польскій народъ нетерпимъ;* поелику самъ Іосифъ II промолвилъ сіе: — „*Къ чему въ Европѣ нужна Польша, развѣ только для того, чтобъ дѣлать замѣшательства? И сія земля достойна нетерпѣнія: народъ хотѣлъ убить своего короля, а съ отшедшихъ частей сей земли Всевышній имѣетъ болѣе прославленія*“ (авторъ письма хотѣлъ сказать, что надъ землями, отнятыми у Польши, почіетъ-де благословеніе Божіе). И когда я спросила втораго Іосифа, почему бы такъ предполагалъ, — отвѣчалъ онъ „*ваши* (-де) *клятвы всегда ложны*“. Сей разговоръ былъ у графини Сальморовой, высочайшей княжны Маріанны, сестры его, у коей я великую милость имѣла. Она пошла, а я осталась и сказала Сальморовой: Какую же мнѣ проповѣдь сказалъ Кесарь? А сія отвѣтствовала: „*когда солдата бранятъ* (у насъ), *то называютъ: о, ты Полякъ!* Возвратясь изъ Вѣны въ Коссово, вознамѣрилась (я) дѣлать оныхъ (моихъ соотечественниковъ?) благополучными, воздавая долгъ тому, по милости коего сдѣлалась владѣтельницею Коссова, и естлибъ не оное обуреваніе (мнѣніями вольности), имѣлабъ годоваго дохода 10 тысячъ рублей, а всякая деревня (моя) имѣла бы училище для наставленія въ законѣ (вѣроятно, въ смыслѣ преданности русскому правительству) земледѣльцевъ, скотъ и лошадей; но, при моемъ слабомъ здоровьи, дождусь ли такого времени“?

„О подателѣ сего, капитанѣ Ганенфельдѣ, покорнѣйше прошу,— старинный онъ служитель князей Чарторижскихъ: былъ пажомъ, изъ ихъ милости имѣетъ здѣсь маленькую деревушку; который (Ганенфельдъ) проситъ покровительства въ томъ, чтобы сынъ его былъ принятъ въ военную службу. Увѣрена бывъ о милости вашей, кою уже во время претерпѣннаго мною ужаса съ маія мѣсяца по 4 августа (получила?) чрезъ полученную охрану, оживу при кончинѣ жизни. Увѣрены будьте, что есмь благодарна, а моего сына Адама съ женою Елисаветою и ихъ дѣтьми поручаю отличному и весьма необходимому вашему покровительству. (У него есть) 6 тысячъ червонныхъ въ банкѣ у Габрія, 5400 червонныхъ у Протоса Потоцкаго и староство у прусскаго короля, а мой совѣтъ — чтобы продалъ (староство). Покойный прусскій король владѣльцамъ (имѣній) заплатилъ... а моя надежда въ покровительствѣ вашего сіятельства [1]). Посылаю труды мои и дѣтей моихъ для любезнѣйшихъ внучатъ вашихъ [2]), пребывая съ истиннымъ почтеніемъ и проч. М. Быстржина“. Февраля 25 дня 1796 года, въ Коссовѣ.

[1]) Обстоятельства, о которыхъ здѣсь говорится, намъ неизвѣстны: онѣ, какъ видно, случились въ началѣ службы кн. Репнина, которому, какъ и вообще его современникамъ, едва ли не болѣе нашего, была извѣстна Польша и принадлежавшія ей земли вдоль и поперекъ, отъ дворцовъ до шляхетскихъ околицъ.

[1]) Темнота употребленныхъ здѣсь выраженій намъ кажется двумысленной.

[2]) Дѣти княгини Александры Николаевны Волконской: князь Николай Григорьевичъ Репнинъ-Волконскій, братья князья Никита и Сергій (впослѣдствіи декабристъ) Григорьевичи и княгиня Софья Григорьевна Волконская (супруга фельдмаршала кн. Петра Михаиловича).

II.

„Имѣла счастіе служить вашему сіятельству въ Сржедникѣ; слышала, какъ изволили напоминать о лошади, которая была вами употребляема во время вашей кампаніи. Имѣла я того завода кобылку и хотѣла показать вашему сіятельству, но, къ моему несчастію, она окалѣчилась. Тогожь завода лошадь бурую и другую съ оною посылая, покорнѣйше прошу, чтобъ ваше сіятельство изволили, для сбереженія драгоцѣннаго для всѣхъ вашего здоровья, а наипаче для меня, ѣздить на нихъ для прогулки. Не отказывайтесь, ваше сіятельство, принятіемъ сихъ лошадей, которое (принятіе) тѣмъ болѣе доставитъ мнѣ удовольствія, что оныя (лошади) собственно мною возращены, и удостойте сею милостію пребывающую съ глубочайшимъ почтеніемъ. Забѣллова“.

Наивный цинизмъ курсивомъ напечатанныхъ выраженій перваго письма не требуетъ поясненій; несомнѣнно то, во всякомъ случаѣ, что если льстивый и подобострастный тонъ втораго письма былъ обыченъ и возможенъ въ ту эпоху вездѣ, письмо М. Быстржины, конечно, пламенной и искренней патріотки, при другихъ обстоятельствахъ, есть явленіе исключительно-польское. Неизвѣстно, приняты ли были посылаемые подарки; но ни эти подарки, ни странность намековъ перваго письма ни малѣйше не компрометируютъ кн. Репнина уже по одному тому, что этимъ письмамъ онъ придалъ возможную въ то время огласку, передавъ ихъ въ канцелярію, на руки чиновниковъ, въ архивъ, гдѣ мы и нашли ихъ пришитыми къ бумагамъ 1796 г. Не таковъ былъ князь Репнинъ, глубокій знатокъ *обуреванія*, администраторъ со всѣми качествами врача, нужными для облегченія язвъ, нанесенныхъ краю этимъ обуреваніемъ. Вотъ мнѣніе о Репнинѣ человѣка, близко знавшаго край, ревельскаго губернатора, барона Врангеля. Письмо его, хотя принадлежитъ перу человѣка подчиненнаго, но, тѣмъ не менѣе, оно весьма любопытно для характеристики литовскаго генералъ-губернатора.

„Сіятельнѣйшій князь, милостивый государь!

„Сердце мое часто побуждало меня возобновить вашему сіятельству увѣренія искренняго моего высокопочитанія и преданности; но я не смѣлъ утруждать васъ моимъ писаніемъ тогда, когда благія и важнѣйшія дѣянія суть единственнымъ вашимъ предметомъ. Въ началѣ же сего Новаго года не могу удержать (ся), дабы не пожелать вашему сіятельству всякаго блага и не возрадоваться со всѣми, кои имѣютъ счастіе знать васъ, отмѣнному вашему жребію, доставляющему миръ разоренной землѣ. Достохвальны лавры героя, но они ростутъ на Марсовомъ полѣ и орошаются кровію; достохвальнѣе того масличная вѣтвь, омоченная слезами радости, въ рукѣ возстановителя мира: но всего достохвальнѣе слава того, который нѣкогда помирилъ въ Тешинѣ первыя державы Европы, потомъ, яко герой, соединилъ при Мачинѣ лавры съ масличною вѣтвью, и единственно для того побѣдилъ востокъ, чтобы и тамъ возстановить миръ — которому, наконецъ, и тамъ предлежало возстановить порядокъ, гдѣ ярость возмущенія едва прекращена, гдѣ кровь убіенныхъ едва удержана и гдѣ развалины городовъ еще дымятся. Сіятельнѣйшій князь! да даруетъ вамъ Всевышній только здравіе при сихъ благотворящихъ упражненіяхъ; прочее же все вы въ самомъ себѣ находите“.

„Къ сему желанію, происходящему изъ глубины преданнаго вамъ сердца, присовокупляю и покорнѣйшую мою просьбу о продолженіи вашей благосклонности, которую я вѣчно стараться буду заслуживать отличнымъ высокопочитаніемъ и преданностію, съ коею имѣю честь быть и проч. Андрей Врангель“. Ревель. Генваря 3-го дня 1795 г.

Но ни кн. Репнинъ, ни десятки лицъ, еще болѣе его даровитыхъ и знающихъ, не могли совершенно исцѣлить польскія язвы, сразу крѣпко спаять два разнородныхъ политическихъ организма,— русскій и польскій. Въ самомъ дѣлѣ, ничего не могло быть противоположнѣе элементовъ польскаго и русскаго, польскихъ и русскихъ учрежденій, польскаго и русскаго народнаго характера. Какъ русскій народъ и народность воспитались въ суровой школѣ государства и государственныхъ началъ, которыя имъ были дороги, потому что стоили неимовѣрныхъ жертвъ, доставшись такою цѣною, какъ *приниженіе*, дѣтство, сиротство личности [1]), такъ и польскій національный характеръ образовался въ школѣ, гдѣ систематически проходилось искусство разложенія государственнаго организма. Изъ подобной школы не могли выдти ни Гораціи Коклесы, ни Минины; въ ней могло развиваться и развивалось лишь чувство романтическаго, а не реальнаго патріотизма; но, тѣмъ не менѣе, личное чувство было очень сильно, хотя и болезненно развито. Словомъ, русскіе и поляки, при близкомъ, племенномъ родствѣ, не понимали другъ друга, какъ граждане, даже просто, какъ люди; другъ другу они должны были казаться, по меньшей мѣрѣ, странными. Но съ другой стороны, польская культура, польская гражданственность были гораздо старше и крѣпче

[1]) О положеніи русской личности см. превосходное изслѣдованіе г. Забѣлина, въ его сочиненіи „Домашній бытъ русскихъ царицъ“, стр. 54—73. *Образцовая* характеристика русскаго государства и, создавшей его, великорусской народности представлена г. Кавелинымъ въ сочиненіи „Мысли и замѣтки о русской исторіи“, въ „Вѣстникѣ Европы“ 1866 г., т. II.

русскихъ; было время, и не малое, почти цѣлое столѣтіе (съ половины XVII ст.), когда онѣ имѣли большой кредитъ въ Россіи; цѣлая половина русскаго народа (Малоруссы и Бѣлоруссы) воспиталась подъ ихъ вліяніемъ; безъ реформы Петра, безъ вводимой имъ западной, нѣмецкой культуры, польская угрожала лечь и легла бы въ основу гражданственности Всероссійской имперіи; но и за тѣмъ, послѣ Петра, въ продолженіи всего прошлаго вѣка, если не въ цѣломъ, то частностями, польская гражданственность, даже шляхетность, ничего претящаго для насъ не имѣла, какъ все-таки сила, которую одолѣть намъ было нечѣмъ, какъ духъ, неумирающій съ разложеніемъ политическаго организма. Крѣпкій русскій организмъ могъ забрать въ себѣ, спаять съ собою обломки польскаго, но этотъ духъ продолжалъ въ нихъ жить.

Независимо отъ безобразій государственнаго строя, при впечатлительности и живости національнаго польскаго характера, при легкомысліи самомъ изумительномъ, въ Польшѣ, въ дворянской кастѣ, составлявшей польскую республику, были явленія, немыслимыя нигдѣ. Князю Реппину предстояли тяжкіе труды для уврачеванія ранъ, нанесенныхъ послѣднею революціей даже тѣмъ самымъ лицамъ, которыя были непосредственными ея виновниками. Когда не удалось литовское повстанье, какъ пчелы изъ улья разлетѣлись по разнымъ мѣстамъ мѣстные паны, — кто куда могъ! Теперь же, когда край былъ окончательно присоединенъ къ Россіи и когда, съ принятіемъ присяги на вѣрноподданство, открылась возможность возвратиться на родину и вступить во владѣніе имѣніями, просьбамъ, жалобамъ не было конца, — и литовскій генералъ-губернаторъ не только выслушивалъ ихъ, но и помогалъ, на сколько было возможно. Ожесточенной племенной вражды между польскимъ дворянствомъ того времени и русской интеллигенціей, представители которой явились теперь администраторами края, быть не могло,— по крайней мѣрѣ антипатичныя отношенія не могли дойдти въ ту эпоху до мелочнаго ожесточенія, не дающаго покоя уму и совѣсти. Русскіе временъ Екатерины не могли враждебно относиться къ полякамъ, потому во-первыхъ, что въ ту пору еще не занимались химическимъ разложеніемъ національныхъ элементовъ и оцѣнкою ихъ доброкачественности; а, во-вторыхъ, потому что самое событіе возсоединенія съ имперіей Литвы и Бѣлоруссіи, самое сліяніе двухъ вѣчно-враждовавшихъ государствъ, безповоротное рѣшеніе ихъ *давнишняго, стараго спора*, возвышая русское національное чувство, не давало мѣста въ душѣ никакой низкой страсти.

Несомнѣнная дружелюбность отношеній къ полякамъ со стороны русскихъ объясняется не столько большею крѣпостію и силою гражданственности, всегда имѣющей притягательное свойство, сколько племеннымъ родствомъ и, независимо отъ него, замѣчательно-аналогическими чертами быта: враждующіе соперники, имѣли общіе экономическіе интересы; крѣпостное право роднило ихъ больше, чѣмъ славянская кровь. Но съ другой стороны это родство, эта общность экономическихъ интересовъ, столь выгодныя для исторически-неизбѣжнаго слiянія двухъ народностей, связывали руки русской администраціи при управленіи ея краемъ, отъ перваго момента присоединенія до позднѣйшихъ временъ. Русское правительство и тогда вполнѣ понимало, что для спокойнаго обладанія провинціями, присоединенными отъ Польши, необходимо поднять и привлечь на свою сторону униженные и порабощенные земледѣльческіе классы; но оно, пугаясь еще въ ту пору крестьянской свободы, не имѣло силы сдѣлать это, само нуждаясь въ расположеніи привиллегированныхъ сословій, на бѣду все же болѣе образованныхъ, чѣмъ таковыя же въ тогдашней Россіи, а главное съ громаднымъ вліяніемъ въ краѣ. Относясь прямо и трезво къ предстоящей ему миссіи въ Польшѣ теоретическимъ образомъ, русское правительство екатерининскаго времени на практикѣ, при столкновеніи съ дѣйствительностію, должно было дѣлать многія, неизбѣжныя уступки. Такъ, вступивъ въ Литву при самомъ открытіи послѣдняго возстанія, въ маѣ 1794, русскіе военачальники хотя и называютъ въ своихъ прокламаціяхъ возставшихъ конституціонистовъ *мятежниками* и провозглашаютъ покровительство крестьянамъ; но на дѣлѣ этимъ же *мятежникамъ* больше довѣряютъ, чѣмъ крестьянамъ. Одна изъ такихъ прокламацій, составленная по указанію Репнина и переведенныя по польски, заслуживаетъ того, чтобы привести ее цѣликомъ:

„1) Вступаютъ нынѣ подъ моимъ начальствомъ войски ея императорскаго величества въ Литву какъ для наказанія измѣнниковъ и бунтовщиковъ, такъ для покровительства, сбереженія и охраненія тихихъ и спокойныхъ людей, не принимающихъ участія въ поднявшемся бунтованіи противъ истиннаго закона Божія (?!), вѣроломною измѣною нарушеннаго и противъ прежняго законнаго государственнаго правленія, съ которыми всѣми мятежниками поступаемо будетъ какъ съ нарушителями общаго покоя, *злодѣями нашими и ихъ собственнаго государства* и преступниками законовъ; напротивъ же того, всѣ тѣ, которые оставаться станутъ смирно въ ихъ домахъ, никакъ не участвуя въ семъ бунтованіи, получать станутъ

отъ войскъ ея императорскаго величества покровительство и охраненіе отъ набѣговъ и разореній бунтовщиковъ.

„2) Всѣ крестьяне, для ихъ собственнаго сбереженія, симъ приглашаются, чтобы они оставались спокойно въ своихъ домахъ и упражнялись бы своимъ хлѣбопашествомъ и хозяйствомъ, отнюдь не слушаясь бунтовщическихъ повелѣній ничьихъ, *ниже своихъ помѣщиковъ*, почему они будутъ сохраняемы отъ войскъ ея императорскаго величества. И ежели ихъ помѣщики и управители къ сему бунту пристали, то бы ни въ чемъ имъ не повиновались и никакихъ доходовъ не платили и не давали, а напротивъ, таковыхъ бунтовщиковъ, кто бы они не были, захватывали бы и подъ карауломъ ко мнѣ представляли, за то тѣ крестьяне надлежащее награжденіе отъ меня получать станутъ и будутъ пользоваться, какъ выше сказано, покровительствомъ и охраненіемъ войскъ ея императорскаго величества. Напротивъ же того,

„3) Ежели бы, паче всякаго чаянія, найдены были какіе крестьяне, съ оружіемъ въ рукахъ обороняясь, то таковые, подобно самымъ бунтовщикамъ, наказаны будутъ безъ всякой пощады, какъ злодѣи и преступники; тихіе же и спокойные крестьяне, какъ выше сказано, будутъ пользоваться покровительствомъ и сбереженіемъ.

„4) Ежели, въ противность самого христіанства, кто изъ духовенства осмѣлится въ своихъ предикахъ, или какъ инако, подбивать народъ къ возмущенію: таковые, яко противники своей христіанской должности, будутъ наказаны какъ преступники и злодѣи безъ всякаго упущенія. А тѣ, напротивъ, ксендзы и всякаго духовнаго сана особы, которые въ своихъ предикахъ и своими поступками станутъ отводить народъ отъ бунтованія и приводить его къ миру и тишинѣ, — будутъ почтены, охранены, всякимъ образомъ сберегаемы и всякимъ покровительствомъ пользоваться станутъ.

„5) По моимъ требованіямъ и повелѣніямъ, куда они доставлены будутъ чрезъ войски ея императорскаго величества мнѣ ввѣренныя, всѣмъ и каждому подтверждается немедленно и безъ малѣйшаго затрудненія точное исполненіе дѣлать — поставкою фуража, провіанта и подводъ, сколько когда и чего предписано будетъ; за что послушные и исполняющіе въ точности и немедленно повелѣнія войскъ ея императорскаго величества, къ нимъ присланныя, получать станутъ надлежащее награжденіе; а тѣ которые, противъ всякаго чаянія, осмѣлятся противиться таковымъ повелѣніямъ или не въ скорости ихъ исполнятъ, съ ихъ домами и имѣніями, съ крайнею строгостію и безъ всякой пощады, наказаны будутъ, какъ злодѣи и преступники.

„Въ увѣреніе чего сіе подписано собственною моею рукою съ повелѣніемъ, чтобы сіе объявленіе публиковано было и прочтено во всѣхъ церквахъ, куда оно дойдетъ, для успокоенія всѣхъ, всякаго рода мирныхъ и въ тишинѣ пребывающихъ жителей и крестьянъ“.

Князь Репнинъ не упускалъ ни одного случая чтобы привлечь

на свою сторону крестьянъ; не забыты имъ были и раскольники, издавна поселившіеся въ Литвѣ. Вотъ что онъ писалъ генералъ-поручику Ферзену, оберегавшему сѣверныя литовскія границы, въ апрѣлѣ 1794 года, т. е. еще до взятія въ плѣнъ Косцюшки: „При вашихъ дѣйствіяхъ въ литовской границѣ, ежели ихъ предпринимать станете, крайно должно сберегать крестьянъ, дабы ихъ на нашу сторону привлечь; развѣ которые станутъ сами злодѣйски поступать, то тѣхъ уже не жалѣть. Въ прочемъ брать все съ господскихъ мызъ и домовъ тѣхъ, которые въ конфедераціи, и ихъ не щадить, а солдатамъ изъ ихъ скотины давать въ порцію мясо. Долженъ я вашему превосходительству примѣтить, что въ Жмуйдахъ (на Жмуди) и въ повѣтѣ Упицкомъ, точно (какъ разъ) противъ васъ лежащемъ, есть много русскихъ раскольниковъ и крестьянъ, тамъ живущихъ, которые конечно помогать намъ станутъ, коль скоро помощь нашу увидятъ и ежели мы станемъ ихъ беречь. Приглашайте ихъ и приласкайте и теперь, чрезъ посланныхъ подъ разными видами,—а ихъ нѣсколько десятковъ тысячъ въ сихъ мѣстахъ находится“. Почти въ тѣхъ же выраженіяхъ предписывается тому же генералу, нѣсколько дней спустя, по поводу слуховъ, распространяемыхъ помѣщиками, что русскія войска, вступивъ въ Литву, начнутъ все жечь и разорять,—успокоивать и увѣрять крестьянъ въ нашемъ къ нимъ расположеніи. Крестьянъ, возвращающихся добровольно изъ конфедератскихъ бандъ, отправляли по домамъ и награждали деньгами. Кого понималъ кн. Репнинъ подъ именемъ этихъ нѣсколькихъ десятковъ тысячъ русскихъ крестьянъ,— бѣлорусовъ ли католиковъ теперешней Виленской и Витебской губерній, или еще кого, — неизвѣстно. Изъ статистическихъ свѣдѣній, собранныхъ въ первое время присоединенія, видно, что въ самомъ центрѣ Литовскаго княжества, составившемъ Виленскую губернію, число русскихъ опредѣляется цифрою нѣсколько большею 15,500; но неизвѣстно — однихъ ли православныхъ или же уніатовъ и католиковъ. Понимая необходимость нравственной и матеріальной поддержки крестьянскаго, преимущественно единовѣрнаго съ нами, населенія и затрудненія къ этому, соединенныя съ экономическимъ и государственнымъ строемъ тогдашней Россіи, князь Репнинъ и его современники, съ одной стороны, не могли романтически относиться къ этому населенію, которое они отлично знали: люди екатерининскаго вѣка, какъ извѣстно, отличались замѣчательно реальнымъ взглядомъ на вещи; на многое смотрѣли они односторонне, государственная точка зрѣнія дѣйствительно,

многое отъ нихъ скрывала, напр. народность; но, съ другой стороны, они не страдали романтическимъ отношеніемъ къ этой послѣдней, не пламенѣли къ ней платонической любовью, быть можетъ инстиктивно понимая, что платоническая любовь не помогаетъ соціальнымъ недугамъ. Племенная пестрота крестьянскаго населенія въ областяхъ, принадлежавшихъ Польшѣ, амальгамировалась католицизмомъ, уніею, вліяніемъ польской гражданствености, отрицать которое даже и на нихъ невозможно. Чуждое польскому, литовское племя стягивалось съ нимъ крѣпкими узами католицизма, котораго литовцы всегда были самыми восторженными послѣдователями; бѣлоруссы, даже православные, не говоря уже о католикахъ и униятахъ, близки къ полякамъ физіологически — по племенному родству и нарѣчіямъ. Вся эта амальгама оказалась конечно, хрупкою, но *она была*, и при лучшемъ государственномъ строѣ, слабо связанныя части непремѣнно могли бы сростись въ одинъ крѣпкій организмъ; но ожесточенной вражды между этими частями современники Репнина, не оставаясь мечтателями, не могли замѣтить: разложеніе политическаго организма не есть еще вражда, невозможность сродства, слиянія составляющихъ его элементовъ; это значитъ только хрупкость связи, спаявающей составныя части; вражды, не было и потому еще, что сельское населеніе было истощено и обезсилено до послѣдней возможности, т. е. было безъ средствъ, нужныхъ для борьбы. И въ самомъ дѣлѣ, даровитое литовское племя, подъ вліяніемъ государственнаго строя Польши, не развилось ни малѣйшимъ образомъ, а лишь ушло въ себя, заперлось въ изумительной исключительности крестьянскаго быта: литовскую угрюмость и сосредоточенность, поражающихъ теперь наблюдателя, никакъ нельзя объяснить однимъ вліяніемъ окружающей природы, отчасти дѣйствительно угрюмой, но въ тоже самое время прелестной своимъ разнообразіемъ и во всякомъ случаѣ болѣе благодарной, чѣмъ сѣверо-востокъ Россіи, колыбель даровитѣйшаго изъ славянскихъ племенъ—великорусскаго. Наименѣе даровитое изъ этихъ послѣднихъ, бѣлорусское племя, подъ вліяніемъ польской гражданственности и польскихъ государственныхъ учрежденій, окончательно оскудѣло и обнищало духомъ; тяжесть крѣпостнаго права, вѣковая религіозная борьба, окончившаяся сдѣлкою, уніей, конечно, были главнѣйшими, но не единственными причинами этого оскудѣнія; другія причины несомнѣнно лежали въ предшествующей исторіи, собственно литовскаго періода, въ скудности страны, въ изолированности ея отъ великихъ историческихъ

переворотовъ, поднимающихъ народный духъ. Роскошное дерево польской свободы, въ полнотѣ его цвѣта (выражаясь словами польскихъ патріотовъ, вѣчно гордящихся этой свободой), выросши въ верхнихъ привиллегированныхъ слояхъ, не пустило корней въ низменныя, народныя почвы, изъ которыхъ лишь вытягивалась, самымъ неразумнымъ образомъ, питательная здоровая сила, пожираемая безумною анархіею; это можно сказать о всей Рѣчи - Посполитой вообще, и въ особенности о Литвѣ и Бѣлоруссіи,—областяхъ, которыми преимущественно питался польскій государственный организмъ и которыя, по этому, наиболѣе были истощены. Отъ такого истощенія народъ потерялъ политическій разумъ, патріотическое чутье: для него не мыслимы были ни наше смутное время, ни нашъ 12-й годъ. Народъ до такой степени сдѣлался не способенъ къ малѣйшей инициативѣ, что призывъ Косцюшки и его агентовъ, разсыпанныхъ въ Литвѣ, къ освобожденію не произвелъ на него особеннаго вліянія: сегодня онъ шелъ, воруженный вилами и топорами, въ одну банду, завтра точно также апатично и не торопясь собирался въ другую, принадлежавшую враждебной конфедераціи; послѣ завтра исполнялъ точно также приказаніе русскихъ войскъ, посланныхъ для разогнанія конфедератовъ. Трудно было придумать школу болѣе гибельную для воспитанія народныхъ массъ, чѣмъ та, которую представляла польская республика: масса также политически развращалась, на нее *никому* нельзя было опереться, какъ на каменную гору. Повторяемъ, это очень хорошо понималъ Репнинъ и всѣ его современники, менѣе насъ пропитанные всякими теоріями: въ литовскихъ крестьянахъ они не могли видѣть людей, готовыхъ братски и восторженно броситься въ ихъ объятія; они не могли не понимать, что это братское чувство (даже въ бѣлоруссѣ) совершенно имъ чуждо, что самые раскольники, чистокровные великоруссы, сжились съ краемъ и сошлись съ людьми другихъ племенъ и вѣрованій, — по меньшей мѣрѣ до ослабленія къ намъ братскаго чувства. Люди прошлаго вѣка, воспитанные въ идеѣ строгой государственности, не могли не примѣтить такого крупнаго факта, какъ существованіе въ литовскомъ краѣ государственности польской, культуры польской, и считали ребячествомъ отрицать ихъ, понимая въ тоже самое время очень хорошо, что *Москаль* и *Ляхъ* были не одни бранныя слова, не пустые звуки, а живые типы двухъ гражданственностей, и что большую часть всего *ляшскаго* и *московскаго* можно приложить не къ однимъ чистокровнымъ полякамъ и великоруссамъ. Все это непремѣнно долженъ

имѣть въ виду историкъ новѣйшаго времени для того, чтобы безпристрастно судить о дѣятельности князя Репнина на Литвѣ въ важный моментъ окончательнаго ея присоединенія къ Россіи. Къ этой дѣятельности нельзя прилагать нашихъ современныхъ требованій, нашихъ взглядовъ на народъ и государство. Но каковы бы ни были требованія и взгляды, трудность положенія князя Репнина нисколько не умаляется: *онъ никому не могъ дать безусловной вѣры, но и никого не могъ отталкивать.*

Не могъ, тѣмъ менѣе, отталкивать отъ себя кн. Репнинъ тогдашняго литовскаго дворянства, еще могущественнаго своимъ значеніемъ въ странѣ: въ душѣ онъ презиралъ его за суетность, политическую безтактность и глубокую нравственную распущенность; но онъ не могъ не вести съ нимъ счетовъ, не могъ не привлечь его. Конфискуя имѣнія лицъ, участвовавшихъ въ послѣднемъ возстаніи какъ измѣнниковъ, князь Репнинъ долженъ былъ потомъ, когда эти измѣнники становились русскими подданными, *всероссійскимъ дворянствомъ*, иначе смотрѣть на нихъ, долженъ былъ облегчить имъ во всякомъ случаѣ не легкій переходъ изъ однихъ, и при томъ совершенно противуположныхъ, формъ государственнаго быта въ другія. Вотъ почему мы часто встрѣчаемъ кн. Репнина небезучастнымъ ходатаемъ за интересы литовскихъ помѣщиковъ. Указываемъ на нѣкоторые факты, большею частію заимствованные изъ переписки князя со всемогущимъ въ то время фаворитомъ, гр. Платономъ Зубовымъ; эти факты любопытны и для характеристики литовскаго дворянства. Воевода новогрудскій Неселовскій, человѣкъ, по выраженію Репнина, первой знатности въ Литвѣ, и уже преклонныхъ лѣтъ, былъ душею и руководителемъ послѣдняго литовскаго возстанія. Генералъ Кноррингъ поймалъ его въ лѣсу и представилъ генералъ-губернатору. Князь Репнинъ велѣлъ жить ему въ Вильнѣ подъ присмотромъ, впредь до высочайшаго распоряженія, давая ему пристойное содержаніе „и не дѣлая ему никакого озлобленія". Сынъ этого Неселовскаго, бывшій также между „самыми зараженными начальниками" возстанія, узнавъ объ арестѣ отца, явился въ Литву къ генералъ-губернатору, съ паспортомъ, выданнымъ ему Суворовымъ, и съ просьбою о свиданіи съ отцомъ. Князь Репнинъ, на основаніи высочайшаго повелѣнія, потребовалъ отъ Неселовскаго-сына присяги на подданство; но послѣдній отказался отъ этого, а потому и не допущенъ былъ до свиданія съ отцомъ и долженъ былъ ѣхать обратно въ Варшаву. Неселовскій-отецъ былъ слишкомъ 70 лѣтъ и былъ женатъ на сестрѣ бывшаго

Виленскаго епископа князя Масальскаго; женѣ его, также древней старухѣ, дозволено было жить съ мужемъ въ Вильнѣ. Неселовскій „главнѣйшее орудіе литовскаго бунтованія", участіе свое въ возстаніи объяснилъ ненавистью къ гетману Косаковскому, пожертвовавшему своею жизнію за преданность къ Россіи, но *нагло* отнявшему у него одну большую деревню. Прося помилованія и дозволенія принести присягу на вѣрноподданство, онъ, первый членъ центральнаго литовскаго комитета, сознавался, что „*во время мятежа надобно было или съ мятежниками быть, или идти на казнь*". Князь Репнинъ, прося дозволенія допустить его къ присягѣ увѣрялъ, что Неселовскій будетъ вѣренъ, какъ потому, что испыталъ тщету и гибель прежнихъ затѣй, такъ и оттого, что онъ человѣкъ честныхъ и твердыхъ правилъ.

Очень любопытенъ слѣдующій разсказъ самого Репнина (въ письмѣ къ гр. Салтыкову): „Есть нѣкто староста Карпъ, который былъ въ начальникахъ между литовскихъ возмутителей, такожъ и на революціонномъ сеймѣ былъ, хотя не между начальниками, но въ числѣ тѣхъ, которые охотно приступили къ конституціи 3-го мая. Теперь (въ октябрѣ), явился онъ у ген.-поруч. князя Голицына прося прощенія и позволенія въѣхать въ его деревни, въ упитскомъ повѣтѣ лежащія, объявляя, что онъ *по принужденію* долженъ былъ оставаться между мятежниками, заѣхавъ *нечаянно* въ Вильну наканунѣ тамошняго бунта, гдѣ былъ *противъ воли* задержанъ и посаженъ членомъ въ ихъ главную коммиссію: которое (это самое) и другіе обыватели кн. Голицыну подтверждаютъ; а притомъ то вѣроятно и потому (происходило), что *онъ человѣкъ богатый и скупой, котораго обобрали въ томъ мятежническомъ сонмищѣ подъ предлогомъ патріотическихъ даровъ*"[1]).

Грановскій, одинъ изъ богатыхъ помѣщиковъ въ Литвѣ, Бѣлоруссіи и Галиціи, передъ началомъ возстанія жилъ въ своемъ помѣстьѣ, въ 7 миляхъ отъ Вильны, гдѣ былъ захваченъ мятежни-

[1]) Нечего удивляться, что эти и другія, приводимыя нами черты польскихъ нравовъ, сохраняются доселѣ. Любопытно въ этомъ отношеніи прочесть 2-ю главу 2-й части Мемуаровъ Михаила Огинскаго, бывшаго членомъ провизоріальнаго совѣта въ Вильнѣ въ 1794 г. Здѣсь представлена знакомая по послѣднему мятежу сцена. На погулянкѣ собирается толпа въ нѣсколько тысячъ. Огинскій говоритъ пламенную рѣчь, въ которой слова: *свобода, просвѣщеніе, Европа, Москали, варварство, цѣпи, Сибирь* и проч. перекрещиваются и возбуждаютъ крики, потрясающіе воздухъ и отдающіеся эхомъ въ Виленскихъ горахъ. Восторгъ неподдѣльный; женщины, составляющія большую половину всей народной массы, проливаютъ слезы!

ками и страхомъ смерти завербованъ въ банду. Еще до прихода шайки въ его деревню, Грановскій письменно просилъ покровительства и защиты у нашихъ войскъ, у капитана артиллеріи Тучкова; но, послѣдній, занятый спасеніемъ артиллеріи и людей при отступленіи нашихъ войскъ изъ Вильны, не могъ оказать помощи Грановскому. Пробывъ двѣ недѣли въ бандѣ, Грановскій бѣжалъ оттуда въ свои галицкія помѣстья, гдѣ и жилъ мирно, не вмѣшиваясь въ политическія дѣла. Съ старикомъ Грановскимъ были захвачены подъ Вильною сынъ его и пасынокъ Пацій (Пацъ); они приняли уже дѣятельное участіе въ возстаніи: сынъ-Грановскій былъ убитъ при взятіи Праги, а Пацій раненъ и потомъ невѣдомо куда дѣвался. Грановскій-отецъ былъ извѣстенъ съ хорошей стороны и могилевскому генералъ-губернатору П. Б. Пассеку. Репнинъ принялъ участіе въ судьбѣ Грановскаго изъ опасенія, чтобы онъ не потерпѣлъ „понапрасну нарѣканіе невѣрнаго и вѣроломнаго подданнаго", считая, конечно, недостойнымъ и постыднымъ для себя допытываться и докапыватся въ тайникѣ души: да подлинно такъ ли это? Въ ту трудную пору, при первомъ актѣ сліянія двухъ народностей и государственностей, такая іезуитская пытливость, совершенно несвойственная нашему національному великодушію, была бы положительно вредна: и некогда было докапываться до душевныхъ тайниковъ, и нельзя же было оставлять безъ вниманія, на произволъ судьбы, людей дѣйствительно намъ преданныхъ, заявляющихъ о своей преданности и даже спекулирующихъ несомнѣнно ею. Такъ Репнинъ переписывается съ старымъ графомъ Ржевусскимъ, жившимъ въ Пизѣ съ 1783 г. по причинѣ болѣзни и не принимавшемъ никакого участія въ послѣднемъ возстаніи. Старый графъ, давнишній знакомый князя [1]) и лично извѣстный императрицѣ, тотчасъ далъ присягу въ вѣрности, но возвратиться въ свои помѣстья, Богуславъ и Новый Константиновъ, не могъ, почему онѣ и были секвестрованы. По ходатайству Репнина этотъ секвестръ былъ снятъ. Извѣщая объ этомъ Ржевусскаго, Репнинъ, между прочимъ пишетъ: „Вы правы были, любезный графъ, сказавъ, что ваше отечество сумазбродствовало. Жаль только, что невинные страдаютъ при этомъ столько же, сколько и виновные; но таковъ жребій бѣднаго человѣчества!"

[1]) Это, кажется, Вацлавъ Ржевусскій, краковскій воевода, строгій консерваторъ и врагъ всякихъ нововведеній, сосланный Репнинымъ въ Калугу въ 1768 г., за противодѣйствіе въ диссидентскомъ дѣлѣ. (Послѣд. годы Р. Посп., стр. 94—97).

Приходилось Репнину просить и за тѣхъ, въ которыхъ потомъ онъ обманывался, какъ въ воеводѣ мстиславскомъ Хоминскомъ. Словомъ, приходилось сплошь и рядомъ помогать, оставляя въ сторонѣ всякаго рода пытливость и подозрительность. Такъ Репнинъ освобождаетъ отъ большой контрибуціи имѣніе помѣщика Шидловскаго, старосты Мельницкаго, на томъ основаніи, что Шидловскій, преданный Россіи, во время послѣдняго возстанія въ Варшавѣ, передался русскимъ войскамъ, домъ его былъ разграбленъ, а жена его уѣхала къ своей матери въ Галицію, не допытываясь—такова-ли жена, какъ мужъ? Такъ онъ заботливо охраняетъ интересы наслѣдниковъ бывшаго епископа виленскаго кн. Масальскаго, пожертвовавшаго жизнію за свою преданность Россіи, не допытываясь о степени ихъ благонадежности; у князя Масальскаго были дома въ Гроднѣ и Вильнѣ и дача близь послѣдняго города, знаменитые по своему прелестному мѣстоположенію *Верки*. Или вотъ такое заступничество, въ письмѣ къ гр. П. Зубову, за графиню Хоткевичъ; „Графиня Хоткевичева сказывала мнѣ, что она просто по почтѣ осмѣлилась писать прошеніе къ ея и-му в-ству, равнымъ образомъ и къ вашему с-ству писала о своемъ дѣлѣ, состоящемъ въ томъ, что высочайшимъ указомъ повелѣно Т. И. Тутолмину деревни ея наслѣдственныя только въ пожизненное владѣніе ей отдать; почему и запрещеніе сдѣлано: ни продавать ихъ, ни закладывать; а тѣ деревни принадлежатъ дѣтямъ ея, ей же—только по праву доживать. Покойный мужъ ея, какъ вашему с-ству извѣстно, былъ въ службѣ ея и-аго в-ства генералъ-поручикомъ; она же женщина не такихъ качествъ, съ каковыми вмѣшиваются въ интриги и партіи, а простая и добрая; а дѣти ея—большой сынъ совсѣмъ полоумный, а меньшой — ребенокъ въ 18 лѣтъ (!), котораго ни лѣта, ни свойство не могли ему позволить быть мятежникомъ. Но минувшее бунтованіе застало ихъ въ Варшавѣ и онъ записанъ былъ въ ту сборную армію, однако ни гдѣ и никогда ни во что употребляемъ не былъ, пролежа все время въ постелѣ (!!), сколько частію по болѣзни, столько же и отъ страху. Сей послѣдній сынъ, при жизни еще отца, записанъ былъ въ Измайловскій полкъ и теперь въ ономъ находится сержантомъ, уже вторымъ по старшинству. Я бы прислалъ его на службу въ полкъ; но онъ, кажется мнѣ, здоровья весьма слабаго, а при томъ, по знатности сей фамиліи, безъ высочайшаго разрѣшенія, сего сдѣлать не осмѣливаюсь. Но поелику они и здѣсь имѣютъ деревни, коими пользуются, какъ покойные, послушные и вѣрные поддан-

ные; то, по сей причинѣ, осмѣливаюсь представить просьбу гр. Хоткевичевой и за нее ходатайствовать, чтобы ей и дѣтямъ имѣнія ихъ вездѣ всемилостивѣйше возвращены были, съ тѣми всѣми правами наслѣдственными, какъ они оными предъ симъ владѣли, прося покорнѣйше вашего милостиваго къ нимъ покровительства, а меня благосклонно увѣдомить—какое послѣдуетъ высочайшее по сему повелѣніе?“ То же заступничество, вниманіе къ полякамъ мы вездѣ видимъ—въ Минскѣ, Кіевѣ, Варшавѣ; просятъ за нихъ Пассекъ, Тутолминъ, Румянцевъ, Суворовъ. Предписывая изловить начальника банды Сулистровскаго, скрывавшагося въ крестьянскомъ платьѣ, по разбитіи его шайки пруссаками и пробиравшагося на Жмудь, по слухамъ, въ свои помѣстья, къ матери, князь Репнинъ не только дозволяетъ этой послѣдней, урожденной Пацъ, спокойное пребываніе въ ея секвестрованномъ имѣніи, но и приказываетъ, „въ уваженіи ея невинности и старыхъ лѣтъ“, давать для ея содержанія треть изъ доходовъ, получаемыхъ съ ея помѣстій. Впрочемъ, доходы съ секвестрованныхъ имѣній, собираемые частію нашими коммиссарами, частію мѣстными *порендковыми коммисіями*, въ такомъ только случаѣ поступали сполна въ казну, когда владѣлецъ имѣнія, находясь въ конфедераціи и въ вооруженныхъ шайкахъ, не возвращался въ Литву, или же, возвратившись, не давалъ подписки (рецесса) не участвовать болѣе ни въ какихъ мятежахъ и не принималъ присяги; но жены и родственники участвовавшихъ въ возстаніи пользовались частію доходовъ даже и въ этомъ случаѣ, если только они обращались къ милосердію императрицы. Возвращавшіеся въ Литву сами собою или присылаемые прусскими властями, но недававшіе *рецесса* (отреченія отъ мятежа) и присяги, снова высылались за границу Литвы, и имѣнія ихъ поступали въ казну. Но, независимо отъ этого необходимаго заступничества, литовское дворянство было особенно благодарно своему генералъ-губернатору за то, что онъ не оставилъ безъ вниманія самаго существеннаго и дорогаго для него интереса—повиновенія крестьянъ своимъ помѣщикамъ. Этотъ вопросъ въ ту эпоху, о которой мы пишемъ, иначе и не могъ быть разсматриваемъ, какъ въ интересѣ послѣднихъ: помѣщики, давшіе рецессъ и принесшіе присягу, могли быть спокойными на счетъ этого повиновенія. Сдѣлалось извѣстнымъ, что князь Репнинъ въ офиціальныхъ бумагахъ, гдѣ только говорилось объ отношеніяхъ крѣпостныхъ къ господамъ, запретилъ упоминать имя Косцюшки, провозгласившаго было освобожденіе первыхъ; идеи свободы такого рода въ концѣ царствованія Екатерины назывались у насъ „якобинскими правилами“. Сама Императрица въ указѣ Тутолмину отъ 17-го мая 1794 г., по поводу покровительства уніатамъ, обращающимся *къ благочестію* (въ православіе), пишетъ: „но дабы при подобномъ, присоединеніи къ церкви нашей того желающихъ не взяли сіи послѣдніе за поводъ уклониться отъ повиновенія помѣщикамъ или же къ другимъ своевольствамъ“ [1]). Князь Репнинъ, независимо отъ дуновенія политическаго вѣтра, по самой природѣ своей, былъ противникомъ освобожденія крѣпостныхъ. Это мы видѣли при усмиреніи имъ крестьянскихъ волненій во внутреннихъ русскихъ губерніяхъ въ 1797 году [2]); это еще замѣтнѣе обнаружилось въ Литвѣ и при подавленіи возстанія, и въ томъ, можно сказать, ожесточеніи, съ какимъ онъ преслѣдовалъ сподвижниковъ Косцюшки. Въ числѣ послѣднихъ былъ генералъ-поручикъ *Мирбахъ*, родомъ курляндецъ, начальствовавшій отрядомъ, расположеннымъ въ Курляндіи, гдѣ онъ возбудилъ крестьянъ противъ помѣщиковъ, обѣщаніемъ свободы. Съ русскимъ паспортомъ, даннымъ ему въ Варшавѣ для проѣзда на Жмудь, Мирбахъ явился въ Гродно къ литовскому генералъ-губернатору, въ чаяніи, конечно, свободнаго пропуска, какъ это дѣлалось для многихъ; но князь Репнинъ, „въ разсужденіи его столь неистоваго поведенія“, приказалъ его арестовать и отправилъ въ Ригу подъ особый присмотръ тамошняго губернатора фонъ-деръ-Палена и, при томъ, съ довѣреннымъ лицемъ, премьеръ-маіоромъ Барклаемъ-де-Толли, въ послѣдствіи знаменитымъ фельдмаршаломъ. Въ письмѣ къ фавориту, графу Платону Зубову, Репнинъ упираетъ на *неистовства* Мирбаха, на великую отвѣтственность его передъ судомъ его соотчичей, на пользу преданія несчастнаго агитатора этому суду; изъ нашихъ источниковъ неизвѣстно, чѣмъ кончилось это любопытное дѣло. Подобные взгляды начальника края, и отвращеніе его ко всякаго рода якобинизму, были очень выгодны для литовскаго дворянства и, конечно, въ ущербъ крестьянскимъ интересамъ; но кн. Репнинъ никогда не былъ тѣмъ, что потомъ стали называть *полонофиломъ*, въ смыслѣ подобострастія къ всему польскому [3]). Въ его время, повторяемъ, еще не были извѣстны измыш-

[1]) Полн. Собр. Законовъ, т. XXIII, стр. 511—512.

[2]) См. нашу статью въ 3 № «Русск. Архива». 1869 г.

[3]) Тѣмъ не менѣе, однакоже, г. Костомаровъ считаетъ справедливымъ упрекать его въ этомъ (см. стр. 97), объясняя полонофильство Репнина вліяніемъ его возлюбленной (1768 г.), княгини Изабеллы Чарторыйской,

ленныя, теоретическія отношенія къ живой, хотя бы и чужой жизни: съ ней дѣлали то, что можно было сдѣлать; о невозможномъ не мечтали. Репнинъ глубоко понималъ окружающую его среду и презрительно относился къ нравственной ея испорченности. Конечно онъ не изумлялся, видя, какъ, въ одно и тоже время, одни изъ польскихъ помѣщиковъ устраиваютъ вѣрноподданническія депутаціи къ новой верховной власти; другіе торжественно отрекаются отъ своего польскаго имени, предавая его отвратительному поруганію; третьи проклинаютъ Косцюшку и его „якобинскія правила"; четвертые носятъ на груди портреты и медальоны того же Косцюшки. Репнинъ былъ очевидцемъ примѣненія французскихъ началъ 1789 года къ закорузлой въ рабствѣ и анархіи польской почвѣ,—революціи (но во имя стараго режима) въ верхнихъ слояхъ и давленія въ нижнихъ. Какъ онъ себя чувствовалъ въ этой невыносимо-душной атмосферѣ, мы увидимъ ниже изъ частной его переписки съ графомъ Н. И. Салтыковымъ; но симпатіи, влеченія онъ вовсе не чувствовалъ, тѣмъ менѣе подчиненія, подобострастія къ польской цивилизаціи. Людямъ, подобнымъ Репнину, послѣднее показалось бы просто смѣшнымъ.

Литовское дворянство могло радоваться собственно только одному, т. е. тому, что якобинскія правила Косцюшки не восторжествуютъ; во всемъ-же остальномъ Репнинъ не много на него полагался. Такъ, узнавъ, что нѣкоторые начальники дивизій, для ускоренія присяги и водворенія въ краѣ порядка, составляютъ изъ помѣщиковъ коммиссіи, Репнинъ высказываетъ имъ полное свое неудовольствіе, замѣчая, что они этимъ созваніемъ превышаютъ свою власть и что устраивать въ землѣ, теперь намъ принадлежащей, порядокъ „посредствомъ владычествуемаго въ ней неустройства и безпорядка", не только вредно, но и опасно: ибо, замѣчаетъ генералъ-губернаторъ, коммиссіи легко могутъ повлечь за собою новыя скопища мятежниковъ. „Мы должны", превосходно оканчиваетъ Репнинъ одно изъ такихъ наставленій, „единственно стараться держать землю къ себѣ въ страхѣ и почтеніи, выигрывая послѣднее сколь можно болѣе справедливостію, оказываемою поселянамъ, сберегая ихъ по возможности, и строгимъ взысканіемъ, если бы кто дерзнулъ изъ военно-служащихъ имъ напрасныя обиды дѣлать: *симъ способомъ лучше и сердцами, и землею овладѣть будетъ можно*". Съ тѣмъ же неудовольствіемъ отнесся Репнинъ къ другому распоряженію одного изъ подчиненныхъ ему генераловъ, дозволившаго, еще до взятія Праги, слѣдовательно въ самый разгаръ возстанія, съѣзды помѣщиковъ для составленія судовъ: князь запретилъ съѣзды и приказалъ закрыть такіе суды, дозволивъ дивизіоннымъ начальникамъ имѣть при себѣ, для производства суда, особыхъ коммиссаровъ изъ мѣстныхъ благонадежныхъ жителей, давшихъ рецессъ.

матери знаменитаго въ послѣдствіи кн. Адама, кажется сына нашего масона. О значеніи польскихъ женщинъ скажемъ ниже; но толки о полонофильствѣ мы считаемъ жалкимъ продуктомъ извѣстнаго сорта нашей публицистики.

Не одними словами ограничилъ князь Репнинъ свое сочувствіе къ крестьянскому населенію организуемаго имъ края: онъ обратилъ вниманіе на самый главный, существенный предметъ, касающійся народнаго благосостоянія,—на подати и налоги. По постановленію послѣдняго гродненскаго сейма, подати съ крестьянъ собирались по четвертямъ года,—въ январѣ, мартѣ, іюнѣ и сентябрѣ. Одинъ изъ начальниковъ дивизій, расположенныхъ на Жмуди, генералъ-поручикъ кн. Сергѣй Голицынъ, приказалъ было собрать подати въ декабрѣ 1795 г., за весь истекавшій годъ; но податныя коммисіи отозвались, что онѣ уже три раза заплатили подати: въ январѣ и мартѣ законному, а въ іюнѣ революціонному правительствамъ. Узнавши объ этомъ, кн. Репнинъ велѣлъ брать подати только за послѣднюю сентябрскую четверть, „понеже, замѣчаетъ онъ, обыватели принуждены были многіе и противъ воли своей доходы взносить."

Одновременно съ дозволеніемъ Репнину обнародовать отъ его имени манифестъ, т. е. того же 30 октября 1794 г., императрица приказала раздѣлить великое княжество Литовское, для лучшаго имъ управленія, на три части, такъ чтобы города: Вильна, Гродно, Ковно или Кейданы,—были главными административными центрами; „блюдителями" исполнительной власти назначались „корпусные войскъ начальники," которыхъ генералъ-губернаторъ долженъ былъ снабдить своими инструкціями; изъ этихъ четырехъ городовъ Гродно избиралось главнымъ, центральнымъ пунктомъ, резиденціею главнаго начальника края, гдѣ и было *Верховное Литовское Правленіе*, состоявшее изъ 4-хъ отдѣленій: 1) казеннаго, 2) уголовнаго, 3) гражданскаго и 4) экономическаго. Начальниками этихъ отдѣленій назначались: полковникъ Фризель, бригадиръ Русановъ, надворный совѣтникъ Волковъ и преміеръ-маіоръ Литкъ; въ помощь этимъ начальникамъ, придавались товарищи, подъ именемъ *экспедиторовъ*, изъ мѣстнаго дворянства. Прежніе *земскіе* и *гродскіе* суды, рату-

ши и магистраты оставлялись въ своей силѣ съ обязательствомъ дѣйствовать именемъ Всероссійской императрицы и притомъ «порядкомъ, до конституціи 3-го мая въ польской республикѣ существовавшимъ» [1]). Оставлялся при отправленіи своихъ дѣйствій и литовскій трибуналъ, куда переносились апелляціи, по дѣламъ гражданскимъ, изъ земскихъ и гродскихъ судовъ; но недовольные рѣшеніемъ трибунала обращались въ Верховное Правленіе, какъ послѣднюю инстанцію по всякаго рода дѣламъ. Пытки и опредѣленіе смертной казни, „яко неизвѣстныя у народовъ скипетромъ нашимъ управляемыхъ и вовсе нами изпровергенныя“ (какъ выражается указъ 30 октября), строго запрещались [2]). Предписывая Репнину допускать къ присягѣ на вѣрноподданство только тѣхъ изъ „отсутствующихъ“ литовскихъ помѣщиковъ, которые, по возвращеніи въ край, представятъ благонадежныя свидѣтельства въ неучастіи ихъ въ мятежѣ, императрица приказывала удалить отъ дѣлъ людей, опредѣленныхъ революціоннымъ сеймомъ и обратить вниманіе на управителей королевскихъ имѣній въ Шавляхъ, которыя, какъ мы видѣли, считались очагомъ инсурекціи. „Своевольное и повсемѣстное въ Литвѣ печатаніе книгъ, яко зло, многими и очевидными опытами дознанное, повсюду благонравіе жителей и ихъ спокойствіе разрушающее, долженствуетъ (говоритъ императрица въ томъ же рескриптѣ) привлечь на себя особливое ваше воззрѣніе.“ Съ этою цѣлію литовскій генералъ-губернаторъ долженъ былъ „собрать въ Гродно“ всѣ существующія въ краѣ типографіи, учредить цензуру и истребить „всѣ напечатанные во время бунта возмутительные акты и прочіе, всякаго названія, сочиненія и листы“ [3]). На мѣсто убитаго инсургентами, преданнаго Россіи, виленскаго римско-католическаго епископа князя Масальскаго, императрица назначила Коссаковскаго, съ наименованіемъ его *епископомъ инфляндскимъ*; католическое духовенство другихъ національностей не имѣло права въѣзда въ Литву; всѣ монашескіе ордена подчинялись епископу и „не дерзали навлекать на себя зависимость отъ какой либо духовной власти, внѣ имперіи пребывающей;“ папскія буллы и посланія не могли быть принимаемы,— онѣ должны быть, тотчасъ по полученіи, отсылаемы къ генералъ-губернатору [4]). Болѣе года находилась Литва во временномъ,

[1]) Полн. Собр. Закон. Т. XXIII, стр. 574.
[2]) Ibid. стр. 576.
[3]) Ibid. Стр. 577—578.
[4]) Ibid. Стр. 763—764.

военномъ, положеніи, подъ управленіемъ начальниковъ военныхъ отрядовъ. Только 14 декабря 1795 г. императрица дала указъ Сенату, извѣщающій о присоединеніи на вѣчныя времена къ Россіи великаго княжества Литовскаго и о раздѣленіи его на губерніи; но введеніе въ край учрежденій о губерніяхъ могло воспослѣдовать не ранѣе 96-го года,—да и то, какъ увидимъ, шло весьма медленно. Если время, предшествующее занятію нашими войсками Литвы, парализовало всѣ производительныя силы этой страны; то силы эти не ожили и по очищеніи его отъ революціонныхъ шаекъ, при наступленіи покоя. Этому мѣшало военное положеніе, печальная необходимость всякаго рода справокъ о благонадежности лицъ, почему либо выдающихся, сортировка ихъ, остановившаяся производительность и т. п. Къ чести Репнина должно сказать, что онъ держалъ сторону не однихъ помѣщиковъ. Въ краѣ, не смотря на испытанныя имъ потрясенія, все еще находились нѣкоторыя фабрики и заводы, какъ напр., суконные, полотняные, табачные; были и компаніи для этихъ и иныхъ производствъ. Все это пріостановилось; рабочіе остались безъ дѣла; товаръ частію залежался, частію былъ конфискованъ. Репнинъ усиленно хлопоталъ о томъ, чтобы пустить въ ходъ такой родъ производительности, но возня съ рецессами и повѣрками въ благонадежности мѣшали этому. Но производительность умственная, просвѣщеніе и литература, положительно были заподозрѣны новымъ правительствомъ и, поэтому, пріостановлены въ своемъ движеніи. Виленская академія, или университетъ, и школы, содержимыя піарами, для воспитанія дворянскаго юношества, возбудили къ себѣ подозрѣніе императрицы Екатерины [1]). Поручая эти училища особому надзору кн. Циціанова, Репнинъ пишетъ: „Предлагаю вашему с—ству обратить вниманіе ваше на воспитаніе юношества, по возможности сего, дабы впредь основывалось оное на повиновеніи Божіему и гражданскому законамъ; а какъ извѣстно, что виленская академія, а паче школы піаристовъ, неистовыми, богопротивными и для всего рода человѣческаго пагубными вліяніями литовское юношество заражали,— то съ глубочайшею прозорливостію испытать сіи училища вредныя, и проистекающее отъ нихъ зло въ самомъ его источникѣ изсякать и по возможности искоренять, къ чему всякіе способы и старанія употребить“. Кн. Циціанову вмѣнено было въ обязанность доставить именные списки всѣхъ академическихъ профессоровъ, число школъ,

[1]) Полн. Собр. Закон. Т. XXIII, стр. 576—577.

содержимыхъ піарами, мѣстонахожденіе ихъ, списки учителей, съ обозначеніемъ ихъ національности, состоянія, времени пребыванія въ Литвѣ, такіе же списки учащихся, съ указаніемъ мѣстныхъ литовскихъ уроженцевъ, о средствахъ школъ, програму занятій и проч. Впрочемъ, мнѣніе Репнина о виленской академіи нисколько не помѣшало ея ректору Почобуту быть чуть не ежедневнымъ гостемъ короля Станислава-Августа въ Гроднѣ.

Въ высочайшемъ указѣ, данномъ правительствующему сенату 14-го декабря 1795 г., велѣно было раздѣлить Литву на двѣ губерніи,—виленскую и слонимскую; при чемъ губернаторами назначались: первой—генералъ-маіоръ Тормасовъ, второй—генералъ-маіоръ Новицкій; въ виленской вице-губернаторомъ былъ опредѣленъ полковникъ Фризель, въ слонимской—коллеж. совѣтникъ Волковъ. Одновременно съ указомъ, Сенатъ долженъ былъ обнародовать высочайшій манифестъ къ жителямъ присоединенной провинціи и озаботиться приведеніемъ ихъ къ присягѣ [1]); въ этомъ манифестѣ, послѣ извѣщенія о присоединеніи Литвы, императрица обращается къ новымъ своимъ подданнымъ, между прочимъ, съ слѣдующими словами: „обнадеживаемъ притомъ (васъ) императорскимъ нашимъ словомъ, за насъ и наслѣдниковъ нашихъ, что не токмо свободное исповѣданіе вѣры, отъ предковъ вами наслѣдованной, и собственность, законно каждому принадлежащая, въ цѣлости соблюдены будутъ; но что отъ сего времени каждое состояніе народное вышеозначенныхъ областей имѣетъ пользоваться и всѣми правами, вольностями и преимуществами, каковыми древніе подданные россійскіе, по милости нашихъ предковъ и нашей, пользуются.“ [2]).

Первымъ слѣдствіемъ паденія Польши былъ страшный наплывъ поляковъ вездѣ по Россіи, особенно въ Петербургѣ,—объ этомъ единогласно свидѣтельствуютъ современники этого событія въ своихъ запискахъ. Но они примирялись съ этимъ неизбѣжнымъ явленіемъ, какъ примирялись русскіе люди до-екатерининскаго времени съ *наплывомъ нѣмецкимъ:* абсорбація, поглощеніе въ большихъ размѣрахъ разныхъ народностей, — удѣлъ каждой великой націи. При Екатеринѣ II понимали важность и нелегкость этого поглощенія, и не морщились, вкушая эту историческую снѣдь. Громадное государство нуждалось въ громадѣ слугъ, въ рядахъ коихъ толпились нѣмцы и поляки; служба государству, до извѣстной степени, успокоивала въ нихъ все тревожное, ассимилировала ихъ, роднила съ русскими и съ Россіей. Служба государству и для русскаго человѣка была тогда все,—лучшій патентъ на «благонадежность», „патріотизмъ“ и всякаго рода доброкачественность, толки о которыхъ появляются лишь въ болѣзненныя эпохи нетерпимости. Русское общество екатерининскаго времени, какова бы ни была степень его умственнаго развитія, могло похвалиться самымъ бодрымъ, юношескимъ здоровьемъ. Оно не раболѣпствовало предъ иноплеменниками, не чуралось ихъ, держало себя съ достоинствомъ и внушало къ себѣ уваженіе. По свидѣтельству современниковъ, [1]) поляки тщеславные и заносчивые, при малѣйшей удачѣ, въ эту пору были всего покойнѣе и доброжелательнѣе къ русскимъ. Русское общество вездѣ встрѣчало ихъ съ полнымъ радушіемъ; но самый радушный пріемъ они встрѣтили въ Петербургѣ, препрославленномъ своею антинаціональностію, но точнѣе— всегда болѣе терпимомъ, всегда вѣрнымъ представителемъ европейскаго характера русской гражданственности. Здѣсь обращено было особенное вниманіе на главныхъ коноводовъ послѣдней польской революціи,—Косцюшко, Игнатія Потоцкаго и Нѣмцевича. Ихъ содержали очень хорошо, въ спокойномъ и удобномъ помѣщеніи и не стѣсняли въ образѣ занятій; Косцюшко, напр., могъ совершенно свободно читать, рисовать, работать на токарномъ станкѣ [2]).

Для того, чтобы организація вновь присоединеннаго края возъимѣла надлежащій ходъ, чтобы изъ военнаго управленія перейти въ гражданское, требовалось подробнѣйшее ознакомленіе съ краемъ и съ существовавшими прежде въ немъ порядками; съ этою цѣлію князь Репнинъ обратилъ особое вниманіе на собираніе всякаго рода статистическихъ и иныхъ свѣдѣній, которыя находились или предполагались существующими въ гродненскомъ трибуналѣ, въ скарбовой коммиссіи, въ гродскихъ канцеляріяхъ, или же отбирались отъ лицъ, которыя занимали офиціальныя должности при прежнемъ правительствѣ. Весь 1795-й и большая половина слѣдующаго года, т. е. до окончательнаго введенія учрежденія о губерніяхъ, употреблены на собираніе разнаго рода свѣдѣній, на ознакомленіе съ краемъ и на постепенный переходъ отъ одной формы управленія въ другую. А тутъ еще ко всему этому, ко всей этой обузѣ,

[1]) Въ третій разъ. Первая присяга сопровождала обнародованіе репнинскаго манифеста, высочайше утвержденнаго 30 октября 94 г.; вторая присяга, съ приложеніемъ самой ея формы,—въ указѣ Репнину (Пол. Собр. Зак. № 17, 272, стр. 599, т. XXIII), отъ 22 ноября 1794 г.

[2]) Полн. Собр. Закон. Т. XXIII., № 17, 418, стр. 845—846.

[1]) См. Воспоминанія Ф. Ф. Вигеля, Т. I, стр. 88—94.

[2]) M. Oginski, Mémoires sur la Pologne et Polonais, T. II, p. 201.

лежавшей на плечахъ кн. Репнина,—польскій король съ цѣлымъ дворомъ въ Гроднѣ, возня съ нимъ, заботы о немъ!

Изъ краткаго офиціальнаго описанія образа жизни короля Станислава-Августа въ Гроднѣ, въ продолженіе перваго мѣсяца его тамъ пребыванія, видно, что литовскій генералъ-губернаторъ нерѣдко навѣщалъ своего гостя, нерѣдко бесѣдовалъ съ нимъ съ глазу на глазъ. Въ слѣдующемъ любопытномъ письмѣ, отъ 5 января, къ императрицѣ кн. Репнинъ сообщаетъ, о чемъ именно шла у нихъ бесѣда:

„Съ пріѣзда королевскаго, видясь съ нимъ повседневно, нахожу, что онъ съ одной стороны надежду почти теряетъ остаться на своемъ мѣстѣ, а съ другой еще совершенно въ томъ не отчаявается, почему въ его разговорахъ часто разными образами трогается сего предмета. Я всегда ему твержу, что жребій Польши рѣшенъ, что,—для покоя и тишины сосѣднихъ державъ, яко государственнаго главнѣйшаго уваженія (интереса), и даже для истиннаго блага самихъ поляковъ,—нельзя имъ остаться, послѣ происшедшаго, въ ихъ прежнемъ положеніи. Употребляю къ тому образъ моего стараго обхожденія, почти сорокалѣтняго съ его величествомъ знакомства: говорю ему съ ласкою, что, при таковомъ рѣшеніи жребія земли его, должно ему помышлять о его собственномъ жребіи, и что лучшій способъ къ устроенію онаго есть—предаться съ неограниченною довѣренностію волѣ и покровительству вашего императорскаго величества. Примѣчаю я, что сіе въ немъ дѣйствуетъ, и что ежели такъ скоро онъ еще не рѣшился совершенно; то происходитъ сіе отъ нѣкотораго слабаго остатка надежды,—что авось-либо не перемѣнится какъ судьба Польши! Межъ тѣмъ нашелъ я, что голова его весьма смѣшана и развлечена на множество мелкостей, его занимающихъ и относящихся къ частнымъ людямъ, по большей части ничего незначущимъ, которые его о своихъ дѣлахъ просили и которымъ онъ надѣлалъ разныя обѣщанія. Я все сіе отклоняю неудобнымъ теперь къ тому временемъ, наводя его, при всякомъ случаѣ, на нужду ему, прежде всего, думать о самомъ себѣ, послѣ чего онъ, можетъ быть, найдется въ состояніи и другимъ нѣкоторымъ быть полезнымъ. При всемъ таковомъ его возмущающемся еще положеніи, уповаю, всемилостивѣйшая государыня, что скоро онъ яснѣе и рѣшительнѣе о преданіи себя въ волю вашего императорскаго величества говорить станетъ."

Это письмо, какъ равно выдержки изъ другихъ, приводимыхъ нами, какъ нельзя болѣе доказываютъ, что едва ли былъ другой человѣкъ, который бы зналъ на столько Станислава Понятовскаго, какъ князь Репнинъ.

Не только безъ гроша денегъ, но и по уши въ долгахъ, при-

былъ въ Гродно послѣдній король польскій: не мудрено, что голова его была „смѣшанна", помимо другихъ „мелкостей", еще и денежными. За границей еще оставались его послы, давно не получавшіе жалованья; имъ не на что было возвратиться; въ Варшавѣ и въ иныхъ мѣстахъ — старые слуги, жившіе милостію короля; имъ нечего было дать и давно ничего не давалось. Правда, Станиславъ Понятовскій долженъ былъ получать въ Гроднѣ царское содержаніе, но не такой онъ былъ человѣкъ, чтобы сдѣлать изъ него какое-нибудь сбереженіе, чтобы ограничить смѣшную въ его положеніи роскошь и хоть на половину уменьшить кучу окружавшихъ его дармоѣдовъ. Вотъ имена польскихъ дипломатовъ, находившихся за границей въ качествѣ посланниковъ, министровъ, резидентовъ и т. п.:

1) *Букатый* повѣренный въ дѣлахъ (chargé d'affaires) въ Лондонѣ; 2) *Зембицкій*, повѣренный въ дѣлахъ въ Вѣнѣ; 3) *Миддлетонъ* (Middleton)—резидентъ въ Гагѣ; 4) *Кохановскій* — повѣренный въ дѣлахъ въ Копенгагенѣ; 5) *Потоцкій*—чрезвычайный посланникъ въ Стокгольмѣ; 6) *Антици* (Antici) — полномочный министръ въ Римѣ; 7) *Далл'Оглio* (Dallj'Oglio) — агентъ въ Венеціи; 8) *Геннигъ* (Hennig)—коммиссаръ въ Данцигѣ; 9) *Деболи*—бывшій полномочный министръ въ Россіи и 10) *Голуховскій* — секретарь его; 11) *Орашевскій* – бывшій чрезвычайный посланникъ во Франціи; 12) *Заблоцкій* — бывшій резидентъ въ Берлинѣ; 13) *Заблоцкій*—бывшій консулъ въ Херсонѣ; 14) *Яблоновскій*—бывшій чрезвычайный посланникъ въ Берлинѣ; 15) *Швейковскій*—секретарь берлинскаго посольства; 16) *Збищевскій* — посолъ въ Мадридѣ.

Эти дипломаты получили отъ короля слѣдующую циркулярную депешу, одобренную вчернѣ Репнинымъ и самою императрицею:

„Событія, которыя произвели революцію 1794 г., вамъ извѣстны; слѣдствіемъ ихъ было мое здѣсь пребываніе. Послѣ того, что случилось, я нахожусь въ необходимости увѣдомить васъ, м. г., что чужестраннымъ посламъ въ Варшавѣ уже дано знать о томъ, что со времени моего отъѣзда ихъ обязанности прекращаются. Такъ какъ національная независимость Польши болѣе не существуетъ, поэтому оканчивается и ваше представительство, о чемъ имѣете извѣстить правительство, при которомъ вы до сихъ поръ состояли. Такъ какъ вамъ не доплачено жалованья, въ слѣдствіе чего вы должны были войдти въ долговыя обязательства, могущія затруднить отъѣздъ вашъ изъ страны, въ которой вы находитесь, вы представите мнѣ счетъ тѣхъ и другихъ, а равно и суммы, необходимой на путевыя ваши издержки. Я не сомнѣваюсь, что вы

будете пользоваться международнымъ правомъ до самой той минуты, пока не оставите мѣсто вашего пребыванія".

Еще находясь въ Варшавѣ, Станиславъ писалъ Екатеринѣ о затруднительности своего финансоваго положенія; прибывъ въ Гродно, онъ написалъ къ ней вторично слѣдующее письмо:

„Государыня, моя сестра!

„По желанію вашего императорскаго величества, заявленному мнѣ, я нахожусь въ Гродно для того, чтобы ожидать здѣсь рѣшенія будущаго жребія Польши. Передъ отъѣздомъ изъ Варшавы, я имѣлъ честь представить вамъ, государыня, о моемъ собственномъ положеніи, какъ равно и тѣхъ, кому я обязанъ, кто близки мнѣ по крови или по многолѣтней службѣ, но которыхъ я покинулъ безъ малѣйшей увѣренности въ средствахъ ихъ существованія. Но не тяжела была для меня разлука: я разстался съ ними, повинуясь вашей волѣ. Прощаясь съ ними, я ничего не могъ сказать имъ, какъ то, что предаюсь единственно и исключительно въ руки вашего величества, и что, гдѣ бы я ни былъ и какъ бы ни сложилась моя будущая жизнь, я не теряю надежды, что ваша доброта и мудрость не отдѣлятъ моего личнаго благосостоянія отъ тѣхъ людей, которые мнѣ столь близки, и что я былъ бы глубоко несчастливъ, если бы это могло случиться. Вотъ предметъ самыхъ усерднѣйшихъ просьбъ, которыя я обращаю къ великодушію и сострадательности вашего величества".

„Говоря сегодня объ этомъ предметѣ съ княземъ Репнинымъ, я узналъ о намѣреніяхъ вашего императорскаго величества и убѣдился, что мнѣ, кромѣ васъ, не у кого искать облегченія и утѣшенія въ моей судьбѣ. Съ полнотою этого убѣжденія, имѣю честь быть, государыня моя сестра, вашего императорскаго величества добрый братъ

Станиславъ-Августъ, король [1])"

Гродно, 18 января 1795 г.

На это письмо императрица отвѣчала [2]), что она воодушевлена чувствомъ благожеланія къ Польшѣ, имѣетъ желаніе устроить для ней существованіе самое спокойное, и что постарается сократить пребываніе короля въ Гроднѣ „на столько, сколько позволятъ обстоятельства, а полное довѣріе, съ коимъ, какъ кажется, ваше величество предали мнѣ себя и судьбу Польши, только облегчитъ меня".

У короля Станислава были слѣдующіе родственники: 1) старшій братъ его Карлъ Понятовскій, 74 л.; 2) старшая сестра графиня

[1]) Французскій подлинникъ этого письма напечатанъ также въ польскомъ историческомъ сборникѣ Pamiętniki z XVII Wieku, Т. X. Стр. 88.

[2]) Ibid, стр. 88—89.

Замойская, вдова палатина Подоліи, дочь которой была за графомъ Мнишкомъ; 3) младшая сестра, графиня Браницкая, вдова каштеляна краковскаго; 4) два племянника, Іосифъ и Станиславъ, бывшій великимъ подскарбіемъ литовскимъ. Экономическое благосостояніе этихъ семействъ, въ особенности сестеръ, на самомъ дѣлѣ было до такой степени разрушено, вслѣдствіе послѣднихъ событій, что имъ негдѣ и не на что было жить. Устройство судьбы своихъ родственниковъ очень занимало Станислава Понятовскаго, и князь Репнинъ помогалъ ему въ этомъ дѣлѣ, на сколько могъ, своимъ ходатайствомъ передъ императрицею. Между тѣмъ, пока рѣшался вопросъ объ этомъ, душевное настроеніе короля замѣтно становилось спокойнѣе. Онъ сталъ откровеннѣе и довѣрчивѣе къ Репнину, о чемъ послѣдній и свидѣтельствуетъ въ письмѣ къ императрицѣ отъ 20 января: „Его польское величество, говоритъ онъ, продолжая откровенное поведеніе и доказательства своей къ волѣ вашего императорскаго величества преданности, прислалъ ко мнѣ, безъ моего требованія, расшифрованныя, имъ полученныя депеши изъ Гаги, Штокгольма, Лондона и Копенгагена, съ цифирнымъ ключемъ изъ послѣднихъ двухъ мѣстъ". Великій маршалъ литовскій графъ Мошинскій и секретарь Физъ были посредниками, во всякаго рода сношеніяхъ, между королемъ и генералъ-губернаторомъ; послѣдній не нахвалится ихъ услугами. Приводимъ вполнѣ слѣдующее любопытное письмо князя Репнина, писанное въ тотъ же самый день:

„Удостоился я получить высочайшій вашего императорскаго величества указъ, отъ 10 го сего мѣсяца, съ приложеніемъ, въ копіяхъ, заключенныхъ двухъ актовъ съ вѣнскимъ дворомъ, протоколовъ министерскихъ и высочайшія повелѣнія, данныя министрамъ вашего императорскаго величества при вѣнскомъ и берлинскомъ дворахъ, чрезъ г. вице-канцлера графа Ивана Андреевича Остермана. Всемилостивѣйшая государыня! Довѣренность, тѣмъ мнѣ оказанная, требуетъ, по повелѣнію вашего императорскаго величества, содержать все сіе въ непроницаемой тайнѣ и въ осторожности (относительно) предохраненія черты, мнѣ порученной; стану я наблюдать всемѣрно и по всей возможности. Относительно предписанія того же высочайшаго указа о поведеніи короля польскаго, долгомъ поставляю всеподданнѣйше донести: что, кажется, по убѣжденіи его, что не осталось ему иного убѣжища и иной надежды, какъ милость и щедрость вашего императорскаго величества, оное (поведеніе) теперь таково, какъ быть слѣдуетъ. И онъ то отъ меня съ самаго пріѣзда знаетъ, что я долженъ примѣчать за всѣми его поступками, что продолжать по всей возможности не упущу, какъ и твердить ему при всякомъ случаѣ, что мѣра

его преданности волѣ вашего императорскаго величества будетъ мѣрою вашего къ нему снисхожденія и благоволѣнія; но теперь, всемилостивѣйшая государыня, не по отношенію къ его поведенію, а по настоящему положенію съ берлинскимъ дворомъ, если бы, паче всякаго чаянія, оно могло дойти до какой крайности, пребываніе здѣсь короля польскаго въ подобномъ случаѣ было бы крайне тягостно для осторожностей; по его поводу, нужныя связывало бы движенія здѣшнихъ войскъ и вредно было бы вліяніемъ, каково можетъ подобный случай произвесть какъ въ немъ самомъ, такъ въ *здѣшней легкомысленной и развращенной націи.* Почему осмѣливаюсь всеподданнѣйше донести, что въ такомъ неожидаемомъ случаѣ нужно бы было заблаговременно короля отсель перевесть, куда ваше императорское величество заудобнѣе повелѣть изволите. Въ доказательство же его теперешняго расположенія, всеподданнѣйше подношу его ко мнѣ адресованный меморіалъ [1]), въ которомъ оное видно, какъ и на что онъ ко всему готовъ, что только угодно вашему императорскому величеству будетъ ему предписать. При семъ долженъ я всеподданнѣйше донести, что слухи о несогласіи съ берлинскимъ дворомъ уже начинаютъ здѣсь въ публикѣ носиться, хотя еще почитаются большею частію неосновательными; сколько примѣтить можно, кажется, что тѣ слухи идутъ отъ войскъ прусскихъ, въ Польшѣ расположенныхъ".

Въ концѣ того же мѣсяца (30 января), въ слѣдующемъ письмѣ Репнинъ сообщаетъ императрицѣ еще болѣе утѣшительныя вѣсти о королѣ:

„Удостоясь получить высочайшій вашего императорскаго величества указъ отъ 23-го сего мѣсяца, съ приложеніемъ письма къ королю польскому, поднесъ я оное его величеству, который, по прочтеніи того письма, *съ восторгомъ, кажется нелицемѣрнымъ,* поручилъ мнѣ благодарить ваше императорское величество за всемилостивѣйшее о его жребіи попеченіе. И какъ примѣтилъ я ему, что отъ его искренней преданности къ волѣ вашего императорскаго величества зависѣть будетъ ваше къ нему благорасположеніе; то тутъ онъ съ клятвою, сколько можно примѣтить, чистосердечно меня увѣрилъ, что, отдавшись уже въ ваши руки и сдѣлавъ себѣ правиломъ — не имѣть иной воли, какъ вашу, не отступитъ онъ отъ онаго николи, поставляя себѣ благополучіемъ, что онъ, въ своемъ несчастіи, на благотвореніе и милосердіе вашего императорскаго величества надежду полагать можетъ".

Такъ прошелъ первый мѣсяцъ пребыванія Станислава въ Гроднѣ.

Изъ поденныхъ записокъ объ образѣ жизни короля Станислава-Августа Понятовскаго видно, что онъ не жилъ въ Гроднѣ отшельникомъ: съ утра до поздней ночи въ гродненскомъ дворцѣ толпился народъ, и невозбранно допускались къ королю не только

[1]) Смотри ниже, стр. 89 — 90.

мѣстные, но и пріѣзжіе поляки, уже не говоря о лицахъ составлявшихъ его свиту; допускалось не мало и такихъ личностей, которыя скомпрометировали себя передъ русскимъ правительствомъ въ послѣднихъ событіяхъ, происходившихъ въ Польшѣ. Русская, окружавшая его стража, была на самомъ дѣлѣ лишь *почетною*, и уже никакъ не отличалась свойствами Аргуса, какъ въ этомъ легко убѣдиться, прочтя дневникъ Безбородка, проникнутый необыкновенно почтительнымъ отношеніемъ къ королю и дружелюбіемъ къ его свитѣ и лицамъ, его навѣщавшимъ. Неволя Станислава-Августа состояла въ невозможности покинуть Гродно и переѣхать въ другой, русскій городъ. Придворные короля пользовались полнѣйшею свободою: съ дозволенія королевскаго и съ пашпортомъ пристава гр. Безбородка они очень часто отправлялись даже въ Варшаву на довольно продолжительное время; изъ Варшавы выписывалось все необходимое для дворца. Освоившись съ своимъ новымъ положеніемъ, успокоившись и *просвѣтлѣвъ мыслію*, король вошелъ въ свой обыкновенный, повседневный образъ жизни. Собственно отъ дворской жизни онъ никакъ не хотѣлъ отказаться: выходы, пріемы, офиціальные и запросто, обѣды и ужины, простые и парадные, продолжались по прежнему, при той же королевской обстановкѣ, какъ и въ Варшавѣ, конечно, менѣе блестящей, но болѣе солидной; рѣдкій день проходилъ безъ того, чтобы у короля никого не было. Впрочемъ, образъ жизни короля Станислава-Августа былъ очень правильный: вставалъ онъ въ 8 часовъ утра, обѣдалъ въ часъ и не позже двухъ, рѣдко ужиналъ, хотя ужинъ всегда подавался, и ложился спать въ 11 и уже никакъ не позже двѣнадцати часовъ ночи; въ эту же пору засыпалъ и весь дворецъ, да и все Гродно погружалась въ сонъ. Князь Репнинъ два раза въ недѣлю навѣщалъ короля, большею частію обѣдалъ у него; изрѣдка бывалъ у генералъ-губернатора и Станиславъ-Августъ, хотя своихъ придворныхъ, даже не важнаго чина, онъ посѣщалъ гораздо чаще; но между королемъ и генералъ-губернаторомъ происходили ежедневныя сношенія чрезъ пажей, адъютантовъ и чаще всего черезъ королевскаго секретаря Фриза. Пріѣзжавшія въ Гродно болѣе или менѣе важныя лица, нерѣдко иностранцы, посѣщали короля; русскихъ представлялъ ему или приставъ графъ Безбородко или самъ главнокомандующій; значительнымъ польскимъ панамъ давалось помѣщеніе въ самомъ дворцѣ; эти послѣдніе въ самый день пріѣзда или на другой день дѣлали визитъ главному начальнику края. Король любилъ играть въ билліардъ; свободное свое

время онъ употреблялъ также на чтенiе и письмо, вѣроятно, на составленiе своихъ извѣстныхъ, но еще не изданныхъ мемуаровъ. Здѣсь кстати замѣтить, что Станиславъ-Августъ былъ образованнѣйшимъ человѣкомъ своего времени: онъ совершенно свободно говорилъ и писалъ по-французски, по-нѣмецки, по-англiйски, и, кажется, по-итальянски и по-русски; онъ былъ большой любитель и знатокъ изящныхъ искусствъ и древностей. Въ праздничные и воскресные дни онъ непремѣнно присутствовалъ при богослуженiи или въ придворной каплицѣ, или же въ монастыряхъ доминиканскомъ и поiезуитскомъ. Но истинною страстiю, которой король предавался съ увлеченiемъ, была любовь его къ природѣ, ежедневныя, не рѣдко по два раза въ день, прогулки. Эти прогулки начались съ февраля мѣсяца, по двору за̀мка, передъ дворцомъ; съ 15-го марта король уже началъ выѣзжать за городъ. Ни одного подгороднаго мѣста, по ту и по эту сторону Нѣмана, деревни, рѣчки, лѣса, урочища и т. п., не осталось, гдѣ бы по нѣскольку разъ не побывалъ Станиславъ-Августъ въ два года своей гродненской жизни[1]); лѣтомъ цѣлые часы онъ проводилъ подъ

[1]) Вотъ эти мѣста:

1) Деревня *Понѣмунъ*, въ 7 верст. отъ Гродна, на правомъ берегу Нѣмана; прежде принадлежала монастырю Бригитокъ. 2) Другой *Понѣмунъ*, на томъ же берегу, въ верстѣ отъ города, прежде принадл. Iезуитамъ, нынѣ—г-жѣ Ляхницкой. 3) *Пышки*—лѣсная дача, на томъ же берегу, въ 3-хъ верстахъ отъ города, принадлежитъ кн. Любецкому. 4) *Кохановo*—на томъ же берегу въ 7 верст. отъ города, прежде принадлежало монастырю Бригитокъ. По лѣвому берегу Нѣмана: 5) *Лососна*—въ 3-хъ верстахъ отъ Гродно, на рѣчкѣ того̀ же имени, впадающей въ Нѣманъ; здѣсь въ это время была еще фабрика, построенная Тызенгаузомъ и загородный домъ Радзивила. 6) *Августово*—возлѣ Лососны. 7) *Королинъ*—въ 7 верст. отъ Гродно. 8) *Адамовичи*—шляхетская околица въ 7 верстахъ отъ города. 9) *Гнойница*—принадлежала Iезуитамъ, нынѣ - помѣщику Видацкому. Въ то время дорога изъ Гродно въ Вильну шла на мѣстечко *Меречь* (Трокск. у.); это и былъ въ то время *виленскiй трактъ*, по которому часто прогуливался Станиславъ-Августъ до деревни 10) *Грандичи*, въ 4-хъ верстахъ отъ Гродно, прежде принадл. кармелитамъ, нынѣ—частiю казнѣ, частiю городу и шляхтѣ. *Новый* виленскiй трактъ шелъ на мѣстечко *Скидель*, въ 34 в. отъ Гродно, почему и назывался при Станиславѣ *скидельскимъ*. Была еще третья дорога, по которой часто катался король,—*Езерская*, отъ мѣстечка *Езеры*, находящагося въ 30 верстахъ отъ Гродно; по Езерской дорогѣ находились двѣ деревни, въ которыхъ бывалъ Понятовскiй—11) *Каплица* въ 4-хъ верстахъ и 12) *Путришки* въ 6 верст. отъ города. Сверхъ этихъ мѣстъ, король посѣщалъ — 13) *Станиславовъ*, въ полверстѣ отъ Гродна, имѣнiе кн. Любецкаго, близь вокзала желѣзной дороги, и 14) *Кульбаки* въ 2-хъ верст. отъ города, шляхетская околица за Станиславовымъ.

открытымъ небомъ. Вслѣдствiе, конечно, такого образа жизни, весьма умѣреннаго въ пищѣ и питьѣ, король, не смотря на свои годы, пользовался хорошимъ здоровьемъ; онъ рѣдко бывалъ боленъ а если и случалось, то самымъ легкимъ недугомъ. Еще менѣе короля могло скучать въ Гроднѣ привлеченное туда его присутствiемъ высшее польское общество, уже ровно ничѣмъ не стѣсненное. Съ февраля во дворцѣ генералъ-губернатора открылись вечера, называемые въ дневникѣ Безбородка *ассамблеями;* съ прiѣздомъ семейства Репнина эти собранiя стали чаще и оживленнѣе; штабъ начальника края былъ также не малъ: кн. Репнина окружали многiе заслуженные генералы, въ послѣдствiи прiобрѣтшiе громкую извѣстность; въ Гродно они жили съ своими семействами — и такимъ образомъ въ этомъ городѣ образовалось также и высшее русское общество. Два общества, русское и польское, въ полномъ семейномъ составѣ, такимъ образомъ въ Гродно въ первый разъ сходятся, сталкиваются между собою. Подробностей, частностей этого столкновенiя, затаенной, можетъ быть, вражды или непрiязни, отъ перемѣнившихся ролей, когда недавнiе гости стали теперь хозяевами и наоборотъ, — мы мало знаемъ; но въ общемъ, видимомъ, не было ничего враждебнаго, можетъ быть потому, что эти два общества были аристократическiя, т. е., какъ бы мы сказали теперь *мало*-народныя, и больше—потому что онѣ жили цѣльнѣе, проще, безъ теоретическихъ ломокъ своей нравственной природы; русскому же обществу всегда были чужды злорадство и душевная мелочность, издѣвающаяся надъ несчастiемъ врага. Тогдашнее высшее русское общество, мужеское и женское, не могло быть ниже польскаго. Если оно уступало ему нѣсколько въ образованiи, то несомнѣнно было его нравственнѣе, свѣжѣе. Подчинявшееся французскому образованiю, обще-европейской цивилизацiи, русское общество того времени не могло раболѣпно преклоняться передъ цивилизацiей польской: оно уже вышло изъ этого ребяческаго состоянiя, въ которомъ находилось при Петрѣ, даже при Елисаветѣ, — вышли изъ него, по крайней мѣрѣ, передовые люди, которыхъ въ описываемую нами пору было не мало въ литовскомъ краѣ. Русское общество конца прошлаго и первой четверти нынѣшняго вѣка упрекаютъ въ космополитизмѣ, — въ данномъ случаѣ упрекъ важный!—но и космополитизмъ конца екатерининскаго и первыхъ годовъ александровскаго царствованiя уже не былъ тѣмъ уродливымъ явленiемъ, какимъ представляли его Фонъ-Визинъ и сатирическiе журналы: онъ былъ органическимъ явленiемъ, вышедшимъ

изъ тогдашняго положенія Россіи, восторженно относившейся къ своему европейскому значенію, но не исключавшимъ возможности другихъ, не всепоглощающимъ увлеченіемъ, отодвигавшимъ общество назадъ. Подобно сентиментальному и романтическому направленіямъ, принесшимъ свои добрые плоды, русскій космополитизмъ по меньшей мѣрѣ, ничему не помѣшалъ: ни соединенію Польши, ни торжеству надъ Наполеономъ, ни прогрессивному движенію Россіи. Но, какъ бы то ни было, два общества сближались, сходились у короля и у главнаго начальника края, въ городѣ и во дворцѣ. Ничего лагернаго, казарменнаго, монашескаго въ тогдашней гродненской жизни не было, хотя новые хозяева и самъ ихъ представитель, князь Репнинъ, какъ увидимъ ниже, чувствовали себя не совсѣмъ дома. Въ одной, еще неизданной переепискѣ (на французскомъ языкѣ) [1], мы находимъ нѣкоторыя любопытныя подробности о тогдашней гродненской жизни; авторъ писемъ служилъ при Репнинѣ и занималъ, какъ видно, довольно значительное положеніе. При дворѣ кн. Репнина, какъ и при дворѣ Станислава Понятовскаго, были свои партіи,—Панина и Лобанова-Ростовскаго съ одной и Циціанова и Безбородка съ другой стороны. „Не знаю, что сказать о князѣ Циціановѣ, говоритъ авторъ писемъ: онъ очень недовѣрчивъ и, конечно, былъ бы радъ удаленію Панина и Лобанова... Кромѣ Волкова, котораго я еще не разгадалъ, остальные члены верховнаго совѣта, въ которомъ мы засѣдаемъ, имѣютъ жалкіе физіономіи, въ особенности Русановъ и Фризель... Полдня я провожу за письменными занятіями, остальное время — у князя (Репнина), съ его семействомъ и двумя или тремя генералами, что касается до *другихъ*, — съ ними я вижусь за столомъ и на большихъ ассамблеяхъ князя". Эти другіе были главные труженики, истинные помощники Репнина; по крайней мѣрѣ, дѣятельность Волкова и Фризеля (виленскаго губернатора съ 1799 г.) была самая почтенная. „Живу я здѣсь довольно хорошо, продолжаетъ тотъ же авторъ, и не могу нахвалиться обращеніемъ нашего почтеннаго начальника (т. е. Репнина). Онъ совершенно здоровъ, слабости въ немъ незамѣтно ни малѣйшей; напротивъ,—онъ не знаетъ усталости, какъ юноша". По словамъ автора письма, пребываніе короля въ Гродно мѣшало Репнину даже занять на лѣто дачу, находившуюся всего въ нѣсколькихъ верстахъ отъ города: „князю не такъ легко удалиться отъ его *маленькаго* величества (de cette

[1]) Обязательно намъ сообщенной П. И. Бартеневымъ.

petite majésté)". О Станиславѣ читаемъ слѣдующее; „Этотъ государь очень любезенъ, очень доступенъ и интересенъ во всѣхъ отношеніяхъ; несчастіе неизгладило изъ его наружности достоинства самаго высокаго". „Встаю я, (читаемъ въ одномъ письмѣ), въ 7 часовъ, одѣваюсь, сажусь за занятіе и работаю до 11 или до 12 часовъ, смотря по дѣламъ, въ которыхъ я долженъ отдать отчетъ князю въ его кабинетѣ, гдѣ также не рѣдко работаю. Но часто у меня проходятъ цѣлые часы, на выслушиваніе разныхъ рапортовъ, которыхъ я не всегда понимаю и которые иногда бываютъ незначительные; однакоже приходится выслушивать вещи очень полезныя и важныя... Я обѣдаю у князя каждый день, болѣе по желанію (par gout), чѣмъ по обязанности: всѣ генералы и офицеры обыкновенно присутствуютъ на его обѣдахъ, гдѣ все къ услугамъ какъ для послѣдняго поручика, такъ и для генерала; другаго стола въ Гроднѣ нѣтъ. По воскресеньямъ и четвергамъ князь обыкновенно обѣдаетъ у короля. Къ 5 или 6 часамъ вечера я опять отправляюсь въ кабинетъ князя, гдѣ остаюсь до 7, или позже. Окончивъ занятія, мы идемъ на половину княгини, гдѣ играютъ въ бостонъ. Я непремѣнно обязанъ принять участіе въ игрѣ; но, проигравъ червонцевъ 20, обыкновенно удаляюсь, а если и продолжаю игру, то только въ такомъ случаѣ, когда не достаетъ партнёра. Князь играетъ по $1/2$ рубля, княгиня—по $1/4$ руб., безъ фишъ. Я стараюсь, чтобы партія князя была менѣе сильна, что мнѣ всегда и удается. Добрый нравъ княгини и оригинальныя манеры генерала Германа, его нѣмецкое произношеніе и любезность, хотя нѣсколько казарменная, легко возбуждаютъ въ ней пріятное расположеніе духа. Ужинаемъ въ 11 часовъ и тотчасъ же расходимся по домамъ". О мужскомъ польскомъ обществѣ цитируемые нами источники почти ничего не говорятъ; но о женскомъ есть любопытныя подробности. Напр., о княгинѣ Четвертинской вотъ что пишетъ нашъ авторъ къ своей женѣ: „сюда явилась кн. Четвертинская, вдова повѣшеннаго въ Варшавѣ, съ своимъ семействомъ. Юныя княжны прелестны и очень милы; я не сомнѣваюсь, что онѣ произведутъ большое впечатлѣніе въ Петербургѣ, а потому и совѣтую тебѣ съ ними познакомиться..." Грабовская [1])—карикатура Гогардта, маленькая, горбатая, вся въ морщинахъ". Вообще о нравственныхъ ка-

[1]) Урожденная Шидловская, прежде любовница, потомъ жена Станислава-Августа (въ морганическомъ бракѣ), женщина вполнѣ достойная, воодушевлявшая слабаго короля къ дѣлу реформъ. См. Послѣд. Годы Р. Посп. стр. 495.

чествахъ польскихъ дамъ наши источники отзываются весьма не одобрительно, называя единственной женщиной, знакомство съ которой было бы „вполнѣ прилично", русскую даму, жену бригадира Фенша (Fensch). Передается въ нихъ и разсказъ о предметѣ, которому мы, вопреки мнѣнію многихъ, не придаемъ никакого значенія,—о любовныхъ похожденіяхъ кн. Репнина (въ 62 года!), о его женолюбіи. Нечего удивляться, что въ концѣ прошлаго вѣка высшее петербургское общество занимали разсказы объ этихъ похожденіяхъ, что это общество могло не шутя думать, что старый литовскій генералъ-губернаторъ *влюбленъ* въ какую-то польку: цинизмъ тогдашняго разврата не исключалъ самыхъ сентиментальныхъ понятій о любви. „*Не правда*, говоритъ нашъ осторожный авторъ, что князь (le p...) влюбленъ, какъ объ этомъ толкуютъ въ Петербургѣ; но правда, что есть здѣсь семейство, вполнѣ безчестное (scélérate), которое имѣетъ къ нему слишкомъ легкій доступъ: это — тѣ самые Нарбуты, о которыхъ у васъ говорятъ. Отецъ — негодяй, торгующій прелестями своей жены и дочери. Послѣдняя хороша собою; мать, должно думать, *очень крѣпка*. Я не понимаю, какъ эта *щедрая* дама могла устроиться съ такимъ скрягой, какъ гр. Безбородко. Вначалѣ, она, дѣйствительно, разставляла сѣти князю (au p...), но онѣ не имѣли успѣха. Тогда напустили на него дочь, и онъ, не будучи *влюбленнымъ*, на столько занялся ею, что сочли его дѣйствительно такимъ. Объ этомъ не стоило бы и говорить, если бы только умѣли держать отца на такомъ разстояніи, на которомъ ему и слѣдуетъ быть; но онъ вмѣшивается въ дѣла и хвалится большимъ довѣріемъ. Поймите, какое дурное впечатлѣніе все это должно производить! Надѣюсь, впрочемъ, что его бездѣльничество вскорѣ обнаружится. Не знаю, смотритъ ли княгиня ревнивымъ окомъ на дочь Нарбута; на дѣлѣ она этого не обнаруживаетъ". Дѣйствительно, не стоило бы говорить объ этихъ вещахъ, если бы и въ настоящее время не придавалось имъ историческаго значенія, не возвеличивалось историческое значеніе польскихъ женщинъ, этихъ коварныхъ сиренъ, усыпляющихъ русскихъ Одиссеевъ, если бы самой Польшѣ не придавалось значенія Капуи по отношенію къ варварамъ-москалямъ. По свидѣтельству современниковъ, женская половина высшаго польскаго общества конца прошлаго вѣка была едвали не безнравственнѣйшая въ Европѣ: это—неоспоримо; но не въ этомъ дѣло, а въ историческомъ значеніи польской женщины. En Pologne les femmes sont hommes,— еще Наполеонъ I сказалъ о полькахъ; характеромъ сиренъ онѣ

стали отличаться и до сихъ поръ отличаются во мнѣніи извѣстной части русской литературы и публики. Если безусловно справедливо выраженіе Наполеона, то оно лишь свидѣтельствуетъ объ измельчаніи и худосочіи польской мужской генераціи, но ни о чемъ больше. Что касается до очарованія польскихъ сиренъ, если уже допустить его, оно объясняется шляхетностію, аристократичностію породы, извѣстнымъ закаломъ воспитанія (находившагося всегда, нельзя не сознаться, на высшей, чѣмъ у насъ степени) и пр., — что все въ совокупности составляетъ, дѣйствительно, характеристическіе признаки. Русскіе Одиссеи, бездомные и одинокіе, появляясь горстями въ волнахъ польской жизни, гибли и сокрушались совсѣмъ не отъ очарованія коварныхъ полекъ, а отъ напора самихъ волнъ, отъ давленія чужой польской атмосферы, охватывавшей ихъ со всѣхъ сторонъ. Но не всѣ и гибли (иначе бы *польское дѣло* восторжествовало), даже и изъ тѣхъ, кто не затыкалъ ушей своихъ и до нѣкоторой степени поддавался обаянію сиренъ,— хотя бы тотъ же кн. Н. В. Репнинъ. Ни Чарторыйская, въ эпоху его молодости, ни Нарбутъ, ни десятокъ другихъ польскихъ женщинъ (если таковой былъ), ни малѣйше не уменьшаютъ того значенія, которое принадлежитъ ему въ послѣднихъ судьбахъ Польши, въ исторіи отношеній двухъ вѣчно враждовавшихъ, а теперь спаявающихся славянскихъ племенъ: польскія сирены, съ своими отцами и матерями, чадами и домочадцами, не помѣшали его плодотворной дѣятельности на Литвѣ, какъ не мѣшали ему въ Варшавѣ, тридцать лѣтъ тому назадъ. Неподкупный и даже нѣсколько суровый историкъ XVIII вѣка, Шлоссеръ, извѣстный своимъ антипатичнымъ отношеніемъ къ аристократіи, иначе однакоже смотритъ на русскихъ людей екатерининскаго времени. Въ нѣсколькихъ строкахъ, посвященныхъ имъ Гроднѣ, польки не являются коварными сиренами, Польша—Капуей для московскаго варварства, русскіе — сиротами, недоростками и недоумками, которыхъ всякій обижаетъ; совершенно напротивъ: Репнинъ и русское общество давятъ, по его изображенію, своею нравственною силою и здоровьемъ, блестящее, но пустое и дряблое польское общество, во главѣ съ Станиславомъ Понятовскимъ, какъ геніальный Суворовъ давитъ у него придворную австрійскую бездарность и вообще всякое моральное ничтожество.

Но какъ бы то ни было, Гродно въ 1795 г. не походило на военный станъ; свободно текущая жизнь, общество блестящихъ женщинъ и молодежи, давали себя чувствовать обычными резуль-

татами: устроивались родственныя связи, разыгрывались романы. Одинъ изъ такихъ романовъ, относящихся впрочемъ, къ слѣдующему году, дошелъ до свѣдѣнія фаворита, слѣд. и императрицы. Приводимъ два любопытныхъ письма по этому предмету:

„М. г. князь Николай Васильевичъ!

„До свѣдѣнія моего дошло, что артиллеріи подпоручикъ Семишинъ, влюбившійся въ дѣвицу Крушецкую и имѣя взаимную ея склонность, взялъ ее, по ея согласію, изъ дому ея отца и женился на ней по нашему закону. Отецъ ея, не одобряя сего брака, который безъ вѣдома его послѣдовалъ единственно потому, что молодые люди вѣдали, что онъ на оный не согласится, ищетъ теперь разорвать оный и лишить дочь свою наслѣдства, на которое она послѣ матери своей имѣетъ право по законамъ прусской земли, гдѣ находится имѣніе сей фамиліи. И какъ мнѣ извѣстно притомъ, что, не взирая на гоненіе отца и всей семьи, она живетъ съ мужемъ своимъ хорошо и отнюдь съ нимъ разстаться не желаетъ, то покорнѣйше прошу ваше сіятельство, по извѣстной мнѣ склонности вашей къ благодѣяніямъ, употребить милостивое ваше посредство о удержаніи сего брака въ его силѣ, такъ какъ сему и по законамъ нашимъ слѣдуетъ быть; а притомъ убѣдите г-на Крушецкаго, чтобы онъ дочь свою простилъ и возвратилъ бы ей принадлежащее, съ тѣмъ, что если окажется какое-либо имѣніе, слѣдующее ей въ губерніяхъ начальства вашего, — то чтобы чрезъ ваше покровительство она сего лишена не была. Для лучшаго успѣха въ семъ дѣлѣ, не угодно ли будетъ препоручить виленскому губернатору, чтобы онъ объяснился съ дядею ея канонникомъ, у котораго она воспитывалась, и постарался бы преклонить его въ пользу своей племянницы, которая, конечно, не сдѣлала важнаго преступленія, вышедши замужъ за благороднаго россійскаго офицера, который службою своею можетъ со временемъ пріобрѣсти себѣ пристойныя награды и основать свое состояніе; притомъ же, сколько мнѣ извѣстно, не по своевольству она вступила въ супружество безъ воли отца своего, но, бывъ увѣрена о его къ россіянамъ ненависти, никакъ не надѣялась получить его согласіе. Всѣ сіи причины убѣждаютъ меня просить васъ убѣдительно—войдти въ сіе дѣло и осчастливить молодыхъ людей доставленіемъ имъ, чрезъ ваше покровительство, подкрѣпленія ихъ состоянію. Имѣю честь быть и проч. Князь Платонъ Зубовъ“.

Іюля 7 дня 1796 г., въ Царскомъ Селѣ.

„М. г. князь Платонъ Александровичъ!

„Въ отвѣтъ на почтеннѣйшее письмо вашей свѣтлости отъ 7-го текущаго іюля, имѣю честь сказать, что мнѣ обстоятельства женитьбы г-на артиллеріи поручика Семишина извѣстны, и я ему готовъ, въ чемъ только можно будетъ, помогать, такъ какъ уже и доставилъ случай и средства пріѣхать въ Вильну къ дядѣ жены его. Я призову его къ себѣ и посовѣтуюсь съ нимъ о средствахъ

примирить ихъ съ отцемъ и убѣдить сего послѣдняго выдать имъ, по малой мѣрѣ, материнское г-жи Семишиной имѣніе, которое ей неоспоримо слѣдуетъ, ежели (только) по здѣшнему закону и почти всеобще-сохраняемому обряду не записано отцу въ пожизненное владѣніе,—въ каковомъ случаѣ его (имѣніе) уже требовать нельзя, а только остается милость отцовскую просить. Я не оставлю объ успѣхахъ моего въ ихъ дѣлѣ старанія вашу свѣтлость увѣдомить, а между тѣмъ имѣю честь и проч. Князь Николай Репнинъ“.

„Ненависти къ россіянамъ“ Крушецкаго и его соотчичей, объясняемой всею исторіею, послѣдними событіями и діаметрально-противуположными характерами двухъ враждующихъ народовъ, удивляться нечего: тѣмъ, стало быть, необходимѣе становились похищенія сабинокъ и отношенія между русскимъ и польскимъ обществами, установляемыя въ Гроднѣ княземъ Репнинымъ. Другія, противуположныя отношенія—отчужденіе одного общества отъ другаго по принципу—были бы нелѣпы.

Итакъ, Станиславъ-Августъ былъ окруженъ въ Гродно густою толпою польской знати, большею частію, такъ называемыми, *республиканцами*, *Торговичанами*, людьми стараго порядка, поборниками шляхетскаго самоуправства и непремиримыми врагами реформы; составляя, такъ называемую *русскую партію*, эти люди не могли чувствовать большой перемѣны въ новомъ своемъ положеніи, могли, напротивъ, обольщаться надеждами на продленіе *стараго* порядка, при которомъ такъ хорошо жилось польскому помѣщику. Между ними, на самыхъ первыхъ порахъ, мы встрѣчаемъ во дворцѣ Станислава-Августа слѣдующихъ лицъ: подскарбія *Дзѣконскаго*, минскаго воеводу *Хоминскаго*, генерала *Шидловскаго*, кароннаго крайчаго *Грабовскаго*, вице-канцлера графа *Платера*, короннаго маршала гр. *Мошинскаго*, сеймоваго литовскаго маршала кн. *Сапѣгу*, маршала короннаго гр. *Тышкевича*, коронныхъ секретарей *Тенгоборскаго* и *Грановскаго*, воеводу витебскаго *Косаковскаго*, каштеляна меречскаго *Воловича*, князей *Воронецкихъ*, *Друцкихъ-Любецкихъ*, *Чарторыйскихъ* и пр. Епископы *Нарушевичъ* и *Ядровичъ* также поспѣшили навѣстить короля. Свиданіе Станислава съ Нарушевичемъ, извѣстнымъ польскимъ историкомъ, было очень трогательно: по словамъ дневника, оба они неутѣшно плакали и долгое время оставались въ кабинетѣ. Къ этимъ лицамъ въ февралѣ и мартѣ прибыло нѣсколько новыхъ, въ томъ числѣ генералы польской службы *Стреинскій* и *Глинскій* и ректоръ виленской академіи *Почобутъ*, ставшій чуть не ежедневнымъ собесѣдникомъ короля; всѣ они проживали въ городѣ, въ наемныхъ или

своихъ домахъ. 15-го марта, какъ мы сказали, король въ первый разъ выѣхалъ за городъ въ четырехмѣстной открытой каретѣ, въ которой сидѣли: великій конюшій, дежурный каммергеръ Стрембошъ и приставъ гр. Безбородко. Карету окружали нѣсколько человѣкъ королевскихъ придворныхъ верхами и нашъ конвой изъ 24 человѣкъ [1]) при офицерѣ. Этотъ кортежъ отправился до деревни *Грандичи*, лежащей въ 4-хъ верстахъ отъ города. Возвращаясь домой, король заѣхалъ къ главнокомандующему, у котораго пробылъ съ полчаса. День былъ прелестный. Съ 4 часовъ вечера до захожденія солнца король гулялъ по террасѣ, что надъ Нѣманомъ, съ которой открывается очаровательный видъ на Занѣманье; въ это же время рѣка вскрывалась. Отъ этой ранней и довольно продолжительной прогулки король простудился: онъ почувствовалъ лихорадочное состояніе, кашель, боль въ головѣ и поясницѣ. 20-го болѣзнь усилилась; король весь день не выходилъ изъ своей спальни; послѣ обѣда (у короля обѣдали князья Чарторыйскій и Гурскій) навѣстилъ его князь Репнинъ. 22-го приходился великій четвергъ страстной недѣли у католиковъ. Въ предспальной комнатѣ короля, по причинѣ его болѣзни, была совершена читальная мша, по окончаніи которой онъ причащался св. Таинъ. 25-го былъ католическій свѣтлый праздникъ. По болѣзни король не выходилъ и не одѣвался и слушалъ службу опять въ предспальной своей комнатѣ. Во 2-мъ часу дня онъ вышелъ въ шлафрокѣ (противъ своего обыкновенія) въ залу, гдѣ подчивалъ всѣхъ своихъ придворныхъ и состоящихъ при немъ русскихъ офицеровъ пасхою, яицами и „прочимъ пріуготовленнымъ на сей праздникъ *посвѣнцонымъ*„, по польскому обычаю; вечеромъ у Репнина была ассамблея. 26-го король уже выздоровѣлъ и началъ свои прогулки пѣшкомъ по живописному берегу Нѣмана. Наша пасха въ этомъ году приходилась 1-го апрѣля. Въ этотъ день, въ 11 часовъ, въ сопровожденіи многочисленной свиты, король ѣздилъ гулять въ *Понѣмунь*; на обратномъ пути онъ заѣхалъ къ главнокомандующему поздравить его съ праздникомъ; вечеромъ у кн. Репнина была ассамблея, на которой было много придворныхъ. 10-го апрѣля пріѣхала въ Гродно княгиня Наталья Александровна Репнина и дочь ея княгиня Александра Николаевна Волконская съ сыномъ, прапорщикомъ гвардіи; король посылалъ Фриза поздравить ихъ съ пріѣздомъ. 13-го, въ 6 часовъ вечера, былъ у короля съ своею пріѣхавшею семьею кн. Репнинъ.

[1]) Впослѣдствіи уменьшенный.

Придворные ихъ встрѣтили въ залѣ, самъ король — въ билліардной; онъ проводилъ ихъ въ свой кабинетъ, гдѣ они и пробыли съ полчаса. На другой день, въ субботу, король отдалъ визитъ семейству главнокомандующаго, которое просилъ къ себѣ на другой день, въ воскресенье, обѣдать. На этотъ обѣдъ были приглашены также приставъ гр. Безбородко, часто удостоивавшійся этой чести, и князь Лобановъ - Ростовскій; послѣ обѣда былъ концертъ, въ 5 часовъ Репнины уѣхали. 16 апрѣля староста Рыксъ устроилъ въ Понѣмуни для короля и придворныхъ пикникъ; король отправился туда въ коляскѣ въ 6 часовъ вечера, слушалъ роговую музыку, „очень удивлялся“ и былъ доволенъ; онъ посѣтилъ загородный домъ Стреинскаго, находившійся въ Понѣмуни, гдѣ много разговаривалъ, особенно съ дамами. 19-го апрѣля, вмѣстѣ съ Репниными и Волконскими, король опять ѣздилъ въ Понѣмунь, любимое мѣсто его загородныхъ прогулокъ. И ѣхавши на эту прогулку, и возвращаясь съ нея, король былъ въ домѣ главнокомандующаго. 21-го апрѣля было днемъ рожденія Императрицы. Вотъ что записано объ этомъ днѣ въ журналѣ Безбородка:

Въ день рожденія ея императорскаго величества, въ исходѣ 1-го часа, его величество съ своими придворными, въ препровожденіи пристава, поѣхалъ къ его сіятельству главнокомандующему, который встрѣтилъ его на крыльцѣ съ прочимъ генералитетомъ, а ея сіятельство княгиня Репнина въ галлереѣ. Его величество, поздравивъ главнокомандующаго съ праздникомъ, сказалъ, что *онъ пріѣхалъ къ нему обѣдать* и, оставаясь, приказалъ экипажамъ отъѣхать и быть въ три часа. Когда время было къ столу идти, то, взявъ онъ супругу главнокомандующаго, пошелъ къ столу, за коимъ также сидѣли званые свиты королевской: великій конюшій Кицкій, шамбелянъ Трембицкій и дежурный Стрембошъ, адъютанты: Киркоръ, Гордонъ и Бишевскій; полковники: Политанскій и Вицкій, совѣтникъ и докторъ Беклеръ и маіоръ Аксамитовскій. За столомъ его величество всталъ и пилъ здоровье ея императорскаго величества, при чемъ изъ пушекъ 31 выстрѣлъ выпалено. Спустя немного, его сіятельство главнокомандующій и всѣ тутъ бывшіе за столомъ, какъ наши, такъ и изъ польскихъ господъ, пили за здоровье его величества, при пушечной пальбѣ также 21 выстрѣла. Послѣ обѣда пробылъ еще король часъ и въ 4 часа возвратился во дворецъ. Ѣздили къ главнокомандующему на балъ г. Кицкій, адъютанты: Киркоръ и Бишевскій“ [1]).

27-го апрѣля были имянины короля.

Еще наканунѣ Станиславъ - Августъ просилъ генералъ-губерна-

[1]) См. *Журналъ Пребыв. въ Гроднѣ Ст. Понятовскаго*, изд. М. О. Ист., стр. 26 — 27.

тора, о томъ, чтобы не было никакого, по этому поводу, празднованія и по утру не принималъ ни отъ кого поздравленія; но князь Репнинъ пріѣхалъ однакоже къ обѣду и пилъ за здоровье короля, а король за здоровье великаго князя Константина Павловича, котораго въ этотъ день были также имянины; послѣ обѣда пріѣхали обѣ княгини, генералъ-поручикъ гр. Румянцевъ и кн. Ципіановъ.

Спокойствіе въ гродненскомъ дворцѣ за это время ничѣмъ не нарушалось серьезнымъ: разъ сдѣлался было пожаръ, но его скоро утушили; случились два происшествія, но безъ важныхъ послѣдствій. Ночью 24-го марта дежурнымъ офицеромъ, обходящимъ караулы, взятъ былъ въ корридорѣ близь дворцовой кухни отставной капралъ польской гвардіи Павелъ Тихановскій, у котораго найдены просьбы къ королю, — о вспомоществованіи ему на дорогу, домой, къ генералъ-губернатору — объ отысканіи вещей, отнятыхъ у него козаками во время его пути изъ Варшавы, къ графинѣ Браницкой, сестрѣ короля, — о принятіи его къ себѣ на службу. Уволенный фельдмаршаломъ Суворовымъ изъ польской службы этотъ человѣкъ, вмѣсто того, чтобы отправиться на свою родину, въ воеводство подольское, очутился въ Гроднѣ; запрещеніемъ ходить во дворецъ Тихановскому это дѣло и окончилось. Другой случай былъ ровно черезъ мѣсяцъ. Дежурный офицеръ, обходя караулы, замѣтилъ, что лакей Бржестовскаго о чемъ-то долго разговаривалъ съ часовымъ, стоявшимъ у боковаго подъѣзда. Часовой былъ тотчасъ же смѣненъ другимъ, а по распросѣ лакея оказалось, что онъ „разсказывалъ много лишняго и дерзкаго часовому". По донесеніи объ этомъ главнокомандующему, кн. Репнинъ приказалъ Ципіанову сказать Бржостовскому, „дабы наказанъ былъ слуга за лишнюю дерзость".

Въ Станиславѣ Августѣ, какъ замѣтно, было сильно развито родственное чувство: онъ не только заботится о матеріальномъ благосостояніи своихъ родныхъ, но и проситъ о дозволеніи жить съ ними вмѣстѣ; прощаясь съ молодыми Чарторыйскими, отправлявшимися въ Петербургъ, онъ былъ тронутъ до слезъ. Всѣхъ своихъ родственниковъ, разорившихся и обнищавшихъ, король желалъ собрать вокругъ себя. Князь Репнинъ не былъ противъ этого. Графиню Браницкую онъ положительно хвалитъ, называя ее „женщиной смирной и почтенной"; онъ, кажется, не имѣлъ ничего и противъ молодаго королевскаго племянника, Іосифа Понятовскаго, проживавшаго въ Варшавѣ. Іосифъ владѣлъ въ Литвѣ тремя староствами, Жижморой, Уппполемъ и Воланой; мать его жи-

ла въ Богеміи. Король просилъ о дозволеніи допустить его къ присягѣ на русское подданство; но императрица не согласилась и не дозволила Іосифу пріѣхать къ дядѣ. Этотъ отказъ и неблаговоленіе къ племяннику Екатерины очень огорчили Станислава-Августа, какъ это видно изъ слѣдующаго письма кн. Репнина къ государынѣ, отъ 22 марта:

„Получа высочайшій в. и. в. указъ отъ 6-го сего мѣсяца о князѣ Іосифѣ Понятовскомъ, донесъ я о содержаніи онаго его величеству королю. Онъ прекрайно былъ тѣмъ опечаленъ, чрезмѣрно при мнѣ плакалъ и очень осердился на своего племянника, къ которому уже послано отъ него строгое повелѣніе, чтобъ онъ къ 10-му апрѣля, по новому штилю, выѣхалъ конечно (непремѣнно) изъ Варшавы и чтобъ ѣхалъ чрезъ Галицію въ Вѣну, опасаясь, чтобы, взявъ другую дорогу, не былъ онъ схваченъ пруссаками. Зная уже давно его величество, могу вѣрно донести, что *при настоящемъ случаѣ притворства не было,* и онъ подлинно столь оскорбился симъ случаемъ, что отъ этого занемогъ и теперь еще неможетъ [1]). Я принужденъ былъ, всемилостивѣйшая государыня, дабы не было остановки въ скоромъ отъѣздѣ помянутаго князя Іосифа, дать королю на сіе отправленіе тысячу червонныхъ, сверхъ получаемыхъ его величествомъ на его содержаніе. Какое по сему дѣлу отъ него получилъ я письмо, оное при семъ въ подлинникѣ всеподданѣйше подношу".

Въ письмѣ этомъ вотъ что, между другимъ говорится:

„Не могу не обратить вашего вниманія, князь, на то, какъ мнѣ было горько узнать, что чувства моего племянника выставлены предъ ея величествомъ императрицей въ такомъ черномъ свѣтѣ. Не могу вѣрить, чтобы мой племянникъ могъ имѣть идеи, столь противуположныя моимъ и столь пагубныя для его собственныхъ интересовъ,—какъ заслужить неблаговоленіе ея величества императрицы! Умоляю ваше сіятельство представить сей августѣйшей государынѣ, съ тою чувствительностію, которая всегда васъ отличаетъ, что удаленіе племянника—для меня жертва, которую приношу я въ семъ случаѣ".

Замѣтимъ, что Іосифъ Понятовскій былъ предводителемъ польскаго войска въ войнѣ противъ Торговичанъ и русскихъ и что въ битвѣ при Полонномъ (1792 г.) противъ нашихъ войскъ, онъ потерялъ казну, провіантъ, обозъ и секретную переписку; [2]) самъ Станиславъ-Августъ слѣдующими словами обрисовываетъ характеръ своего племянника: „Я знаю горячій нравъ моего племянника Іосифа и его любовь къ отечеству. Онъ воспользуется первымъ

[1]) Это огорченіе соединилось, какъ мы видѣли, съ простудой.
[2]) *Записки Храповицкаго*, стр. 268.

случаемъ, чтобы стать во главѣ арміи. При всѣхъ своихъ хорошихъ качествахъ; онъ имѣетъ необузданную страсть къ войнѣ" [1]). Этого достаточно для оправданія отказа Екатерины.

Желанія и просьбы короля о своихъ и о самомъ себѣ высказаны имъ въ двухъ меморіалахъ, отъ 15 января и отъ 26 февраля. Приводимъ ихъ въ извлеченіи и переводѣ; въ первомъ король пишетъ:

„Сестра моя графиня Браницкая уже болѣе года ничего не получаетъ съ своихъ имѣній въ Подляхіи. Помѣстье Денблинъ (Dęblin) бывшаго маршала графа Мнишка до такой степени разорено, что ей невозможно здѣсь жить; единственное убѣжище, которое для нея осталось, это — староство Люблинское (уже значительно опустошенное), куда она думаетъ отправиться съ свекровью, мужемъ и дѣтьми, уступая своимъ кредиторамъ свое имѣніе Вишневецъ (Viszniowiec). У сестры моей графини Замойской ничего не осталось, кромѣ помѣстья Тичинъ (Tyczyn) въ Галиціи. Мой 74 лѣтній братъ до сихъ поръ жилъ на маленькомъ участкѣ, подаренномъ ему, но теперь отнятомъ у него Австріею; въ настоящее время онъ живетъ пансіономъ, который получаетъ отъ меня и своего сына; но оба, лишенные средствъ, мы не можемъ болѣе его поддерживать... Я нахожусь во власти императрицы: она можетъ сдѣлать все, что ей угодно, по отношенію ко мнѣ. Но если ей угодно знать о моихъ желаніяхъ, то вотъ онѣ: я прошу о назначеніи мнѣ, въ продолженіи всей моей жизни, ежемѣсячнаго пансіона 12 тысячъ червонцевъ, въ размѣрѣ, назначенномъ мнѣ еще Сиверсомъ [2]), что составитъ въ годъ 166,656 червон. Если бы я имѣлъ эту сумму, то удовлетворилъ бы ею всѣ мои потребности, какъ здѣсь, такъ въ Варшавѣ и въ другихъ мѣстахъ, предполагая при этомъ, что ея императорское величество соблаговолитъ устроить это такимъ образомъ, что другіе 166,656 червонныхъ, какъ это было также назначено при Сиверсѣ, будутъ идти на уплату моихъ долговъ въ продолженіи 12 лѣтъ. Ежели бы мои родственники были обезпечены въ томъ, что имъ слѣдуетъ по законамъ Польши, — я ничего не просилъ бы для нихъ болѣе. Если я не проживу 12-ти лѣтъ, то полагалъ-бы изъ первыхъ 166,656 червонныхъ образовать мало по малу капиталъ для моихъ старыхъ слугъ, для лицъ, которыя носятъ мою фамилію, офицеровъ, которые меня не покидаютъ и для нѣкоторыхъ другихъ людей, которые мнѣ близки и кои, по всей вѣроятности, переживутъ меня. Но такъ какъ я могу умереть раньше, по этому и представляю сей проэктъ на благосклонное великодушіе ея величества императрицы, которая да соблаговолитъ вникнуть, на сколько онъ важенъ для спокойствія моей души и моего сердца. Если ея императорское величество рѣшитъ въ своей мудрости, что мое пребываніе въ

[1]) Mémoires de Michel Oginsky sur la Pologne et Polonais T. 1. стр. 331.

[2]) Русскимъ посланникомъ въ Польшѣ во время втораго раздѣла.

Гроднѣ будетъ болѣе не нужно, я желалъ бы провести спокойно остатокъ моихъ дней въ климатѣ, болѣе умѣренномъ, съ моими родными и старыми слугами, удаленный отъ дѣлъ и отъ всего, что постоянно возбуждаетъ во мнѣ самыя печальныя воспоминанія".

„Сестра моя графиня Замойская, пишетъ король Станиславъ-Августъ 26 февраля, вдова подольскаго палатина, лишившись всѣхъ своихъ доходовъ съ помѣстья Грудека въ Подоліи и небольшаго староства Поросятковa, писала назадъ тому два мѣсяца его сіятельству фельдмаршалу графу Румянцову, прося его о помощи, но, не получивъ отвѣта, она не знаетъ, къ кому ей обратиться. Не имѣя чѣмъ жить въ Варшавѣ, она принуждена отправиться въ Люблинъ, — иначе сѣсть на шею зятю, графу Мнишку, у котораго самого ничего не осталось, кромѣ небольшой части этого староства: остальныя его имѣнія или заложены, или разорены. Извѣстно, что во все время послѣдней революціи мои сестры и племянницы съ ихъ мужьями настойчиво и неоднократно просили паспортовъ на выѣздъ изъ Варшавы, но имъ всякій разъ было въ этомъ отказано; самъ собою я не могу болѣе помогать имъ, почему и прибѣгаю къ благосклонности ея императорскаго величества: не благоугодно ли будетъ ей повелѣть, чтобы сестра моя графиня Замойская, женщина болѣзненная и почти 70-ти лѣтъ, могла пользоваться доходами съ своего имѣнія, не уѣзжая въ Подолію, гдѣ она будетъ далеко отъ всѣхъ своихъ и безъ всякой надежды на врачебное пособіе".

Пребываніе королевскихъ сестеръ въ Гродно было дозволено императрицею; но вопросъ о финансовомъ положеніи короля не ограничился только этимъ. Нѣсколько позднѣе, именно въ мартѣ, король представилъ графу Суворову-Рымникскому счетъ недоимокъ, слѣдуемыхъ къ полученію ему, королю, изъ казны короны и княжества Литовскаго, на основаніи закона, состоявшагося въ Гродно въ 1793 году, — т. е. съ 1 сентября 1793 по 1-е марта 1795, всего за 18 мѣсяцевъ. За это время королю слѣдовало получить:

Изъ коронной казны 3 милліона флориновъ, [1])
Изъ литовской казны 1.500 тысячъ „

Всего 4 милліона 500 тысячъ флориновъ.

Получено имъ за это время:

Изъ коронной казны серебр.	1 мил.	230	тыс.	флориновъ.
„ „ билетами „	— „	340	„	„
Изъ литовской казны серебр.	— „	750	„	„

Всего 2 мил. 320 тысячъ;

Слѣдуетъ дополучить 2 мил. 180 тысячъ, т. е.

[1]) Въ письмахъ Репнина къ Зубову этотъ счетъ на флорины переводится польскими злотыми.

Изъ коронной казны 1 милліонъ 430 тысячъ и
Изъ литовской — „ „ 750 тысячъ флориновъ.

Итакъ приводимыя цифры доказываютъ, что польское государство не въ состояніи было дать назначеннаго имъ же самимъ содержанія своему послѣднему королю; но Станиславъ-Августъ, тѣмъ не менѣе, находилъ удобнымъ просить русскаго фельдмаршала, распоряжавшагося Варшавою, объ уплатѣ недоимки, слѣдуемой ему изъ короннаго казначейства. Вотъ что отвѣчалъ на эту просьбу Суворовъ, во французскомъ письмѣ, отъ 22 марта:

„Государь!

„Льщу себя надеждою, что ваше величество удостоите оказать мнѣ справедливость въ томъ, что всѣ ваши желанія, на сколько это отъ меня зависитъ, были бы предупреждены; но когда онѣ такого рода, какъ уплата недоимки въ 1.430,000 флориновъ, которые ваше величество требуете изъ короннаго казначейства, — это уже не зависитъ отъ моего распоряженія и можетъ быть исполнено лишь по высочайшей волѣ ея императорскаго величества. Что касается до меня, кромѣ военныхъ, въ другія дѣла я не вмѣшиваюсь и даже не имѣю права ходатайства въ дѣлѣ, чисто финансовомъ. Ваше величество съ удовольствіемъ найдете въ письмѣ, которымъ императрица меня почтила, доказательства предусмотрительности и благоволенія къ вамъ моей августѣйшей государыни. Не сомнѣваюсь, что и въ настоящемъ случаѣ полное довѣріе будетъ лучшимъ успѣхомъ. Въ ожиданіи сего, пользуюсь настоящимъ случаемъ, чтобы выразить вашему величеству чувства глубокаго почтенія и совершенной преданности, съ каковыми имѣю честь быть, государь, вашего величества нижайшій и послушнѣйшій слуга графъ Александръ Суворовъ-Рымникскій“.

Что касается до претензій короля на литовское казначейство, то, по справкамъ, сдѣланнымъ Репнинымъ, въ счетѣ короля оказалась неточность: ему слѣдовало не 750 тысячъ флориновъ, или злотыхъ, а только 528,765, исключая впрочемъ 97,982 злотыхъ, уплоченныхъ королю революціонными, т. е. не имѣющими никакой цѣнности, ассигнаціями. Послѣднія 97 тысячъ употреблены были революціонерами на покупку суконъ для ихъ арміи. Сверхъ того, какъ справедливо замѣчаетъ Репнинъ, король причелъ лишнихъ два мѣсяца — январь и февраль, проведенные имъ въ Гроднѣ, когда онъ исправно получалъ назначенное ему содержаніе. Впрочемъ, эти неточности кн. Репнинъ не признаетъ важными и утверждаетъ счетъ.

Пріѣздъ сестеръ и племянницъ заставилъ короля хлопотать о прибавкѣ ему ежемѣсячняго содержанія. Просьбы объ этомъ шли черезъ руки Репнина, который, до извѣстной степени, держалъ сторону Станислава-Августа. Вотъ что онъ писалъ, между прочимъ, императрицѣ 25-го іюня: „И какъ онѣ (сестры короля) по обстоятельствамъ прошедшаго мятежа совсѣмъ разорены и никакихъ своихъ доходовъ не получаютъ; то, по умноженію здѣсь, по сему случаю, расходовъ, уже положенной суммы на его содержаніе не достанетъ. Съ другой же стороны, недостатокъ здѣшній не позволяетъ уже ничего отдѣлять ему денегъ въ Варшаву: а оттого всѣ имъ оставленные тамъ служители найдутся безъ дневнаго пропитанія; отпустить не (съ) чѣмъ: сіе положеніе истинно! Но думаю, всемилостивѣйшая государыня, въ разсчетъ должно войдти время— долго-ли еще его (придется) содержать, а потому прибавка на мѣсяцъ 2,888 червонныхъ, имъ просимая, менѣе или важнѣе будетъ“. Въ письмѣ къ Зубову Репнинъ подтверждаетъ недостаточность отпускаемой суммы „на отсутственныя издержки“ короля и ходатайствуетъ о скорѣйшей помощи польскимъ дипломатамъ, которымъ дѣйствительно не съ чѣмъ было выѣхать изъ тѣхъ земель, гдѣ они были аккредитованы, и положеніе которыхъ, какъ лишившихся международнаго права, было самое плачевное. Просьба о прибавкѣ королевскаго содержанія не была уважена императрицею, несомнѣнно въ томъ предположеніи, что польскій король навсегда остается на ея рукахъ и не будетъ выпущенъ за предѣлы Россіи, чего такъ пламенно желалъ Станиславъ-Августъ. Но къ концу года 11 тысячъ червонныхъ, отпускавшихся прежде въ концѣ мѣсяца, стали выдавать королю за мѣсяцъ впередъ. Нѣкоторыхъ польскихъ пословъ, о которыхъ была рѣчь, мы потомъ видимъ въ гродненскомъ дворцѣ Станислава-Августа, въ качествѣ его гостей и приближенныхъ.

И такъ, не совсѣмъ спокойно наслаждался привольемъ гродненской жизни бывшій польскій король: онъ безпрестанно писалъ то императрицѣ, то Зубову. Репнинъ, черезъ руки котораго шли эти, не найденныя нами, письма, тщетно уговаривалъ его потерпѣть, подождать, „поколь совсѣмъ рѣшится его жребій“; старикъ, очевидно, не выдерживалъ и продолжалъ писать. Къ чести Станислава-Августа мы должны сказать, что не одни личные, эгоистичные интересы его занимали: кромѣ похвальнаго желанія призрѣть старыхъ своихъ слугъ, онъ пламенно ходатайствуетъ объ облегченіи участи лицъ, когда-то посягавшихъ на его жизнь [1]) и осуж-

[1]) Это, кажется, относится къ извѣстному покушенію на его жизнь, пред-

денныхъ за это на вѣчное заключеніе. Вотъ что онъ пишетъ Репнину 27-го февраля 1795 г.:

„Вы знаете, князь, сколь печалитъ меня судьба тѣхъ несчастныхъ, которые были осуждены въ 1774 г. на вѣчное заключеніе въ Каменцѣ. Мои старанія объ ихъ освобожденіи всегда оставались безуспѣшными; никогда не хотѣли согласиться съ тѣмъ, что ихъ страданія возмутятъ послѣднія минуты моей жизни. Прося имъ пощады у ея величества императрицы, еще разъ умоляю ваше сіятельство ходатайствовать объ ихъ освобожденіи. Фамиліи ихъ: Пѣшинскій и Франкенбергъ".

Но, независимо отъ душевныхъ треволненій, гродненская жизнь шла своимъ чередомъ. Въ маѣ, при королевскомъ дворцѣ мы встрѣчаемъ новыхъ лицъ: изъ Варшавы прибылъ канцлеръ графъ Хребтовичъ, остановившійся въ верхнемъ этажѣ дворца; оттуда же пріѣзжалъ банкиръ Мейснеръ, единственный неразорившійся отъ послѣдней революціи варшавскій капиталистъ, услугами котораго пользовался всегда король Станиславъ-Августъ; кн. Репнинъ очень хвалитъ Мейснера въ одномъ изъ своихъ писемъ къ Зубову. Кромѣ этихъ лицъ, являлись къ королю: княгиня Четвертинская, вдова и мать большаго семейства, канцлеръ Бодини, итальянецъ Камаскини, возвращавшійся изъ Петербурга, русскіе генералы Бенингсонъ и графъ Панинъ. Развернувшаяся весна все болѣе манила изъ душныхъ покоевъ дворца къ наслажденію созерцаніемъ природы такого ея обожателя, какимъ былъ Станиславъ-Августъ: утромъ и вечеромъ, верхомъ и въ экипажѣ, онъ постоянно прогуливался по окрестностямъ Гродна. Король особенно облюбилъ деревню Лососну, на Нѣманѣ, въ 3-хъ верстахъ, отъ Гродна, расположенную при рѣчкѣ того же имени, впадающей въ Нѣманъ. Здѣсь, въ мѣстности, очень живописной, король любилъ по долгу оставаться одинъ; сюда чаще всего, какъ потомъ, въ слѣдующемъ году, въ лѣсокъ каштеляна Вольмара, что нынѣ гродненское загородное гульбище *Секретъ*, онъ ѣздилъ прогуливаться. Во время занѣманскихъ прогулокъ, по приказанію Репнина, королевскій конвой увеличивался казачею командою при старшинѣ. 9-го мая князь Репнинъ былъ имянинникъ. Въ этотъ день всѣ знатнѣйшіе придворные, съ канцлеромъ графомъ Хребтовичемъ во главѣ, ѣздили въ 12-мъ часу поздравлять главнокомандующаго. У короля въ этотъ день былъ торжественный обѣдъ, на который былъ приглашенъ кн. Репнинъ и всѣ русскіе генералы, находившіеся въ Гродно:

принятому барскими конфедератами въ 1771 г. и порученному ими къ исполненію нѣкоему Стравинскому.

графы Румянцевъ, Безбородко и Паленъ, князья Цицiановъ и Лобановъ-Ростовскій, Бенингсонъ и Германъ. Послѣ обѣда король и главнокомандующій прогуливались въ Понѣмуни, гдѣ смотрѣли еврейскую свадьбу. Вечеромъ у генералъ-губернатора былъ большой балъ, который посѣтилъ и Станиславъ-Августъ. 24-го мая былъ большой католическій праздникъ *Божьяго тѣла*, о которомъ въ журналѣ Безбородка находимъ слѣдующія подробности:

„Его величество въ 10-мъ часу, въ препровожденіи своихъ придворныхъ, пристава графа Безбородка, въ свитѣ при немъ находящихся штабъ-и оберъ-офицеровъ и конвоя драгунъ, выѣхалъ въ езуитскую церковь. Въ проѣздъ его мимо воинской команды, для церемоніи во время процессіи назначенной, подъ начальствомъ секундъ маіора Гроденскаго, отдана ему честь. При входѣ его въ церковь, встрѣченъ духовенствомъ и препровожденъ до мѣста, для него уготовленнаго, гдѣ по обѣимъ сторонамъ поставлены были, для недопущенія тѣсниться народу, два драгунскіе унтеръ-офицера съ ружьями. По совершеніи литургіи, началась процессія изъ езуитской церкви, и шествіе по городу было слѣдующимъ образомъ: 1) Плацъ-маіоръ съ двумя квартальными офицерами и шестью унтеръ-офицерами верхами; 2) Цѣхи городовые съ ихъ знаменами; 3) Взводъ изъ 24-хъ драгунъ пѣшихъ, при оберъ-офицерѣ, унтеръофицерѣ, одномъ капралѣ и одномъ барабанщикѣ; 4) Духовенство, со всѣмъ принадлежащимъ къ нему клиромъ, всѣхъ орденовъ католицкаго исповѣданія; каноникъ Увальдъ, несущій св. Дары подъ балдахиномъ, 4-мя польскими шляхтичами поддерживаемымъ; его величество, въ препровожденіи пристава графа Безбородка, великаго конюшаго Кицкаго, который велъ подъ руку короля, всѣхъ своихъ придворныхъ и въ свитѣ находящихся штабъ-и оберъ-офицеровъ; здѣшнія и наши обоего пола благородныя особы. Оныя всѣ закрываемы были по обѣимъ сторонамъ шеренгою драгунъ, по 50-ти человѣкъ въ каждой, при четырехъ офицерахъ. Вся сія процессія замыкаема была взводомъ драгунъ изъ 24-хъ человѣкъ, при офицерѣ. Шествіе было изъ езуитскаго костела въ бернардинской мужской [1]), въ бернардинской женскій, въ доминиканской и обратно въ езуитской, гдѣ по окончаніи всего, возвратился его величество, въ такомъ же препровожденіи, во дворецъ; команды-жъ воинскія, отдавъ ему честь, по приказанію гр. Безбородка, подъ коего начальствомъ оныя были на сей разъ, отпущены" [2]).

Съ большимъ нетерпѣніемъ ожидалъ Станиславъ-Августъ прибытія своихъ сестеръ; имъ назначено было помѣщеніе въ верхнемъ этажѣ; передѣлки производились подъ наблюденіемъ архитектора Сака; король нерѣдко заходилъ ихъ осматривать. Сестры пріѣхали

[1]) Нынѣ приходскій костелъ.

[2]) См. *Журналъ Пребыв. въ Гроднѣ Ст. Понятовскаго*, изд. М. О. Ист., стр. 34 — 35.

наконецъ въ іюнѣ: графиня Браницкая, или, какъ она называется у Безбородка—мадамъ де-Кракови, — 5-го числа, графиня Замойская, или мадамъ де-Подоли, — 13-го іюня. Съ большими церемоніями, и, кажется, радостію, была встрѣчена Браницкая. Еще 4-го на встрѣчу ей были посланы подконюшій Аксамитовскій и поручикъ Слатинскій. На другой день, въ 7 часовъ по полудни, самъ король выѣхалъ на бѣлостокскую дорогу и на третьей верстѣ отъ Гродна встрѣтилъ ѣхавшую изъ Люблина сестру. Поздоровавшись, онъ посадилъ ее въ свою карету, а самъ сѣлъ верхомъ и провожалъ ее до моста черезъ Нѣманъ. Здѣсь онъ сошелъ съ лошади, высадилъ изъ кареты сестру и вмѣстѣ съ нею прошелся пѣшкомъ по мосту; за мостомъ они сѣли въ коляску графини и прямо отправились во дворецъ. Пріѣздъ графини Людвиги Замойской съ внучками, дѣтьми дочери ея графини Мнишекъ, не сопровождался никакими церемоніями: король встрѣтилъ ее на парадномъ крыльцѣ и проводилъ въ назначенные для нея покои. 5-го іюня прибылъ изъ Италіи племянникъ короля, князь Станиславъ-Понятовскій; а 12-го іюня Мнишки, мужъ и жена. Всѣ эти королевскіе родственники, съ своими слугами, свитою, гувернерами и гувернантками, помѣстились во дворцѣ. И безъ того не малочисленное, дворское общество почти удвоилось: дворецъ, гдѣ помѣщался король, старый замокъ, Мейзеровъ (вѣроятно, частный) домъ были заняты этимъ обществомъ, составлявшимъ свиту неразлучныхъ спутниковъ короля Станислава. Въ концѣ сентября пріѣхала изъ Варшавы съ дочерью княгиня Радзивиллова и также помѣстилась во дворцѣ. По истинѣ, можно было бы удивляться, гдѣ и какъ размѣщалось это блестящее общество, если не принять къ свѣдѣнію того, что понятія объ удобствахъ и комфортѣ въ прошломъ вѣкѣ были менѣе требовательны, чѣмъ теперь, и что приводившая тогдашнихъ моралистовъ въ изумленіе и негодованіе роскошь, даже безумная роскошь польскихъ пановъ, была мелковата сравнительно съ нынѣшнею. Гродненскій дворъ короля Станислава-Августа сталъ теперь еще болѣе манить къ себѣ польское общество; толпы пріѣхавшихъ представиться и навѣстить короля и его „сестрицъ“, какъ постоянно выражается о нихъ дневникъ графа Безбородка, все болѣе и болѣе увеличивались. Чтобы не возвращаться болѣе къ безконечному списку этихъ визитеровъ, несомнѣнно привлекаемыхъ въ гродненскій дворецъ больше праздностію и любопытствомъ, чѣмъ искреннимъ сочувствіемъ къ своему старому королю, — представляемъ имена лицъ, являвшихся во дворецъ съ

1-го іюня по 1-е октября. Изъ мущинъ были: Мей, Соболевскій, Михалевскій, Райскій, крайчій Еллинскій, каштелянъ Маковецкій, Александровичъ, Ледуховскій, Гусаржевскій, библіотекарь короля Липинскій изъ Варшавы, хорунжій Нарбутъ, референдарій графъ Тышкевичъ, епископъ жмудскій Ядровичъ, польскій генералъ Пломбекъ, графъ Ржевусскій, Брентани изъ Вѣны, Глуховскій, Курнатскій, каноникъ Янкуневичъ, графъ Любомирскій; изъ польскихъ дамъ: Мостовская, генеральша Муравская, Юндзилова, Забѣллова, Дзѣконская, графиня Гильзенъ, Бѣлякова (жена польскаго генерала Бѣляка, командовавшаго татарскими войсками), княгиня Пузына, подкоморжина Бумаранова, Кіянская, графиня де-Меллени. Изъ русскихъ чаще другихъ навѣщали короля генералъ-маіоръ графъ Никита Петровичъ Панинъ, котораго очень любилъ Станиславъ-Августъ, и его супруга [1]), семейство барона д'Аша, полковники и графы Штакельбергъ и Сакенъ и контръ-адмиралъ графъ Литта. Пріѣздъ знатныхъ женщинъ послужилъ еще къ большему сближенію двухъ дворовъ — королевскаго и генералъ-губернаторскаго. Княгинь Репнину, Волконскую и Лобанову-Ростовскую и графиню Панину мы чаще прежняго встрѣчаемъ въ королевскомъ дворцѣ — съ визитами къ польскимъ дамамъ, на кофе, на обѣдахъ и ужинахъ королевскихъ, на общихъ прогулкахъ за городомъ, всего чаще въ Понѣмуни и Лососнѣ, въ театральныхъ представленіяхъ, на фокусахъ знаменитаго Пинетти, который цѣлый мѣсяцъ потѣшалъ во дворцѣ гродненское общество безъ различія національностей. Обѣихъ „сестрицъ“, графа и графиню Мнишекъ, племянника королевскаго Станислава [2]), мы также почти безпрестанно видимъ во дворцѣ генералъ-губернатора, у Репниныхъ и Волконскихъ, — съ визитами, оффиціальными и за просто, и на ассамблеяхъ, почти еженедѣльныхъ. Понятовскій и Репнинъ стали также чаще прежняго встрѣчаться между собою; чаще сталъ бывать у главнокомандующаго король; часто и князь Репнинъ удостоивалъ своимъ посѣщеніемъ королевскаго племянника, графа Мнишка, но никого болѣе изъ поляковъ. Что касается до прогулокъ, то онѣ стали еще чаще и разнообразнѣе: одинъ, съ обѣими „сестрицами“, или же только съ одною, съ графомъ Мнишкомъ, съ внучатами, утромъ и вечеромъ, верхомъ и въ экипажѣ, не взирая ни на какую погоду, по прежнему дѣлалъ свои загородныя прогулки король

[1]) Графиня Софья Владиміровна, урожденная графиня Орлова.

[2]) Уѣхавшаго, впрочемъ, 5-го іюля въ Петербургъ и болѣе не возвращавшагося въ Гродно.

Станиславъ-Августъ. Съ пріѣздомъ сестеръ, король, хотя изрѣдка, сталъ ѣздить прогуливаться и къ базиліянскому, т. е. греко-уніятскому, монастырю; заходили они и въ церковь. Монастырь этотъ, называвшійся *Коложею*, находился за городомъ, надъ Нѣманомъ, на прелестнѣйшемъ мѣстоположеніи; нынѣ отъ него остались однѣ развалины древнѣйшаго православнаго храма, готовыя совсѣмъ обрушиться въ Нѣманъ, берега котораго часто осыпаются. Съ пріѣздомъ королевскихъ „сестрицъ" чаще сдѣлались также посѣщенія ими однѣми и совмѣстно съ королемъ католическихъ монастырей и костеловъ, которыхъ и въ Гроднѣ было не мало; участились появленія во дворцѣ разныхъ духовныхъ лицъ. Грабовская, жена Станислава, называемая въ дневникѣ Безбородко генеральшей, прибыла изъ Варшавы 29-го сентября, съ своими сыновьями Михаиломъ и Станиславомъ, которыхъ очень любилъ и король. 7-го сентября сдѣлалъ ей визитъ кн. Репнинъ, а 11-го уже ѣздилъ съ ней прогуливаться Понятовскій. 30-го октября она давала, на своей половинѣ новаго замка, большой вечеръ, на которомъ присутствовала вся гродненская аристократія, русская и польская. Но, несмотря на это, въ первое время ее какъ-то чуждались, — и, кажется, болѣе другихъ „сестрицы" и Мнишки. Умственныя занятія короля Станислава, о которыхъ слегка упоминается въ дневникѣ, чтеніе книгъ и газетъ и писаніе, шли прежнимъ чередомъ; какъ любитель и знатокъ древностей, онъ занялся однажды, въ концѣ августа, изслѣдованіемъ какого то большаго камня, найденнаго имъ за Нѣманомъ, у Лососны. Судя по дневнику Безбородка, которымъ мы пользуемся при составленіи очерковъ гродненской жизни, можно подумать, что эта жизнь представляла рядъ безпрерывныхъ празднествъ; но составитель дневника не могъ, или не захотѣлъ, указать драматическихъ явленій этой, дѣйствительно, праздной жизни, образцики которой мы уже видѣли. Одному изъ главныхъ героевъ представленной нами жизни, князю Н. В. Репнину, свѣтскія развлеченія были плохимъ отдыхомъ отъ заботъ и хлопотъ всякаго рода: онѣ скорѣе были для него своего рода службою, обязанностями, неразлучными съ его, смѣло можно сказать, еще необычнымъ въ исторіи Россіи положеніемъ,—организатора вновь присоединеннаго края, берегущаго короля только что умершей Польши, привязывающаго и спаявающаго съ Россіей вѣчно болящее и мятущееся польское общество. Репнинъ несомнѣнно находилъ особенное удовольствіе вырываться изъ круговорота гродненской жизни; и замѣчательно, какъ скоро онъ

оставлялъ Гродно, что̀ напр. случилось въ августѣ, эта жизнь становилась еще шумнѣе и празднѣе: не оставалось человѣка, который служилъ безмолвнымъ укоромъ всякой праздности, который былъ цѣлою головою выше окружающаго, разнохарактернаго, пестраго общества. Князь Репнинъ по самой натурѣ своей, и какъ русскій человѣкъ екатерининскаго времени, и какъ масонъ, большинство собравшагося въ Гроднѣ польскаго общества, деморализованнаго въ конецъ, не могъ не презирать глубоко.

Изъ отдѣльныхъ происшествій, отмѣченныхъ у Безбородка, не надъ чѣмъ особенно остановиться. 28-го іюня, день восшествія на престолъ императрицы Екатерины, въ Гродно вдвойнѣ праздновался,—какъ день открытія Верховнаго Литовскаго правленія. Весь дворъ короля утромъ былъ съ поздравленіемъ у главнокомандующаго, который тутъ же кн. Станислава Понятовскаго, гр. Хребтовича, Кицкаго, генерала Понятовскаго и каммергера Вольскаго пригласилъ къ себѣ обѣдать, а остальныхъ на балъ; король былъ также на этомъ балѣ до 8 часовъ вечера; домъ генералъ-губернатора, по случаю этого праздника, былъ иллюминованъ. Въ іюлѣ король жаловался на легкое нездоровье, не имѣвшее впрочемъ, опять, никакихъ послѣдствій. 22-го іюля, въ день имянинъ цесаревны Маріи Θеодоровны, у Репнина также были обѣдъ и ассамблея. Гр. Мнишекъ, Грабовскій и полковникъ Вицкій ѣздили съ поздравленіемъ и были приглашены къ обѣду; ассамблею, въ числѣ другихъ, посѣтила графиня Мнишекъ. 26-го августа, въ день имянинъ княгини Н. А. Репниной, у короля былъ большой обѣдъ, на которомъ присутствовали сама княгиня и ея дочь, Панины, Циціановъ и Лобановъ-Ростовскій [1]). Поздравлять княгиню отправились: великій конюшій Кицкій, нѣчто въ родѣ министра гродненскаго двора, каммергеръ Вольскій, полковникъ Вицкій, адъютанты: Грабовскій и Киркоръ; кромѣ послѣдняго, всѣ они приглашены были на ассамблею. Эта ассамблея не могла быть блестящею, потому что въ тотъ же вечеръ король и весь его дворъ присутствовали на фокусахъ «профессора Пинеттія», дававшихся въ Старомъ замкѣ, въ нарочно устроенномъ для того театрѣ. 27-е августа было днемъ восшествія на польскій престолъ короля Станислава-Августа. «Нѣкоторые польскіе господа» пріѣзжали къ нему съ поздравленіемъ, надобно думать, безъ намѣренія возбудить

[1]) Панинъ и Лобановъ-Ростовскій были близкими родственниками княгини Н. А. Репниной.

въ немъ непріятныя воспоминанія; король не былъ доволенъ этимъ пріѣздомъ, «однакожь принужденъ былъ утромъ оныхъ принимать». Любознательные англичане не оставили въ покоѣ Станислава-Августа въ его гродненскомъ уединеніи. 14-го октября его посѣтили двое англійскихъ туристовъ, графъ Дугласъ и его спутникъ, и потомъ раза два у него обѣдали. 21-го октября въ придворной каплицѣ были парадные крестины двухъ сыновей Дульскаго. Король съ княгиней Н. А. Репниной, и самъ Репнинъ съ графиней Браницкой, были воспріемниками.

Наступилъ ноябрь. По видимому, ничего особеннаго не случилось и не приготовлялось. Теченіе жизни было все тоже: тѣже были сношенія между обоими дворами, тѣже свиданія короля съ Репнинымъ, тѣже пересылки писемъ и посылки секретарей и адъютантовъ; такая же, какъ прежде, если не болѣе блестящая, вечеринка была во дворцѣ, въ покояхъ короля, которую давала внучка его, графиня Мнишекъ, 5-го ноября, и на которой изъ русскихъ присутствовали: Репнины, Волконскіе, Панины, Румянцовы, Безбородко, Германъ и Лобановъ-Ростовскій. Внѣшнее теченіе жизни было спокойно и безмятежно; но внутри ея заканчивался послѣдній актъ драмы, прологомъ которой было взятіе штурмомъ Праги. 14 (25) *ноября 1795 года Станиславъ-Августъ подписалъ актъ отреченія* [1]). Мы имѣемъ правдивое свидѣтельство одного изъ участниковъ этой неизбѣжной катастрофы, присутствовавшаго при этой, все же важной, исторической минутѣ. Подписывая свое отрѣченіе, горькими слезами обливался Станиславъ-Августъ, не столько за себя, сколько за будущую судьбу Польши. Не деревяннымъ, безчувственнымъ зрителемъ присутствовалъ при этомъ кн. Репнинъ: передъ представителемъ русской императрицы исчезалъ слабый человѣкъ, всю жизнь бывшій игралищемъ чужой воли; въ старомъ графѣ Понятовскомъ видѣлъ теперь Репнинъ олицетвореніе земной непрочности, надъ нимъ—грозный образъ самой судьбы, и его масонская душа глубоко содрогнулась! Приводимъ слѣдующее знаменательное письмо его къ графу Платону Зубову, писанное, очевидно, подъ вліяніемъ сильнаго душевнаго волненія, дрожащимъ почеркомъ и съ помарками:

1) См. Полн. Собр. Зак. Т. XXIV, № 17,736, стр. 284—285. Это отрѣченіе, на русскомъ языкѣ, приложено къ конвенціи, заключенной между Россіей, Австріей и Пруссіей, по поводу окончательнаго раздѣла Польши, 15 января 1797 года. Г. Бобровскій совершенно ошибочно относитъ это событіе къ 25 декабря (Грод. губ. т. II, стр. 772). Лелевель увѣряетъ, что актъ отрѣченія посланъ Репнинымъ съ курьеромъ, который доставилъ его императрицѣ въ день ея имянинъ „za bukiet i za wiązanie jéj oddany był“. Это могло быть, по усердію Репнина; но только такой букетъ не былъ дорогъ для Екатерины, въ полной власти которой еще и до этого была судьба Станислава-Августа.

«Воля ея императорскаго величества исполнена: король подписалъ актъ отрѣченія, который, при всеподданнѣйшемъ отъ меня донесеніи, при семъ слѣдуетъ. Не безъ слезъ, и горькихъ, то дѣло обошлось; но не по поводу отрѣченія, а по причинѣ одобренія мѣръ о будущемъ жребіи Польши и отвращенія его противъ короля прусскаго, котораго никакъ въ актѣ назвать не хотѣлъ; по сему и написано просто, послѣ поименованія ея императорскаго величества: «сосѣдственныя державы». Странно, между прочимъ, въ жребіи сего государя то, что Прага взята въ тотъ самый день, въ который онъ лѣтъ за двадцать (назадъ) увезенъ былъ барскими конфедератами и только чудесно отъ нихъ спасся, а отрѣченіе свое онъ подписалъ въ день своей коронаціи, въ которой онъ на меня перваго надѣлъ польскую голубую ленту [1]), а теперь мнѣ же отрѣченіе свое отдалъ! Не могу я скрыть (зачеркнуто: *не признаться*), что сіе послѣднее дѣло (зачеркнуто: *тягость судьбы его*) было весьма чувствительно (зачеркнуто: *трогало меня*)! По счастію случился здѣсь графъ Мошинскій, который мнѣ много помогалъ, какъ и графъ Мнишекъ искренно также старался, а въ пересылкахъ и перепискахъ употреблялся извѣстный вамъ секретарь Фризъ, коего рукою и актъ написанъ. Равнымъ образомъ долженъ я сказать, что графъ Панинъ усердно трудился въ пріисканіи такого слога для акта, которымъ бы скорѣе можно было довести короля до желаемаго рѣшенія. Я внутренно убѣжденъ, что онъ имѣетъ основательныя способности къ министерской части. Съ симъ отправляя адъютанта моего князя Гагарина, который былъ подъ (подчиненъ) графомъ Ильею Андреевичемъ съ самаго начала при королѣ, поручаю его въ вашу милость и покровительство, пребывая и т. д.»

Эта важная историческая минута, свидѣтелемъ которой былъ князь Репнинъ, долго не забывалась имъ. По прошествіи почти года, утомленный до истощенія силъ, тяготясь бывшимъ королемъ польскимъ, который то съ тѣмъ, то съ другимъ приставалъ къ нему, вотъ что, между прочимъ, писалъ Репнинъ графу Н. И. Салтыкову 24 октября 1796 г.:

«.... онъ (король) согласенъ на все; а ежели проситъ денегъ и нѣкоторыхъ другихъ выгодъ,—то, кажется, безъ первыхъ ему подлинно съ пристойностію (жить) нельзя, а вторыя изъ человѣколюбія отказать трудно, вспомня: въ какое онъ возвышеніе нашимъ же дворомъ возведенъ былъ, и сколь теперь судьбами неисповѣдимыми внизъ сведенъ изъ прежняго своего состоянія, которымъ 30

1) Бѣлаго Орла.

лѣтъ пользовался. Его положеніе (каковъ онъ ни есть) безъ глубокаго обмышленія о прочности человѣческой и о силѣ Всевышняго обнимаемо быть не можетъ: *трудно найдти человѣка и счастливѣе и несчастнѣе*!»

Человѣкъ, писавшій эти строки, не могъ быть сэромъ Гудсонъ-Лоу'-мъ, если бы его надзору былъ порученъ и не слабый Станиславъ Понятовскій, но самъ геніальный узникъ, столько лѣтъ безжалостно томимый на знойномъ островѣ св. Елены.

На другой день, Станиславъ-Августъ пишетъ императрицѣ Екатеринѣ слѣдующее письмо, съ приложеніемъ особаго меморіала:

„Государыня моя сестра!

„Такъ какъ я рѣшился ничего не дѣлать и не предпринимать безъ позволенія и одобренія вашего императорскаго величества, поэтому и хочу вполнѣ доказать вамъ это симъ частнымъ письмомъ. Я прошу вашего рѣшенія обо мнѣ лично и благосклоннаго вниманія на предметы, изложенные въ прилагаемомъ при семъ меморіалѣ. Желаю всѣмъ этимъ представить новое доказательство чувствъ, съ которыми пребываю вашего императорскаго величества добрымъ братомъ. Станиславъ-Августъ король".

Гродно. 26 ноября (новаго стиля) 1795 г.

МЕМОРІАЛЪ.

1) „Желая на все остальное время моей жизни сохранить благосклонность и одобреніе вашего императорскаго величества, представляю на ваше благоусмотрѣніе планы о моей будущей жизни. Слѣдующею весною я желалъ бы отправиться на воды въ Карлсбадъ, предпринявъ мой путь черезъ Брестъ, Люблинъ, часть Галиціи и Моравіи въ Богемію, гдѣ живетъ моя невѣстка, уже около 20 лѣтъ, по сосѣдству Карлсбада,—та самая, о дѣлахъ которой я не отступно просилъ ваше императорское величество, дабы ей были оказаны знаки вашей доброты и справедливости. Мой врачь полагаетъ, что послѣ карлсбадскихъ, баденскія воды, близь Вѣны, также необходимы для моего здоровья. Ежелибъ было угодно вашему императорскому величеству и императору римскому, я очень желалъ бы избрать мѣстомъ моего пребыванія одно изъ австрійскихъ государствъ, или гдѣ нибудь по близости ихъ, въ тепломъ климатѣ, съ правомъ дѣлать небольшія путешествія по Италіи и Швейцаріи. Но если будетъ признано не удобнымъ, если я съ моимъ семействомъ водворюсь въ одномъ изъ государствъ Австріи, или въ какомъ-либо мѣстѣ Германской Имперіи, — въ такомъ случаѣ я желалъ бы избрать главнымъ мѣстомъ моего пребыванія городъ Римъ, пользуясь тою же свободою дѣлать небольшія путешествія по разнымъ мѣстамъ Италіи и Швейцаріи и не лишаясь чрезъ могущественное посредство вашего императорскаго величества, покровительства международнаго права, противъ всякаго

рода оскорбленій и непріятностей. Я не хочу ни на что рѣшиться, не испросивъ предварительнаго мнѣнія вашего величества,—и вотъ почему представляю на благоусмотрѣніе и благосклонность вашу вопросъ: до какой степени слѣдуетъ сохранить мнѣ внѣшніе знаки королевскаго достоинства? Спрашиваю не изъ сожалѣнія о предметѣ, дѣйствительное значеніе котораго такъ мало принесло мнѣ счастія, но на случай встрѣчь, къ которымъ все мое прошлое можетъ меня привести".

2) Смѣю надѣяться, что ваше императорское величество не сочтете докучливостію то, что я вамъ напомню, — именно просьбу старшей моей сестры Замойской, палатины Подоліи, поднесенную уже къ вашимъ стопамъ. Потерявъ старо̀ство Поросятково, которое купилъ покойный ея мужъ еще въ царствованіе Августа III и которое она уступила своимъ дѣтямъ, графу Мнишекъ и женѣ его, она лишилась также почти половины цѣнности своего наслѣдственнаго помѣстья Бедрыховскаго Гродка въ Подоліи; старо̀ство Поросятково, сверхъ того, снабжало ее лѣсомъ, необходимымъ въ хозяйствѣ. Смѣю еще представить вамъ, что старо̀ства, которыя я, на основаніи закона 1775 г. и подъ покровительствомъ вашего императорскаго величества, далъ моимъ, роднымъ, получили тогда значеніе наслѣдственныхъ имѣній, а въ числѣ ихъ и Бѣлая Церковь, которую я отдалъ тогда графу Браницкому. Такъ какъ большая часть имѣній и старостствъ меньшой моей сестры, воеводины Подольской, вошли въ прусскіе предѣлы; по этому позволяю себѣ надѣяться на доброту вашего императорскаго величества, что вы не откажетесь войдти въ необходимыя сношенія, по предмету владѣній и ненарушимаго пользованія этими имѣніями и староствами, для меньшой моей сестры, на основаніи законовъ, на которыхъ основываются ея титулы, и завѣщанія, сдѣланнаго ею въ пользу своего племянника, князя Станислава. Прошу также ваше императорское величество, чтобы всѣ члены моей фамиліи имѣли полное право отлучаться изъ тѣхъ предѣловъ, гдѣ находятся ихъ владѣнія, по собственной ли ихъ надобности, или для слѣдованія за мною, съ тѣмъ, чтобы это отсутствіе не могло принести имъ никакого вреда."

3) „Да позволено мнѣ будетъ представить еще вашему императорскому величеству мое мнѣніе относительно сохраненія общественнаго покоя и безопасности. Около тысячи польскихъ офицеровъ купили свои мѣста, на это они употребили все свое состояніе; но вдругъ, неожиданно, они теряютъ свой капиталъ и жалованье, составляющіе средства ихъ существованія. Эти лица теперь разсѣяны по провинціямъ, пріобрѣтеннымъ вашимъ императорскимъ величествомъ и вашими высокими союзниками; за бѣдностью и нищетою слѣдуетъ ускореннымъ шагомъ отчаяніе. Да благоволитъ милость и великодушіе вашего императорскаго величества, снесясь съ высокими вашими союзниками, принять мѣры, отъ которыхъ зависѣло бы не только утѣшеніе, но, смѣло скажу, и спасеніе жизни этихъ лицъ. По соразмѣрности цѣны покупки офицерскаго чина, которую законъ опредѣляетъ четырехгодичнымъ жалованьемъ, я

полагаю, что около 400 тысячъ червонцевъ было бы достаточно для этой цѣли." Подписано: „Станиславъ-Августъ, король." Гродно, 26 ноября (нов. ст.) 1795 г.

На первый пунктъ меморіала императрица отвѣчала (отъ 21 декабря ст. стил.), что она беретъ подъ свое покровительство частное имущество Станислава-Августа, что постарается устроить для него существованіе пріятное, счастливое и спокойное: что она не прочь отъ поѣздки его въ Карлсбадъ и Баденъ, на воды, и отъ водворенія его на жительство въ Италіи, особенно въ Римѣ, какъ городѣ, гдѣ его величество найдетъ полное удовлетвореніе своимъ артистическимъ наклонностямъ; она не прочь бы и отъ путешествій, но онѣ не удобны при теперешнемъ положеніи Европы, особенно по Швейцаріи; что Австрію и Германію она считаетъ не пригодными для пребыванія короля [1]). Что касается до 2-го пункта, то Екатерина еще 10-го августа извѣщала Станислава Понятовскаго, что она приказала уничтожить продажу имѣній, принадлежащихъ лицамъ, о которыхъ ходатайствуетъ король, и что судьба ихъ рѣшенія одновременно съ его судьбою; но совѣтуетъ, въ ожиданіи этого, не тревожиться [2]).

Но, повторяемъ, внѣшнее теченіе гродненской дворцовой жизни, отражаемое въ нашихъ источникахъ, не возмутилось этой драмой. 24 ноября, въ день тезоименитства императрицы, король съ своими „сестрицами" и придворными ѣздилъ съ поздравленіемъ къ главнокомандующему, который съ генералитетомъ и прочими чинами встрѣтилъ его въ передней и препроводилъ въ парадные свои покои, гдѣ Станиславъ-Августъ пробылъ съ часъ. Вечеромъ у Репнина былъ балъ, на которомъ, кромѣ другихъ, присутствовали: Мнишки, Грабовскіе, графъ Мошинскій, Дюгамель и Вицкій. 30 ноября въ кавалерственный праздникъ, король ходилъ въ придворную каплицу въ андреевской лентѣ; въ 12 часовъ пріѣзжалъ кн. Репнинъ поздравлять короля и гр. Мнишка, также андреевскаго кавалера, съ праздникомъ. 21 декабря приходился новый годъ по новому стилю. Въ 11 часовъ утра кн. Репнинъ, въ сопровожденіи гр. Румянцова, гр. Панина, Денисова, кн. Лобанова, пріѣзжалъ поздравлять короля съ новымъ годомъ; въ 4 часа по полудни пріѣзжала къ королю и къ обѣимъ „сестрицамъ" княгиня Александра Николаевна Волконская; въ 6 часовъ прибылъ опять главнокомандующій съ генералитетомъ, графиня Панина и нѣкоторыя поль-

[1]) Pamiętniki z XVIII wieku, m. X., стр. 93.
[2]) Ibid. стр. 69.

скія дамы и просидѣли до 9 часовъ вечера, занимаясь разными играми и музыкой. 25 декабря король посылалъ своего камергера Стршембоша къ главнокомандующему поздравить его съ праздникомъ Рождества Христова.

Такъ прошелъ первый годъ пребыванія въ Гроднѣ послѣдняго польскаго короля Станислава-Августа Понятовскаго.

ГЛАВА III.

Введеніе. Трудность собиранія всякаго рода свѣдѣній въ эту пору. *Города*: Слонимъ, Пружаны, Кобринъ, Волковыйскъ, Лида, Вильна. Классификація жителей Виленской губерніи. *Мѣстечки. Татары. Евреи.* Отношеніе русскихъ людей XVIII вѣка къ религіозному вопросу. *Литовскія деревни* и состояніе земледѣльческой культуры. Классификація имѣній: a) *Ключи*, b) *староства*, c) *епископскія столовыя* и *монастырскія*, d) *по-іезуитскія*, e) *королевской экономіи*. Параллель между экономическимъ положеніемъ польскихъ и нашихъ крестьянъ. Имѣнія конфискованныя („казенныя“) и отношенія къ нимъ кн. Репнина; заботы его о благосостояніи крестьянъ въ этихъ имѣніяхъ. Раздача имѣній. Кн. Репнинъ противудѣйствуетъ административному произволу и всякимъ безпорядкамъ. Шляхетскій вопросъ. Новыя административныя учрежденія и вновь прибывшіе въ край люди. Старые польскіе суды, почты, благотворительныя и воспитательныя заведенія и отношенія къ нимъ новой власти. Смущеніе русскихъ людей, управлявшихъ краемъ, при встрѣчѣ всякаго рода затрудненій. Слабость правительства въ послѣдній годъ царствованія императрицы Екатерины II. Желаніе князя Репнина бѣжать изъ края.

Государственный строй и соціальное положеніе бывшей польской республики представляли для каждаго безпристрастнаго наблюдателя явленіе, по меньшей мѣрѣ, ненормальное. Западный наблюдатель не могъ найдти въ нихъ ровно ничего привлекательнаго,—ибо, напримѣръ, польская свобода не могла его прельщать, культура—удивлять. Польша и все польское всегда были для него безконечно ниже всего западно-европейскаго, чѣмъ-то переходнымъ отъ Европы къ Азіи; по крайней мѣрѣ, такъ всегда смотрѣли на Польшу западно-европейскіе люди, при непосредственномъ знакомствѣ съ нею; другое дѣло было издали, напримѣръ, изъ Франціи, послѣ 1789 г., когда пошли въ оборотъ прекрасныя фразы о правахъ человѣка и о свободѣ народовъ, и когда, по не-

знанію, легко было принять польскую свободу за настоящую, шляхетское право за народную равноправность; издали, съ западной точки зрѣнія, еще можно было обольщаться республиканизмомъ польскимъ, потому что, одновременно съ французской революціей, начались и польскія реформы, которыми ознаменовалось царствованіе Станислава-Августа Понятовскаго, и польскія разглагольствованія о свободѣ, и польскія жертвы за возстановленіе погибшей политической независимости. Съ востока Европы, со стороны Россіи, для русскихъ людей конца XVIII вѣка, для современниковъ Екатерины II, польскій государственный строй казался положительнымъ безобразіемъ, возбуждающимъ презрѣніе: инымъ и не могъ казаться хилый, болѣзненный, разлагающійся организмъ, разрушеніе котораго не представляло никакого труда; это презрѣніе, не совсѣмъ заслуженное, обращалось и на всю націю. Но къ польскому соціальному строю, къ общественнымъ, экономическимъ и т. п. отношеніямъ, русскіе люди прошлаго вѣка уже относились совершенно иначе; если они ничѣмъ не могли здѣсь восторгаться (и дѣйствительно, не восторгались), то ничего не могли и презирать, по той именно причинѣ, что не имѣли ничего лучшаго, совершеннѣйшаго у самихъ себя; по крайней мѣрѣ, въ общемъ, въ итогѣ, здѣсь силы встрѣтившихся соперниковъ были равны. Но еще въ выгоднѣйшемъ отношеніи къ намъ стояли Поляки своею культурою, своею гражданственностію, просвѣщеніемъ,—выгоднѣйшемъ, потому что наша новая, послѣ-петровская культура была тогда еще слишкомъ слаба, а отъ старой, московской, мы совсѣмъ отвернулись, да, притомъ же, эта послѣдняя доказала свою несостоятельность назадъ тому еще столѣтіе, и, между прочимъ, по отношенію къ той же гражданственности польской.—И такъ, что же увидѣли русскіе люди въ земляхъ, доставшихся отъ умершей Польши? Какими нашли они обломки бывшей республики,—т. е. годными на что нибудь, или же ни на что ровно? Къ какимъ результатамъ приходятъ они при неизбѣжномъ сравненіи своего роднаго съ польскимъ? Какъ они себя почувствовали въ чужомъ краѣ?—Вотъ вопросы, категорическій отвѣтъ на которые послужилъ бы ключомъ къ объясненію такъ называемаго польскаго вопроса, той горячей враждебности, которая замѣчается съ конца прошлаго вѣка въ отношеніяхъ между двумя главнѣйшими славянскими племенами. Но такого рода отвѣтъ будетъ возможенъ лишь тогда, когда первое соприкосновеніе польской жизни и гражданственности съ русскими будетъ изслѣдова-

но не въ одной Литвѣ, но и въ Бѣлоруссіи и на Украйнѣ. Такого изслѣдованія пока нѣтъ въ нашей исторической литературѣ, страдающей, подобно литературѣ польской, фаталистическимъ направленіемъ. Поляки во всемъ обвиняютъ судьбу, грубую физическую силу и коварство сосѣдей; мы—отъ негодности государственнаго ихъ строя, отъ растлѣнности высшихъ, вліятельнѣйшихъ классовъ польскаго общества, дѣлаемъ заключеніе о неизбѣжной смерти и всего польскаго, — т. е. опять приходимъ къ тому же предопредѣленію, которому противорѣчитъ осязательная живучесть польскаго духа и медленные успѣхи руссификаціи. Ни крики о превосходствѣ польской гражданственности надъ русской, просвѣщенія надъ варварствомъ (польская точка зрѣнія); ни глумленія надъ шляхетствомъ и саркастическое подведеніе подъ него всей жизни соперника (наше воззрѣніе) — отнюдь не научные пріемы, необходимые для изслѣдованія.

Возня съ бывшимъ польскимъ королемъ и съ налетѣвшимъ со всѣхъ сторонъ въ Гродно польскимъ обществомъ, какъ мы видѣли, отнимала у литовскаго генералъ-губернатора большую часть времени и положительнымъ образомъ мѣшала какъ ознакомленію съ присоединеннымъ краемъ, такъ и реорганизаціи его на русскую стать, въ духѣ государственныхъ учрежденій екатерининскаго времени. Въ Литвѣ вообще было достаточно русскихъ военныхъ силъ, не мало было русскихъ офицеровъ; русское военное управленіе въ переходную пору 1794 — 96 г. могло держать завоеванную страну въ повиновеніи, но по самому существу своему, оно не могло дать ей простора, нужнаго для гражданской жизни; русскихъ же гражданскихъ, административныхъ силъ было слишкомъ мало. Хотя въ ту эпоху военная карьера открывала самое широкое поприще для дѣятельности и званіе русскаго офицера равнялось диплому на любую спеціяльность; но введеніе въ краѣ учрежденій о губерніяхъ требовало нѣчто и большаго, чего не давала военная служба. Людей, знакомыхъ съ духомъ этихъ учрежденій, съ самою жизнію, подлежащею реформированію, у князя Репнина почти не было; отрывать, съ этой цѣлію, отъ прямыхъ своихъ обязанностей офицеровъ, наиболѣе способныхъ въ то время къ подобной работѣ, онъ не могъ; сама преобразуемая жизнь, упорно ей не поддавалась; наконецъ самое здоровье литовскаго генералъ-губернатора начало ему измѣнять—не доставало необходимой для всякаго труда энергіи: по всѣмъ этимъ причинамъ, дѣло устройства гражданскаго шло черепашьимъ шагомъ.

Фактическое ознакомленіе съ статистическимъ и экономическимъ положеніемъ края шло также неуспѣшно и по тѣмъ же причинамъ,—по недостатку рабочихъ рукъ, по неохотѣ мѣстной интеллигенціи содѣйствовать видамъ и цѣлямъ русскаго правительства. Сообщаемъ нѣкоторыя данныя, относящіяся до статистики края, и доставленныя въ канцелярію литовскаго генералъ-губернатора только въ 1796—97 г.г. Вотъ нѣкоторыя свѣдѣнія о литовскихъ городахъ, состояніе которыхъ, впрочемъ, представляется въ пору собиранія о нихъ свѣдѣній,—т. е. уже при измѣненныхъ порядкахъ.

Городъ *Слонимъ* переименованъ изъ мѣстечка, принадлежащаго староству того же имени, находившемуся во владѣніи гетмана графа Огинскаго, который для Слонима, въ своемъ родѣ, былъ Тызенгаузомъ; онъ, между прочимъ, устроилъ каналъ, соединяющій р. Щару съ днѣпровскою системою водъ. Въ городѣ находились: 5 каменныхъ римско-католическихъ монастырей, каменная фара (городской соборъ), деревянный женскій католическій монастырь, деревянная уніятская церковь, каменныхъ домовъ 6, деревянныхъ—666. Изъ каменныхъ домовъ 4 принадлежали бывшему гетману Огинскому; они были взяты въ казну. Изъ этихъ домовъ было замѣчательно палаццо графа, огромное каменное одноэтажное зданіе съ двумя, по бокамъ, деревянными флигелями (офицынами), имѣющее въ себѣ 116 покоевъ. При этомъ домѣ находился каменный театръ, оранжерея и небольшой садъ. Благодаря своему положенію на р. Щарѣ, впадающей въ Нѣманъ, Слонимъ велъ значительную торговлю хлѣбомъ и лѣсомъ, находившуюся въ рукахъ евреевъ; жители Слонима—христіяне занимались земледѣліемъ, хотя городской земли было очень не много, да и та лежала въ одну сторону; съ остальныхъ же сторонъ облегали его пахатныя и сѣнокосныя земли гетмана Огинскаго, подходившія къ самой городской чертѣ. По замѣчанію тогдашнихъ нашихъ статистиковъ, „для таковыхъ удобностей къ торговлѣ, Слонимъ можетъ дѣйствительнымъ назваться городомъ“; по этимъ, конечно, причинамъ онъ былъ и возведенъ въ санъ города губернскаго *).

Городъ *Пружаны* переименованъ изъ мѣстечка того же имени,

[1]) Фонъ-Визинъ, проѣзжавшій черезъ Литву двадцать лѣтъ раньше, называетъ Слонимъ городомъ хотя и лучшимъ другихъ, ‹но со всѣмъ тѣмъ весьма сквернымъ›; о другихъ онъ выражается, что и даромъ бы ихъ не взялъ. Впрочемъ, тотъ же писатель нашелъ ‹невѣроятное сходство› Варшавы съ Москвою; ни тѣни подобія не представляютъ въ настоящее время эти два города. (Соч. Ф. Виз. изд. Глазун. Стр. 407—412).

принадлежащаго Брестской королевской экономіи. Въ немъ было домовъ 349, всѣ деревянные, ветхіе; церквей уніятскихъ, деревянныхъ 3, рим.-католическая одна, также деревянная. Христіанское населеніе города занималось земледѣліемъ, но земли принадлежащей ему было всего 11 сажень вокругъ всей городской черты; остальная земля, съ такъ называемой *Красничанской* стражей, содержащей въ себѣ болѣе 9 т. десятинъ лѣсу, отошла къ Пружанской волости, пожалованной графу Румянцову-Задунайскому. Евреи занимались мелкимъ промысломъ, преимущественно корчемствомъ. По безлѣсью и мелководью Муховца, протекающаго черезъ Пружаны, этотъ городъ не обѣщалъ ничего и въ будущемъ. Въ уѣздѣ его жителей обоего пола считалось до 28 тысячъ душъ; между ними: 1) крестьянъ до 24 тыс.; 2) дворянъ до 800; 3) евреевъ—до 1,300; священниковъ уніятскихъ—34, католическихъ—33. Церквей въ уѣздѣ: уніятскихъ—26 (1 деревянная), монастырей: уніятскій—1 и рим.-католическихъ 6.

Городъ *Кобринъ* также переименованъ изъ мѣстечка, принадлежавшаго Брестской королевской экономіи. Церквей въ городѣ—6 (вмѣстѣ съ костелами), всѣ деревянныя, за исключеніемъ зданій Базиліянскаго монастыря, въ которомъ, впрочемъ, церковь была деревянная же и притомъ ветхая. Обывательскихъ домовъ въ городѣ было 354, всѣ деревянные. Хотя въ городѣ было значительное число мѣщанъ и ремесленниковъ, но тѣ и другіе были очень бѣдны и особенно нуждались въ лѣсѣ и дровахъ, такъ какъ ближайшая къ городу пуща, содержащая въ себѣ 31 тысячу десятинъ лѣсу, поступила во владѣніе графа А. В. Суворова-Рымникскаго. Такой же недостатокъ чувствовался въ пахатной землѣ и выгонахъ. Нѣкогда, по королевскимъ привиллегіямъ, мѣстечко Кобринъ имѣло значительное количество этихъ земель; но въ 1767 г. бо̀льшая и лучшая часть ихъ была отобрана и приписана къ окружнымъ экономическимъ селеніямъ, поступившимъ теперь во владѣніе того-же фельдмаршала Суворова. Въ Кобринѣ было ежегодно по 6-ти ярмарокъ и по одному недѣльному базару; торговали хлѣбомъ и скотомъ. Положеніе города благопріятствовало торговлѣ: Муховецъ былъ здѣсь уже глубже, чѣмъ въ Пружанахъ, и притомъ отсюда начинался Королевскій каналъ, соединяющій рѣку Пину съ Муховцемъ, впадающимъ въ Бугъ; но каналъ этотъ былъ недоконченъ и находился въ запущеніи, такъ что судоходство по немъ было возможно только по веснѣ, въ полую воду. „Въ разсужденіи выгодъ (торговли съ Пруссіею хлѣбомъ и лѣсомъ) и

положенія, сіе мѣсто *дѣйствительнымъ* городомъ называться можетъ", говоритъ о Кобринѣ современное русское описаніе.

Городъ *Волковыйскъ* переименованъ изъ мѣстечка, принадлежавшаго старо̀ству того же названія, находившемуся во владѣніи графа Градовскаго, генералъ-поручика бывшихъ польскихъ войскъ. Въ городѣ находилось монастырей рим.-католическихъ деревянныхъ 2, церквей уніятскихъ, тоже деревянныхъ,—2, домовъ каменныхъ—2, деревянныхъ—215, большею частію ветхихъ. Жители города были очень бѣдны, по недостатку въ лѣсѣ, землѣ и по ничтожности торговли. „Мѣсто сіе дѣйствительнымъ городомъ долго существовать не будетъ", неудачно пророчитъ о судьбѣ Волковыйска современное описаніе.

Городъ *Лида* переименованъ изъ мѣстечка, принадлежащаго староству того же наименованія, бывшаго во владѣніи у графа Ципіона. Въ городѣ находилось три католическихъ монастыря, каменные, и одна деревянная уніятская церковь; домовъ каменныхъ—1, деревянныхъ — 241. Близь города лежали развалины стариннаго замка — четыре каменныя стѣны, образующія четыреугольникъ, по угламъ котораго возвышались бастіоны; но одна изъ стѣнъ, къ углу, обвалилась. Въ городѣ было двѣ ярмарки, на которыхъ производилась торговля хлѣбомъ. Мѣстные евреи промышляли сукнами, полотнами, бакалеей, винами и корчемствомъ; по отсутствію удобствъ для торговли, составители описанія блестящей будущности городу не обѣщали.

Городъ *Вильно* (по русскому произношенію,—Вильня, Вильна). Церквей р.-католическихъ въ городѣ и его предмѣстіяхъ—32; изъ нихъ; a) приходскихъ костеловъ—12, b) монастырей мужскихъ—15, c) женскихъ — 5; церквей уніятскихъ — 5, изъ нихъ 3 монастыря (2 мужскихъ и одинъ женскій; церквей православныхъ (дизунитскихъ)—1 (Св. Духовскій монастырь); лютеранскихъ—1, кальвинскихъ—1. Всего 40 церквей разныхъ христіанскихъ исповѣданій [1]). Всѣхъ домовъ въ городѣ, вѣроятно, безъ предмѣстій, было 1,292 (самый городъ, центръ его, конечно, былъ каменный, какъ и теперь). Въ городѣ было 10 палаццовъ, академія, 2 конвикта для дворянскихъ дѣтей (Collegium nobilium), 2 семинаріи, 8 госпиталей, 4

---

[1]) Въ настоящее время это число уменьшилось до 32; изъ этихъ послѣднихъ: a) православныхъ—11, b) католическихъ 18 (вмѣстѣ съ упраздненными), лютеранскихъ—2, реформатскихъ—1.

типографіи [1]). Жителей въ Вильнѣ насчитано 17,351 [2]) изъ нихъ: a) духовенства—675 (въ томъ числѣ рим.-католическаго 578); b) шляхты—2,471; c) евреевъ—5,198; d) мѣщанъ—6,089; e) ремесленниковъ—2,877; f) купцовъ—390; g) художниковъ и учителей—238. Любопытны нѣкоторыя статистическія данныя, частію уже приводимыя нами, относящіяся до тогдашней Виленской губерніи [3]). Общее число жителей обоего пола насчитывали въ ней 960,177 душъ. Изъ нихъ: a) шляхты (служащей при панахъ, платящей чиншъ и живущей на своихъ земляхъ околицами)—89,973 обоего пола; изъ нихъ, состоящихъ въ панской службѣ—19,612; платящихъ чиншъ—35,865; жувущихъ на собственной землѣ, околицами,—33, 991 обоего пола; б) мѣщанъ, живущихъ въ городахъ и мѣстечкахъ,—56,040; c) крестьянъ 7-ми категорій (экономическіе, старостинскіе, поіезуитскіе, духовные, помѣщичьи, магистратскіе, вольные, т. е. имѣвшіе право перемѣнять мѣста) — 731,641 душъ обоего пола; изъ этого числа помѣщичьихъ крестьянъ — 353,864 души обоего пола, вольныхъ, „пользующихся правомъ перемѣны мѣстъ“, вѣроятно, батраковъ,—205,995 душъ обоего пола; d) евреевъ—46,438 душъ обоего пола. Считая торговое и промышленное населеніе въ губерніи, по городамъ и мѣстечкамъ

[1]) M. Balinskiego, Starazytna Polska, W. 1843—46, т. III, стр. 199.

[2]) Всего вѣрнѣе ихъ было 20 тысячъ душъ обоего пола. Балинскій и А. Корево (Виленск. губ., Мат. для геогр. и стат. Рос., стр. 711) насчитываютъ ихъ въ эту пору 60 тысячъ. Огинскій, въ извѣстныхъ своихъ мемуарахъ, хвалится, что его на Погулянкѣ слушало болѣе 30 тысячъ (!). Но всѣ эти цифры, по крайней мѣрѣ, втрое, преувеличены. Самъ г. Корево говоритъ, что, по табели виленскаго магистрата, населеніе Вильны въ 1796 г. было 10,763 души обоего пола; въ рѣдкой теперь брошюрѣ, состав. Василіемъ Перевощиковымъ (*Богд. Ѳед. Кнорринъ*, М. 1828 г.), число ихъ опредѣляется цифрою около 21-й тысячи. Въ этой брошюрѣ, очевидно, составленной по бумагамъ или разсказамъ Кнорринга, Вильно называется знаменитымъ и богатымъ городомъ; домовъ въ городѣ показано 3 тысячи (вѣроятно, со всѣми предмѣстьями), изъ нихъ—1/5 каменныхъ.— Принадлежа къ числу первоклассныхъ городовъ имперіи, Вильна въ настоящее время имѣетъ до 80-ти тысячъ жителей об. п.: изъ нихъ: евреевъ —40—45 т.; русскихъ (подвижное населеніе) — 7—8 тыс.; остальные — поляки или католики. Физіономія города—по преимуществу еврейская.

О Ковнѣ и Гроднѣ мы уже говорили. О другихъ литовскихъ городахъ нѣтъ ничего даже у такихъ собирателей польской старины, какъ Ярошевичъ (Obraz Litvy) и Балинскій.

[3]) Она состояла изъ уѣздовъ: Виленскаго, Завилейскаго, Троцкаго, Браславскаго, Ошмянскаго, Ковенскаго, Упицкаго, Вилкомирскаго, Тельшевскаго, Россіенскаго и Шавельскаго.

(купцовъ, мѣщанъ, ремесленниковъ, иностранцевъ), въ 75,600 душъ обоего пола, мы видимъ, что еврейское населеніе болѣе, чѣмъ на половину, преобладало надъ остальными одною своею численностію. e) Людей россійскихъ (вѣроятно, православныхъ)—15,551 д. обоего пола; f) иностранцевъ — 5,805 душъ обоего пола; g) духовенства всѣхъ христіанскихъ исповѣданій, бѣлаго и чернаго, — 2,533 души обоего пола; между ними католическаго: ксендзовъ — 570, монаховъ—1,230; уніятскаго, священниковъ—43, монаховъ—100. Число помѣщиковъ не обозначено. Церквей всѣхъ христіанскихъ исповѣданій въ губерніи было—271 (р.-католическихъ — 224, уніятскихъ—33, лютеранскихъ и реформатскихъ—14), монастырей — 95 (православныхъ — 4, уніятскихъ — 7, католическихъ 84). Число жителей по вѣроисповѣданіямъ не обозначено. Мѣстечекъ въ губерніи 5-ти категорій (экономическихъ, старостинскихъ, поіезуитскихъ, духовныхъ, помѣщичьихъ)—229; изъ нихъ помѣщикамъ принадлежало—125, старостинскихъ—66, принадлежавшихъ духовенству—34. Всѣхъ деревень въ губерніи (тѣхъ же категорій, что и крестьяне) насчитывалось 17,781; между ними помѣщичьихъ было—12,621. Такимъ образомъ, помѣщичьихъ владѣній обѣихъ категорій (мѣстечекъ и деревень) находилось—12,746; на каждое помѣстье среднимъ числомъ приходилось до 28 душъ обоего пола; но на самомъ дѣлѣ, какъ увидимъ, бывало и того меньше. Не должно забывать, что тогда, какъ и теперь, въ Литвѣ и Бѣлоруссіи, по отсутствію общиннаго землевладѣнія и по причинѣ фольварочнаго, участковаго хозяйства, сельское населеніе не было тамъ такъ скучено, какъ въ юго-восточной Россіи, а потому, не говоря уже о деревняхъ, подъ именемъ которыхъ у насъ разумѣются поселенія, не составляющія церковнаго прихода, самыя литовскія мѣстечки ни коимъ образомъ не могутъ идти въ сравненіе съ великорусскими громадными селами и малороссійскими слободами, считающими свое населеніе нерѣдко тысячами душъ. Въ экономическомъ, или точнѣе въ культурно-земледѣльческомъ и торгово-промышленномъ отношеніи такая разбросанность народонаселенія по территоріи была несомнѣнно гораздо выгоднѣе. Торговое и промышленное населеніе мѣстечекъ наши источники опредѣляютъ до 50-ти тысячъ (однихъ мѣщанъ считалось болѣе 44 тысячъ), за исключеніемъ евреевъ, которыхъ можно положить столько же, да если столько же принять крестьянъ и бобылей; такимъ образомъ, примѣрно, на каждое мѣстечко получится менѣе 700 душъ обоего пола. Мѣщане въ большинствѣ несомнѣнно принадлежали къ польской націо-

нальности, или къ ополяченнымъ инородцамъ: въ нашихъ источникахъ они постоянно отличаются отъ иностранцевъ, евреевъ и татаръ, хотя и смѣшиваются съ ремесленниками и мастеровыми. Мѣщане у поляковъ—тоже почти, что существующее у насъ идеально, но не существовавшее реально, *гражданство*, граждане. Соціальное ихъ положеніе складывалось по магдебургскому праву, предоставлявшему имъ значительную автономію и сообщавшему корпоративный духъ; конституція 3-го мая имѣла цѣлію даровать имъ политическія права; но, несмотря на запоздалость этого постановленія и обычный хаосъ, царившій во всѣхъ дѣлахъ Рѣчи Посполитой, все же польскихъ мѣщанъ никакъ нельзя приравнивать къ нашему мѣщанству, безправному пролетаріату, которому городовое положеніе 1775 г. не принесло никакой пользы. Польскія мѣстечки надобно разсматривать въ связи съ городами, и тогда ничтожность послѣднихъ не будетъ на столько бросаться въ глаза; самые города польскіе имѣли мѣстечковый, полудеревенскій характеръ. Литовскія и бѣлорусскія мѣстечки до такой степени были переполнены евреями, что русскій путешественникъ XVIII вѣка положительно не выносилъ ихъ,—еврейской грязи и вони, своеобычнаго еврейскаго костюма, собственно старо-польскаго, а не еврейскаго происхожденія, котораго сыны Израиля не имѣли права бросить и съ которымъ свыклись потомъ, какъ съ одѣяніемъ національнымъ; по причинѣ такого еврейскаго преобладанія, бѣлорусско-литовскія мѣстечки съ того времени стали у насъ называться *жидовскими*, какъ они называются и теперь. Но въ промышленномъ отношеніи, исключающемъ племенныя различія, 11 городовъ и 229 мѣстечекъ Виленск. губ. составляли 240 мѣстъ, съ народонаселеніемъ, minimum въ 200 тысячъ на одну губернію,—цифра весьма крупная, съ которой у насъ могли сравниться городскія поселенія только двухъ-трехъ губерній. Предполагая торгово-промышленное значеніе этихъ поселеній, не выше нашихъ уѣздныхъ городовъ, все же ихъ своеобразное, стародавнее устройство, при всемъ его неблагосостояніи, представляло такое относительно прочное учрежденіе, что формы городоваго положенія оказавшіяся безсильными влить въ себя русскую жизнь, съ нимъ ничего не могли подѣлать. Вотъ почему литовскіе города и мѣстечки такъ и остались тѣмъ, чѣмъ были, — польско-еврейскими, или *жидовскими*, и русская реформа, или ассимиляція, по отношенію къ нимъ, ограничилась однимъ административнымъ вмѣшательствомъ и опекою.

Любопытное явленіе представляли въ Литвѣ татары, совершенно утратившіе свою національность и только сохранившіе религію; въ Виленской губ. ихъ было всего 1,240 душъ обоего пола. Это были тѣже поляки, Магометова закона, принадлежавшіе въ большинствѣ случаевъ къ шляхетскому, т. е. благородному сословію. Какъ легкая кавалерія, татары, по самому роду своихъ занятій, съ первыхъ годовъ водворенія въ Литвѣ, стали въ привилегированное положеніе и мало-по-малу начали получать гражданскія права Рѣчи Посполитой. Высшую степень гражданскаго полноправія, т. е. помѣстнаго дворянства, польское государство давало тѣмъ изъ нихъ, которые отличились въ военной службѣ, въ качествѣ субалтернъ-офицеровъ, полковниковъ и генераловъ; остальные, неотличившіеся, во всемъ почти напоминали собою чиншевую и служилую шляхту или занимались земледѣліемъ на помѣщичьихъ земляхъ, каменщицкой работою, выдѣлкою кожъ и т. п., но— не торговлею и промыслами; татары первой категоріи были помѣщиками и имѣли крѣпостныхъ людей. Большая часть татарскихъ фамилій—польскія или съ польскимъ окончаніемъ; притомъ, одна и та-же фамилія нерѣдко распространялась на цѣлую мѣстность, въ которой жили татары,—напр. фамилія Якубовскихъ для всѣхъ татаръ Завилейскаго (теперь Свянцанскаго) уѣзда. Самыя имена татаръ въ большинствѣ — польскія; мусульманскія имена наиболѣе оставались у женщинъ. Ополяченіе литовскихъ татаръ было до такой степени полное, что, не говоря уже о забвеніи языка (устнаго и богослужебнаго), самое многоженство совершенно вышло у нихъ изъ употребленія, даже и слѣдовъ женскаго рабства не было замѣтно, по крайней мѣрѣ въ дворянскомъ сословіи татаръ, между которымъ не мало встрѣчается помѣщицъ-татарокъ. При поступленіи въ русское подданство, татары, пользовавшіеся высшими шляхетскими правами, „почтены наравнѣ съ благороднымъ дворянствомъ", — легчайшій, т. е. единственно доступный намъ въ ту пору способъ порѣшенія соціальныхъ затрудненій въ нашихъ окраинахъ: права русскаго гражданства сосредоточивались у насъ въ дворянствѣ и чиновничествѣ; ясно, что всѣ инородцы бросились пріобрѣтать ихъ; бросились и татары и — подѣлались помѣщиками и чиновниками.

Успѣвъ натурализовать въ Литвѣ татаръ и частію нѣмцевъ (какъ это мы видимъ и теперь), связавъ съ собою уніатовъ и амальгамиравовъ, государственно-культурными средствами, другихъ инородцевъ, а въ томъ числѣ и русскихъ, поляки почти ни-

чего не сдѣлали въ этомъ отношеніи съ евреями: еврейство въ Литвѣ было, какъ и теперь остается, неразложившимся твердымъ тѣломъ въ огромной лабораторіи польскаго государственнаго и соціальнаго организма,—фактъ тѣмъ болѣе странный, что въ самой Польшѣ значительная часть евреевъ уже обратилась въ истыхъ поляковъ Моисеева закона, хотя такая ассимиляція принадлежитъ позднѣйшей генераціи. Еврейство въ Литвѣ и въ самой Польшѣ служитъ превосходнымъ барометромъ силы и крѣпости польской гражданственности. Послѣдняя умѣла лишь пользоваться услугами, сумѣла лишь презирать жидовъ, не сумѣвъ съ ними бороться,—съ ихъ энергіею, неустаннымъ трудомъ, даровитостію, не сумѣвъ спасти себя и весь край отъ экономической неволи. За это глубокое презрѣніе, вѣрный признакъ лишь примитивной гражданственности, за эту соціальную изолированность, загнанность, евреи отплатили кулачничествомъ, шибайствомъ, безпощаднымъ выжиманіемъ всѣхъ производительныхъ соковъ страны, которую любить имъ было незачто. Несомнѣнно, что не одни паны и магнаты погубили Польшу, не одни государственные и соціальные порядки; погубилъ ее на столько же и экономическій строй, самодурное расхищеніе естественныхъ даровъ природы. Названій „скорпіоновъ" и „пьяковъ", по отношенію къ Польшѣ, евреи вполнѣ заслуживали; но кто же ихъ поставилъ въ это положеніе, какъ не сами поляки, баричи и господа по натурѣ, фанатики по религіознымъ убѣжденіямъ? Русскій взглядъ на евреевъ почти ничѣмъ не отличался отъ польскаго, — можетъ быть, по славянскому родству обоихъ народовъ и по культурному слабосилію. Но русскія отношенія вообще, всѣхъ родовъ и видовъ, были мягче, уступчивѣе польскихъ: въ презрѣніи, ненависти, можетъ быть и любви, полякъ всегда былъ настойчивѣе, безпощаднѣе русскаго,—это очень хорошо, конечно, знали евреи. Видѣли они въ русскихъ представителей государственной силы, порядка, въ противоположность польскимъ безсилію и безурядицѣ; понимали на чьей сторонѣ останется побѣда въ этой борьбѣ силъ: поэтому нечего удивляться, что съ перваго момента борьбы Россіи съ Польшей, симпатіи ихъ были на сторонѣ первой, хотя у нихъ и не было причинъ особенно симпатизировать русскимъ. Нечего удивляться также, что всѣ русскіе люди, дѣйствующіе въ краѣ въ самыя критическія минуты послѣдней его исторіи (князь Н. В. Репнинъ, князь Н. А. Долгорукій послѣ 30-хъ годовъ и графъ М. Н. Муравьевъ) съ особеннымъ сочувствіемъ относились къ ев-

реямъ и засвидѣтельствовали объ ихъ преданности къ русскому государству и правительству. Тѣмъ любопытнѣе въ этомъ отношеніи первое заявленіе объ этомъ князя Репнина, постоянно, во всѣхъ дѣлахъ, принимавшаго сторону евреевъ. Вотъ одинъ изъ любопытныхъ примѣровъ. Гродненскій еврейскій кагалъ имѣлъ у себя въ залогѣ, за долги, деревню Бобрики, принадлежавшую наслѣдникамъ умершаго литовскаго подскарбія графа Тызенгауза. Бывшая литовская скарбовая коммисія, завѣдывавшая кагальными капиталами, отдала деревню Бобрики, въ 1792 г., въ арендное содержаніе бригадиру Твардовскому, на 6 лѣтъ, съ обязательствомъ выплачивать гродненскому кагалу ежегодно по 6,500 злотовъ польскихъ. По второму раздѣлу Польши, въ 1793 г., Бобрики отошли къ Минской губерніи, и Твардовскій отказался платить гродненскому кагалу арендную сумму, оправдываясь тѣмъ, что эти деньги онъ взноситъ въ минское губернское казначейство, по требованію мѣстной администраціи. Казенное отдѣленіе Литовскаго Верховнаго Правленія, замѣнившее Скарбовую Коммиссію, приняло сторону гродненскихъ евреевъ и просило вмѣшательства въ это дѣло генералъ-губернатора. Съ обычною своею горячностію вступился Репнинъ за евреевъ, спрашивая у минскаго губернатора Неплюева: „что воспослѣдовало съ деревнею Бобрики и за что гродненскій еврейскій кагалъ лишается владѣнія оною, *особливо когда всѣ здѣшніе евреи ни мало не сочувствовали въ бывшемъ въ Польшѣ мятежъ, но, напротивъ, усердствуя, оказывали намъ услуги*". Эти услуги, конечно, бывали самаго двусмысленнаго свойства,—какъ шпіонство, щедро оплачиваемое русскими червонцами и все же менѣе гнусное, чѣмъ продажность, которою опозорила себя въ ту эпоху польская аристократія. Но и въ другомъ отношеніи, хотя бы убійственнымъ своимъ равнодушіемъ къ судьбамъ Польши, оказали неоцѣненную услугу Россіи еврейскія общины. Но, повторяемъ, наше общественное пониманіе такъ называемаго *еврейскаго вопроса* не ушло далѣе польскаго, — проименованій *пьявокъ* и *скорпіоновъ* и иныхъ романтическихъ отношеній; по этой причинѣ вопросъ не порѣшенъ и понынѣ, черезъ $^3/_4$ столѣтія, вися едвали еще не болѣе темною тучею надъ русскимъ экономическимъ горизонтомъ, чѣмъ надъ польскимъ. Впрочемъ, хотя и смутно, но важность вопроса, недостаточность романтическихъ къ нему отношеній, понималась у насъ и въ ту пору. Такъ Державинъ, два раза посѣтившій Бѣлоруссію, стало быть, хорошо знавшій евреевъ, говоритъ въ своихъ запискахъ о необ-

ходимости доставить евреямъ „честное и незазорное пропитаніе, водворя ихъ въ собственные свои города и селенія, учинить (ихъ) полезными гражданами“. По еврейскому вопросу Державинъ составилъ особую записку, основанную, какъ онъ выражается, „на ссылкахъ историческихъ, общежительскихъ свѣдѣніяхъ и канцелярскихъ актахъ“, и подалъ ее императору Павлу; но разрѣшеніе еврейскаго вопроса постигла также судьба, какъ и вопроса о шляхтѣ, о чемъ скажемъ ниже [1]).

Мы уже имѣли случай замѣтить, что русскіе люди екатерининскаго времени были строгіе, восторженные государственники; все дѣлалось ими въ интересахъ чисто-государственныхъ, болѣе или менѣе внѣшнихъ; личность, личное чувство, личный починъ, несмотря на то, что для развитія всего этого не мало сдѣлано было при Екатеринѣ, были положительно недостаточны для нравственныхъ завоеваній по западнымъ, крѣпко-культурнымъ окраинамъ. Но, за то, съ другой стороны, фальшивое сентиментальное отношеніе къ народностямъ и вѣрованіямъ, толки о ихъ доброкачественности и негодности были недоступны русскому человѣку конца XVIII столѣтія. Идея народности вообще (этнографическій романтизмъ тѣмъ болѣе), были непонятны. Тѣ, у кого въ привычкахъ судить о прошломъ по настоящему, навязывать этому прошлому понятія и страсти переживаемой минуты, вправѣ будутъ, конечно, укорять князя Репнина и тогдашнее русское правительство во многомъ,—въ недостаточномъ его вниманіи къ литовскимъ и бѣлорусскимъ крестьянамъ, въ его индеферентизмѣ къ религіозному вопросу, чуть не въ сочувствіи къ католицизму [2]); въ этомъ послѣднемъ, напримѣръ, еще недавно упрекались графъ Чернышевъ и князь Потемкинъ [3]). Не распространяясь о нелѣпости этихъ упрековъ, замѣтимъ одно, что государственные люди екатерининскаго времени очень хорошо понимали, въ чемъ заключалась наша нравственная сила и слабость въ областяхъ, присоединенныхъ отъ Польши. Это доказываетъ, между прочимъ, и вопросъ религіозный. Въ Литвѣ,

---

[1]) *Записки Державина*, изд. „Рус. Бесѣды“. Москва. 1860. Стр. 407—409 и 474.

[2]) «Репнинъ, увѣряетъ г. Костомаровъ (Посл. Год. Р. Посп. Стр. 92), былъ хотя и православный, но безъ сердечности относился къ православному народу»; но сердечное отношеніе не допускаетъ, однакоже, мѣръ противугосударственныхъ.

[3]) Покойнымъ о. Морошкинымъ, въ 1-й час. его сочиненія «Іезуиты въ Россіи».

какъ мы видѣли, было весьма не много православныхъ. Православные, жившіе въ этомъ княжествѣ, вошли въ составъ Минской епархіи. Въ Виленской губерніи, какъ мы видѣли, было всего 4 православныхъ церкви,—т. е. монастыри: *Св. Духовскій* мужской въ Вильнѣ, *Сурдецкій* въ Вилкомірскомъ, *Евейскій* въ Трокскомъ и *Кронскій* въ Ковенскомъ повѣтахъ. Послѣдніе три монастыря управлялись игуменомъ Духовскаго. Монаховъ въ нихъ было всего 12 человѣкъ, скудость—безмѣрная, по выраженію нашихъ источниковъ. Игуменъ Духовскаго монастыря жаловался минскому архіепископу, что монастыри эти были обложены значительными государственными податями, что чиновники собираютъ ихъ вдвойнѣ и что фамиліи древнихъ строителей этихъ монастырей (конечно, католики) не только отняли у нихъ всѣ недвижимыя имѣнія, но и тѣмъ, что имѣется, не дозволяютъ распоряжаться братіи. Ни о числѣ, ни о состояніи православныхъ въ Слонимской губерніи наши источники не говорятъ. Но въ бывшемъ княжествѣ Литовскомъ было не мало уніятовъ, которыхъ не могли не затронуть событія, происходившія между ихъ единовѣрцами въ бѣлорусскихъ и украинскихъ губерніяхъ, присоединенныхъ къ Россіи по второму раздѣлу. Тамъ началось движеніе уніятовъ, крѣпостныхъ крестьянъ польскихъ помѣщиковъ-католиковъ, къ возсоединенію съ господствующею церковью въ имперіи, отъ которой нѣкогда оторвались ихъ предки. Мы не знаемъ подробностей, но достовѣрно, что съ самаго начала присоединенія началось и движеніе между уніятами въ смыслѣ религіознаго возсоединенія; поводъ къ этому движенію могло дать и пастырское посланіе къ уніятамъ минскаго православнаго архіепископа Виктора, убѣждавшее ихъ „возвратиться къ древнему благочестію“; внутренній смыслъ движенія имѣлъ не исключительно религіозный, но и политическій, точнѣе—соціальный, экономическій характеръ, надежду на улучшеніе быта. Несмотря на паническій страхъ, который возбуждало тогда всякое крестьянское движеніе, хотя бы самое миролюбивое и исходящее отъ преданности верховной власти, императрица Екатерина II довольно смѣло и самымъ сочувственнымъ образомъ отнеслась къ уніятамъ. Иначе, конечно, взглянули на это дѣло литовскіе помѣщики и р.-католическое духовенство: они или препятствовали этому движенію прямыми и косвенными средствами, или же (что было удобнѣе) ставили религіозный вопросъ на политическую почву, выставляя крестьянъ *мятежниками*, не повинующимися установленной власти,—уловка, конечно, не какая-нибудь ис-

ключительно-польская, или фанатико-католическая, но всегда доводящая до цѣли. Малодушію передъ такимъ страхомъ удивляться нечего; но, по обстоятельствамъ даже и той поры, дѣйствительно удивительнымъ покажется распоряженіе изяславскаго губернатора объ *удержаніи уніятовъ отъ перехода въ православіе*, „если приходскіе священники къ оному не присоединятся, или примѣчено будетъ неудовольствіе помѣщиковъ".—„Какъ будто", говоритъ императрица въ замѣчательномъ своемъ, изданномъ по этому случаю, указѣ [1]), „помѣщики имѣли какое либо право стѣснять крестьянъ своихъ въ отправленіи господствующей вѣры, когда и мы, ни мало не стѣсняя, не токмо терпимъ, но и покровительствуемъ свободное и публичное отправленіе ихъ римскаго исповѣданія... Сіе обращеніе наивящще сближитъ ихъ (уніятовъ) съ россіянами и они ни мало *не должны уже бояться, чтобы когда-либо отъ нашей державы отторгнуты были*". „Всякій владѣлецъ, говорится далѣе въ томъ же указѣ, „остается при всемъ своемъ имуществѣ, хотя бы подданные его и обратились къ благочестію", поэтому, препятствіе со стороны помѣщиковъ къ переходу ихъ крестьянъ къ господствующей церкви указъ предписываетъ считать „уголовнымъ преступленіемъ", влекущимъ за собою секвестръ имѣній. Спѣшимъ прибавить, что собственно въ Литвѣ не могло быть сильнаго движенія между уніятами,—по крайней мѣрѣ, мы не находимъ слѣдовъ его въ архивныхъ дѣлахъ репнинскаго времени.

Не вдаваясь въ туманную область политическихъ и соціальныхъ иллюзій, русское правительство въ Литвѣ не могло не видѣть непреодолимыхъ затрудненій въ дѣлѣ реорганизаціи края, представлявшихся ему на каждомъ шагу,—въ городѣ, мѣстечкѣ и деревнѣ; онѣ ни мало не уменьшились бы даже и тогда, если бы завоеванный край былъ заселенъ, хотя на половину, русскимъ людомъ; не много уменьшились бы, если бы населеніе его было почти поголовно русское, такъ какъ не народныя стихіи кладутъ характеристическій отпечатокъ на страну, а учрежденія, при которыхъ она развивается. Въ литовскомъ краѣ, создавшемся на древней русской почвѣ, все было ново, все чуждо для русскаго человѣка, екатерининскаго времени, начиная отъ обработки полей, сельскаго хозяйства, благоустройства, администраціи, гражданскихъ и судебныхъ порядковъ, городовъ и деревень. Совершенно

[1]) См. Полн. Соб. Законовъ, Т. XXIII, стр. 616—617, № 17,290, а также и выше, ibid., стр. 511—512.

особый и непохожій на нашъ міръ представляла польско-литовская деревенская жизнь. Какъ мы замѣтили, земледѣльческое населеніе было разсѣяно здѣсь по всей странѣ небольшими, нерѣдко ничтожными группами. Въ Виленской губерніи, среднимъ числомъ, на каждую деревню приходилось 42 души; но въ дѣйствительности множество поселеній было несравненно малолюднѣе; сообразно этому, и сельское хозяйство дробилось на такіе же мелкіе участки. Во владѣльческихъ имѣніяхъ, кромѣ собственно панскаго хозяйства, господской запашки, мы встрѣчаемъ *фольварки*, *застѣнки* и *деревни*. Но въ Литвѣ и Польшѣ всѣ имѣнія были владѣльческія, помѣщичьи, церковныя, королевской экономіи и т. п., такъ что для поляка наше понятіе о деревняхъ свободныхъ было не мыслимо, а потому вездѣ были почти одни и тѣ же порядки. Фольварки смотря по состоянію владѣльца, представляли въ меньшемъ видѣ то же самое, что и главное, панское помѣстье,—начиная отъ способа хозяйства до барскаго дома и другихъ построекъ и угодій. Фольварки носили особыя, не рѣдко вычурныя, не всегда польскія, названія и отдавались въ аренду шляхтичамъ, евреямъ и инымъ земледѣльческимъ эксплуататорамъ, которыхъ было безчисленное множество въ краѣ. За фольварками, въ недальнемъ отъ нихъ разстояніи, были разбросаны крестьянскія постройки и усадьбы, небольшими кучками (большія были *деревни*, два-три двора назывались *застѣнками*). Такимъ образомъ, польско-литовскія деревни и застѣнки можно сравнить съ нашими небольшими *выселками*. Въ нихъ жило крѣпостное населеніе, владѣвшее небольшой собственной запашкой и воздѣлывавшее своимъ непосильнымъ трудомъ, въ большинствѣ случаевъ, неблагодарную, песчано-суглинистую почву края, въ которомъ наши черноземныя залежи — рѣдкое явленіе. Но, несмотря однако же на то, земледѣльческая культура находилась здѣсь на высшей степени, чѣмъ у насъ, на юго-востокѣ, а потому и доходность имѣній была выше; по свидѣтельству одного путешественника [1]), проѣзжавшаго по краю три года тому назадъ, способъ обработки литовскихъ полей былъ такъ хорошъ, что ничѣмъ не уступалъ саксонскому и богемскому. Кромѣ этого, вездѣ, гдѣ только было можно, т. е. выгодно, какъ на распутіи проѣзжихъ дорогъ, при мало-мальски порядочныхъ деревняхъ, въ центрѣ, расположенныхъ не въ дальнемъ другъ отъ друга разстояніи, застѣнковъ и т. п. были устроены *шинки*, тоже, что и

[1]) Voyage en Pologne, p. 40.

малороссійскіе, но не наши великорусскіе *кабаки*. Содержаніе шинковъ составляло доходную оброчную статью и сдѣлалось еврейской спеціальностью; но во всякомъ случаѣ, даже при грабительствѣ шинкаря-еврея, крестьянскій людъ не упивался здѣсь только сивухой: при разбросанности населенія, шинокъ сдѣлался мѣстомъ для народныхъ сходбищъ всякаго рода, общественно-дѣловыхъ и увеселительныхъ; между дѣломъ и забавою, здѣсь крестьяне пили вино, пиво и медъ; сюда собиралась по праздникамъ деревенская молодежь и не рѣдко, подъ незатѣйливые звуки своего же деревенскаго скрипача, или странствующихъ музыкантовъ, большею частію все тѣхъ же евреевъ, пѣла пѣсни и водила хороводы; тотъ же путешественникъ увѣряетъ, что въ Литвѣ онъ не видѣлъ ни одного пьянаго. Кромѣ шинковъ, доходными оброчными статьями въ помѣстныхъ имѣніяхъ были *водяныя мельницы*, во множествѣ устроиваемыя въ краѣ. Гористое положеніе Литвы, по крайней мѣрѣ мѣстностей по Нѣману и Виліи, быстрота и многоводность рѣкъ и рѣчекъ, въ изобиліи перерѣзывающихъ ее въ разныхъ направленіяхъ, съ шумомъ текущихъ съ горъ и рѣдко замерзающихъ зимою, вообще здѣсь умѣренною, представляли, какъ и теперь представляютъ, всѣ удобства для устройства этого рода хозяйственныхъ заведеній. Большія озера были богаты всякого рода рыбою. Тамъ, гдѣ протекали судоходныя рѣки, вообще гдѣ были удобства къ сбыту, вѣковые сосновые и дубовые лѣса, покрывающіе литовскія горы, составляли немаловажную отрасль владѣльческихъ доходовъ; но лѣсное хозяйство находилось вообще въ самомъ жалкомъ состояніи: лѣса горѣли и безпощадно истреблялись [1]). Общимъ количествомъ ихъ измѣрялась стоимость этихъ имѣній, какъ равно числомъ уволокъ (уволока = 20 нашихъ десятинъ) земли и дымовъ (дворовъ). Въ Польшѣ и Литвѣ подушной подати не существовало; взамѣнъ ея была *подымная*,—вотъ почему подымный счетъ играетъ такую важную роль при оцѣнкѣ производительныхъ силъ края; число платящихъ дымовъ было въ Литвѣ 218,117. Кромѣ указаннаго раздѣленія, въ административномъ отношеніи владѣльческія имѣнія еще дѣлились на экономіи, называвшіяся *ключами*, величина которыхъ, естественно, зависѣла отъ обширности самаго владѣнія (маетности). Такимъ образомъ, *ключъ* могъ состоять изъ нѣсколькихъ деревень и застѣнковъ, не имѣя ни одного фольварка, но могъ состоять не только изъ нѣсколькихъ

[1]) Ibid.

фольварковъ, но даже изъ одного и двухъ мѣстечекъ. Встрѣчаются еще и болѣе крупныя, чѣмъ *ключи*, административно-хозяйственныя единицы, называемыя *волостями* въ русскихъ источникахъ,—всего вѣрнѣе, это переводъ слова маетность. Туже физіономію, въ культурно-административно-земледѣльческомъ отношеніи, представляли литовскія крестьянскія поселенія и другихъ категорій,—имѣнія экономическія, старостинскія, поіезуитскія и духовныя: тѣже фольварки и застѣнки, тѣ же *ключи*, *мѣстечки*, деревни, починки, свободныя шляхетскія околицы! Понятно, какъ все это должно было спутывать понятія тогдашняго русскаго человѣка, очутившагося въ краѣ и привыкшаго у себя дома совсѣмъ къ инымъ порядкамъ: и эту путаницу мы прежде всего замѣчаемъ въ нашей тогдашней мѣстной административной перепискѣ, въ многочисленныхъ, но безпорядочныхъ, статистическихъ свѣдѣніяхъ, доставлявшихся князю Репнину и смѣшивавшихъ *ключи* съ *маетностями* и мѣстечками. Но, несмотря на эту путаницу, современныя русскія описанія не упускаютъ случая съ похвалою отзываться о благоустройствѣ литовскихъ имѣній. Такъ, описывая ключъ Новосельскій, пожалованный дѣйс. ст. совѣт. Алексѣеву изъ Гродненской экономіи, авторъ говоритъ: „Сей ключъ (1 фольваркъ, 4 деревни, 771 дымъ, до тысячи душъ крестьянъ обоего пола и болѣе 36 уволокъ) изъ числа самыхъ выгоднѣйшихъ, какъ по отмѣнной добротѣ земли, хлѣбородію и хозяйственному заведенію, такъ равно (по) строеніямъ фольварочнымъ, весьма прочнымъ и для всѣхъ поклажъ, жительства и къ содержанію скота обширнымъ, и по близкой связи деревень, въ коихъ имѣются корчмы въѣзжія и для продажи напитковъ, а при домѣ господскомъ винокурня на три котла“. Или вотъ описаніе 6-ти ключей, пожалованныхъ гр. А. Н. Самойлову, генералъ-прокурору: „Подъ оными ключами (2 мѣстечка, Езеры и Лаппо, 49 деревень, 1479 дымовъ, крестьянъ обоего пола 7,864 д. [1]), до 1,570 уволокъ; изъ этого числа крестьянскій надѣлъ составлялъ до 1306 уволокъ, т. е. на мужскую душу приходилось нѣсколько болѣе 1/3 уволоки), земля къ хлѣбопашеству способная. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ имѣются лѣсные заросли, рыбныя ловли, пивоварня, а во всѣхъ мѣстечкахъ и большихъ деревняхъ корчмы

[1]) Изъ нихъ женщинъ только 3864. Рѣшительно вездѣ, при всякаго рода счисленіяхъ, числа городскихъ крестьянскихъ женщинъ въ Литвѣ показано гораздо меньше числа мужчинъ: такъ по Виленской губерніи число женщинъ въ крестьянскомъ сословіи менѣе мужчинъ болѣе чѣмъ на 16 т.

на арендѣ у евреевъ. Въ каждомъ ключѣ имѣются дворы для жительства, содержанія хлѣба, сѣна и скота съ достаточными строеніями, и разстояніе сихъ ключей одинъ отъ другаго весьма близкое,—отъ 3—5-ти миль (нѣмецкихъ, по которымъ и теперь измѣряется въ краѣ пространство)". Но тѣ удобства, которыя здѣсь приписываются *ключамъ*, безразлично можно отнести и къ фольваркамъ; ибо раздѣленіе на ключи не составляло необходимой принадлежности всѣхъ помѣстій, покрайней мѣрѣ владѣльческихъ: въ небольшихъ имѣніяхъ фольварки имѣли значеніе ключей; наконецъ ключевая администрація, если не находилась въ мѣстечкѣ, то сосредоточивалась въ какомъ-нибудь фольваркѣ, особенно въ тѣхъ случаяхъ, когда панской усадьбы совсѣмъ не было.

Мы уже видѣли, что крестьянское населеніе, разбросанное по мѣстечкамъ, фольваркамъ, деревнямъ и застѣнкамъ, раздѣлялось на пять категорій,—на крестьянъ помѣщичьихъ, старостинскихъ, духовныхъ, поіезуитскихъ и экономическихъ; къ нимъ еще можно причислить крестьянъ, принадлежавшихъ лѣсничествамъ и магистратамъ. Старостинскихъ крестьянъ обоего пола считалось по Виленской губерніи 105,072 души (женщинъ менѣе на 1,868 д.); они жили въ 66-ти мѣстечкахъ и 2,538-ми деревняхъ. Свободныхъ людей въ старостинскихъ мѣстечкахъ обоего пола было 16,340 душъ (женщинъ менѣе почти на тысячу). Крестьянъ, принадлежавшихъ римско-католической церкви, было 55,862 д. обоего пола (женщинъ менѣе на 1,082 души), мѣстечекъ — 34 (въ нихъ мѣщанъ, ремесленниковъ и иностранцевъ 4,700 д. обоего пола), деревень—2,302. Крестьянъ, поіезуитскихъ, т. е. жившихъ въ имѣніяхъ, принадлежавшихъ прежде іезуитскому ордену, было 9,836 д. обоего пола (женщинъ менѣе на 164 души); мѣстечекъ—3 (въ нихъ свободныхъ людей 518, изъ нихъ только 3 ремесленника и *ни одного* иностранца), деревень—301. Крестьянъ экономическихъ было всего 921 д. (по ровну) обоего пола; мѣстечко—одно, съ 333 д. мѣщанъ обоего пола, безъ ремесленниковъ и иностранцевъ; деревень—14. Всѣ эти свѣдѣнія по Виленской губерніи были собраны во время ревизіи 1796 г. По Слонимской губерніи, кромѣ отрывочныхъ свѣдѣній, ничего не имѣется въ нашихъ источникахъ. Кромѣ указанныхъ нами затрудненій въ собираніи статистическихъ свѣдѣній, едва ли не главнѣйшимъ была щедрая раздача имѣній разнымъ лицамъ, начавшаяся вслѣдъ за присоединеніемъ края, когда мѣстная русская администрація положительно не успѣла ознакомиться съ его административно-

земледѣльческимъ состояніемъ, и когда, вслѣдствіе такого незнакомства съ одной и поспѣшной выдачи пожалованныхъ имѣній съ другой стороны, шла невообразимая путаница въ классификаціи и счетѣ. Весьма скудныя свѣдѣнія сообщаютъ наши источники о старостинскихъ имѣніяхъ. Староствами въ Рѣчи Посполитой назывались собственно государственныя имущества, раздаваемыя королемъ первѣйшимъ польскимъ магнатамъ въ пожизненное владѣніе; эти послѣдніе, съ своей стороны, были обязаны платить въ казну четвертую часть своихъ доходовъ (кварту). Величина ихъ, т. е. число дымовъ, душъ и уволокъ, была, конечно, различна; изъ большихъ старостъ намъ извѣстны: Сапѣги съ 958 душами и Плятера съ 3,524 душами обоего пола. О продажѣ старостъ поляки только поговорили. Староство, подобно *ключу* и *экономіи*, въ большинствѣ случаевъ, было собирательнымъ именемъ для всѣхъ видовъ польско-литовскихъ населенныхъ мѣстъ. Ясно, что мѣстечки старостинскія, гораздо болѣе свободныя, были вообще лучше панскихъ; по этой причинѣ изъ нихъ были и подѣланы уѣздные города двухъ литовскихъ губерній. Но вообще вопросъ о старостинскихъ имѣніяхъ, до 1798 г., т. е. до выѣзда изъ края князя Репнина, не былъ еще поконченъ: онѣ то отбирались, то возвращались прежнимъ владѣльцамъ, дарились то одному, то другому изъ русскихъ людей; самая передача городовъ въ казенное вѣдомство была лишь номинальной. Уѣздныя власти и губернаторы приходили въ отчаяніе и тормошили Репнина вопросами: что прикажетъ имъ дѣлать? Но что могъ приказать князь Репнинъ, самъ бомбардировавшій письмами Салтыкова и Зубова, умолявшій этихъ господъ разрѣшить тотъ же самый вопросъ. Извѣстно вообще, да и мы увидимъ ниже, что послѣдніе годы царствованія престарѣлой императрицы представляли большіе безпорядки въ разныхъ отрасляхъ государственнаго управленія.

Подробности объ имѣніяхъ, принадлежавшихъ р.-католическому духовенству, еще менѣе извѣстны. Большая часть этихъ имѣній была конфискована новымъ правительствомъ. Нѣкоторое понятіе даютъ наши источники объ имѣніяхъ, принадлежавшихъ виленскому епископу, такъ называемыхъ его *столовыхъ*. Они находились въ 6-ти уѣздахъ (Виленскомъ, Ошмянскомъ, Брацлавскомъ, Вилькомирскомъ и Лидскомъ) и состояли изъ 9-ти *ключей* и столькихъ же фольварковъ, имѣя крестьянъ обоего пола отъ 19-ти до 14-ти тысячъ душъ и давали доходу до 36-ти тысячъ руб. Богатѣйшія имѣнія все еще принадлежали монастырямъ, даже по упраздненіи

іезуитовъ въ 1775 г. Слухи о монастырскихъ богатствахъ ходили тогда самые баснословные. Князю Репнину, напримѣръ, доставлена была конфиденціально записка по поводу этихъ слуховъ, составленная какимъ-то графомъ Фридрихомъ Ромбе. Авторъ увѣряетъ, что въ польскихъ монастыряхъ, доставшихся Россіи по 3-му раздѣлу Польши, имѣются „сокровищницы, до 40 милліоновъ деньгами, аммуниціей и оружіемъ снабженныя". Изъ этихъ сокровищницъ, по его мнѣнію, замѣчательны: 1) гдѣ-то на рынкѣ въ Вильнѣ (не при костелѣ ли Всѣхъ Святыхъ?), въ которой будто-бы находится червонцами 24 милліона; 2) близь этого же города въ костельномъ погребу (не у св. ли Стефана?), „который, ежели открыть, то въ немъ столько, что опредѣлить нельзя (значитъ, уже не 40 мил.!), а состоитъ сокровище въ серебрѣ и золотѣ"; въ Рукоинской архивѣ [1]) находится, по словамъ автора записки,— такое сокровище, „которое весь свѣтъ приведетъ въ удивленіе". Авторъ записки опасался сбыта всѣхъ этихъ богатствъ заграницу. Послѣ іезуитовъ, самыми богатѣйшими землевладѣльцами были Піары, въ руки которыхъ перешло воспитаніе юношества. Въ Вильнѣ (съ 1775 г.) принадлежало имъ цѣлое предмѣстіе *Снипишки*, по дорогѣ на Вилькомиръ и на Верки, съ поіезуитскимъ монастыремъ св. Якова, купленное съ аукціона виленскимъ епископомъ кн. Мосальскимъ. Станиславъ-Августъ отдалъ епископу заплаченную имъ сумму, а самое предмѣстіе подарилъ Піарамъ, на тѣхъ же правахъ *юрисдики*, на какихъ владѣли ею іезуиты. „Монастырь Снипишенскій, по словамъ русскаго очевидца, — превеликій, прекрасный, земли—премножество. Піары содержать не въ состояніи (?) не только сей, но и лежащій въ городѣ монастырь. Чинъ сей, по образу ихъ мыслей, больше вреденъ, нежели полезенъ (?). Новиціатъ имъ не надобно позволять, по небезопасности".

Довольно подробныя свѣдѣнія сообщаютъ наши источники вообще объ имѣніяхъ, такъ называемыхъ поіезуитскихъ. По упраздненіи ордена, принадлежавшія ему имѣнія, по привиллегіямъ польскаго величества, отданы были въ вѣчное и потомственное владѣніе разнымъ лицамъ, съ ежегоднымъ платежемъ, сверхъ общественныхъ податей, по 5% на содержаніе воспитательныхъ учрежденій, коими завѣдывала Эдукаціонная коммиссія, состоявшая подъ предсѣдательствомъ виленскаго епископа. Мы уже знаемъ число

[1]) Рукойны—первая станція отъ Вильны по дорогѣ къ Минску. Здѣшній костелъ обращенъ въ 1865 г. въ православную церковь.

мѣстечекъ, деревень и крѣпостныхъ крестьянъ обоего пола, принадлежавшихъ іезуитскому ордену собственно въ Виленской губерніи. Всѣ эти недвижимыя имущества составляли 35 ключей и, при раздачѣ, были оцѣнены польскимъ правительствомъ въ 605,650 р.; процентовъ съ нихъ, въ пользу Эдукаціонной коммиссіи, приходилось 30,282 р. $51^{1/2}$ коп.; но при описи 1796 года уже насчитывалось за ними недоимокъ за прежнее время — 14,423 р. $16^{3/4}$ коп., и съ 1795 по 1797 г.—17,124 р. $67^{1/2}$ к. Наибольшее число ключей (13) находилось въ Виленскомъ уѣздѣ; изъ нихъ три имѣнія (между ними и знаменитый *Закретъ*), оцѣненныя при раздачѣ въ 27,033 р. $33^{1/2}$ коп., были отданы наслѣдникамъ виленскаго епископа князя Мосальскаго, президента Эдукаціонной коммиссіи, Потоцкимъ.—Въ Слонимской губерніи поіезуитскихъ имѣній было (т. е. ключей) 23; въ нихъ душъ крестьянъ мужескаго пола—4,557 (а обоего minimum 8 т.); оцѣнены при раздачѣ въ 368,611 р. 17 коп.; процентнаго сбора давали—18,430 р. $57^{1/2}$ коп.; недоимки за прежніе годы 1,392 р. 62 коп., за 95 — 96 гг.— 20,408 р. $96^{1/2}$ коп. До какой степени были крупны доли іезуитскаго наслѣдства, розданныя польскимъ правительствомъ разнымъ лицамъ, можно уже судить потому, что, напримѣръ, бывшему старостѣ посольскому Игнатію Тызенгаузу принадлежало 5 поіезуитскихъ ключей (въ Новогрудскомъ уѣздѣ), оцѣненныхъ въ 109,116 р. $68^{1/2}$ коп. Кромѣ недвижимыхъ имѣній, къ числу которыхъ принадлежали также нѣкоторыя замѣчательныя постройки (напр. въ Вильнѣ громадныя зданія, принадлежащія теперь гимназіи, съ костеломъ св. Яна), іезуиты владѣли значительными капиталами. Эти капиталы были розданы подъ залогъ недвижимыхъ имуществъ, съ платежемъ также 5%, на содержаніе воспитательныхъ учрежденій. Такихъ капиталовъ по обѣимъ губерніямъ въ 1796 г. было 295,499 руб. 92 коп.; на нихъ накопилось недоимки 36,410 руб. $69^{1/2}$ коп. Пяти-процентный сборъ съ этихъ имѣній употреблялся на слѣдующія статьи: 1) на содержаніе виленской академіи, или университета,—21,990 р.; 2) на содержаніе 7-ми народныхъ училищъ, 6-ти и 3-хъ классныхъ, т. е. на жалованье ректорамъ и профессорамъ,—15,055 р.; 3) на содержаніе 150-ти студентовъ при академіи, 5-ти повивальныхъ бабокъ и 921-го ученика народныхъ училищъ—цифра не показана; 4) на пенсіи заслуженнымъ профессорамъ, 27-ми лицамъ, — 4,845; 5) на пенсіи 86-ти престарѣлымъ ex-іезуитамъ — 5,850 р.; 6) на содержаніе плебаній, основанныхъ іезуитами, — 1,893 р.; 7) на жалованье чинамъ, служившимъ при

архивѣ бывшей Эдукаціонной коммиссіи. Процентный сборъ поступалъ самымъ безпорядочнымъ образомъ, оттого и накоплялась громадная недоимка; сверхъ того, были и большія злоупотребленія. Такъ, по смѣтѣ бывшей Эдукаціонной коммиссіи, виленская академія должна была получать 11,025 р. субсидій, для цѣлей воспитательно-учебныхъ и ученыхъ; но эти субсидіи, говоритъ виленскій вице-губернаторъ, „по достовѣрному изведыванію, ни мало не употреблены на тѣ предметы, для которыхъ назначались“ [1]).

Объ экономическихъ имѣніяхъ свѣдѣнія также весьма сбивчивы и неполны; точности цифръ и здѣсь мѣшала прежде всего быстрая раздача имѣній разнымъ лицамъ. Экономическихъ имѣній (т. е. ключей), которыя иначе назывались—*королевскими столовыми* (*королевщизнами*) въ обѣихъ губерніяхъ насчитывалось 18, съ населеніемъ 4,329 душъ крестьянъ обоего пола и при 4% сборѣ (кварта) въ 3,595 р. $84\frac{3}{4}$ коп.,—конечно, за исключеніемъ имѣній, уже взятыхъ нашимъ правительствомъ въ казенное вѣдомство, а также и розданныхъ разнымъ помѣщикамъ. Къ числу экономическихъ имѣній можно отнести также и *лѣсничества* Гродненское, Брестское и Кобринское. Для сохраненія еще непроходимыхъ въ то время литовскихъ лѣсовъ, польское правительство учредило эти лѣсничества. Кромѣ чиновниковъ, непосредственный надзоръ за лѣсами былъ порученъ самимъ крестьянамъ, жившимъ вблизи и въ самой гущѣ этихъ лѣсовъ деревнями, на земляхъ съ этою цѣлію расчищенныхъ въ изобиліи и разбитыхъ на поля и сѣнокосы. Такихъ крестьянъ, прикрѣпленныхъ къ лѣсамъ, было 8,482 души обоего пола, число дымовъ (дворовъ) — 1,211. Они составляли 7, такъ-называемыхъ, квартиръ (въ числѣ ихъ и знаменитая Бѣловѣжская пуща), 14 фольварковъ и 6 ключей. О заслугахъ въ этомъ отношеніи Антонія Тызенгауза мы говорили прежде.

Всѣ эти, далеко неполныя, статистическія свѣдѣнія о состояніи крестьянъ въ Литвѣ если и свидѣтельствуютъ, съ одной стороны, о высшей, сравнительно съ русскою, земледѣльческой культурою,

[1]) См. нашу передовую статью въ „Вилен. Вѣстникѣ“ 1867 г., № 122, составленную хотя по оффиціальнымъ, но по *другимъ* свѣдѣніямъ; по этому въ ней и цифры иныя. Именно: а) въ *Вилен. губ.* поiезуитскихъ имѣній—66; процентовъ съ нихъ—30,282 р. $51\frac{1}{2}$ коп; муж. душъ—7,938; b) въ *Слонимс. губ.* имѣній—26, крестьянъ—4,751, процентнаго сбора—18,430 р. $57\frac{1}{2}$ коп. Эта разность объясняется тогдашними затрудненіями при собираніи всякаго рода статистическихъ свѣдѣній и, конечно, неумѣлостію самихъ собирателей, путавшихъ понятія о ключѣ, имѣніи и деревнѣ.

зато, съ другой, представляютъ полную споліацію, такихъ размѣровъ эксплуатацію народнымъ, крестьянскимъ трудомъ, какую мы нигдѣ не находимъ, за исключеніемъ областей бывшей польской республики, державшейся на подпорахъ тяжелѣйшаго изъ всѣхъ видовъ рабства,—абсолютной эксплуатаціи труда. Если можетъ быть доказано, что крестьянинъ Рѣчи Посполитой лично былъ болѣе свободенъ, чѣмъ крестьянинъ русскій, что отношенія его къ пану были ничѣмъ не хуже отношеній этого послѣдняго къ барину, что въ правахъ своихъ онъ былъ мягче, цивилизованнѣе русскаго; то, съ другой стороны, уже не говоря о громадномъ числѣ крестьянъ казенныхъ, государственныхъ, весьма слабо зависимыхъ у насъ, въ прошломъ и въ этомъ столѣтіи (до учрежденія государственныхъ имуществъ) отъ земской полиціи и мѣстной администраціи, трудъ крѣпостнаго крестьянина въ Россіи, хотя также безправнаго, меньшимъ подвергался опекамъ, контролю, чѣмъ въ Польшѣ, меньше эксплуатировался: трудъ русскаго крѣпостнаго крестьянина былъ обязанъ своимъ сбереженіемъ какъ общинному землевладѣнію, давшему народу хотя бы и *силу инерціи*, неподатливости, устоя, такъ, если угодно, и худшему состоянію земледѣльческой культуры и болѣе благодарной почвѣ. Въ Литвѣ, несмотря на то, что крестьянскій надѣлъ былъ не малъ —онъ простирался иногда болѣе, чѣмъ 1/3 уволоки (7 десятинъ), кромѣ усадебной и выгонной земли, такъ называемыхъ *пляцовъ*,— не смотря на существованіе въ нѣкоторыхъ имѣніяхъ инвентарей, литовскихъ крестьянъ, всѣ и все опекало, обирало, вытягивало какъ изъ нихъ, такъ и изъ обработываемой ими почвы послѣдніе соки: и это ни какъ не укоризненныя, съ нашей стороны, фразы, не филологическіе попреки *быдломъ*, которому вполнѣ соотвѣтствуютъ русскіе *скотъ* и *скотина*, имѣющія, увы! точно такое же практическое употребленіе). Польскіе государственные люди, польское общество просто не понимали даже того состоянія экономической свободы, которой пользовались de facto наши крестьяне (не дворовые, конечно); поэтому имъ не понятны были и прямыя, непосредственныя отношенія нашего правительства къ крестьянамъ свободнымъ, государственнымъ. Вотъ почему этихъ послѣднихъ въ Польшѣ de facto не существовало; польское правительство относилось даже и къ свободнымъ крестьянамъ (въ имѣніяхъ королевскихъ и экономическихъ) не посредствомъ прямыхъ своихъ органовъ, чиновниковъ, а подчинило ихъ эксплуативной опекѣ разныхъ администраторовъ, посессоровъ и т. п., прежде всего (и, конечно, больше

всякихъ чиновниковъ) думавшихъ о собственномъ карманѣ. Русскіе люди, принимавшіе литовскихъ крестьянъ изъ польскихъ рукъ, были поражены злоупотребленіями, какія дѣлали эти администраторы въ арендуемыхъ ими имѣніяхъ, всѣхъ категорій.

Вотъ что говоритъ одинъ изъ очевидцевъ, русскій помѣщикъ, посѣтившій край въ 1799 г.: „Проѣзжая Литву, надсѣдалося сердце отъ жалости и досады. Богатая земля населена людьми, томящимися въ работѣ, и глупые паны, водимые жидовскими плутнями, управляютъ съ необузданною властію крестьянами, доведенными до совершенной нищеты. Обычай отдавать имѣніе въ аренду уничтожилъ всякое человѣколюбіе и промышленность... Много наѣзжалъ я такихъ селеній, гдѣ нельзя было достать кусокъ хлѣба, а между тѣмъ въ городахъ царствовали безпутная роскошь и сластолюбивая праздность. Жиды всему злу корнемъ и все исправляется чрезъ нихъ. Грабежъ (повсюду) безсовѣстный и безстрашный [1])".

Само собою разумѣется, что самоличное панское управленіе могло быть (и, конечно, бывало) легче и гуманнѣе всякаго администраторскаго, хотя бы и въ имѣніяхъ, принадлежавшихъ къ столовымъ королевской или епископской экономіи. Не принадлежа къ историкамъ-*разоблачителямъ*, мы не придаемъ въ экономическихъ вопросахъ особеннаго значенія племеннымъ и исповѣднымъ отличіямъ, существовавшимъ между крестьянами и помѣщиками на Литвѣ, да этимъ отличіямъ въ ту пору, т. е. до раздѣла Польши, еще не было надобности пускаться въ обращеніе, въ пропаганду. Большая цивилизованность польскихъ помѣщиковъ не только не облегчала экономической тягости крестьянина-хлопа, но, напротивъ, увеличивала ея бремя; русскому хлопу (т. е. дворовому) легче жилось у своего барина и тѣмъ болѣе, если этотъ послѣдній, по своему умственному развитію, не много былъ его выше; нечего и говорить о крестьянахъ оброчныхъ и недворовыхъ.

До какой степени помѣщичій, вотчинный, откупной характеръ въѣлся въ польскій государственный бытъ, можетъ примѣромъ служить сама Вильна, столица Литвы и исконная соперница Москвы и Варшавы: почти половина этого большаго города, именно предмѣстія Снипишки, Антоколь и Бакшта, находились въ вотчинномъ владѣніи,—первыя у Піаровъ, второй у князя Сапѣги, третья у виленскаго епископа.—Чтоже сдѣлало новое, русское правительство для литовскихъ крестьянъ, экономическое истощеніе кото-

[1]) *Записки Д. Б. Мертваго.* Рус. Архивъ 1867 г. стр. 134—135.

рыхъ было ему очень хорошо извѣстно? Сдѣлать оно, во-первыхъ, ничего существенно важнаго не могло, по собственному экономическому и гражданственному безсилію; но къ этому вопросу оно отнеслось добросовѣстно и сдѣлало все, что было въ его тогдашней возможности. 8-го Августа 96-го года воспослѣдовало, на имя князя Репнина, высочайшее повелѣніе о томъ, чтобы „ старостинскія мѣстечки причислить къ казнѣ, а доходы съ нихъ, до срока, выдавать владѣльцамъ изъ общихъ губернскихъ, а равномѣрно и владѣльческія приложить стараніе въ казну нашу покупкою, или промѣномъ, или иными благопристойными сдѣлками, пріобрѣсть" [1]). Вслѣдствіе такого распоряженія, а также секвестра имѣній тѣхъ помѣщиковъ, которые не присягнули на подданство, въ рукахъ правительства очутилось множество имѣній, образовавшихъ въ эту пору особую ихъ категорію, такъ называемыхъ *казенныхъ*. Этимъ имѣніямъ судьба, казалось, сулила лучшую будущность; но, увы! и здѣсь слѣдовала по нашимъ пятамъ роковая ошибка. Несомнѣнно одно, что случись паденіе Польши ранѣе, до 1789 г., когда взглядъ императрицы на крѣпостное состояніе былъ иной, эти казенныя имѣнія были бы поставлены въ положеніе, занимаемое русскими государственными крестьянами; но теперь, передъ страхами *якобинизма*, русское помѣстное право стало казаться лучшимъ и надежнѣйшимъ оплотомъ въ интересѣ государственнаго устройства и благочинія; отсюда начинается раздача крѣпостныхъ душъ самою щедрою рукою, принявшая при Павлѣ, какъ извѣстно, пламенномъ поборникѣ стараго русскаго консерватизма, чудовищные размѣры, когда, по свидѣтельству современниковъ, въ Литвѣ и Бѣлоруссіи уже *нечего* было больше дарить. Видимымъ послѣдствіемъ этой мѣры было то, что вновь завоеванный край покрылся цѣлою сѣтью русскихъ помѣстныхъ владѣній, господа которыхъ, впрочемъ, въ немъ *почти не показывались*. Невидимыхъ послѣдствій было много,—хорошихъ и худыхъ; но у насъ, въ настоящую пору, нѣтъ достаточныхъ матеріаловъ для того, чтобы судить безпристрастно о тѣхъ и другихъ. Интересна и поучительна борьба этихъ двухъ экономическихъ несостоятельностей русской и польской, шедшая тогда на нашемъ западѣ, въ виду обновлявшейся Европы, провозглашавшей иныя экономическія понятія, иныя воззрѣнія на народъ и государство! Поляки и здѣсь, сравнительно съ нами проигрывали, если не въ глазахъ Европы, которая видѣла только казовый

[1]) Полн. Собр. Закон. Т. XXIII, стр. 972—973.

конецъ ихъ конституціи 3-го мая 1791 г. и революцію Косцюшки 1793—1794 гг., то въ глазахъ своихъ крѣпостныхъ крестьянъ, которые *не замѣтили паденія Польши* и все же свободнѣе вздохнули подъ русскимъ владычествомъ, даже подъ игомъ русскаго крѣпостнаго права [1]). Если наше правительство предпочитало помѣстное управленіе литовскими крестьянами казенному; то главный начальникъ края, князь Репнинъ стоялъ за первое. Такія распоряженія, какъ учрежденіе хлѣбныхъ запасныхъ магазиновъ, сельскихъ банковъ и строго-инвентарнаго положенія, какъ нельзя болѣе свидѣтельствуютъ о его заботливости, устроить на лучшихъ основаніяхъ экономическое положеніе литовскаго крестьянина; конечно, онъ могъ дѣйствовать только тѣми средствами, которыя у него были подъ руками. *Казенныя имѣнія* были отданы имъ въ управленіе *администраторовъ* (конечно, мѣстныхъ уроженцевъ, ибо другихъ взять было не откуда), но не спекулянтовъ бездомныхъ, а людей состоятельныхъ, которые были обязаны, „въ обезпеченіи поручаемаго имъ имѣнія и въ вѣрномъ платежѣ слѣдующихъ казнѣ доходовъ, отдать собственное свое имѣніе подъ залогъ или поруку, соотвѣтствующую имѣнію казенному, въ администрацію ему порученному.“ Администраторы эти были подчинены самому строгому контролю казенныхъ палатъ. По поводу этихъ распоряженій, князь Репнинъ написалъ собственноручно двѣ большихъ инструкціи, содержаніе которыхъ было слѣдующее:

Администраторъ, или управитель, долженъ былъ вносить въ казну доходъ съ имѣнія, исчисленный по инвентарю, въ два срока: 15 ноября и 1 апрѣля, по старому стилю. Онъ не долженъ принуждать крестьянъ и арендаторовъ корчемъ къ платежу оброчныхъ и арендныхъ денегъ золотомъ, ефимками и старою монетой, но обязывался принимать отъ нихъ всякою ходячею въ краѣ серебряною монетою, по курсу, установленному правительствомъ. Домашній скотъ и всякую движимость, значущуюся въ инвентарѣ, онъ обязанъ возвратить „въ полной добротѣ и количествѣ,“ при окончаніи своего управленія. „Наистрожайше управителю подтверждается крестьянъ не только, сверхъ надлежащихъ повинностей, ни какими работами, а наипаче изнурительными, не отягощать, и отъ нихъ какого-либо другаго платежа, сбора подводъ, или инаго рода службы, требовать, но и отнюдь не употреблять ихъ по своимъ прихотямъ, или для какихъ работъ въ собственныхъ своихъ фольваркахъ, или имѣніяхъ, развѣ на случай въ управляемомъ казенномъ имѣніи неурожая, или другаго какого-либо несчастнаго приключенія, да и то не далѣе одной мили, и единственно только для однѣхъ полевыхъ работъ. Однако и сей нарядъ не иначе производить, какъ только по изслѣдованію и дозволенію казенной палаты“. Также запрещается управителю отдавать въ наймы крестьянъ въ услуженіе, или работу, *ни на самое кратчайшее время*, другимъ обывателямъ. „А если бы *осмѣлился* онъ сіе учинить, то взыскать съ него плату, противъ положенія въ инвентарѣ, въ полтора, отдать тѣ деньги крестьянамъ, а ему отъ управленія отказать. Если доказано будетъ какое-либо непозволенное требованіе повинностей, или дѣлаемое крестьянамъ притѣсненіе, то такой управитель равномѣрно отъ должности удаленъ будетъ и удовлетвореніе съ него крестьянамъ взыщется.“— Безъ вѣдома казенной палаты, управитель не имѣлъ права входить ни въ какіе споры и процессы «съ смежными обывателями». Если вымирала вся крестьянская семья, и земля, принадлежавшая ей, оставалась бы безъ обработки, администраторъ былъ обязанъ доносить объ этомъ палатѣ, безъ дозволенія которой онъ не имѣлъ права даже вымороченую крестьянскую землю присоединять къ господской или казенной. „Наистрожайше запрещать и не допускать, говорилъ далѣе русскій общинникъ, чтобы крестьяне одинъ другому собственныя ихъ земли продавали; равномѣрно не допускать ихъ раздѣлять семействъ своихъ, чрезъ что приходятъ они въ бѣдное состояніе», —черта мѣстныхъ крестьянскихъ нравовъ, и теперь сохранившаяся въ томъ краѣ. Безъ дозволенія палаты, администраторъ не имѣлъ права пользоваться лѣсомъ, находящемся въ имѣніи, для построекъ, починокъ, и отопленія своихъ и крестьянскихъ жилищъ. Доходы съ мельницъ, корчемъ и отъ умноженія пахатныхъ полей, выработанныхъ изъ пустошей, предоставлялись администратору; а поэтому никакія денежныя затраты, производимыя имъ въ имѣніи, казна не принимала на свой счетъ. Если крестьяне, по неимѣнію воловъ и лошадей, окажутся неисправными плательщиками оброка и прочихъ повинностей, возложенныхъ на нихъ инвентаремъ, „таковыхъ однакожъ, управитель не долженъ удалять отъ хозяйства, но обязанъ благовременно о таковыхъ доносить казенной палатѣ“. Администраторъ не имѣлъ права требовать отъ крестьянъ подводъ въ Ригу и др. мѣста, „во время худой дороги,“ а отъ не имѣющихъ лошадей онъ обязывался принимать наличныя деньги, по цѣнѣ, обозначенной въ инвентарѣ. Администраторъ обязывался учрежде-

[1]) Voyage en Pologne, t. 1 p. 150.—

ніемъ «въ каждомъ селеніи» запаснаго крестьянскаго хлѣбнаго магазина и денежнаго банка. Расправа въ маловажныхъ дѣлахъ между крестьянами предоставлялась управителю, хотя крестьяне и не лишались права, въ случаѣ недовольства его судомъ, жаловаться и казенной палатѣ; въ важнѣйшихъ дѣлахъ они подлежали общему для всѣхъ суду. «При разбираніи самыхъ ссоръ между крестьянами, запрещается ему (администратору) и его служителямъ принимать отъ крестьянъ денежные подарки, называемые *поклонами*—хлѣбомъ, птицею и пр., а также налагать на нихъ штрафы и пени.“ Администраторъ долженъ смотрѣть за порядкомъ и тишиною въ деревняхъ, поощрять крестьянъ къ трудолюбію, воздерживать ихъ отъ пьянства и „прочихъ худыхъ поступковъ“; „ослушныхъ же безъ отлагательства наказывать, однакожъ безъ суровости,—не болѣе, какъ пятью ударами розогъ.“ Эта оговорка и такія распоряженія, чтобы администраторъ не терпѣлъ «неопрятности» въ крестьянской одеждѣ и домахъ, чтобы «принуждалъ всякаго хозяина» не только починять „свои хоромы (!!),“ но и огораживать усадьбы, обсаживать ихъ деревьями и окапывать рвами, чтобы „всякій“ крестьянинъ имѣлъ свой огородъ, преисполненный всякими овощами, полезными для себя и для продажи,—такія наивныя распоряженія, несомнѣнно, были лазѣйкою для администраторскаго произвола изъ стѣсненій предыдущихъ распоряженій. Если администраторъ не пожелаетъ оставаться при управленіи порученнаго ему имѣнія, то онъ обязанъ за три мѣсяца донести о томъ казенной палатѣ; но онъ не имѣетъ никакого права, ни подъ какимъ предлогомъ, передавать, безъ вѣдома правительства, ввѣренное ему имѣніе другому лицу. Каждый хозяинъ изъ крестьянъ обязывается только одинъ разъ, и то не далѣе 20 миль, отвести на своей подводѣ имущество администратора, удалявшагося изъ имѣнія.

Хлѣбные запасные магазины учреждались въ ключахъ и другихъ казенныхъ селеніяхъ, по одному или по два, смотря по пространству ключей. Каждый крестьянинъ, по снятіи жатвы, долженъ былъ отдать 20-е зерно ржи и 25 ячменя съ послѣдняго урожая; сборъ этотъ долженъ продолжаться ежегодно. Надзоръ надъ этимъ сборомъ, а также и свѣдѣнія о количествѣ урожая поручается экономамъ, или сельскимъ войтамъ и выборнымъ, подъ присмотромъ администраторовъ. Хлѣбъ свозится въ магазины, не позже конца октября, которые запираются ключами эконома и войта. Раздача хлѣба крестьянамъ дѣлается заимообразно и производится во всякое время года, особенно зимою и весною, но не иначе,

какъ по удостовѣреніи, черезъ свидѣтелей, въ дѣйствительной нуждѣ просителя, и дѣлая ссуду сообразно съ количествомъ засѣваемаго имъ хлѣба. Сельскіе войты замѣчаютъ выдачу на биркахъ, а экономъ вноситъ ее въ особые списки. Возвратъ ссуды производится по окончаніи рабочей поры, съ наддачею 20-й части взятаго количества. Хлѣбъ, оставшійся въ запасныхъ магазинахъ, за раздачею, дозволялось продавать, съ разрѣшенія экономіи директоровъ. „Изъ вырученныхъ за продажу сего хлѣба денегъ устроить крестьянскій денежный банкъ, который также въ пользу и для вспомоществованія казенныхъ поселянъ обратить должно, выдавая изъ онаго деньги самымъ неимущимъ и въ совершенный упадокъ пришедшимъ, даромъ, нѣкоторымъ, также бѣднымъ, взаймы безъ процентовъ, а прочимъ за два процента въ годъ“. При накопленіи денегъ въ этихъ проэктируемыхъ банкахъ, дозволялось выдавать ихъ, подъ вѣрные залоги, и прочимъ „но денежнымъ обывателямъ“, по 5% и срокомъ не болѣе, какъ на одинъ годъ. Заведеніе запасныхъ хлѣбныхъ магазиновъ возымѣло начало свое въ октябрѣ 1796 года. Какъ пошло это дѣло, намъ неизвѣстно; не много мы знаемъ и о практическомъ исполненіи благодушныхъ намѣреній князя Репнина по отношенію къ литовскимъ крестьянамъ; само собою разумѣется, что фантастическій банкъ остался лишь мечтою.

Администраторское управленіе, какъ мы знаемъ, не было репнинскимъ изобрѣтеніемъ, но старо-польскимъ обычаемъ, которымъ воспользовался князь. Ровно черезъ годъ, въ 1797 г., по свидѣтельству литовскаго губернатора Булгакова, оказались уже большія неудобства при безсрочномъ администраторскомъ управленіи. Въ нѣкоторыхъ ключахъ администраторы дѣлали притѣсненія крестьянамъ, требовали съ нихъ излишнія повинности и вымогали въ свою пользу разные доходы; наконецъ, большая часть администраторовъ не только не заплатили въ казну надлежащей суммы, но и заявили на нее большія претензіи. Не оправдывая администраторскихъ злоупотребленій, Булгаковъ доказываетъ, что иначе и быть не могло, такъ какъ администраторы, управляя имѣніемъ безсрочно и, слѣдовательно, не увѣренные въ прочности своихъ мѣстъ, естественно, только и думаютъ о скорѣйшей наживѣ и, какъ слѣдствіе ея, объ усиленной эксплуатаціи крестьянскимъ трудомъ и землею. По этому Булгаковъ предлагалъ генералъ-губернатору: 1) назначить сроки для администраціи не менѣе 3-хъ лѣтъ, обязывая управляющихъ самимъ удовлетворять всѣ свои хо-

зяйственныя потребности, а не относиться за этимъ въ казну; 2) отдавать казенныя имѣнія въ аренду (что было бы, по его мнѣнію, всего лучше), срокомъ отъ 6-ти до 12-ти лѣтъ. „Не угодно ли будетъ“, заключаетъ свое донесеніе Булгаковъ, „изъявить милость вашу кому-либо изъ здѣшнихъ чиновъ (конечно, русскихъ) позволеніемъ взять имъ по ключу по близости Вильно?“ Удовлетворена ли была послѣдняя просьба, — неизвѣстно; но русскихъ людей, свободныхъ отъ служебныхъ занятій, въ краѣ тогда не было, даже въ людяхъ, нужныхъ для государственной службы, чувствовался великій недостатокъ.

Вообще князь Репнинъ, при всякомъ случаѣ, оказывалъ видимое предпочтеніе казенному управленію литовскими крестьянами передъ помѣстнымъ. Это доказывается также его заботливостію объ образованіи новыхъ казенныхъ фольварковъ въ литовскихъ лѣсничествахъ, разчистка которыхъ продолжалась успѣшно, такъ какъ крестьяне, приписанные къ лѣсамъ, были значительно облегчены, противъ прежняго, въ своихъ повинностяхъ; это еще болѣе доказывается попытками мѣстной администраціи воздержать сколько-нибудь разнуздавшееся своекорыстіе новыхъ землевладѣльцевъ. При назначеніи новыхъ имѣній, доносилъ Репнину директоръ экономій Баглевскій, „старался я сохранить, колико можно, не отдаленное разстояніе имѣній (т. е. ключей и фольварковъ) одного владѣнія, равномѣрно и выгодъ хозяйственныхъ въ разсужденіи двороваго хлѣбопашества (т. е. собственно-господской запашки); но, соображаясь съ опредѣленнымъ числомъ пожалованныхъ душъ, не возможно было никакъ избѣгнуть раздробленія деревень“. Польская оцѣнка крестьянскаго труда *дымами*, а русская *душами*, какъ видно, затрудняли не одну мѣстную администрацію, но прямо вліяли на будущее положеніе сельскаго населенія, новая группировка котораго вокругъ иныхъ центровъ несомнѣнно отражалась на экономическомъ положеніи крестьянъ. Обширная Бѣловѣжская пуща, единственное теперь въ Европѣ обиталище зубра, естественно, требовала особаго ухода и сбереженія; съ этою цѣлію здѣсь и было устроено, уже при русскомъ правительствѣ, новое, *Бѣловѣжское* лѣсничество, съ новыми фольварками и деревнями; въ немъ считалось: фольварковъ—5, деревень—14, дымовъ—311, душъ обоего пола—1783 (женск.—871). Новые фольварки, „за кратко-стію времени, не могли еще быть приведены въ хозяйственное, хлѣбную прибыль приносящее, состояніе и могли получить настоящаго домоводства видъ только по истеченіи одно-

го, или двухъ лѣтъ“. Но „для поспѣшности исполненія предписаній“ и за неимѣніемъ статистическихъ свѣдѣній, тотъ же Баглевскій принужденъ былъ назначить къ выдѣлу имѣній графу Ферзену, де-Полиньяку и Пизани изъ земель, окружающихъ Бѣловѣжскую пущу, даже тѣ мѣстности, на которыхъ онъ самъ завелъ новые фольварки. Ознакомившись съ мѣстностію пущи, директоръ экономіи понялъ свою ошибку, увидѣлъ, что, при допущеніи помѣщиковъ въ самую пущу, „лѣса не могутъ придти въ то состояніе, въ коемъ быть имъ надлежитъ, ежели предположено оставаться имъ въ цѣлости и во владѣніи коронномъ“. Но Бѣловѣжская пуща была очень выгодная доходная статья, — и вотъ начались претензіи, жалобы! Разгулявшееся своекорыстіе доходило до того, что какой-то Лошкаревъ, напримѣръ, хотѣлъ отнять отъ города Вильны цѣлое предмѣстіе Антоколь, который, разумѣется, отстаивала мѣстная администрація, доказывавшая, что жители этого предмѣстія (63 дыма), поселившись собственными домами, исправляютъ всѣ повинности городскія, обще съ прочими жителями города Вильны“. Въ этомъ разгулѣ своекорыстія на счетъ закрѣпощеннаго народа замолкла всякая вражда; побѣдители сливались съ побѣжденными, новые русскіе помѣщики съ польскими патріотами; за пожалованныя имѣнія владѣльцы ихъ платили въ казну всего 10 грошей съ валоваго дохода. Громадная масса пожалованій, повторяемъ, мѣшала рѣшительно всему,—начиная отъ собранія статистическихъ свѣдѣній до благоустройства края: и дарили, и устроивали въ одно и тоже время; но больше дарили, чѣмъ устроивали!

Представляемъ списокъ лицъ, получившихъ имѣнія въ Литвѣ, съ обозначеніемъ количества душъ обоего пола,—списокъ далеко неполный; онъ составленъ по офиціальнымъ документамъ, доходящимъ до первой половины 1797 г.; пропуски, по самому роду источниковъ, здѣсь неизбѣжны, и притомъ очень большіе [1]).

а) Русскимъ.

1) Графу А. В. Суворову Рымникскому . . . . 13,279 д.
2) „ П. А. Румянцеву Задунайскому . . . 10,854 „ [2])
3) Его наслѣдникамъ . . . . 2,652 „

[1]) Намъ встрѣчалось еще множество именъ, но мы не могли найдти цифры пожалованныхъ имъ душъ.

[2]) По свѣдѣніямъ, сообщаемымъ г. Бобровскимъ (Т. 1, стр. 409), Румянцовъ получалъ 20 т. десятинъ лѣсу, Ферзенъ и Сиверсъ—по 10 т. Наши источники не упоминаютъ имени Репнина въ спискѣ новыхъ помѣ-

4) Князю П. А. Зубову, генер. фельдцейг. [1]. .	28,445	д.
5) Графу А. Н. Самойлову, генер.-прокурору .	7,864	„
6) Статсъ-дамѣ, гр. Скавронской	3,823	„
7) Литовск. губер. Тормасову	3,201	„
8) Сенатору, тайн. совѣт. Пастухову	2,073	„
9) Генер. Поручику Татаринову	2,325	„
10) Лейбъ-медику, д. с. с., Крузе	2,446	„
11) Генер. аншефу О. А. Игельстрому	2,989	„
12) Герцогу Полиньяку, почтъ-директору	1,933	„
13) Статск. Совѣтнику Лашкареву	1,089	„
14) Генер. Поруч. гр. Ферзену	1,464	„
15) „ „ „ Буксгевдену	1,763	„
16) Инженеръ-ген. фонъ-Сухтелену	1,345	„
17) Ген. Маіору Ланскому	1,760	„
18) „ „ Рахманову	1,744	„
19) Ген. Лейтенанту Дунину	1,736	„
20) „ „ Ласси	1,105	„
21) Коллеж. Совѣтнику Пизани	986	„
22) Кн. Прасковьѣ Гагариной (вдовѣ)	976	„
23) Дѣйст. Ст. Совѣтнику Алексѣеву	924	„
24) Статскому Совѣтнику Шнезе.	880	„
25) Совѣт. правл. Ассиг. банка Рубану	666	„
26) Коллеж. Совѣтнику Дивову	612	„
27) Ст. Сов. Янковичу де Маріево, член. ком. народныхъ училищъ	612	(ревижс.)
28) Ген. Кригсъ - Коммис. Дурново	653	(?) д.
29) Камеръ-Цалмейст. Голенищеву-Кутузову. . .	548	д.
30) Оберъ-Секретарю сената Соколову	505	„
31) Статс. Совѣтнику Ермолову	608	„
32) Полковнику Беклевскому	487	„
33) Коллеж. Совѣтнику Волкову	481	„
34) „ „ Литке	476	„
35) Полковнику Ивану Фризелю	469	„

щиковъ. По словамъ Б. Каменскаго, Екатерина пожаловала ему, за Тешенскій конгрессъ, 6 т. душъ въ Бѣлоруссіи, и Павелъ, въ день своего коронованія, 3 т.; но гдѣ, — неизвѣстно. Но пожалованнымъ императрицею имѣніемъ Репнинъ не захотѣлъ воспользоваться, уступивъ всѣ доходы съ него (22 т. р. сер.) прежнему владѣльцу, гр. Огинскому, по его смерть. (Біог. Росс. Генер. Фельдм. ч. 2, стр. 232).

[1]) Зубову сначала былъ отданъ городъ Шавли, потомъ обмѣненный на староство Юрбургское,—принадлежавшее Игнатію Потоцкому.

36) Унтеръ-Шталмейст. Ремизову	392	д.
37) Коллеж. Совѣтнику Савинскому	301	„
38) Подполковнику Колесову	283	„
39) Надвор. Совѣтнику Замыцкому	281	„
Итого . . .	105,030	д.

б) Полякамъ.

1) Графу Игнатію Потоцкому	3,407	д.
2) Граф. Браницкой (вмѣстѣ съ Скавронской) .	3,167	„
3) Женѣ и дѣтямъ кн. Четвертинскаго	2,887	„
4) „ „ гр. Ожаровскаго	2,018	„
5) Генералу Іосифу Понятовскому.	1,536	„
6) Графу Мануцію	1,856	„
7) Гетманшѣ Забѣловой	976	„
8) Сыновьямъ ген. лейт. Патрика.	971	„
9) Наслѣд. виленск. маршалка Швейковскаго. .	501	„
10) Ковенскому женскому бернардинскому монастырю	388	„
Всѣмъ вмѣстѣ .	122,737	д.

Не останавливаясь надъ этой крупной, хотя и далеко не точной цифрой, замѣтимъ, что число казенныхъ имѣній съ каждымъ мѣсяцемъ до такой степени улетучивалось, что къ половинѣ 1797 г. оставалось въ нихъ нерозданныхъ душъ обоего пола всего 18,345: и дѣйствительно, „за раздачею скоровременною и безразсудною, кому ни попало, не чѣмъ уже почти было награждать истинныхъ заслугъ и прямыхъ достоинствъ“ говоритъ Державинъ [1]). Въ этомъ понятіи о заслугахъ и ихъ вознагражденіи одного изъ первыхъ сановниковъ государства уже кроется причина нашихъ ассимиляторскихъ неудачь въ краѣ. При Павлѣ всѣ эти новые помѣщики платили въ казну 10-ый грошъ (½ копѣйки) съ доходовъ, при чемъ съ хлѣбныхъ наличныхъ запасовъ взималось: съ бочки ржи — 4-ый грошъ, пшеницы — 8, ячменя—4, гречи—2, овса—2, гороху—3, съ пуда сѣна—5.—Мы имѣемъ росписку повѣреннаго гр. А. Н. Самойлова, коллежскаго ассесора Дмитрія Ефимова, которая дополняетъ наглядное понятіе о состояніи пожалованнаго ему имѣнія [2]). Все это, т. е. пожалованные ключи, мѣ-

[1]) См. записки Державина, стр. 413.

[2]) См. стр. 123.

стечки и деревни, говоритъ повѣренный гр. Самойлова „и то только, что мнѣ показано (я принялъ), т. е. съ мѣщанами и *земянами*-крестьянами (крѣпостными) всякаго рода и со всѣми людьми, кои по инвентарямъ обязаны какою-либо повинностью и собственно казнѣ принадлежали, съ фольварками господскими и крестьянскимъ строеніемъ, съ пахатными и сѣнокосными землями по мѣрѣ, въ инвентарѣ означенной, и со всѣми, къ тому имѣнію принадлежащими угодіями, — словомъ: въ такомъ точно состояніи (я принялъ), въ какомъ сіе имѣніе доселѣ въ казенномъ вѣдомствѣ находилось и показано мнѣ инвентарями 1796 года“.

Такихъ благоустроенныхъ имѣній было не мало: не всѣ были разорены въ конецъ. Но претензій было множество; каждый желалъ лучшей доли. Претензіи и жалобы слышались даже отъ тѣхъ, которые ровно ничего не получали. Эти послѣдніе всегда находили защиту у князя Репнина,—и, конечно, не потому, что они были помѣщики, поляки, а потому, что Репнинъ не могъ оставаться равнодушнымъ зрителемъ, въ интересѣ самаго государства, ко всякаго рода произволу и насилію, которые были естественнымъ явленіемъ въ эту тревожную пору всякаго рода борьбы, если не явной, то затаенной, но тѣмъ не менѣе упорной. При отобраніи и раздачѣ имѣній были, естественно, всякаго рода несправедливости и притѣсненія, и князь Репнинъ явно принималъ сторону слабѣйшую, не справляясь о ея національности. Такъ онъ отрѣшаетъ отъ должности повѣтоваго начальника генерала Яворскаго „за невѣжливость противъ г. Плятера“. Такъ онъ дѣлаетъ, правда конфиденціально, „дружеское замѣчаніе“, т. е. самый строгій выговоръ, виленскому губернатору Тормасову („въ знакъ нелицемѣрной къ нему привязанности, основанной на душевномъ расположеніи“), за предоставленіе имъ, губернаторомъ, своимъ чиновникамъ права—тотчасъ же отбирать имѣнія у посессоровъ *королевщизнъ*, коль скоро они не представятъ въ срокъ данныхъ имъ привиллегій. Тормасовъ распорядился такимъ образомъ на основаніи ордера самого же генералъ-губернатора; „но въ ордерѣ моемъ, замѣчаетъ послѣдній, сказано только:—„кто изъ владѣльцевъ таковыхъ свидѣтельствъ не предъявитъ, сей есть не правый владѣлецъ и имѣніе, коимъ пользуется, принадлежитъ къ казенному управленію и должно быть отобрано“. —Тутъ еще неопредѣлительно предписано, чтобы уже *всѣ имѣнія отбирать*, а единственно изображено, что онѣ слѣдуютъ быть отобранными. При томъ, ежели я, по довѣренности къ вашему превосходительству, возлагаю на васъ пору-

ченіе, даю *вамъ* власть—рѣшительно въ какомъ-либо дѣлѣ поступать; то сію довѣренность *вашей особѣ даю, а неслѣдуетъ вамъ оную распространять на всѣхъ повѣтовыхъ начальниковъ:* понеже я *вамъ только* оную далъ; повѣтовые же начальники, пользуясь такою *безпредѣльною* властію, могутъ злоупотребленіе изъ этого дѣлать; и исправленіе ихъ ошибокъ или кому-либо притѣсненій не инако уже сдѣлаться можетъ, какъ по учиненіи обиды. Когда же бы власть сія, *вамъ только данная*, у васъ единственно и оставалась, тогда отъ вашихъ распоряженій и повелѣній зависѣть будетъ предупредить всякій такой случай и не инако допустить до дѣйствительнаго исполненія, какъ *токмо по вашему* повелѣнію, и, слѣдственно, вы въ рукахъ своихъ тогда держать будете окончательную рѣшимость подобныхъ дѣлъ“. На притѣсненія и произволъ (городничаго) жаловались минскому архіепископу даже монахи виленскаго православнаго Духовскаго монастыря; объ административныхъ безпорядкахъ свидѣтельствуетъ и характеристика тогдашнихъ нашихъ чиновниковъ, представленная Булгаковымъ, смѣнившимъ Тормасова, въ слѣдующихъ выраженіяхъ: „Есть нѣчто въ казенной палатѣ (виленской), чего я еще разобрать не могу, да и онъ самъ, кажется, (директоръ экономіи) не за все отвѣчать въ состояніи... Страшитъ меня рекрутскій наборъ, по причинѣ однихъ формальностей: здѣсь нѣтъ ни одного человѣка, ниже изъ приказныхъ, которому бы случалось быть при наборахъ. Хотя бы и назначили (въ члены рекрутскаго присутствія) и губернскаго предводителя; но что онъ знаетъ? Здѣсь и понятія о наборѣ никто не имѣетъ!.. Дѣла здѣсь умножаются, *а людей нѣтъ*... У меня теперь никого подъ глазами нѣтъ (на мѣсто секретаря губернскаго правленія), кромѣ раненаго въ руку поручика Ѳедора Шепилова, человѣка добраго, бывшаго исправникомъ въ Новогрудкѣ... Прежняго городничаго (виленскаго) надобно куда-нибудь опредѣлить, хотя въ другую губернію: онъ для сего мѣста очень плохъ, и я (губернаторъ) принужденъ отправлять самъ должность городничаго!.. Въ Троцкомъ повѣтѣ исправникъ Родзевскій—сумашедшій, секретарь Кузьминскій—плутъ, а штатный офицеръ Врублевскій—дуракъ, повѣса и пьяница. Не проходитъ почты, чтобы они не сдѣлали какой исторіи, не проходитъ дня, чтобы на нихъ не было жалобъ! Вилкомірскому исправнику приказалъ мосты починить... Не въ одномъ Вилкомірѣ болваны; наѣхало ихъ много вездѣ; а вилкомірскій, котораго я прежде въ глаза не видѣлъ, рекомендованъ былъ *здѣшними*, какъ отмѣнный соболь!.. „Въ Россіи чело-

вѣкъ безъ чина можно сказать—человѣкъ безъ званія (т. е. безъ гражданскихъ правъ)", выразился одинъ изъ русскихъ людей, Добрынинъ, попавшій въ Бѣлоруссію еще въ 70-хъ годахъ прошлаго вѣка. И вотъ, на ловлю чиновъ, т. е. для полученія гражданскаго полноправія, русскаго шляхетства, *благородія*, потянулись въ присоединенные края, въ Бѣлоруссію и Литву, толпы полуграмотнаго русскаго люда, которымъ не было мѣста у себя дома, на востокѣ. Что это былъ за народъ,—объ этомъ можно судить по запискамъ того же Добрынина, въ которыхъ онъ, между прочимъ, разсказываетъ объ учрежденіи, при канцеляріи могилевскаго губернатора, *масоніи*. Эта оригинальная ложа состояла въ ночныхъ попойкахъ, во время которыхъ правителемъ канцеляріи, учредителемъ ложи, провозглашалось масонское братство и равенство. *Опытные* братья лѣзли къ учредителю съ распростертыми объятіями и съ словами „любезный братъ! прими отъ насъ лобзаніе!", цѣловались другъ съ другомъ, кричали и пѣли народныя пѣсни, чаще другихъ „Ельникъ мой, частый мой березникъ"! Неопытныхъ „шалуновъ", т. е. никуда негодныхъ людей, въ это время раздѣвали, клали на скамейку и, подъ видомъ испытанія твердости духа, по масонскому обычаю, безпощадно пороли, внушая, при этомъ, что надобно заниматься такимъ трудомъ, за который жалуютъ насъ въ оберъофицеры". По окончаніи порки, всѣ пьютъ шампанское за здоровье новаго брата, который былъ обязанъ благодарить своихъ товарищей. По увѣренію правителя канцеляріи, это „масонское просвѣщеніе" дѣлало чудеса въ служебномъ отношеніи [1]). Черезъ 15 лѣтъ, въ эпоху, о которой мы говоримъ, конечно, многое измѣнилось къ лучшему, распространилось просвѣщеніе, умягчились нравы; но тогдашнимъ лучшимъ просвѣщеннымъ людямъ выгоднѣе было оставаться у себя дома, въ Россіи, чѣмъ ѣхать въ чужую, враждебную Польшу.

О составѣ служебнаго персонала князь Репнинъ не мало заботился. При введеніи въ краѣ русскихъ государственныхъ учрежденій, онъ выписалъ было изъ Малороссіи и Бѣлоруссіи значительное число чиновниковъ и „студентовъ" на должности секретарей и канцелярскихъ служителей; но вызванные не пожелали оставаться въ краѣ, конечно, по тѣмъ же причинамъ, по которымъ, какъ увидимъ, хотѣлъ бѣжать изъ него самъ главный начальникъ.

¹) Записки Добрынина см. въ „Виленскомъ Сборникѣ", изд. В. Кулина, ч. 1., стр. 10, 21—23.

Лучшихъ изъ нихъ удерживали предложеніемъ высшихъ мѣстъ въ краѣ и окладомъ большаго жалованья; рѣшившимся удалиться, также лучшимъ, въ награду за службу, предлагали поступить въ департаменты правительствующаго сената, съ проѣздомъ на казенный счетъ до Петербурга; остальныхъ, желавшихъ возвратиться на родину, безпрепятственно отпускали, снабдивъ ихъ на дорогу „пристойнымъ" количествомъ денегъ. Замѣтимъ, что распоряженіе это было сдѣлано Репнинымъ уже въ Петербургѣ, въ 1797 г., вѣроятно, подъ вліяніемъ отрадной для него мысли—что въ Литву и самъ онъ болѣе не возвратится.

Князь Репнинъ не могъ не замѣтить, что дѣло расползается, не клеится, что раздачею помѣстій край не привяжется къ Россіи; потому что экономическія его силы были производительнѣе, крѣпче, а, стало быть, и не податливы для ассимиляціи: справиться съ ними было не чѣмъ; приходилось отступать. Можетъ быть и не ясно, но Репнинъ понималъ, что, кромѣ внѣшнихъ, государственныхъ средствъ, не было другихъ узъ, которые могли бы крѣпко связать край съ имперіей; кромѣ этихъ средствъ и безсознательныхъ симпатій крестьянской массы, другихъ, дѣйствительно, не было!

Мы уже видѣли, что кн. Репнинъ вынужденъ былъ входить въ интересы мѣстныхъ помѣщиковъ, вмѣшиваться даже въ ихъ семейныя дрязги, помогать имъ. Приходилось ему выслушивать *польскіе* доносы, распутывать *польскія* каверзы, — словомъ, возиться въ грязномъ осадкѣ политической и соціальной деморализаціи и всякого рода накипѣвшей вражды; изъ этого мутнаго источника вышли тѣ, по истинѣ отталкивающія, стороны польскаго характера, которыя, къ несчастію, всякій разъ стали обнаруживаться при столкновеніи съ русскими. Доносами и каверзами не только промышляли, но считали ихъ чуть не добродѣтелью, гражданскимъ подвигомъ: по крайней мѣрѣ, общественное мнѣніе положительно поощряло ихъ. Вотъ одинъ изъ многочисленныхъ примѣровъ. Графу Шуазелю пожаловано было при Павлѣ два ключа и одно староство. Для принятія ихъ гр. Шуазель прислалъ въ Вильну своего повѣреннаго, нѣкоего Кочковскаго, которому оказано было должное уваженіе и доставлены всѣ нужныя свѣдѣнія, касающіяся этихъ имѣній. Пріѣхавъ на мѣсто съ этими справками и прикомандированнымъ для содѣйствія ему русскимъ чиновникомъ, Качковскій, не показываясь въ Вильнѣ и ни полслова не давая знать о какихъ-либо затрудненіяхъ, встрѣтившихся при пріемѣ имѣній, настрочилъ гр. Шуазелю извѣтъ на виленскаго директора экономіи

Волкова его товарищей, а Шуазель жаловался Репнину. Объясняя поступокъ Кочковскаго *одною поспѣшностью и нарѣканіемъ*, Волковъ называетъ его человѣкомъ, безпощаднымъ къ однимъ и любящимъ „угождать другимъ, гдѣ видитъ свою пользу; успѣхи такихъ людей здѣшними обывателями съ удовольствіемъ разглашаются". Больше всего было хлопотъ и возни съ дѣломъ, предъ которымъ исчезали всякіе отвлеченные помыслы, всякія возвышенныя идеи,—съ дѣломъ пріобрѣтенія и поживы. Однимъ надобно было выдавать имѣнія, подбирая самые лучшіе лакомые куски, другимъ — возвращать, за третьихъ просить. Жажда пріобрѣтенія обуяла всѣхъ: литовскихъ крестьянъ получали отъ новаго правительства русскіе, поляки, нѣмцы, французы. Крѣпостныхъ крестьянъ раздавало не только правительство, но и сами новые помѣщики. Такъ фельдмаршалъ Суворовъ подарилъ сто душъ крестьянъ изъ своего Кобринскаго имѣнія, нѣкоему графу Понмартэню (de-Pontmartin), эмигранту, полковнику французской службы. Суворовъ узналъ этого господина въ Тульчинѣ, вмѣстѣ съ другими находившимися тамъ французскими эмигрантами, которыхъ онъ обласкалъ и принялъ въ русскую службу; но Понмартэнь отказался, за болѣзнію и ранами, отъ службы и отъ предложеннаго ему чина подполковника и просилъ у русскаго полководца пенсіона, въ размѣрѣ, достаточномъ для существованія просителя и его семейства. Но, при всемъ вліяніи Суворова, пенсіона получить ему не удалось и жить стало не чѣмъ. Петербургскіе друзья его, соотечественникъ Полиньякъ и генералъ Арсеньевъ, почти ничѣмъ не могли ему помочь,—и вотъ онъ снова обращается къ графу Суворову, а этотъ послѣдній даритъ ему изъ своихъ 13 тысячъ, еще не вполнѣ вступившихъ въ его владѣніе, сто душъ, pour le mettre dans les cas de vivre tranquillement. Понмартэнь является въ Кобринъ, чтобы принять даръ его сіятельства (pour y recevoir le binfait de Son-Altesse),—и вотъ у Литовскаго генералъ-губернатора очутилось на рукахъ цѣлое дѣло. Но всемогущему, повидимому, генералъ-губернатору такого рода дѣла, т. е. съ людьми сильными и вліятельными въ Петербургѣ, были не по душѣ: онъ не могъ дѣйствовать свободно и безпристрастно; тѣмъ больше стѣснялись его подчиненные, губернаторы и директоры экономіи; такъ виленскій губернаторъ прямо сознается, что писать къ Суворову, по поводу кобринскаго имѣнія, онъ *не смѣетъ*. Тамъ доносятъ, что какой-то шляхтичъ Виценлтій Романовскій, прибывъ въ Брацлавскій повѣтъ, взбунтовалъ крѣпостныхъ крестьянъ какой-то помѣщицы (Косаковской), словомъ произвелъ революцію

противъ скипетра всепресвѣтлѣйшей государыни; подати съ волостей выбралъ, находящуюся у эконома наличную сумму съ прочими доходами, болѣе 16 т. злотовъ польскихъ, забралъ; данные ему мужемъ помѣщицы 10 т. злотовъ, на покупку хлѣба для крестьянъ, не извѣстно куда дѣвалъ; одинъ изъ фольварковъ помѣщицы самовольно отдалъ въ арендное содержаніе какому-то господину, который не только разорилъ крестьянъ и лѣсныя дачи вырубилъ и, выпустошилъ, но, сверхъ того, одного крестьянина, заковавъ въ кандалы, завезъ въ Вильну для сдачи въ солдаты", — и т. д. до безконечности! Страсть къ сутяжничеству и ябедѣ, распространенная между туземцами на первыхъ еще порахъ поразила своими размѣрами прибывшихъ въ край русскихъ людей, которые потомъ платились за нее нескончаемыми тревогами и—опять *дѣломъ*, при безлюдьи, при какомъ-нибудь десяткѣ людей способныхъ и если что дѣлающихъ, то на-спѣхъ, торопливо, подъ охраною, правда грозной, но теперь молчащей, бездѣйственной военной силы!

Надѣляли крѣпостными душами (de paysans de Lithuanie) и землями всѣхъ, кого только можно. Ничего только не дали, ни чѣмъ не привлекли къ себѣ тѣхъ, кому дать что-нибудь было нужно,—*шляхты*, въ особенности безземельной. Забыли, что ей принадлежали политическія права, хотя и уродливыя, что эти права развили въ ней личное чувство, хотя въ смыслѣ польскаго *гонора*, и что съ прекращеніемъ этихъ правъ, было естественно развитіе въ ней самого жгучаго патріотическаго чувства, восторженное отношеніе къ прошлому, польское старообрядчество. Польское панство примирялось съ новымъ порядкомъ государственною службою и признаніемъ его помѣстныхъ правъ, весьма сильныхъ и въ самой имперіи; не примирившееся ушло за границу и положило начало той безпочвенной фанатической эмиграціи, которая и теперь не перестаетъ волновать несчастную польскую націю. Иное положеніе сдѣлалось шляхты бѣдной и безземельной, но проникнутой польскимъ *политическимъ* духомъ до мозга костей. Чтобы остудить этотъ горючій матеріалъ, при недостаткѣ другихъ средствъ, надобно было создать для него искусственную эмиграцію,—во внутреннихъ областяхъ имперіи, поставить его въ положеніе колонистовъ, какихъ тогда много призывалось и водворялось, въ положеніе великорусскихъ однодворцевъ-собственниковъ, каковые еще существовали и еще не смѣшались съ крестьянами-общинниками, до потери кое-какихъ слѣдовъ гражданственности, до пріобрѣтенія права—быть наказываемыми тѣлесно. Другаго, и лучшаго по-

ложенія для шляхты русское правительство тогда не могло создать — и что жаль, необходимость этого другаго положенія оно, кажется понимало! По исчисленію Державина, на долю Россіи досталось отъ Польши 500 т. шляхты, т. е. такое же количество польскихъ гражданъ, права и привиллегіи которыхъ, съ одной стороны подтверждены высочайшимъ манифестомъ, но которые, съ другой стороны, вмѣстѣ съ крестьянами, иногда жаловались помѣщикамъ, въ качествѣ крѣпостныхъ. Помня свои стародавнія, хотя и нелѣпыя, но высочайше утвержденныя права *благородства*, шляхта, естественно, не могла примириться съ такимъ приравненіемъ съ крестьянами; новые русскіе помѣщики, являясь въ край, въ свои помѣстья, приносили съ собою иныя воззрѣнія на это сословіе; при самомъ началѣ столкновенія русскихъ съ поляками, *шляхетскій вопросъ* сталъ источникомъ весьма прискорбныхъ недоразумѣній. Императрица Екатерина имѣла намѣреніе выселить шляхту въ южныя губерніи, но почему-то это намѣреніе не осуществилось. Впослѣдствіи, при Александрѣ I, Державинъ воспользовался мыслію императрицы и подалъ записку, въ которой, между прочимъ, предлагалъ образовать изъ шляхты ландмилицкіе полки, на манеръ бывшихъ въ польской Украйнѣ и по Оренбургской линіи; но, по словамъ этого писателя, „о шляхтѣ и думать не хотѣли“, по своекорыстію русскихъ вельможъ, имѣвшихъ въ этихъ губерніяхъ богатыя помѣстья, и по интригамъ поляковъ *). Какъ бы то ни было, но оставить шляхту in statu quo (какъ и оставили), пріурочить ее къ государственному крестьянству—было несчастной политической и соціальной ошибкой, горькіе плоды которой отзываются до нашихъ дней. Невыведенная изъ своего прежняго положенія, потерявшаго всякій реальный смыслъ, служа козломъ очищенія для всѣхъ панскихъ затѣй, щитомъ, за который стали прятаться польскіе патріоты, когда нужно было заводить рѣчь о политической благонадежности и преданности русскому правительству, считаясь во мнѣніи агентовъ этого правительства только „сволочью“,— шляхта, естественно, стала еще болѣе горючимъ соціальнымъ матеріяломъ. Ей ничего не оставалось болѣе, какъ еще крѣпче примкнуть къ панству и воспользоваться, eo ipso, новыми его правами, какъ россійскаго дворянства: и, дѣйствительно, съ этого времени потянулась шляхта, всѣми правдами и неправдами, въ ряды россійскаго дворянства и чиновничества. Не имѣя силъ экономически

*) См. Записки Державина стр. 477—479.

воспреобладать въ Литвѣ, утвердиться въ ней въ качествѣ землевладѣльцевъ и правительственныхъ агентовъ, мы въ существѣ дѣла только не многое измѣнили: старый польскій экономическій и соціальный порядокъ оставался нерушимымъ; мѣнялись формы, имѣвшія неоспоримо свою долю вліянія и на этотъ самый порядокъ.

Трудно было сладить съ людьми, съ жизнію; не легко было измѣненіе старыхъ и созданіе новыхъ формъ для этой жизни.

Очень много хлопотъ и затрудненій было при введеніи въ краѣ учрежденій о губерніяхъ, при образованіи въ Литвѣ двухъ губерній—Виленской и Слонимской, о чемъ былъ данъ указъ Сенату 8-го августа 1796 года [1]), но о чемъ Репнинъ зналъ гораздо раньше. Здѣсь главное затрудненіе состояло въ устройствѣ городовъ; ибо не знали, что дѣлать съ старостинскими мѣстечками, изъ которыхъ они должны были возникнуть: ихъ предполагалось сначала взять въ казну, выплачивая владѣльцамъ пожизненный доходъ изъ государственной экономіи; потомъ, вѣроятно, по неимѣнію средствъ, отказались отъ этой мысли, и русскіе города оставили пожизненною собственностію новыхъ русскихъ помѣщиковъ, взносившихъ въ казну *кварту* изъ своихъ доходовъ. Въ томъ же самомъ указѣ Сенату, отъ 8-го августа 96 г., правительство ассигновало по 40 тысячъ рублей (на пять лѣтъ), для постройки въ краѣ присутственныхъ мѣстъ, и по 20 тысячъ, на то же число лѣтъ, для сооруженія православныхъ соборовъ [2]). Открытіе новыхъ губерній предполагалось сдѣлать торжественнымъ; торжество это должно было начаться архіерейскимъ богослуженіемъ, которое, по волѣ императрицы, долженъ былъ совершить синодальный членъ, епископъ Тверской и КашинскійИриней, незадолго передъ тѣмъ исполнившій туже обязанность въ Курляндіи. ЕпископъИриней горѣлъ желаніемъ „видѣть слѣды мужества россійскихъ героевъ, какъ равно и имѣть дѣло съ однимъ изъ тѣхъ“; но, тѣмъ не менѣе, вошелъ въ пространную переписку съ генералъ-губернаторомъ о подробностяхъ, впрочемъ, объясняя ихъ тѣми затрудненіями, какія онъ встрѣтилъ во время путешествія своего въ Курляндію („на станціяхъ индѣ были задержки, а индѣ давали лошадей совершенно худыхъ“). Князь Репнинъ обѣщался устранить всѣ затрудненія и даже собрать пѣвчихъ изъ

[1]) Полн. Собр. Закон., № 17,494.
[2]) Ibid. стр. 972—973.

полковыхъ, что тверской владыка считалъ для себя „особенно пріятнымъ и благодѣтельнымъ“. Онъ писалъ (отъ 30-го сентября), что свита его будетъ состоять всего изъ 10-ти человѣкъ, а потому и лошадей болѣе 15-ти ему не нужно, на разстояніи отъ Друи до Вильны, да и тѣхъ нѣтъ надобности, „ко вреду обывателей“, держать на станціяхъ, а лишь приготовить ихъ „въ непродолжительномъ времени, какъ пріѣду я.“ Выѣздъ свой изъ Твери преосвященный назначалъ 5-го ноября; „благость Всевышняго молю, заключаетъ онъ послѣднее письмо, да управитъ благополучно путь мой!“ Такъ въ ту эпоху, молился не одинъ тверской епископъ, отправляясь въ Литву; съ большими предосторожностями и съ конвойными провожатами отправлялись въ край жены русскихъ офицеровъ и не безъ страха совершали свой путь по толкучимъ горамъ и непроходимымъ лѣсамъ Литвы. Князь Репнинъ торжество открытія губерній предназначалъ на 24-е ноября 96 г., приглашая къ нему сосѣднихъ губернаторовъ и мѣстное дворянство; но смерть императрицы, воспослѣдовавшая 6-го числа этого мѣсяца, кажется, помѣшала его исполненію, — по крайней мѣрѣ, въ нашихъ источникахъ объ этомъ не упоминается болѣе.

Изъ замѣтокъ виленскаго губернатора Булгакова, относящихся, правда, нѣсколько къ позднѣйшему времени, мы уже знаемъ о незавидномъ состояніи въ краѣ земской полиціи. При самомъ началѣ занятія края, при нахожденіи его на военномъ положеніи, о полиціи, конечно, не могло быть рѣчи; но въ первые мѣсяцы 96 г., когда въ краѣ еще было достаточно русскихъ людей, состояніе полиціи было сноснѣе, чѣмъ потомъ, когда вновь пріѣзжіе предались бѣгству во-свояси, когда замѣнить ихъ было не кѣмъ. Для усиленія полиціи кн. Репнинъ приказалъ опредѣлить въ нижніе земскіе суды „воинскихъ депутатовъ изъ служащихъ въ войскахъ офицеровъ, для отвращенія всякихъ между командами воинскими и обывателями распрь и неудовольствій, а равно и объ отряженіи къ тѣмъ депутатамъ, для лучшаго дѣйствія земской полиціи, приличныхъ командъ“; до прибытія депутатовъ къ мѣсту своего назначенія, или во время ихъ отсутствія, воинскія команды поступали въ вѣдѣніе городничихъ, или повѣтовыхъ начальниковъ. Для улучшенія письмоводства, во всѣхъ новыхъ учрежденіяхъ производившагося по русски, въ секретари и канцелярскіе служители при городничихъ и въ нижніе земскіе суды предполагалось назначить лучшихъ изъ приглашенныхъ въ край малоруссовъ и бѣлоруссовъ. Но, какъ мы видѣли, и эти послѣдніе, болѣе знако-

мые съ польскими правами и обычаями, не уживались въ краѣ. Причина этой неуживчивости, бѣгства изъ края русскаго человѣка, заключается вовсе не въ омерзительности, съ которою, якобы, *врождено* (?!) намъ относиться ко всему *жидовскому* и *шляхетскому*; происходитъ она также не изъ племенной ненависти къ намъ поляковъ, которая однакоже не мѣшала частымъ родственнымъ узамъ: причина неуживчивости совсѣмъ иная. Каждому переселяющемуся на новое мѣсто свойственно чувство тревоги и естественна потребность покоя, оріентированія. Полнаго, *истинно-гражданскаго* покоя край никогда не имѣлъ, и отъ этого удвоивалось тревожное чувство въ пріѣзжемъ. Со стороны администраціи, въ безпокойномъ краѣ, естественно бываетъ развитіе подозрительности на *все* и на *всѣхъ*; съ развитіемъ административнаго произвола, при полнѣйшемъ отсутствіи общественнаго мнѣнія, подозрительность принимаетъ чудовищные размѣры. При такихъ условіяхъ, ставящихъ пріѣзжаго какъ бы въ осадное положеніе со стороны произвола, подозрительности, интригъ и каверзъ—съ одной, и если не враждебности, то отчужденности окружающаго его міра съ другой стороны, — мысль о бѣгствѣ, о небольшой долѣ свободы, необходимой для гражданскаго существованія, является естественной и неизбѣжной. — Опираясь на военную силу, полиція если не становилась удовлетворительнѣй, то пріобрѣтала значеніе силы, — при другихъ нашихъ культурныхъ безсиліяхъ. Замѣтимъ кстати, что отнынѣ русское военное сословіе въ краѣ, въ этомъ послѣднемъ отношеніи, въ смыслѣ обрусѣнія, начинаетъ имѣть очень важное значеніе. Офицеры и солдаты, почти поголовно безсемейные, долго проживъ въ краѣ, сближались съ туземцами, роднились. Жены—„полячки“ появились не только въ русскомъ „благородномъ“ сословіи, но и въ крестьянскомъ. Эти „полячки“ стали попадаться въ деревняхъ, даже въ помѣщичьихъ. Бытовому сближенію польскаго панства и русскаго барства, за исключеніемъ религіи, почти не было помѣхъ. Наше русское дворянство прошлаго столѣтія несомнѣнно слагалось подъ значительнымъ вліяніемъ шляхетскихъ тенденцій, а поэтому и самое слово „шляхетный“ пользовалось у насъ тогда большимъ почетомъ.

Непреодолимыя затрудненія, на первыхъ порахъ, оказались при введеніи въ краѣ русскихъ судебныхъ учрежденій и почты. Введеніе этихъ учрежденій тѣмъ болѣе любопытно, что наши источники проводятъ параллель между существовавшими въ краѣ та-

ковыми же учрежденіями польскими и нашими, вводимыми вновь. Какъ мы видѣли, въ моментъ присоединенія Литвы, еще до образованія губерній, прежній порядокъ судопроизводства почти оставлялся въ томъ видѣ, въ какомъ онъ существовалъ до конституціи 3-го мая, съ нѣкоторыми лишь измѣненіями. Прежніе литовскіе суды были двухъ родовъ: низшіе и высшіе. Къ первымъ принадлежали суды: *земскіе*, *гродскіе*, *подкоморскіе*, *магистраты*, *ассесоріальные*; послѣдніе учреждены были спеціально для разбора дѣлъ о преступленіяхъ по должности чиновъ, служащихъ въ магистратахъ и городскихъ судахъ. Земскіе суды преимущественно назначались для дѣлъ гражданскихъ и состояли изъ лицъ, выбранныхъ на всю жизнь; эти суды собирались 3 раза въ годъ и засѣдали впродолженіи 6-ти недѣль (каденціи). Гродскіе суды собственно назначались для дѣлъ уголовныхъ и состояли изъ лицъ, избираемыхъ воеводами и судными старостами; суды эти открывались въ первыхъ числахъ каждаго мѣсяца и продолжались двѣ недѣли. Въ январѣ 1792 г., стало быть, передъ Торговицкою конфедераціей, земскіе и гродскіе суды были замѣнены *земянскими*, причемъ было положено избирать судей только на 4 года. Польское судоустройство всегда сопровождалось судоговореніемъ, а поэтому и сословіе адвокатовъ, такъ называемая *палестра*, было значительно, а занятія ихъ весьма прибыльны. Высшую судебную инстанцію составлялъ Литовскій Трибуналъ. Общія гражданскія и уголовныя дѣла вчинались въ первыхъ трехъ судахъ, — земскихъ, городскихъ и подкоморскихъ, — гдѣ и рѣшались окончательно; на разсмотрѣніе въ литовскій трибуналъ они восходили не иначе, какъ по *позывамъ*, по жалобѣ истца. Съ учрежденіемъ въ Гроднѣ Верховнаго Литовскаго Правленія, рѣшенія трибунала по такимъ уголовнымъ дѣламъ, которыя влекли за собою лишеніе чести, жизни или торговую казнь, представлялись на ревизію этого правленія, съ производствомъ всего дѣла. Прежде слѣдственыя дѣла о преступленіяхъ должностныхъ лицъ разсматривались и рѣшались трибуналомъ; теперь ихъ предоставили Верховному Правленію. Ассесоріальный судъ совсѣмъ былъ упраздненъ, а на мѣсто его учрежденъ былъ въ Вильнѣ надворный судъ. Прежде слѣдствія по дѣламъ гражданскимъ и уголовнымъ производились безразлично членами самыхъ же судовъ, по выбору тяжущихся сторонъ; каждая сторона имѣла право выбрать по три слѣдователя, которые и получали отъ нея условленное вознагражденіе; члены судовъ приводили также въ исполненіе и самые приговоры, получая и за это

вознагражденіе отъ истца. Употребленіе гербовой бумаги въ литовскихъ судахъ совсѣмъ не было. Все это, по присоединеніи края, отмѣнялось. Прежде, всѣ вообще денежныя дѣла (векселя, контракты, явочныя и пр.) производились во всякомъ судѣ, гдѣ кто пожелаетъ, что и называлось у туземцевъ *судомъ повсемѣстнымъ* (forum ubiquinarium); по этимъ дѣламъ аппелляціи не допускались. Прежде Литовскій Трибуналъ, какъ высшая судебная инстанція въ краѣ, изъ Гродно переѣзжалъ въ Вильну; но съ 1793 г., послѣ 2-го раздѣла, его перевели въ Гродно. Прежде маршалъ трибунала получалъ отъ казны 12 тыс. польскихъ злотыхъ (3 тыс. руб.) жалованья, которое давалось ему на устройство судебной камеры, на содержаніе канцеляріи, инвестигатора (слѣдователя), вознаго (пристава), на прокормъ депутатовъ, т. е. выборныхъ на сеймахъ присяжныхъ засѣдателей, во время продолжительныхъ сессій и на покрытіе издержекъ во время переѣздовъ изъ Гродна въ Вильну и обратно; съ 1791 г. обязанности возныхъ перешли къ земскимъ судамъ. Прежде, евреи во всѣхъ своихъ дѣлахъ, за исключеніемъ религіозныхъ, зависѣли отъ воеводъ и судовыхъ старостъ. Всѣ эти прежніе порядки отмѣнялись, и о евреяхъ совсѣмъ забыли: кому ихъ вѣдать? Въ вопросѣ о судоустройствѣ новое правительство дѣйствовало нерѣшительно; но уже въ 96-мъ году было очевидно, что Литовскій Трибуналъ будетъ уничтоженъ. Это доказывается высочайшимъ повелѣніемъ того же указа 8-го августа (впрочемъ, не совсѣмъ исполненнаго) объ учрежденіи въ Вильно *гражданскаго департамента старыхъ* литовскихъ дѣлъ, изъ 6 дворянскихъ засѣдателей. Недовѣріе къ прежнимъ судамъ русское правительство выразило также строгимъ подчиненіемъ ихъ прокурорскому надзору, сдѣлавъ для нихъ обязательнымъ веденіе журналовъ и ежемѣсячные подробные рапорты прокурорамъ. Отсутствіе прокурорскаго надзора, смѣшеніе властей судебной и исполнительной, правъ польскаго, литовскаго и магдебургскаго (для городовъ), дѣйствительно составляли больное мѣсто литовской юрисдикціи; но гласность суда, адвокатура, простота пріемовъ дѣлали его, съ другой стороны, легче и удобнѣе суда русскаго, съ неразлучными его аттрибутами — канцелярской тайной и бумагописаніемъ. Такъ именно взглянули на судебное дѣло русскіе современники, ставшіе лицомъ къ лицу съ польскою жизнію, такъ взглянулъ и виленскій губернаторъ Яковъ Иван. Булгаковъ, смѣнившій Тормасова (при Павлѣ). „Сіи формы" (бюрократическія), пишетъ онъ Репнину, совсѣмъ здѣсь неслыханныя, *доведутъ до от-*

чаянія, письмо умножатъ, дѣлами не только не поспѣшатъ, но помѣшаютъ имъ; и какъ всѣ здѣсь служатъ безъ жалованья и безъ надежды что получить, какъ то: староства, чины, ленты, — то на будущій гласный судъ никто не пойдетъ въ депутаты. Сверхъ того, кому вести сіи журналы? Прокуроровъ нигдѣ нѣтъ, а поручить писарю или одному изъ депутатовъ, было бы тоже самое, что посѣять между ними корень непріязни, доносовъ, жалобъ и самыхъ тяжбъ. Въ трибуналѣ и совсѣмъ сего исполнить нельзя; ибо часто сидятъ они по нѣскольку дней и ночей сряду и даже тутъ, не выходя, ѣдятъ: то какъ отъ нихъ требовать, чтобы въ слѣдующій день собирались въ 8 часовъ! И въ чемъ же сохранятся прежніе литовскіе суды и права (*въ которыхъ однако былъ великій порядокъ, безъ мѣсячныхъ рапортовъ и дневной записки о присутствіи*), когда сими формами все ихъ образованіе нарушается"? Но тотъ же Булгаковъ, наблюдатель умный и просвѣщенный, изображаетъ яркими чертами и оборотную сторону той же самой медали: „Жители здѣшняго края", говоритъ онъ въ другомъ письмѣ къ Репнину, „такъ привыкли, подъ польскимъ правленіемъ, къ ябедничеству, что когда въ тяжбахъ видятъ несправедливость на своей сторонѣ, то стараются избѣгать отъ суда: на оный, по позывамъ, не являются; даютъ себя заочно осуждать и потомъ стараются въ другихъ судахъ тоже дѣло вновь начинать, или бросаются всюду съ жалобами, коихъ, безъ строгаго изысканія, ни какъ разрѣшить не можно. Въ три мѣсяца моей здѣсь бытности перешло таковыхъ жалобъ чрезъ мои руки до двухъ тысячъ,—и я въ семъ великомъ числѣ не нашелъ ста, кои бы были основательны. Между прочимъ, почти всякій, не довольствуясь обыкновеннымъ теченіемъ судопроизводства, основаннаго на здѣшнихъ законахъ, требуетъ, чтобы его тяжба была судима прежде всѣхъ другихъ, по порядку въ реэстрахъ вписанныхъ; или бы, когда суды кончили свои каденціи, приказано было имъ нарочно для одного его дѣла собраться; или бы, наконецъ, дѣло было совсѣмъ перенесено въ судъ другаго повѣта, когда онъ не предвидитъ, что въ надлежащемъ мѣстѣ можетъ его выиграть. Когда же декретъ по самой справедливости уже воспослѣдовалъ, осужденный никогда ему добровольно не повинуется, а надлежитъ опять его позвать въ судъ за неисполненіе... Сверхъ того, большая половина обывателей литовскихъ, по склонности ихъ къ ябедѣ и по бѣдности своей, не оставляя и миролюбивыхъ въ покоѣ, стараются заводить тяжбы съ богатыми, какъ въ надеждѣ что-либо получить, не имѣя сами ничего потерять, такъ и будучи поджигаемы адвокатами, коихъ здѣсь великое множество и коихъ все искуство состоитъ въ томъ, чтобы запутать дѣло и протянуть его: ибо, при концѣ тяжбъ, обыкновенно имѣніе тяжущихся переходитъ въ ихъ руки до такой степени, что теперь есть не мало такихъ адвокатовъ, кои, не имѣя сначала ничего, въ короткое время симъ ремесломъ пріобрѣли на 2 и на 3 милліона злотыхъ, покупали деревни и сдѣлались старостами, какъ-то — воеводами и кастелянами". Подобныя явленія отнюдь не были продуктомъ раціональности судебныхъ учрежденій, а какъ неизбѣжное слѣдствіе польской безурядицы, болѣзни польскаго государственнаго организма. Русское правительство, мы сказали, не рѣшительно относилось къ судебному вопросу,—иначе и быть не могло: изъять изъ употребленія Литовскій Статутъ было рѣшительно невозможно, потому что не чѣмъ было замѣнить его, за неимѣніемъ русскаго кодекса, русскихъ юристовъ. Уже нечего и говорить о томъ, что точно также не было никакой возможности отстранить отъ юрисдикціи мѣстный элементъ, неотстраняемый отъ участія въ судѣ и въ самой имперіи; но вопросъ *гдѣ* и *кому* избирать депутатовъ, при естественномъ упраздненіи сейма и сеймиковъ,—оставался не рѣшеннымъ, ибо предполагавшіяся къ открытію дворянскія собранія были далеко не то, что сеймики. Подчиненіе суда администраціи, трибунала Верховному Литовскому Правленію, естественно, не могло уничтожить коренный недостатокъ стараго суда,—смѣшеніе властей судебной и исполнительной. Мало могло помочь судебному дѣлу и назначеніе на секретарскія и канцелярскія должности студентовъ (вѣроятно учениковъ кіевской академіи) — Малоруссовъ и Бѣлоруссовъ, о чемъ такъ заботился князь Репнинъ; ибо даже вопросъ—*какимъ образомъ* достать судей, если бы и тотчасъ введены были въ краѣ наши гражданскія и уголовныя палаты?—оставался не рѣшеннымъ. Въ странѣ исключительно — дворянской, помѣщичьей, не легко было ввести въ Литвѣ наши государственныя учрежденія о дворянствѣ, при тѣхъ несомнѣнныхъ приманкахъ, которыя онѣ имѣли для туземцевъ. Были и прежде въ Литвѣ, какъ и во всей Польшѣ, повѣты (наши уѣзды); были повѣтовые маршалы, наши уѣздные предводители дворянства, конечно, также выбранные, но остававшіеся въ своемъ званіи *на всю жизнь;* но губернскаго маршала, или нѣчто въ родѣ нашихъ губернскихъ предводителей дворянства, не было. А между тѣмъ губернскій предводитель дворянства, въ новыхъ русскихъ провинціальныхъ учрежденіяхъ, кишащихъ дворянскимъ людомъ, былъ

нуженъ на каждомъ шагу,—какъ представитель высшаго сословія, администраторъ, во многихъ случаяхъ помощникъ губернатора (напр. по дѣламъ приказовъ общественнаго призрѣнія, рекрутскаго набора), членъ разныхъ коммисій и проч. и проч.! Но откуда его взять, какъ и на какой срокъ выбрать,—при невозможности допущенія въ ту тревожную пору панскихъ съѣздовъ и собраній, было не празднымъ вопросомъ. Безъ всякаго сомнѣнія, русскіе передовые люди того времени, какъ кн. Репнинъ и Булгаковъ, организаторы края, убѣждаясь на практикѣ въ недостаточности, въ незрѣлости русскихъ государственныхъ учрежденій, въ незрѣлости ихъ настолько, что бы пересоздать, расплавить въ себѣ таковыя же учрежденія польскія, теряли головы. Само собою разумѣется, что въ Петербургѣ, высшія правительственныя лица смотрѣли на это иначе, легче; по незнакомству съ краемъ, по сознанію русскаго государственнаго всемогущества, которымъ были проникнуты до мозга костей наши дѣды и прадѣды, эти мѣстныя затрудненія могли считаться ничтожными, могли быть принимаемы, и принимались за трусость (передъ *какими-нибудь поляками)!* Незнакомство съ краемъ и нѣкоторая легкость воззрѣнія на новую ассимиляторскую дѣятельность, представшую Россіи (до сихъ поръ такая дѣятельность была у насъ на востокѣ), доводили до вещей диковинныхъ. Разрушая старые порядки, упраздняя прежнія должности и самыя ихъ наименованія, оставили, напримѣръ, *повѣтовыхъ хорунжихъ*, созывавшихъ въ прежнее время *посполитое рушенье* (поголовное ополченіе), въ качествѣ судей, по дѣламъ гражданскимъ, и посредниковъ между помѣщичьими и казенными крестьянами. Уничтожая трибуналъ, не шутя заботились, что дѣлать съ персоналомъ *возныхъ*, которыхъ набралось до 200 человѣкъ!..

Устройство почтовой части было поручено Репнинымъ спеціально виленскому (потомъ литовскому) вице-губернатору, полковнику Фризелю. Выборъ этотъ былъ самый счастливый: человѣкъ, какъ видно, очень умный и любознательный, Фризель собралъ такія интересныя свѣдѣнія по почтовой части, такъ занялся устройствомъ ея, какъ никто изъ помощниковъ литовскаго генералъ-губернатора. Приводимъ, подлинными словами, мнѣніе его о польскихъ почтахъ:

„Всякій, путешествовавшій въ Польшѣ, изъ опытности позналъ, что *почтовыя въ Польшѣ и Литвѣ учрежденія такъ были хороши как лучше желать нельзя* [1]. Письменная почта и эстафеты текли весьма исправно и скоро; курьеры и проѣзжающіе безостановочно по всѣмъ почтовымъ дорогамъ находили весьма хорошихъ лошадей, а съ сими удобствами сопрягалась еще и та выгода, что казна государственная къ содержанію почтъ не употребляла никакихъ расходовъ, ниже земля какія-либо издержки; но, напротивъ, многіе люди изыскивали въ томъ избыточное себѣ пропитаніе, а его величество король польскій, за всѣми, на содержаніе почтовыхъ чиновниковъ расходами, имѣлъ въ годъ чистаго дохода до 80-ти тысячъ польскихъ злотыхъ. Одно, что можетъ быть почитаемо отяготительнымъ, состоитъ въ томъ, что платежъ прогонныхъ денегъ былъ дорогъ—по 30 к., за лошадь на милю и, сверхъ того, посторонніе расходы; но сію тягость несъ только тотъ, кто употреблялъ почту. Послѣдовавшія въ Польшѣ безпокойствія, раздробившія цѣлость сего государства, разрушили и почтовыя въ Литвѣ учрежденія. Большая часть почто-содержателей, отъ, въ военное время, неизбѣжныхъ послѣдствій, не только лишилась всѣхъ почти содержимыхъ ими лошадей, но и почтовые домы у многихъ сожжены или до основанія раззорены“.

Главное почтовое правленіе въ Рѣчи Посполитой находилось въ Варшавѣ, подъ вѣдомствомъ котораго состояли всѣ почтовыя учрежденія республики. Литва была раздѣлена на три почтовыхъ округа, администрація коихъ находилась въ Вильнѣ, Гроднѣ и Ковнѣ. По городамъ, мѣстечкамъ и деревнямъ были учреждены почт-коммисары, или содержатели *состоли* (станцій), обязанные черезъ каждые три мѣсяца представлять своему окружному начальству вѣдомости и отчеты о почтовомъ доходѣ, а окружной почтамтъ главному почтовому правленію въ Варшавѣ. Окружные почтмейстеры получали казенное жалованье, имѣли секретаря, также содержимаго на счетъ казны, а, сверхъ того, пользовались нѣкоторыми доходами отъ содержанія почтъ. За отправленіе обыкновенной почты, съ частными и казенными пакетами, почт-содержатели получали за каждую милю (7 верстъ), на одну лошадь, по злотому (15 коп.); изъ этого злотаго на долю окружнаго почтмейстера и почт-содержателя отсчитывалось, въ видѣ преміи, по одному польскому грошу (½ коп.); этою преміею, впрочемъ, пользовался тотъ почт-содержатель и почтмейстеръ, гдѣ происходилъ пріемъ писемъ. Ежели на одной лошади нельзя было поднять кор-

[1]) Ту же мысль высказываетъ и путешествовавшій по Литвѣ и Польшѣ въ 1793 г. ливонецъ, см. Voyage en Pologne, t. 1. p. 38.

респонденціи, что, впрочемъ, очень рѣдко случалось, то брали портовыхъ за 2 лошади. За письма, отправляемыя во внутреннія мѣста Литвы, на разстояніи 20 миль, взималось портовыхъ за 1 лотъ по 12 грошей (6 коп.); далѣе 20-ти миль,—получатель обязывался приплачивать другіе 12 грошей. За письма, отправляемыя за границу, назначалась особая такса, причемъ половина ея платилась при подачѣ, а другая половина при полученіи письма: такъ въ Вильнѣ за отправленіе письма въ Москву, Ригу и С.-Петербургъ взималось по 75 грошей ($37^1/_2$ к.) и столько же платилъ получатель въ этихъ городахъ; въ Курляндію — по 40 грошей. Ежели въ письмѣ было болѣе лота, то бралось за 2, 3 и т. д. Деньги принимались не иначе, какъ золотою монетою и притомъ на страхъ самаго отправителя; во внутреннія мѣста съ червонца брали по 6-ти, за границу по 12-ти грошей. За отправленіе эстафеты платилось по 2 злотыхъ за каждую милю и 6 злотыхъ собственно за эстафету; эти послѣдніе шли въ пользу того почт-содержателя, откуда отправлялась эстафета, а $^1/_4$ часть, изъ 2-хъ портовыхъ злотыхъ ($7^1/_2$ коп.), поступала въ доходъ почтовой казны. За отправленіе курьера платилось за каждую лошадь по 3 злота на милю и, сверхъ того, за повозку—$1^1/_2$, за смазку колесъ—$^1/_2$ и почтарю—по 2 злотыхъ, на каждой станціи; изъ этого сбора почтовая казна получала съ каждой мили и лошади по 6-ти грошей. Пассажиры, бравшіе почтовыхъ лошадей, платили тоже самое; тоже получала и почтовая казна. Каждый почт-содержатель обязанъ былъ держать не менѣе 12-ти лошадей; большее число ихъ зависѣло отъ гоньбы. Почтовые дома и всѣ статьи почтоваго хозяйства составляли собственность содержателей; эти послѣдніе назначались по договорамъ, на срочное время. Императрица Екатерина, указомъ отъ 6 сентября 1795 г., даннымъ на имя главнаго почт-директора дѣйст. тайн. совѣтника 1-го класса, графа Александра Андреевича Безбородка, и генералъ губернатора Минскаго, Волынскаго, Подольскаго и Брацлавскаго, генералъ-аншефа Тимоѳея Ивановича Тутолмина, приказала устроить почты во вновь присоединенныхъ губерніяхъ, на основаніяхъ, существовавшихъ въ Лифляндіи, Бѣлоруссіи и С.-Петербургской губерніи, имѣя при этомъ въ виду соединеніе края со внутренними областями имперіи и проложеніе новаго, кратчайшаго пути въ Австрію,—именно: изъ С.-Петербурга въ Вѣну, чрезъ города Псковъ, Опочку, Друю, Вильну и Брестъ-Литовскій (или, какъ мы называли его тогда, Бжесць); къ Бресту же слѣдовало „вывести дорогу изъ Москвы въ Вѣну“. Издержки, потребныя для этого, предписывалось взыскивать съ обывателей, въ продолженіе 3-хъ лѣтъ, по истеченіи которыхъ дворянство должно было принять истраченную сумму на свой счетъ. Обыкновенную почту велѣно возить безплатно по 2 раза въ недѣлю, а курьеровъ и проѣзжающихъ — съ платежемъ 2-хъ коп., на версту. Князь Репнинъ, во исполненіе этого высочайшаго указа, сдѣлалъ всѣ нужныя распоряженія по ввѣренному ему краю: назначилъ, гдѣ продолжать почтовыя дороги, гдѣ устроить станціи, какое число на каждой поставить лошадей, какіе построить почтовые дома, сколько на это и на содержаніе лошадей потребуется денегъ и проч. Почтовые дома предполагалъ онъ устроить 3-хъ родовъ—большія, малыя и почтовыя корчмы. Всѣ эти предположенія, вмѣстѣ съ почтовою картою края и съ смѣтою потребной для осуществленія ихъ суммы, которую предполагалось собрать „съ литовскихъ обывателей“, были представлены генералъ-губернаторомъ на высочайшую *апробацію*, а также для разсмотрѣнія и къ почтъ-директору, съ просьбою прислать въ край „члена почтоваго вѣдомства“, для приведенія въ исполненіе составленнаго проэкта; но смерть императрицы остановила ходъ этого дѣла. Между тѣмъ, проэктированныя дороги были измѣрены и проложены; на станціяхъ были поставлены обывательскія лошади—на большихъ дорогахъ по 12, на проселочныхъ—по 6-ти, которыя мѣнялись еженедѣльно. Въ Брестѣ, Гроднѣ и Ковнѣ открыты были пограничныя, а въ Вильнѣ, Новогрудкѣ и Слонимѣ уѣздныя почтовыя конторы; за отправку писемъ ничего не платилось. Заграничная корреспонденція также пошла инымъ путемъ—черезъ Брестъ въ Люблинъ, Львовъ, Краковъ и т. д.; осталась еще не открытой одна дорога—отъ Вильны до Друи, да и то потому, что петербургская почта отправлялась за границу по прежнему черезъ Ригу, а не черезъ Псковъ. Такая поспѣшность въ учрежденіи дѣла, еще не одобреннаго высшею властію, объясняется очень просто: безъ этого, край не имѣлъ бы ровно никакихъ сообщеній; ибо прежнія, такъ называемыя *королевскія* почты, вслѣдствіе недавнихъ потрясеній, сами собою рухнули: только кое-гдѣ оставались прежніе почтъ-коммиссары (содержатели), да промышляли извозничествомъ евреи-фурманы; но этихъ перевозочныхъ средствъ было слишкомъ недостаточно и для общественныхъ потребностей,—понятно, что тѣмъ менѣе могла довольствоваться ими новая администрація. Но учрежденныя ею почты находились въ плачевномъ

состоянiи и, какъ свидѣтельствуютъ слѣдующiя слова Фризеля, ложились тяжкимъ бременемъ на народъ:

„Но какъ нарядомъ отъ земли еженедѣльно по почтовымъ станамъ выставляемыя обывательскiя лошади въ крайне худомъ состоянiи и не такъ содержатся, какъ слѣдуетъ почтовыхъ лошадей содержать, притомъ и надзора никакого нѣтъ; ибо *не кого* къ тому опредѣлить. Отчего не рѣдко случается, что крестьянинъ, высланный сегодня, противъ воли его, на почту, бывъ отвлеченъ отъ домашнихъ работъ, на завтра уходитъ; либо отвезя почту или проѣзжающаго, вмѣсто того чтобы возвратиться на станцiю, остается нѣсколько дней въ другомъ селенiи или возвращается во свояси. То, по симъ обстоятельствамъ, не можетъ быть исправности въ почтовомъ теченiи, а обыватели считаютъ величайшею для себя тягостiю высылку понедѣльно на почту лошадей“.

Польская гражданственность, какъ продуктъ всей жизни и всего государственнаго и соцiальнаго строя республики, польская просвѣтительная культура, будучи слабѣе западно-европейскихъ во всѣхъ отношенiяхъ, были крѣпче и плотнѣе нашихъ русскихъ, уже по одной своей стародавности, по непрерываемому общенiю съ западомъ. Темныя, больныя, гнилыя, наконецъ, стороны этой культуры очевидны до осязаемости, какъ очевидны мощное здоровье и крѣпость русскаго соцiальнаго организма, сталкивавшагося съ польскимъ, но еще мало воздѣланнаго цивилизацiей; параллель между ними лишь могла сулить намъ лучшее будущее, питать надежды, возбуждать къ труду; но нисколько не давала средствъ, нужныхъ для борьбы и торжества, для умерщвленiя польскаго духа, для поглощенiя его русскимъ; гнилой государственный и соцiальный организмъ, конечно не возбуждаетъ, но и не умерщвляетъ культурнаго духа. Безспорно, напримѣръ, что до учрежденiя Эдукацiонной Коммиссiи (1775 г.) польскiя училища были очень плохи и пропитаны мертвящей схоластикой (они послужили образцомъ для нашихъ духовныхъ училищъ) и самымъ узкимъ клерикализмомъ и даже ультра-монтанствомъ; но ихъ было не мало, гораздо больше, чѣмъ у насъ. Мертва и не народна была, до эпохи реформъ при Понятовскомъ, польская литература, бѣдна наука, но все же *онѣ были*, каковы ни на есть. Было, однимъ словомъ, много плохаго и гнилаго въ польской культурѣ, но она пережила, не смотря на то, политическую смерть нацiи, и только теперь, почти черезъ столѣтiе, предвидится возможность слiянiя ея съ русской. Непосредственнымъ здоровьемъ, непосредственною стихiйною си-

лою нельзя побороть культуры самой слабой и болѣзненной. Какъ ни плохи, какъ ни зловредны даже были органы, производившiе культуру польскую (iезуиты и другiе монашескiе ордена), но они неустанно работали и накопляли для нея большую массу матерiаловъ. Въ этомъ отношенiи очень важна дѣятельность двухъ коммиссiй—Госпитальной и Эдукацiонной (учрежд. 1768—1775 г. г.), съ которыми пришлось имѣть дѣло кн. Репнину и его ближайшимъ помощникамъ. Мы имѣемъ довольно подробныя свѣдѣнiя о состоянiи богоугодныхъ заведенiй въ г. Вильнѣ. Въ этомъ городѣ, столицѣ великаго княжества, находились слѣдующiя благотворительныя учрежденiя:

а) Воспитательный домъ „Iисусъ — Младенецъ“ (Dzieciatka Iezus), устроенный въ 1786 г. троцкой воеводиной, Ядвигой Огинской, урожденной Залусской, и настоятелемъ виленскихъ Миссiонеровъ, ксендзомъ Андреемъ Поэлемъ, для подкидышей и сиротъ. Въ пользу этого заведенiя Огинская уступила землю (пляцы), прилегающую къ Миссiонерскому монастырю и рѣчкѣ Вилейкѣ, а монахи пожертвовали свой домъ, находившiйся на этомъ же мѣстѣ; сверхъ того, учредительница положила въ вѣчный капиталъ (фундушъ) 150 тысячъ польскихъ злотыхъ, процентами съ коихъ (7%) должно было содержаться это учрежденiе. Впослѣдствiи, благодаря частнымъ приношенiямъ и значительнымъ вкладамъ, средства дома были весьма значительны, простираясь ежегодно болѣе чѣмъ на 236 тысячъ польскихъ злотыхъ фундуша и 29 тысячъ оборотнаго капитала (или на русскiя деньги болѣе 35 т. руб. фундуша и 4 т. р. оборотнаго капитала). Кромѣ Огинской, изъ другихъ фундушей замѣчательны: а) фундушъ ex-iезуита ксендза Яна Пильсутскаго—въ 36,830 злотыхъ; b) фундушъ княгини Пузыны—въ 30 тысячъ злот.; c) ксендза Стацевича—въ 6 т. злот.; d) особы, пожелавшей остаться неизвѣстною, — въ 6 т. злотыхъ. Въ октябрѣ 1791 г. была покончена необходимая для дома постройка зданiй, обошедшаяся болѣе 72 т. злотыхъ, и въ то же самое время въ немъ размѣстились дѣти и прислуга, числомъ 150 челов. Состоянiе дома „Iисусъ-Младенецъ“ въ 1796 г. выражается слѣдующими цифрами. Дѣтей, до 12-ти лѣтъ, воспитывалось—мальчиковъ 67 и дѣвочекъ 112; годовой доходъ — 23,370 злот. и 10 грошей, расходъ—22,935 злот., въ остаткѣ 435 злот. 10 грошей. Непосредственный надзоръ за воспитательнымъ домомъ былъ порученъ сестрамъ милосердiя. Исторiя литовскихъ фундушей, воспитательныхъ и благотворительныхъ, не лишена интереса. Такъ

ксендзъ-іезуитъ Пильсутскій, происходившій изъ дворянъ Тельшевскаго повѣта, пожертвовалъ, для воспитанія 12-ти бѣдныхъ, но благородныхъ и законнорожденныхъ дѣвицъ, „изъ собственнаго пріобрѣтенія", не только безъ обиды роду Пильсуткихъ, какъ говорится въ завѣщаніи, но и для прославленія его, — 58,322 злотыхъ; но, тѣмъ не менѣе, племянникъ завѣщателя, подкоморій Христіанъ Пильсутскій, затѣялъ процессъ съ воспитательнымъ домомъ, окончившійся мировою сдѣлкою, въ силу которой онъ обязался взнести сумму, выше названную. Дѣвицы, воспитывавшіяся на фундушъ Пильсутскаго, должны были молиться за душу своего благодѣтеля и ежедневно слушать божественную литургію. Почти всѣ вкладчики требовали отъ облагодѣтельствованныхъ ими лицъ такой же обязательной молитвы. Кормилицы въ этотъ пріютъ поступали частію по вольному найму, частію сюда посылались матери незаконнорожденныхъ дѣтей, родившія въ другихъ богадѣльняхъ. Послѣднія обязывались пробыть годъ въ пріютѣ; здѣсь обращалось особенное на нихъ вниманіе, сопровождавшееся увѣщаніями священника.

b) Госпиталь для убогихъ больныхъ, находящійся на улицѣ Савичъ и состоящій также подъ надзоромъ сестеръ милосердія, по имени которыхъ онъ большею частію и назывался. Сверхъ множества больныхъ, одержанныхъ разными недугами, (за исключеніемъ венерическихъ болѣзней, въ немъ сначала призрѣвалось значительное число подкидышей и сиротъ, которые потомъ отошли въ вѣдѣніе воспитательнаго дома „Іисусъ-Младенецъ". Въ 1795 году въ госпиталѣ Савичъ, или „Милосердныхъ Дѣвъ", по выраженію русскихъ источниковъ, призрѣвалось 1506 душъ обоего пола, изъ коихъ выздоровѣло 1251 челов., умерло 256; годовой бюджетъ его составлялъ 25,354 злота 17 грошей. Пріоръ Миссіонеровъ Андрей Поэль былъ также попечителемъ и этого госпиталя.— Оба учрежденія процвѣтали, благодаря неутомимой дѣятельности сестеръ милосердія, которыми не нахвалятся наши источники.

с) Госпиталь Св. Троицы, древнѣйшее изъ виленскихъ богоугодныхъ заведеній, состоявшее въ послѣднее время подъ управленіемъ пробоща ксендза Мартына Почобута, ректора Виленскаго университета, и его коадъютора, ксендза Тадеуша Кундзича. Эта богадѣльня призрѣвала 42 нищихъ обоего пола, издерживая на нихъ ежегодно 3,276 злотыхъ, или по 45 грошей въ недѣлю на каждаго человѣка, кромѣ отопленія и освѣщенія. Польскій король Сигизмундъ I, въ 1536 г., предоставилъ Троицкому госпиталю сборъ

съ моста черезъ р. Вилію, соединяющаго городъ съ предмѣстіемъ Снипишки и извѣстнаго теперь подъ именемъ *Зеленаго*. Этотъ даръ былъ подтверждаемъ всякій разъ его преемниками, изъ которыхъ Янъ III Собѣсскій, сверхъ того, въ 1684 г. подарилъ пробощу домъ для жительства и назначилъ ему за труды ежегодное жалованье, по 400 злотыхъ. Пробощъ долженъ былъ имѣть непосредственное наблюденіе надъ призрѣваемыми нищими, распоряженіе же доходами съ моста и домовъ, принадлежавшихъ этому учрежденію, предоставлялось ему лишь совмѣстно съ городскимъ магистратомъ. Почобутъ сталъ блюстителемъ госпиталя съ 1780 года. Вопреки конституціи, по которой никто, кромѣ короля, не въ правѣ дѣлать никакихъ перемѣнъ въ устройствѣ этой богадѣльни, Почобутъ заключилъ условіе съ виленскимъ магистратомъ, по силѣ котораго послѣдній уступалъ ему 1/3 часть доходовъ и предоставилъ каменный домъ для жительства, съ ремонтомъ изъ остальныхъ двухъ частей. Эта противузаконная сдѣлка была причиною многихъ безпорядковъ и произвела ссору между Почобутомъ и городовымъ магистратомъ, прекращенную уже Репнинымъ.—Подробности устройства слѣдующихъ богоугодныхъ заведеній намъ менѣе извѣстны: d) госпиталь, для больныхъ мужчинъ и сумасшедшихъ,—ксендзовъ Бонифратровъ; е) госпиталь для больныхъ и бѣдныхъ обоего пола, куда въ послѣдствіи времени стали принимать и зараженныхъ венерическими болѣзнями,—подъ надзоромъ ксендзовъ—Рахлитовъ; f) госпиталь Св. Петра и Павла для бѣдныхъ обоего пола, подъ надзоромъ ксендзовъ — каноников Антокольскихъ; g) госпиталь Св. Іосифа и Никодима для больныхъ калѣкъ и немощныхъ обоего пола, подъ надзоромъ ксендза-пробоща Прушковскаго; h) госпиталь Св. Маріи Магдалины, учрежденный для той же цѣли, подъ надзоромъ ксендза—пробоща Мосѣвича; i) госпиталь Спасская и к) братство каплицы Божьяго Тѣла, учрежденное съ тою же цѣлію и находившееся подъ вѣдѣніемъ виленскаго городоваго магистрата; l) госпиталь св.св. Филиппа и Іакова, учрежден. съ тою же цѣлію на предмѣстьи Лукишкахъ, подъ надзоромъ ксендзовъ Доминикановъ. Въ этотъ послѣдній госпиталь принимались также беременныя женщины и такъ называемыя „секретныя родильницы"; здѣсь же, для желающихъ, читались лекціи акушерства. Сверхъ того, въ вѣдѣніи Госпитальной коммисіи находилось: а) въ уѣздѣ Виленскомъ — 2 богадѣльни; b) въ Завилейскомъ, теп. Свянцанскомъ — 2; с) въ Трокскомъ—2; d) въ Ковенскомъ—1; е) въ Ошмянскомъ—3; f) въ Тельшевскомъ—7

g) въ Россіенскомъ — 1; h) въ Шавельскомъ — 3 богадѣльни. Въ устройствѣ этихъ богадѣлень главное участіе принимало мѣстное р. католическое духовенство, при содѣйствіи помѣщиковъ. Вообще въ Виленской губерніи, по русскимъ источникамъ, призрѣвалось въ 1796 г. нищихъ убогихъ и сиротъ 3,976 душъ обоего пола (3256 женщинъ).

Изъ этого очерка видно, что общественная благотворительность въ краѣ была значительно развита и что духовенство играло въ этомъ дѣлѣ самую почтенную роль. Изъ названныхъ выше виленскихъ госпиталей только Савича, или „Милосердныхъ Дѣвъ“, да Бонифратовъ имѣли три фольварка (Яшуны, Бялуны и Тукштуны); остальныя, мелкія богадѣльни содержались частными подаяніями, складками и доходами съ воспитальныхъ домовъ и „пляцовъ“, распредѣляемыми между ними коммисіей. Каменныхъ домовъ, пожертвованныхъ въ пользу бѣдныхъ, находилось въ г. Вильнѣ 13; но изъ числа ихъ только 5 приносили доходъ; 4 были заняты бѣдными и больными, одинъ — ректоромъ Почобутомъ, 2 находилось въ спорномъ владѣніи, остальные — въ запустѣніи. Вообще всякаго рода потрясенія, испытанныя краемъ въ послѣдніе годы, самымъ разрушительнымъ образомъ отозвались и на мѣстной благотворительности. Какъ истинный масонъ, князь Репнинъ отнесся къ этому дѣлу самымъ сочувственнымъ образомъ, безъ малѣйшей подозрительности, которую обнаружилъ онъ къ другому, родственному дѣлу,—къ общественному воспитанію, къ коммиссіи Эдукаціонной. Еще 13 августа 1795 г. князь Репнинъ возобновилъ Госпитальную коммиссію, составивъ ее изъ 6-ти членовъ, на половину изъ свѣтскихъ и духовныхъ, подъ предсѣдательствомъ виленскаго губернатора, давъ ей особую инструкцію, состоящую изъ слѣдующихъ пунктовъ: „1) отыскивать забытые и утраченные доходы, или фундуши, а оставшіеся безъ взысканія—взыскивать; 2) завести во всѣхъ госпиталяхъ порядокъ и правильное хозяйство; 3) по мѣрѣ открытыхъ доходовъ, или фундушей, содержать извѣстное число бѣдныхъ, или увѣчныхъ, немощныхъ и больныхъ; 4) завѣдывать всѣми фундушами и доходами, принадлежащими госпитателямъ, и имѣть за ними надзоръ и попеченіе“. Коммиссія горячо принялась за порученное ей дѣло и въ іюлѣ 1796 г. вошла съ представленіемъ къ генералъ-губернатору, прося его дозволенія на отдачу въ вѣчный чиншъ домовъ и площадей, принадлежавшихъ бѣднымъ. Эти дома, съ обязанностію ихъ исправленія, отданы были, по приказанію князя, съ пу-

бличныхъ торговъ въ наймы разнымъ лицамъ,—мѣра, оказавшаяся до такой степени выгодной, что доходы коммиссіи значительно увеличились; ихъ доставало не только на ординарные расходы, но хватило и на построеніе генеральнаго госпиталя, возникшаго, по мысли генералъ-губернатора, за городомъ. Въ томъ же мѣсяцѣ прибылъ въ Вильну самъ Репнинъ и подробно осмотрѣлъ не только всѣ госпитали, но площади и дома, принадлежавшіе коммиссіи. Домъ, занимаемый Почобутомъ, также былъ отданъ въ наймы, болѣе чѣмъ за 2 т. злотыхъ. Его претензіи на городской магистратъ и на госпитальную коммиссію были уничтожены слѣдующей резолюціей генералъ-губернатора, написанной на докладѣ коммиссіи: „Всѣ прежде бывшіе въ Польшѣ безпорядки взыскиваемы быть не могутъ, а слѣдуетъ ихъ только прекратить; слѣдственно, предъявленные разсчеты за прежнее время взаимно должны быть уничтожены. И если на сіе (Почобутъ) не согласится и вопреки что-либо предприметъ, то, отрѣшивъ его отъ сего мѣста, отправить въ духовное правленіе, а на мѣсто его опредѣлить, законнымъ порядкомъ, другого достойнаго и рачительнаго о больныхъ пробоща“.

Выше мы говорили о распредѣленіи средствъ, какими располагала въ Литвѣ Эдукаціонная Коммиссія и о числѣ содержимыхъ ею учебныхъ заведеній и учащихся. Учрежденіе этой коммиссіи (подъ предсѣдательствомъ виленскаго епископа кн. Масальскаго) имѣло самую благую цѣль — коренное преобразованіе польскаго просвѣщенія, на началахъ раціональныхъ и патріотическихъ. Правда, тревожныя событія послѣднихъ 20-ти лѣтъ не привели къ этой цѣли: но реформа все же принесла за собою важныя измѣненія въ складѣ польскаго образованія и литературы. Польская литература радикально измѣняется; она сбрасываетъ съ себя псевдоклассическую форму и принимаетъ романтически-гуманное направленіе, во вкусѣ французскихъ философовъ конца XVIII в. Читающее общество начинаетъ питаться либеральными идеями великой эпохи. Монтескье, Гельвецій, классики, французскіе журналы и брошюры, по замѣчанію современника остзейца [1], наиболѣе читались тогдашнимъ польскимъ обществомъ; исторія, политическая экономія, политическое право сдѣлались любимыми предметами польскаго учащагося юношества [2]; воспитаніе, дававшееся въ варшавскомъ кадетскомъ корпусѣ, по самому безпристрастному

1) Voyage en Pologne, t. 1, p. 312.

2) Лелевель, Panowanie St. Aug. Poniatow., стр. 74.

мнѣнію, считается образцовымъ [1]). Новая генерація людей не могла создаться вдругъ (тѣмъ болѣе нельзя было разсчитывать на это при statu-quo польской республики), но новыя либеральныя начала стали входить въ жизнь, стали дѣлаться достояніемъ не однихъ диллетантовъ прогресса, какими были польскіе паны. Такъ или иначе, хорошо или дурно, но педагогическая дѣятельность монашескихъ орденовъ приносила пользу дѣлу, хотя бы и не глубокаго просвѣщенія; не мѣшали такому просвѣщенію и ихъ ожесточенная вражда, какъ іезуитовъ съ піарами и академіями (университетами). За іезуитами, не смотря на разсѣяваемое ими зло, слава опытныхъ педагоговъ остается нерушимой; воспитательная дѣятельность піаровъ, конечно, была не столь зловредна, какъ представилъ ее кн. Репнинъ. Что касается собственно до Литвы, то, помимо обще-польскихъ факторовъ просвѣщенія, слишкомъ 200-хъ лѣтнее существованіе (съ 1570 г.) Виленской академіи, или университета, не смотря на неблагопріятные для него перевороты, оставило глубокій слѣдъ въ этой странѣ; общія реформы коснулись и его, и хотя также не могли привести къ послѣдней цѣли, но литовско-польская alma mater, подобно литературѣ, стала дѣйствовать отрезвляющимъ и возбуждающимъ образомъ. Естественно, что, вслѣдствіе послѣднихъ событій, учебно-воспитательныя заведенія, существовавшія въ краѣ, должны были распасться сами собою; должна была прекратить свою дѣятельность и Эдукаціонная коммиссія, какъ прекратила ее Госпитальная; но ничего похожаго на возобновленіе первой при императрицѣ Екатеринѣ II, какъ была возобновлена послѣдняя, не случилось, хотя, съ другой стороны, никакого правительственнаго акта, уничтожавшаго польскія учебныя заведенія, не было: ихъ просто не возстановили, не реорганизировали (подобно богоугоднымъ заведеніямъ), а оставили in statu-quo ихъ запустѣнія. Не возстановили и не реорганизировали, конечно,—по неимѣнію средствъ и способовъ; а не по одной панической подозрительности къ польскому просвѣщенію, къ чему были не способны первые русскіе люди и противъ чего недовѣріе къ піарамъ еще не можетъ служить опроверженіемъ: можно было въ одно и тоже время и подозрѣвать тенденціозность піарскаго воспитанія, и желать воспитанія и образованія не тенденціознаго,

[1]) Костомаровъ, Послѣд. Годы Р. Поспол., стр. 124—125. Здѣсь же представлена правдивая характеристика лучшихъ сторонъ польскаго образованія, которое естественно, само собою, не могло спасти Польшу.

а раціональнаго, гуманнаго, наконецъ, просто—космополитическаго; ибо обличать въ вандализмѣ и мраколюбіи такихъ завѣдомыхъ (съ узкой и дикой точки зрѣнія) полонофиловъ, какими были Репнинъ и Булгаковъ, было бы крайне абсурдно. Не возстановили учебныхъ заведеній потому что, a) не имѣли своихъ довѣренныхъ, русскихъ людей, спеціально знакомыхъ съ учебною частію, b) отложили дѣло на будущее, въ надеждѣ съ нимъ справиться потомъ, послѣ какимъ нибудь образомъ его регулировать. Недостатокъ въ способныхъ, просвѣщенныхъ людяхъ былъ поразительный: напримѣръ, изъ числа ихъ не нашлось ни одного способнаго сдѣлать (вслѣдствіе высочайшаго требованія) карту Литовской губерніи (дѣло было уже при Павлѣ), а потому обратились къ поляку Хоментовскому. Возстановить учебныя заведенія въ то время, конечно, значило—пустить ихъ въ ходъ съ тѣмъ же механизмомъ, при томъ же педагогическомъ и учебномъ персоналѣ (т. е. совершенно польскомъ); иначе ничего не могло быть. Въ краѣ, гдѣ не одно уже столѣтіе существовало образованіе (закалъ его —вещь второстепенная), гдѣ дѣйствовали столь же долго польская и литература и наука (характеръ ихъ — статья особая), — была бы химерою попытка одолѣть ихъ сразу, средствами русской культуры, науки и литературы, едва нарождавшихся: кромѣ административнаго надзора, ничего иного не оставалось дѣлать на этомъ поприщѣ, ибо нельзя же было цѣликомъ ввести въ край нашу тогдашнюю систему народныхъ училищъ, едва десять лѣтъ просуществовавшую у самихъ. Вообще, независимо отъ всякаго рода затрудненій, спѣшить съ педагогическимъ и просвѣтительнымъ дѣломъ, при нашемъ слабосиліи, не было возможности; могли быть разсчеты и на космополитизмъ іезуитовъ, успѣшно дѣйствовавшихъ въ Бѣлоруссіи. Присоединеніе отъ Польши той мѣстности, къ обозрѣнію которой непосредственно относится наша монографія, совершилось въ два послѣдніе, слабые, года царствованія престарѣлой императрицы. Судьба Польши, т. е. рѣшеніе ея участи, дѣйствительно была въ рукахъ Екатерины, — и въ этомъ отношеніи взглядъ ея, образъ ея дѣйствій поражаютъ необыкновенною ясностію, смѣлостію и неумолимою логическою послѣдовательностію, признаками ума великаго. Но за тѣмъ въ вопросѣ о дальнѣйшей судьбѣ присоединеннаго края, т. е. о средствахъ *прочнаго* его слиянія съ имперіей, Екатерина не сказала своего послѣдняго слова,—и вѣрнѣе всего потому, что сама еще его не знала. Несомнѣнно, что эта геніальная женщина не была бы не только виленской

помѣщицей, но и великой княгиней Литовской, какъ не захотѣла она быть помѣщицей Курляндской; но затѣмъ, далѣе......, высокопоставленный и мужественно обороняемый государственный интересъ нисколько не упразднялъ соціальныхъ, экономическихъ и культурныхъ затрудненій, неразлучныхъ съ присоединеніемъ польскихъ провинцій, затрудненій и до сихъ поръ еще не совсѣмъ упразднившихся. Екатерина II несомнѣнно предвидѣла эти затрудненія, несомнѣнно направила бы мѣстную жизнь по пути, ведущему къ конечной цѣли всякаго присоединенія чужихъ провинцій; но еще болѣе несомнѣнно, что и она не дождалась бы результатовъ, если бы и могла процарствовать еще четверть вѣка. Несомнѣнно, что для расхлебанія заварившейся каши она избрала бы иныя средства чѣмъ тѣ, къ которымъ прибѣгнули ближайшіе ея пріемники; но обвинять этихъ послѣднихъ въ какомъ-то отступничествѣ отъ ея предначертаній будетъ исторической неправдой: эти культурныя, ассимилирующія предначертанія никѣмъ не были формулированы, а въ моментъ присоединенія онѣ могли быть развѣ въ гаданіи; да, наконецъ, какая польза въ самыхъ благихъ предначертаніяхъ, когда они не прилаживаются къ живой дѣйствительности, когда не достаточно одной доброй воли для того, чтобы провести ихъ въ жизнь!

Для оцѣнки нашей ассимиляторской дѣятельности въ доставшейся на нашу долю Польшѣ необходимо, хотя въ общихъ чертахъ, познакомиться съ такою же дѣятельностію прусскихъ нѣмцевъ *). Тотчасъ же послѣ перваго раздѣла (1772), Фридрихъ Великій обратилъ самое заботливое вниманіе на благоустройство и германизацію польскихъ провинцій, доставшихся на долю Пруссіи. Вотъ что было при немъ сдѣлано. А) Осушены болота на огромномъ пространствѣ земли и укрѣплена песчаная почва посѣвами разныхъ растеній; такими средствами достигли того, что доселѣ безлюдныя мѣста стали пригодными для обитанія; ихъ отдавали нѣмецкимъ колонистамъ. В) Всѣ староства были отобраны въ казну съ опредѣленнымъ отъ правительства вознагражденіемъ тѣмъ помѣщикамъ, которые дали присягу, и съ освобожденіемъ крестьянъ отъ

*) Нужныя для этого свѣдѣнія извлекаемъ изъ сочиненія Ратча «Свѣдѣнія о польскомъ мятежѣ 1863 г. въ с. западной Россіи (Т. II., гл. XVI, стр. 168 — 250)». Нельзя не пожалѣть, что богатые матеріалы, которыми пользовался авторъ, не достались рукамъ болѣе опытнымъ какъ въ исторической критикѣ, такъ и вообще въ литературномъ дѣлѣ.

крѣпостной зависимости. С) Помѣщики - католики платили поземельнаго налога (не въ видѣ, впрочемъ, контрибуціи) 5% болѣе помѣщиковъ-лютеранъ. Д) Хотя крѣпостное право не было уничтожено, но всѣ крестьяне, безъ различія исповѣданій, обложены были налогомъ въ $33^{1}/_{3}$%,— обстоятельство, заставившее пановъ обратить серьезное вниманіе на крестьянскіе участки. Е) Учрежденъ былъ банкъ для полученія выгодныхъ ссудъ, подъ залогъ поземельной собственности,— косвенная мѣра, ускорившая разореніе польскихъ помѣщиковъ, такъ какъ банкъ былъ снисходителенъ лишь при выдачѣ ссудъ, но неумолимъ при взысканіяхъ; имѣнія разорившихся пановъ покупали нѣмцы, получая отъ правительства, для этой цѣли выгодныя субсидіи. Е) Учреждено было 187 народныхъ училищъ (104 нѣмецкихъ и 83 польскихъ), причемъ послѣднія устраивались лишь въ мѣстностяхъ, почти сплошь населенныхъ поляками; при учрежденіи училищъ и при составѣ педагогическаго персонала обращено было особое вниманіе на то, чтобы всячески стараться перемѣшать нѣмцевъ съ поляками. F) Прусское законодательство получило вездѣ преобладающее значеніе. G) Вся высшая администрація провинцій находилась въ рукахъ нѣмцевъ; чиновники поляки занимали только самыя низшія должности. Послѣ 3-го раздѣла Польши, въ министерство графа Гайма, опять продолжается (пріостановившійся было по смерти Фридриха II) рядъ энергическихъ мѣръ, предпринятыхъ для германизаціи польскихъ областей. Изъ нихъ замѣчательны: а) всѣ конфискованныя имѣнія были розданы частнымъ лицамъ и чиновникамъ—нѣмцамъ, за весьма низкую плату; б) всѣ бывшіе староства, имѣнія монастырскія, принадлежавшія благотворительнымъ учрежденіямъ и эдукаціонному фундушу и поіезуитскія были также конфискованы и розданы исключительно нѣмцамъ, помѣщикамъ и арендаторамъ; изъ этихъ имѣній 1 тысяча была сдана въ аренду, болѣе 200 были проданы, съ разсрочкою платежей, и 241—пожалованы. с) Цѣнность пожалованныхъ имѣній уменьшена, противъ ихъ дѣйствительной стоимости, болѣе чѣмъ въ 6 разъ, — для сохраненія видимаго равенства между старыми и новыми помѣщиками, обложенными одинаковыми поземельными налогами; пожалованныя имѣнія было запрещено продавать уроженцамъ польскимъ. д) Въ помѣщичьихъ имѣніяхъ, кромѣ суда панскаго, назначался, въ помощь ему, судъ коронный, въ лицѣ особыхъ чиновниковъ юристовъ. е) Шляхта и дворянство, вступая въ ряды прусскаго войска, не имѣли возможности подниматься на верхнія ступени слу-

жебной іерархіи. f) Нѣмецкіе чиновники, явившіеся на службу въ бывшія польскія провинціи, въ первый годъ своего пребыванія получали въ прибавку полугодовое жалованье, а въ слѣдующіе по третному. — Эти ассимиляторскія мѣропріятія Пруссіи, какъ видитъ читатель, не лишены интереса и для настоящаго времени, именно въ вопросѣ *объ обрусѣніи*. Съ того времени, какъ зашла рѣчь объ немъ, *прусскіе порядки*, прусское мастерство въ дѣлѣ германизаціи стали выставляться поучительными и обязательными и для насъ. Не распространяясь о силѣ германской культуры, имѣющей всемірно-историческое значеніе и, какъ говорятъ, особенно ненасытимой по отношенію къ славянамъ (для лицъ, желающихъ остаться послѣдовательными славянолюбцами, слѣдовало бы печалиться о германизаціи славянской Познани, а не восхищаться *прусскими порядками*), не подвергая критикѣ программу прусской германизаціи, замѣтимъ, что мы *не могли*, если бы и желали, если бы и имѣли всѣ прусскія средства, дѣйствовать по отношенію къ Полякамъ точно также, какъ дѣйствовали наши сосѣди. *Обрусѣніе*, т. е. полное физіологическое сліяніе, если не собственной Польши, такъ называемой Короны, то Литвы, не есть германизація, абсорбація, поглощеніе, безъ остатка, чужой народности. Что такое Литва и Бѣлоруссія въ ихъ, напримѣръ, современномъ физіологическомъ обликѣ, съ ихъ стародавнею русской подпочвой и позднѣйшими польскими (весьма сильными) культурными наслоеніями? Это, если можно такъ выразиться, нѣчто весьма напоминающее Малороссію, но не Москву и Подмосковье, не поволжскій низъ,—словомъ, не Великороссію. Русскій міръ, русскій геній, русскій типъ, не такъ узки, чтобъ ограничивать ихъ какою-либо одной изъ этихъ мѣстностей, какъ бы ни велико было ея историческое значеніе; *они проявляются въ совокупности всего велико-мало—и—бѣлорусскаго*, понимая это выраженіе въ мѣстномъ и интеллектномъ смыслѣ; для творческой дѣятельности народнаго генія ничто чуждое, даже враждебное, какъ напримѣръ, культура, хотя бы и польская, не можетъ быть проказою, неперевапримымъ жерновомъ, — все, напротивъ, претворяетъ онъ въ добро и благо. Не онѣмеченная Познань и *прусскіе порядки*, а Малороссія, давно оторвавшаяся отъ Польши и прочно слившаяся съ нами,—безподобный образецъ для обрусѣнія Литвы, еще не оправившейся послѣ ампутаціи, отдѣлившей ее отъ Польши, еще находящейся въ процессѣ того физіологическаго сліянія съ остальной Россіей, который по временамъ еще производитъ болѣзненныя судороги и по окончаніи

котораго самая мысль объ обрусѣніи становится абсурдной. Не трудно доказать, что и абсолютное сліяніе съ нами поляковъ (допуская эту возможность) въ одну колоссальную націю не можетъ имѣть ничего общаго съ безпощаднымъ поглощеніемъ безсильной рассы сильною народностью, по той именно причинѣ, что славянскій польскій типъ весьма близокъ къ одному изъ видовъ типа русскаго (того же малороссійскаго),—а, при родствѣ, сливающіеся элементы не уничтожаютъ одинъ другаго. — Само собою разумѣется, что въ эпоху Репнина не разсуждали о сліяніи и обрусѣніи: не до этого было людямъ, брошеннымъ въ круговоротъ самой кипучей дѣятельности.

И такъ, послѣ первыхъ минутъ восторга, сопровождавшаго присоединеніе Литвы къ Россіи, при внимательномъ и спокойномъ осмотрѣ, оказалось, что; если не отчаяваться, то смутиться было отъ чего: обломки распавшейся храмины, которая называлась Рѣчью Посполитой, не оказались мягкими, какъ воскъ или глина; не распаявши, изъ нихъ нельзя было слѣпить данной формы. Покрайней мѣрѣ такіе люди, какъ Репнинъ, Булгаковъ, Фризель, умные и честные представители русскаго государства въ Польшѣ, здѣсь, въ присоединенномъ отъ нея краѣ, смущались и опускали руки. Правда, въ другихъ присоединенныхъ отъ Польши областяхъ, напр. у Тутолмина, нѣсколько иначе смотрѣли на дѣло. По разсказамъ современника и очевидца (кн. Прозоровскаго), въ Каменцѣ, напр., по случаю выборовъ, шли безконечныя празднества и плясы до 4-хъ часовъ утра, и самъ „Тимоѳей Ивановичъ все въ танцахъ, наиболѣе въ аглинскихъ“ упражнялся; такой жизни, болѣе 3-хъ дней, Прозоровскій не могъ выдержать. Вообще на сколько можно судить по нашимъ источникамъ, въ генералъ-губернаторствѣ Тутолмина царилъ полнѣйшій хаосъ и по этой, конечно, причинѣ, онъ и нѣкоторые другіе независимые генералы побаивались кн. Репнина. Смущало князя Репнина и состояніе тогдашнихъ европейскихъ дѣлъ, и положеніе нашихъ дѣлъ русскихъ, и стоящій между ними, какъ между двумя огнями, край, въ совокупности всѣхъ его интересовъ, съ своею вулканическою почвой.

На Западѣ Европы въ это время побѣдоносно шумѣли французскія знамена, возвѣщавшія свободу народовъ и права человѣка. Старый порядокъ почти вездѣ разрушался. Италія освобождалась отъ иноземнаго вліянія и отъ домашнихъ деспотовъ; въ ней начали возникать новыя республики, съ древними славными именами. Звѣзда Наполеона уже блестѣла ярко, и въ ореолѣ, окружавшемъ

имя этого геніальнаго человѣка, еще не замѣчалось пятенъ; съ разносимою французскими знаменами свободою еще не всѣ видѣли распространеніе новаго деспотизма, — деспотизма грубой военной силы и ассимиляторской жадности къ поглощенію всѣхъ національностей французскою. Но государствамъ стараго режима, каковы были Австрія и Пруссія, приходилось плохо: имъ угрожала опасность, катастрофа, подобная той, которую испытала Италія; эта катастрофа всего ближе была къ Австріи, и не по одному ея географическому положенію. Въ виду такого положенія и сосѣдства, Россіи, съ ея своеобычнымъ историческимъ складомъ, не похожимъ ни на старый, ни на новый европейскій режимъ, казалось бы нечего было тревожиться уже по одному тому, что „французскія идеи“ были въ ней глубоко антипатичны; казалось бы, для нея, кромѣ оборонительнаго положенія, иное не мыслимо; но современники смотрѣли на это нѣсколько иначе. Раздѣленная Польша перестала служить барьеромъ между Россіей и Европой; мы ближе подвинулись къ послѣдней, а потому, естественно, та сторона, которою мы упирались на Европу, съ того времени стала отражать на себѣ всѣ малѣйшія судороги сотрясеній европейскаго организма. Едва ли можно найдти націю болѣе нервозную, чѣмъ польская, недавно владѣвшая нашимъ западомъ. Катастрофа, которую она только что испытала, не могла послужить къ укрѣпленію ея нервовъ; совершенно напротивъ: отсюда начинается болѣзненное развитіе всѣхъ слабыхъ сторонъ національнаго польскаго характера; эмиграція и европейскія потрясенія начинаютъ фанатизировать и безъ того жгучій польскій патріотизмъ.

Едва Пруссаки, владычествомъ которыхъ такъ тяготились Поляки, успѣли занять Варшаву, въ Берлинѣ появился генералъ-поручикъ бывшихъ польскихъ войскъ Генрихъ Домбровскій, прототипъ позднѣйшихъ патріотовъ—авантюристовъ польскихъ. Въ то время, когда коварство прусской политики по отношенію къ Польшѣ еще у всѣхъ было въ свѣжей памяти, когда личности, подобныя Лукезини, возбуждали омерзеніе въ каждомъ честномъ человѣкѣ, польскій генералъ подаетъ берлинскому кабинету (въ мартѣ 1796 г.) проектъ посполитаго повстанья въ областяхъ, доставшихся „Москвѣ“, этому „извѣчному и непримиримому врагу поляковъ“. Называя прусскаго короля протекторомъ и защитникомъ поляковъ (jako protektor i obronca Polaków), Домбровскій предлагаетъ берлинскому кабинету принять участіе въ этомъ повстаньи, съ цѣлію освобожденія Польши (!!). Приключенія Домбровскаго, его пребываніе въ Парижѣ, его фантастическія надежды на „Рѣчь Посполитую французскую“, его переписка съ *гражданиномъ*—Бонапарте и служба въ Цизальпинской республикѣ, изложены имъ самимъ въ военныхъ запискахъ, напечатанныхъ въ Pamietniki z XVIII wieku, T. 3, 1864 г.—„Польская горячка,“ пишетъ Репнинъ Салтыкову отъ 25-го апрѣля, начинаетъ отрыгаться... Праздныхъ и ничего неимущихъ, какъ поляковъ, такъ и татаръ, здѣсь весьма много, отъ которыхъ всякія шалости сбыться могутъ. Кому пропитанія нѣтъ, ниже виду оное получить чрезъ какое-либо общественное употребленіе, тотъ, дабы не умереть съ голоду, на все рѣшиться можетъ... О казакахъ вамъ скажу, что злодѣи наши уже нѣсколько времени помышляютъ ихъ развратить, а притомъ и у насъ не безъ урода!!..“

„Французы“, пишетъ Репнинъ позднѣе (отъ 5-го іюля 1796 г.), „заплѣнили Италію, и чѣмъ сіе кончится,— предузнать нельзя; но то вѣрно, что здѣшнія вертопрашныя головы на семъ основаніи разныя злоумышленія дѣлаютъ: здѣсь меньше, а въ прочихъ пріобрѣтенныхъ губерніяхъ, по отзыву Тимофея Ивановича (Тутолмина), умы весьма волнуются; слабость же австрійская имъ у себя позволяетъ вить гнѣздо, можетъ быть, не смѣя противурѣчить и строгость употребить. Кажется, что вѣнскій дворъ весьма упадаетъ“. „Боюсь я,“ говорится въ другомъ письмѣ (отъ 18-го іюня), „только успѣховъ французовъ и здѣшнихъ мерзавцевъ, держащихся у турковъ (т. е. польскихъ эмигрантовъ въ Турціи), чтобы они ихъ (турокъ) не возмутили“. „Здѣсь открыты,“ говоритъ 3-е письмо (отъ 7-го мая) „нѣкоторыя злыя намѣренія [1]) между нѣсколькими мелкими, ничего незначущими шляхтичами; потому уповаю, что слѣдствій никакихъ та мерзость имѣть не будетъ“. — „Августѣйшій домъ австрійскій,“ говорится въ 4-мъ письмѣ „кажется, весьма упалъ. Сохрани Боже, чтобы, подъ какимъ ни есть предлогомъ, цесарцы впустили французовъ въ Галицію... Сего я не ожидаю отнюдь; но если бы что подобное случилось, то хлопоты будутъ безконечныя и кровопролитіе ужасное. Горе будетъ здѣшней землѣ! Богъ своею милостію насъ отъ того да помилуетъ“!—„Слѣдите,“ говорится въ письмѣ отъ 5-го декабря, „прилежно за королемъ прусскимъ: по здѣшнему близкому сосѣдству, можетъ онъ вдругъ пакостей надѣлать“.

Такое положеніе дѣлъ въ краѣ и за границей вызвало со сто-

[1]) О нихъ см. ниже, въ V главѣ.

роны нашего правительства слѣдующія мѣры: передвиженіе и формированіе новыхъ полковъ и рекрутскій наборъ, — новое явленіе въ краѣ, который долженъ былъ выставить 10 тысячъ рекрутъ. По поводу передвиженія полковъ, стоявшихъ тогда въ западныхъ губерніяхъ, и формированія полковъ новыхъ, князь Репнинъ входитъ въ продолжительную переписку съ граф. Н. И. Салтыковымъ, президентомъ военной коллегіи; часто переписывается, по этому же поводу, и съ великимъ княземъ Константиномъ Павловичемъ, о дружественныхъ отношеніяхъ съ которымъ онъ упоминаетъ въ одномъ изъ писемъ къ Салтыкову. Эта переписка любопытна въ томъ отношеніи, что, свидѣтельствуя объ административныхъ способностяхъ Репнина и въ военномъ дѣлѣ, въ то же самое время дѣлаетъ честь его человѣколюбію,—заботамъ о жизни солдата. Предполагалось, по укомплектованіи полковъ, всѣхъ рекрутъ отправить въ Смоленскъ, въ качествѣ *запасныхъ*. Репнинъ предполагалъ, что у него одного такихъ запасныхъ будетъ болѣе 10 тысячъ. „Разсудите сами,“ пишетъ онъ Салтыкову 24-го октября, „какое можетъ быть смотрѣніе за такимъ числомъ крестьянъ, согнанныхъ изъ разныхъ отдаленныхъ сторонъ, которые въ дорогѣ уже обдерутся и, слѣдственно, придутъ безъ достаточной обуви и одежды! Въ квартирахъ ихъ, если просторно поставить, то займутъ большую часть губерніи, въ каковомъ случаѣ — какъ за ними усмотрѣть! Если же поставить ихъ тѣсно, то зародятся въ нихъ болѣзни и перемрутъ, какъ мухи. Сверхъ того, сколько для такого собранія рекрутъ нужно имѣть при нихъ медицинскихъ чиновъ, медикаментовъ и прочаго, до сей части относящагося,—полотна на бинты и под.! На все сіе сколько нужно особыхъ денегъ употребить, а у насъ ни денегъ и ничего прочаго къ сему не назначено!.. Въ мысленныхъ предположеніяхъ сіи запасы (солдатъ) хороши кажутся, и подлинно таковы бы были, если бы они (солдаты) цѣлыми сохраниться могли; но самъ я видѣлъ совершенно противное на опытѣ. Въ Харьковѣ такой запасъ былъ,—и въ умѣренномъ климатѣ, однако, думаю, болѣе половины ихъ померло; а потомъ приводились къ полкамъ, наги и босы, обносясь прежде всего у нихъ бывшей одеждой, отчего и еще въ дорогѣ множество ихъ погибло.“—Эта же переписка подтверждаетъ, что и въ военномъ управленіи царствовалъ тогда большой хаосъ: князь Репнинъ не могъ добиться ни толковыхъ распоряженій, ни нужныхъ ему, какъ командующему войсками, денегъ. Тогдашними военными порядками былъ не доволенъ и престарѣлый фельдмар-

шалъ Румянцевъ. Князю Репнину препроводили изъ Петербурга какой-то ордеръ фельдмаршала съ слѣдующей объяснительной замѣткой: „изъ оной (копіи) изволите усмотрѣть, колико раздраженъ сей знаменитый вождь усиливающимися въ службѣ безпорядками, которые едви ли, безъ особливой строгости, искоренить можно“. Объ этихъ безпорядкахъ свидѣтельствуетъ, между прочимъ, то, что въ военное вѣдомство поступила отъ полковъ и батальоновъ, цѣлая туча прошеній съ разными претензіями на казну въ 1.749.387 р.,—въ суммѣ, „которая (по словамъ репнинскаго корреспондента) немаловажна и для набитыхъ кладовыхъ. Въ числѣ сихъ претензій, продолжаетъ онъ, есть такія: будто бы полки кормились на свои деньги въ непріятельской землѣ, гдѣ ни казеннаго провіянта и фуража, ниже поставщиковъ, не было; будто въ послѣднюю въ Польшѣ революцію употребляли также на пропитаніе войскъ и свои деньги›. Что государственныя кладовыя были тощи, это Репнинъ очень хорошо зналъ по опыту, сидя въ Гроднѣ и безпрестанно выпрашивая чуть не со слемами денегъ у гр. Платона Зубова, гр. Салтыкова, гр. Самойлова и гр. Алек. А. Безбородка, брата пристава при королѣ Станиславѣ-Августѣ; но часто допроситься не было никакой возможности, а потому и случались такія вещи, — что польскіе посланники при чужестранныхъ дворахъ не получали (по іюнь 96 г.) обѣщанныхъ имъ на дорогу денегъ (а нѣкоторые и отзывнаго циркуляра), по уши задолжали и ‹лишась покровительства права народнаго, остаются въ совершенной зависимости у ихъ заимодавцевъ›. Передѣлка мѣдной монеты въ легковѣсную и объявленный наборъ (съ 500 чел. по 5-ти) представляли тогдашнимъ петербургскимъ политикамъ „пространное поле къ догадкамъ“, по словамъ репнинскаго корреспондента. Впрочемъ, послѣдніе мѣсяцы царствованія императрицы Екатерины II были не бѣдны событіями, занимавшими дворъ и петербургское общество. Во первыхъ, война съ Персіею, назначеніе главнокомандующимъ гр. Валеріана Зубова и производство его въ полные генералы (26-ти лѣтъ); разнорѣчивые толки о походѣ въ Галицію, на помощь Австрійцамъ, съ цѣлію, чтобы страна эта ‹не сдѣлалась гнѣздомъ новаго поляковъ сборища“,—толки, достовѣрность которыхъ, впрочемъ опровергалась президентомъ военной коллегіи. „Сохрани Богъ“ (онъ пишетъ 10 іюня), „чтобы намъ сойтиться съ французами; не страшными ихъ я считаю для насъ силою, но заразительною и прилипчивою отъ нихъ болѣзнію“. Далѣе,—свадьба Константина Павловича; пріѣздъ шведскаго короля Густава IV,

сватавшагося за великую княжну Александру Павловну и пр., и пр. „Всѣ мы,“ писалъ Репнину Салтыковъ, „заняты гостями пріѣзжими столько, что ни къ чему времени не достаетъ. Нѣсколько уже дней сряду все непрестанно танцуемъ, и потому я къ вамъ давно не писалъ. Пріѣздъ гостей, кажется, не даромъ, хотя еще не рѣшено, но надежда есть несумнѣнная что дѣло сдѣлается“ (отъ 26-го августа). „По поводу бытности здѣсь короля Шведскаго,“ пишетъ тотъ же усердный корреспондентъ, но малограмотный авторъ (18-го октября), „считаю нѣтъ никакого сумлѣнія, что то дѣло не совершилось. Сожалительно нѣсколько, что вышло въ бытіе его здѣсь нѣкоторыя непріятности. Дѣло было почти совсѣмъ рѣшено, и назначено было время для сговору, какъ то сужденіе и до васъ дошло; но въ самомъ то дѣлѣ вышелъ споръ въ вольномъ отправленіи закона. Съ нашей стороны инако (?) ни какъ согласиться не хотѣли и нельзя было, а король не согласился того пункта подорвать; почему въ томъ дѣлѣ сговоръ и не состоялся. Но однако чрезъ то сіе дѣло не разорвано, а король писалъ въ свою консисторію, требуя на сіе ея согласія, которая, какъ слышно, единогласно на все сіе согласна. А между тѣмъ здѣсь тогда же посломъ шведскимъ и нашимъ трактатъ подписанъ, въ коемъ и тотъ пунктъ внесенъ и положено королю чрезъ два мѣсяца оный ратификовать“. „Знаменитые посѣтители,“ пишетъ другой корреспондентъ отъ 23-го сентября, „20-го сего мѣсяца отправились обратно въ Стокгольмъ. Послѣ непріятной молвы, которая разнеслась было здѣсь по городу и въ которой содержалось болѣе догадокъ, нежели основанія, заключенъ между обоими дворами прочный союзъ и, вслѣдствіе онаго, великая княжна Александра Павловна бракосочетается съ его величествомъ королемъ шведскимъ“.—Предсказаніе это, какъ извѣстно, не оправдалось.

Все это происходило *тамъ*, въ иномъ мірѣ, въ Петербургѣ, который изъ Гродна казался „за горами—за долами“. Въ этотъ иной міръ манило стараго придворнаго, гродненскаго сидѣльца, казалось всѣми забытаго. Жизнь въ Гроднѣ становилась для него невыносимой,—конечно, не по одной своей монотонности. Въ продолженіе всего 96-го года князь Репнинъ жалуется на свое нездоровье въ интимной перепискѣ съ другомъ своимъ гр. Н. И. Салтыковымъ: какой-то „искустный художникъ“, выписанный имъ изъ Москвы (вѣроятно, по недовѣрію къ мѣстнымъ врачамъ), хотя и помогъ ему, но, какъ видно, припадки болѣзни по временамъ все

его еще мучали. „На лѣченомъ конѣ,“ говоритъ онъ въ письмѣ отъ 5-го іюля, „далеко не уѣдешь. Не знаю, можно ли будетъ мнѣ безвредно по прежнему верхомъ ѣздить и въ скорые дороги впускаться... Чужой глазъ, какъ бы ни былъ проницателенъ и усерденъ, съ своимъ сравниться не можетъ; но силъ (для разъѣздовъ) уже не достаетъ“. Нѣкоторыя изъ его писемъ къ Салтыкову носятъ на себѣ слѣды самой желчной раздражительности. Такъ онъ пишетъ, между прочимъ, 25-го апрѣля: „О деньгахъ и говорить не знаю что; никому не пеняю, зная, что ихъ нѣтъ нигдѣ; знаю, что гдѣ ничего нѣтъ, тутъ и дать нечего. Но знаю и то также неоспоримо: что куда ничего не даютъ, тутъ и дѣлать ничего нельзя; слѣдственно, служба пойдетъ или нѣтъ, и какъ пойдетъ,—неизвѣстно. Я сожалѣю искренно, что васъ сими докуками утруждаю; но въ откровенности дружеской вамъ скажу, что за главнѣйшее бы себѣ благополучіе поставилъ, если бы *меня отставили и совсѣмъ отпустили*. Грѣхъ истинно служить, когда не видишь себя уже въ состояніи полезнымъ быть. Я въ семъ состояніи нахожусь: дурно вижу, дурно слышу и, сверхъ того, недавно у меня сдѣлался прорывъ въ паху, чрезъ что отнимается возможность и движенія, особливо нѣсколько скорыя и большія дѣлать. Король съ рукъ нейдетъ! Опять на его содержаніе денегъ не прислали. *Уповалъ, хотя кости свои за живо отсель вывезти*, но и ту надежду почти теряю“! Желаніе бѣжать изъ края и отдѣлаться отъ короля занимаетъ большую часть писемъ главнаго начальника Литвы къ своему петербургскому пріятелю. Это, такъ много говорящее желаніе, кромѣ приведенныхъ мѣстъ, высказывается еще и въ слѣдующихъ: „Совѣтъ вашъ благъ, М. Г., относительно сбереженія здоровья; но есть такія положенія (въ которомъ счетѣ я и мое полагаю), гдѣ его трудно въ дѣйствіе исполнить... Лучше бы всего, если бы Богъ совсѣмъ отъ всего избавилъ; *но опасаюсь, что не выносить отсель костей!* Будь во всемъ воля Его святая!..“ „Король мой“ (говорится въ письмѣ отъ 5-го іюля) „оставляется здѣсь неподвижнымъ, а я здѣсь съ нимъ, какъ въ тюрьмѣ держусь“. Или нѣсколько позднѣе (отъ 18 іюля): „Прошу, коль можете мнѣ сказать, когда будетъ конецъ пребыванію здѣсь короля польскаго? Я уже не говорю о томъ, что я здѣсь съ нимъ въ тюрьмѣ сижу; но за что мы одни ему содержаніе даемъ и какое находится препятствіе его отсель вывезти? Онъ истинно здѣсь не у мѣста. Какъ при немъ губерніи открывать! Какъ мнѣ отъ него отлучиться! Бога для, объясните мнѣ: есть ли какая надежда мнѣ отъ него избавиться и когда?“

„Объ королѣ здѣшнемъ“ (гласитъ письмо отъ 24-го октября) „только скажу, что, знать, наказанъ я его у меня столь долгимъ пребываніемъ, подобно какъ праведнымъ крестомъ, за то, что я участвовалъ въ возвышеніи его въ сіе достоинство». Петербургскій другъ ободрялъ Репнина такими сентенціями: „Кажется мнѣ, что еще не такъ легко и скоро отъ него вы освободиться можете; а представляю себѣ я, что онъ всѣмъ вамъ въ тягость“; или: «О королѣ вамъ я не умѣю ничего сказать; да сколько мнѣ кажется, и ни кто ничего не знаетъ,—а онъ, между тѣмъ, какъ вы говорите (?), все на вашей шеѣ будетъ!“ Но, считая для себя пребываніе короля наказаніемъ Божіимъ, князь Репнинъ ничѣмъ не давалъ ему этого почувствовать; ибо, тотчасъ же послѣ приведенныхъ строкъ, пишетъ слѣдующія, уже намъ извѣстныя: «Впрочемъ, онъ согласенъ на все, а ежели проситъ денегъ»... и далѣе (см. выше) Не забудемъ, что въ тоже самое время, кромѣ литовскихъ дѣлъ и хлопотъ, у князя Репнина была еще другая забота, почти цѣлый край остзейскій, Лифляндская и Эстляндская губерніи. Дѣятельность его въ этомъ краѣ можетъ составить предметъ особаго изслѣдованія, тѣмъ болѣе любопытнаго, что только этимъ путемъ разрѣшаются наши позднѣйшіе толки о руссификаціи. Здѣсь указываемъ только на одинъ фактъ, говорящій въ пользу Репнина—барина, „ненавистника черни“, и на нѣмца чиновника, какъ оказывается, человѣчески относящагося къ русскому мужику. Окраины, управляемыя теперь княземъ Репнинымъ, какъ извѣстно, еще съ конца XVII вѣка сдѣлались притономъ первыхъ русскихъ эмигрантовъ, раскольниковъ разныхъ сектъ. Наши источники почти ничего о нихъ не говорятъ, но о благодушномъ отношеніи къ нимъ кн. Репнина мы уже имѣли случай замѣтить выше. Въ Эстляндской губерніи, именно на о—вѣ Эзелѣ было не мало раскольниковъ, между которыми находились и сосланные туда духоборцы. Положеніе послѣднихъ въ краѣ, гдѣ все имъ было чуждо, возбудило теплое сочувствіе въ баронѣ Кампенгаузенѣ, эстляндскомъ вице-губернаторѣ, и вотъ онъ 10-го января 1797 г., пишетъ кн. Репнину слѣдующія строки: — „Переведенные сюда раскольники попрежнему владѣютъ назначенными имъ землями, но въ здѣшнемъ землеѣланіи совсѣмъ не успѣваютъ; и тѣ изъ нихъ, которые въ доставленіи себѣ пропитанія не имѣютъ облегченія отъ торговли съ крестьянами, или отъ другаго какого-либо ремесла, перетерпѣваютъ крайній недостатокъ [1]). Можетъ быть, милостивому и человѣколюбивому сердцу вашего сіятельства удалось бы за судьбу сихъ бѣдныхъ людей молвить слово при престолѣ, дабы они могли возвратиться въ прежнія свои жилища. Вашему с—ву извѣстно, что сіи люди, не заслуживая столь жестокой судьбины, впали отъ ложныхъ представленій ихъ начальниковъ, въ великое бѣдствіе — отдалены отъ ихъ благоустановленныхъ обиталищъ и переведены сюда, гдѣ они должны погибнуть по душѣ и тѣлу, вмѣсто того, чтобы быть добрыми и вѣрными подданными, ежели бы они остались въ своихъ жилищахъ“. Добродушный баронъ не перестаетъ ходатайствовать о духоборцахъ даже и тогда, когда они на отрѣзъ отказались, при вступленіи на престолъ императора Павла, принести вѣрноподданическую присягу и когда всѣ старанія вице-губернатора склонить ихъ къ этому оставались безуспѣшными. „У нихъ,“ поясняетъ баронъ, „правиломъ въ вѣрѣ—никогда не клясться; и отъ сего ничѣмъ въ свѣтѣ отвращены быть не могутъ. Впрочемъ, они даютъ однакоже обѣщаніе быть вѣрными и послушными подданными, въ чемъ ихъ поведеніе служитъ доказательствомъ; но сіе обѣщаніе утвердить присягою почитаютъ дѣломъ противъ совѣсти. Весьма бы желательно было, чтобы подъ столь кроткимъ и милосерднымъ царствованіемъ, каково россійско-императорское, духоборцы, безвинно терпящіе, получили позволеніе возвратиться на прежнія ихъ жилища.“ — Неизвѣстно, былъ ли масономъ баронъ Кампенгаузенъ; но такимъ же языкомъ говорили и русскіе масоны и, недаромъ высоко чтимый ими, кн. Репнинъ. Несомнѣнно, равнымъ образомъ, что мистическое масонство, „космополитизмъ“, „народная безсердечность“ и иныя укоризны, яко бы заставлявлявшія русскаго человѣка забывать „завѣтныя преданія своихъ предковъ“, по отношенію къ сліянію съ крѣпко-культурными народностями (чего не предстояло до-петровскому русскому человѣку), все же были безконечно полезнѣе дѣятельности такихъ „крѣпко держащихся старыхъ преданій“ людей, каковыми явились.

[1]) Это замѣчаніе барона Кампенгаузена можетъ послужить отвѣтомъ на могущій возникнуть упрекъ: почему новые русскіе помѣщики въ западныхъ нашихъ окраинахъ не переселяли въ свои помѣстья своихъ крѣпостныхъ—крестьянъ? Такія переселенія цѣлыми массами въ то время, конечно, были возможны и несомнѣнно послужили бы въ пользу обрусѣнія нерусскихъ окраинъ; но дѣло въ томъ, что для русскаго помѣщика, въ этихъ мѣстностяхъ сдѣлавшагося земледѣльческимъ эксплуататоромъ, русскіе крестьяне были совершенно безполезны; знакомые только съ низшей земледѣльческой культурой, они не могли замѣнить ему мѣстнаго крестьянина (въ смыслѣ рабочей машины) и еврея.

потомъ уже узрѣвшие свѣтъ Божій,—Аракчеевы, Фотіи, Магницкіе, Шишковы et tutti quanti.—

Изъ внѣшнихъ событій 1796 г. можно указать на смерть брестскаго епископа Адама Нарушевича, знаменитаго польскаго историка (1733—1796), котораго мы уже видѣли въ Гроднѣ, при дворѣ короля Станислава Августа. Управленіе его епархіей поручено было кн. Репнинымъ, впередъ до высочайшаго повелѣнія, епископу Инфляндскому, Косаковскому, котораго очень хвалитъ литовскій генералъ-губернаторъ, въ письмѣ своемъ къ князю Зубову, какъ человѣка, извѣстнаго своими „почтенными качествами, своею приверженностію и своимъ усердіемъ" къ императрицѣ. — Фризъ секретарь ех—короля польскаго, въ октябрѣ получилъ, за свое усердіе, какую-то награду, которую, по мнѣнію Репнина слѣдовало скрывать, „дабы онъ," пишетъ князь императрицѣ, „оставался *какъ человѣкъ совершенно вѣрный по прежнему* при его величествѣ королѣ польскомъ. Эту награду Фризъ (не чинъ-ли коллежскаго совѣтника, которымъ онъ сталъ титуловаться?) принялъ „съ подлинно усерднымъ всеподданнѣйшимъ признаніемъ."

ГЛАВА IV.

Гродненская придворная жизнь и тамошнее общество.—Тревоги бывшаго польскаго Короля.—Лѣто 1796 года.—Корпусные маневры. — Отъѣздъ кн. Репнина.—Смерть императрицы Екатерины II и переполохъ, произведенный этимъ событіемъ въ польскомъ обществѣ, смѣнившійся вскорѣ восторгомъ.—Милости новаго императора къ королю и полякамъ.—Обожаніе императора Павла въ Варшавѣ и руссофильство тамошнихъ поляковъ.—Варшавскія вѣсти. — Восторженное состояніе Станислава Августа.— Рѣшеніе вопроса о его долгахъ. — Нежеланіе короля и его придворныхъ ѣхать въ Петербургъ.—Причина медленности ихъ сборовъ. — Свита короля и путешествіе его до Петербурга.

Обращаясь къ теченію гродненской дворской жизни, мы видимъ въ ней на первомъ планѣ тѣ же самыя явленія, что и въ прошломъ 1795 году,—ту же беззаботность и праздность, тѣ же вѣчные визиты, прогулки и пиры. Повидимому, главный герой ея, ех-король Станиславъ-Августъ, успокоился отъ катастрофы 14 ноября, которая, впрочемъ, не могла быть для него неожиданной. Съ новаго 1796 года, придворная жизнь бывшаго польскаго короля пошла еще шумнѣе прежняго, не смотря на то, что многіе изъ постоянныхъ посѣтителей гродненскаго двора поразъѣхались въ разныя мѣста: кто въ Варшаву, кто по деревнямъ, а кто и въ Петербургъ; въ числѣ послѣднихъ находились братъ короля и племянникъ Станиславъ. Но на мѣсто отъѣзжавшихъ наплывали новыя толпы: Гродно въ ту пору была самой лакомой приманкой для всякаго празднаго люда, какимъ преизобиловала павшая Польша. Здѣсь перебывалъ весь цвѣтъ тогдашней польской аристократіи,—покрайней мѣрѣ такія фамиліи, какъ Хоткевичи, Хребтовичи, Радзивиллы, Потоцкіе, Ржевусскіе, Сапѣги; нѣкоторые заѣзжали въ Гродно, проѣздомъ въ Петербургъ, несомнѣнно, любопытства

ради, останавливались здѣсь и заживались. Въ первые четыре мѣсяца новаго года, при дворѣ Станислава - Августа мы видимъ нѣкоторыя новыя лица. Изъ поляковъ: великій литовскій подкоморій Будаковскій, подстольникъ Валицкій, Бересневичъ, Хлѣвинскій, Сильверстовскій, Неселовскій,—кромѣ постоянныхъ и почти ежедневныхъ собесѣдниковъ короля, какъ ректоръ Почобутъ, духовникъ Юревичъ, каштелянъ Воловичъ. Появились и нѣмцы, пруссаки, которыхъ кордонъ былъ подъ бокомъ; изъ нихъ мы видимъ генерала Тиля и майоровъ Гревена и Штейна. Польское дамское общество увеличилось также слѣдующими лицами: Рудницкой, Верещинской, Лосоцкой. Изъ Вѣны пріѣхала племянница короля, графиня Тышкевичъ, дочь старшаго его брата, сестра Іосифа Понятовскаго. Появились цѣлыя польскія семейства—Андрейновичей, Ляхницкихъ, Обуховичей, Воловичей, Кицкихъ, Соболевскихъ и Коссаковскихъ. Изъ русскихъ встрѣчаемъ Буксгевдена, прибывшаго съ женою изъ Варшавы проѣздомъ въ Петербургъ, коллеж. совѣтниковъ Дивова и Яковлева и бригадира Боура. Показалась въ польскихъ салонахъ, даже у m-me де-Краковй (Браницкой), и мелкая русская пташка,—*поручица* Семишина, урожденная панна Крушецкая, о романѣ которой мы говорили выше (см. стр. 84—85) и которому она несомнѣнно была обязана своимъ успѣхомъ въ свѣтѣ. Положеніе этихъ гродненскихъ салоновъ начинаетъ нѣсколько обрисовываться. Первую роль между польскими дамами играетъ Грабовская. Передъ ней все склоняется: ей даютъ предпочтеніе передъ королевскими сестрами и племянницами не только поляки, но и русскіе; самъ главный начальникъ края дѣлаетъ ей визиты; дочь его кн. Волконская и графиня Панина (въ особенности послѣдняя) являются у ней частыми гостями. M-me де-Подоли (Замойская) замѣтно стушевывается передъ сестрой своей графиней Браницкой; эта послѣдняя является теперь почти неразлучно со вновь прибывшей племянницей, гр. Тышкевичевой. Кредитъ Замойской возрастаетъ съ возвращеніемъ зятя, гр. Мнишка, уѣзжавшаго въ Варшаву и Люблинъ. Ближайшіе къ королю лица и родовитые польскіе аристократы находились и съ русскими въ болѣе близкихъ отношеніяхъ. Въ русскомъ обществѣ чаще всѣхъ бывали Шидловскій, гетманша Ожаровская и генеральша Муравская.

Словомъ, два общества, русское и польское, еще болѣе сживались, чѣмъ въ прошломъ году, — и это явленіе, какъ мы видѣли, замѣчалось повсюду въ Россіи, не только при Екатеринѣ, но и при Павлѣ. Тогда, къ счастію, старыя жалобы на *сиротство*, на то, что русскаго человѣка *обижаютъ* русскіе же иноплеменники, еще не раздавались, еще не плакались на измѣну разнымъ началамъ, отеческимъ преданіямъ.—Что кн. Репнинъ и его помощники *легко сживались* съ поляками,—это было и нужно въ эпоху сліянія: противоположная система отчужденія, *избѣганія* поляковъ и всего польскаго *по принципу*, была бы нелѣпа, потому что свидѣтельствовала бы о страхѣ, о своей немощности въ борьбѣ, неизбѣжной при всякомъ сліяніи. Въ эпоху ношенія кафтановъ и бородъ, въ эпоху процвѣтанія московскаго боярства, которая такъ не къ стати припоминается въ вопросѣ объ ассимиляціи, сліяніе русскихъ съ поляками, даже простая уживчивость, были рѣшительно не мыслимы, хотя бы потому, что московскій бояринъ, сильный полнотою въ себѣ государственнаго чувства, слабъ былъ, какъ гражданинъ, какъ *сирота*,—между тѣмъ какъ польскій панъ, пособлявшій разрушенію польской государственности, былъ силенъ какъ личность, хотя бы и необузданная. Словомъ, русскій баринъ конца XVIII вѣка, воспитанный въ либеральныхъ идеяхъ великой императрицы, оказался способнѣе для сліянія съ поляками, уже не говоря с простой уживчивости съ ними: въ немъ много было общаго съ полякомъ, начиная отъ европейской образованности и оканчивая шляхетствомъ, благородствомъ, гражданскимъ полноправіемъ. Но идти далѣе этого сходства, вдаваться въ тонкости и предположенія—значитъ, погрузиться въ море фразъ, къ числу которыхъ принадлежитъ полонофильство Репнина, во имя котораго онъ, будто бы, забывалъ объ интересахъ крестьянъ,—обвиненія, какъ видѣлъ читатель, достаточно опровергнутыя нами. Повторяемъ, въ эпоху сліянія, которой посвященъ нашъ трудъ, у Россіи, у Екатерины и ея сподвижниковъ, другаго способа дѣйствій не было: всякій иной, при тогдашнемъ положеніи Россіи, показался бы, и дѣйствительно былъ бы, если не путемъ анти-государственнымъ, революціоннымъ, то признакомъ вражды и нетерпимости, — двухъ условій, при которыхъ не мыслимы не только сліяніе, но простая государственная спайка.

Въ неизданныхъ мемуарахъ Станислава - Августа должны находиться подробности о томъ, какъ онъ себя чувствовалъ среди пустой и праздной гродненской жизни. Та личная пустота и мелковатость, которую считаютъ характеристическою чертою послѣдняго польскаго короля, не могла исключать, однако же, ни тревогъ, ни размышленій, едвали мимолетныхъ: во всякомъ случаѣ, Станиславъ-Августъ былъ человѣкъ очень не глупый; онъ былъ, какъ мы ска-

зали, человѣкъ очень образованный; его слабости и пороки, какъ въ фокусѣ, отражали въ себѣ слабости и пороки польскаго національнаго характера, квинт-эссенцію польскаго магнатства. Если его нравственный обликъ признать типическимъ, то по одному ему уже можно бы заключить, что, съ подобными представителями и вождями, для польской національности не было спасенія, что и съ ней долженъ скоро начаться процессъ разложенія. Понималъ ли это и на сколько понималъ послѣдній король Польши, — пока остается не извѣстнымъ. По всей вѣроятности, главную причину смерти взваливалъ онъ на другихъ, на сосѣдей, на коварную *Москву,* по всей вѣроятности *жалобился* и *плакался*, — отсюда, со временъ паденія Польши, идетъ, по крайней мѣрѣ, эта жалобная, тоскливая, вымаливающая помощи нота, которая слышится въ голосѣ польскихъ патріотовъ. Во всякомъ случаѣ праздная, веселая жизнь въ Гродно не угомонила душевныхъ тревогъ въ королѣ Станиславѣ-Августѣ. Въ этомъ году здоровье его крѣпко пошатнулось, не смотря на ежедневныя, часто двукратныя прогулки за городомъ. Эти прогулки дѣлались имъ на столько же для здоровья, для необходимости дышать чистымъ, свѣжимъ воздухомъ, сколько для удовлетворенія своей страсти—обожанія природы. Въ лѣску Вольмара король ботанизировалъ; любилъ заводить рѣчь о растительномъ царствѣ; не переставалъ восхищаться прелестными ландшафтами Нѣмана, на которые указывалъ гостямъ своимъ (напр. итальянскому князю и антикварію Рустали, прогостившему въ Гродно, въ іюлѣ, 6 дней, на пути своемъ въ С.-Петербургъ). Чаще прежняго, днемъ и позднимъ вечеромъ, выходилъ онъ, когда почему-нибудь нельзя было выѣхать за городъ, на террасу, и подолгу смотрѣлъ на тотъ же Нѣманъ, на которомъ теперь показались коммиссарскія лодки, — пріѣхавшихъ, для отмежеванія границъ, прусскихъ коммиссаровъ. Объ одеждѣ его метали жребій, — могъ бы сказать теперь бывшій король польскій; но коммиссаровъ онъ принималъ у себя и очень часто ѣздилъ въ Лососну, за которою уже начиналась прусская граница, кордонъ. Станиславъ-Августъ очень сильно занемогъ удушьемъ 15 марта. Нѣсколько минутъ опасались за его жизнь, и самъ онъ думалъ, что насталъ послѣдній его часъ. Въ 8 часовъ утра онъ призвалъ къ себѣ племянника графа Мнишка и генерала Горжинскаго и просилъ ихъ, на случай нечаянной его смерти, принять надлежащія мѣры для сохраненія его вещей и бумагъ; но въ 10 часовъ ему полегчало на столько, что онъ былъ въ силахъ поѣхать въ поіезуитскій монастырь для

принесенія благодарности Богу за избавленіе отъ грозившей ему опасности. Но припадки этой болѣзни, отъ которой спасалъ Понятовскаго свѣжій воздухъ, не оставляли его впродолженіи всего года; этимъ, конечно, объясняется почти ежемѣсячное принятіе имъ св. Таинъ и появленіе во дворцѣ большаго числа лицъ духовныхъ; богомольная графиня Браницкая, не довольствуясь польскими ксендзами, въ которыхъ въ Гроднѣ не было недостатка, по возвращеніи изъ своей поѣздки въ Бѣлостокъ, гдѣ она прожила три мѣсяца въ своихъ помѣстьяхъ, привезла съ собою, вмѣстѣ съ кучею разнаго народа, еще двухъ французскихъ, эмигрантовъ. Пріѣздъ старшаго брата, бывшаго великаго канцлера князя Казиміра Понятовскаго, и кратковременное его пребываніе въ Гродно, какъ видно, доставили Станиславу-Августу больше огорченія, чѣмъ радости. Престарѣлый Казиміръ прибылъ 7-го августа, во 2-мъ часу пополудни, и занялъ помѣщеніе по близости королевскихъ покоевъ. На другой день въ 10 часовъ утра и послѣ обѣда, онъ ѣздилъ къ главнокомандующему. Въ 9 часовъ вечера пріѣхалъ во дворецъ кн. Репнинъ и пробылъ тамъ до 10-ти, до самаго отъѣзда князя Казиміра по пути въ Бѣлостокъ и Варшаву. Очевидно, что Казиміру было не дозволено пребываніе въ Гродно. О разставаньи братьевъ вотъ что записано въ журналѣ Безбородка [1]): „Его величество чувствительно разстался съ престарѣлымъ и слабымъ своимъ братомъ и не могъ удержаться отъ слезъ". Въ послѣдніе мѣсяцы царствованія императрицы Екатерины, король велъ самую оживленную переписку съ Варшавой, куда безпрестанно летали послы за послами; Рыксъ чаще другихъ ѣздилъ съ королевскими порученіями; знакомые и гости привозили королю цѣлые вороха писемъ. Вскрывалась ли эта переписка, какъ предполагалось вначалѣ и какъ было потомъ, — не знаемъ; едва ли, впрочемъ. Въ нашихъ источникахъ нѣтъ никакихъ доказательствъ вскрытія переписки короля до самой смерти императрицы. Когда пріѣхала M-lle Люлли, то прямо изъ экипажа пошла въ кабинетъ короля, подала ему „отъ всѣхъ родныхъ его письма" и только черезъ часъ удалилась въ отведенные для нея покои; но письма могли быть и не отъ родныхъ, такъ какъ при этомъ и при другихъ свиданіяхъ съ пріѣзжавшими изъ Варшавы, никакихъ русскихъ соглядатаевъ не было: приставъ, гр. Безбородко, бывалъ у короля только въ извѣстное время, обѣдалъ

---

[1]) См. *Журн. Преб. въ Гроднѣ С. А. Понятовскаго*, стр. 134.

по воскресеньямъ и четвергамъ вмѣстѣ съ генералъ-губернаторомъ; другіе, низшіе чины, пребывали въ дежурной комнатѣ и не смѣли безъ доклада и приглашенія предстать передъ бывшаго короля Польши. Какъ бы то ни было, переписка съ Варшавой очень занимала и даже тревожила короля. Вотъ что отмѣчено у Безбородка 24-го августа [1]): „Нетерпѣливо ждалъ (король) почты варшавской, а еще больше видно было нетерпѣніе его, когда оная проѣхала часу въ 12-мъ чрезъ мостъ, что видно было ему и его придворнымъ изъ его покоевъ. За обѣдомъ и послѣ обѣда посылалъ освѣдомляться къ секретарю Фризу, — не принесены ли письма?“ M-lle Люлли, юная, прелестная француженка, эмигрантка, предметъ обожанія непостояннаго Станислава - Августа, прибыла въ Гродно 10-го іюля и прожила здѣсь до 5-го августа. Она тотчасъ же вошла въ гродненскій большой свѣтъ: ѣздила съ королемъ и „сестрицами“ на прогулки, бывала у Репниныхъ и Волконскихъ и принимала какъ ихъ, такъ и самаго главнокомандующаго.—Кромѣ выше названныхъ, замѣчательныхъ лицъ, посѣтили короля, за послѣднее время въ его гродненскомъ уединеніи еще слѣдующія: маркизъ Салини, подполковникъ австрійской службы маркизъ де-Шателеръ, англійскій подполковникъ Кармишель и знаменитый польскій самодуръ, староста каневскій, кн. Николай Потоцкій. Изъ русскихъ за это время мы встрѣчаемъ во дворцѣ: графа Ферзена, ген.-поруч. Михельсона, ген.-маіоровъ Чилищева, Неплюева, Сухтелена и Барановича, и семейство Феншей, мужа и жену, и другихъ менѣе значительныхъ.

Изъ отдѣльныхъ событій монотонной гродненской жизни указываемъ на выдающіяся, почему-либо, изъ ряда другихъ; но и эти послѣднія большею частью были тѣже самыя, что и въ прошломъ 1795 г.,—правда, иногда съ нѣкоторыми перемѣнами. Такъ въ 1796 г. день своего рожденія, 6-го января, король рѣшился праздновать. Утромъ въ 11 часовъ пріѣзжали къ нему съ поздравленіемъ: кн. Репнинъ, графы Румянцевъ и Панинъ и бригадиры Мерлинъ и кн. Лобановъ-Ростовскій. Обѣдали: кн. Репнинъ, графы Безбородко и Панинъ, принцъ Нассау-Зингенъ, гетманъ Огинскій, Шидловскій, Дзѣковская и Лосоцкая; вечеромъ пріѣзжали княгини Репнина и Волконская, графини Панина и Ожаровская. При совершеніи въ этомъ году религіозной процессіи, по поводу праздника Божьяго Тѣла, происходившей по тому же церемоніалу, что и въ

[1]) Ibid., стр. 137.

прошломъ (стр. 95), король со всею своею свитою ходилъ пѣшкомъ по всѣмъ костеламъ. Первенствовалъ въ процессіи и несъ св. Дары виленскій епископъ Коссаковскій; главнокомандующій заходилъ въ поіезуитскій монастырь, гдѣ была обѣдня и откуда начиналось шествіе, и смотрѣлъ на процессію, пока она прошла мимо дома Радзивилла. Табельные дни проходили тѣмъ же самымъ порядкомъ, у короля и генералъ-губернатора, какъ и въ прошломъ году. Лѣтнее время проводилось съ большимъ разнообразіемъ, чѣмъ прежде: оба общества, или двора, часто сходились въ Понѣмунѣ на пикникахъ, балахъ и концертахъ. Въ этомъ мѣстѣ по нѣсколько дней жили Репнины; здѣсь же 17 іюня Грабовская давала блестящій балъ, на который была приглашена вся королевская фамилія, Репнины и Волконскіе (мать съ двумя сыновьями, гвардейскими офицерами), русскій генералитетъ, штабъ-офицеры и „прочіе здѣшніе господа обоего пола“. Кромѣ лѣска Вольмара, куда ѣздилъ и гдѣ долго прохаживался король даже зимою, посѣщалъ онъ очень часто загородный домъ кн. Радзивилла, находившійся за Нѣманомъ. 1-го августа король смотрѣлъ на ученье егерскаго батальона, командуемаго подполковникомъ Барклаемъ-де-Толли. Онъ остался очень доволенъ „и удивлялся всѣмъ сего баталіона маневрамъ“. Послѣ ученья, Репнинъ пригласилъ короля въ палатку Барклая, въ которой уже находились графиня Замойская и много дамъ, этихъ вѣчныхъ спутницъ Станислава Понятовскаго; въ палаткѣ предложено ему было угощеніе фруктами и прохладительными напитками. Но черезъ три дня кн. Репнинъ готовилъ королю удовольствіе еще большее: въ этотъ день, также въ 6 часовъ вечера, назначены были корпусные маневры расположенныхъ при Гроднѣ войскъ. Подъѣхавъ къ мѣсту ученья, король вышелъ изъ кареты, сѣлъ на лошадь и ѣхалъ верхомъ, въ сопровожденіи своихъ придворныхъ и конвоя, до самаго того мѣста, гдѣ стояли войска, уже готовящіяся броситься въ атаку. Здѣсь встрѣтилъ короля командующій ими дежурный генералъ Мерлинъ и проводилъ его до того мѣста, гдѣ находился князь Репнинъ съ своей свитой. Главнокомандующій вручилъ королю планъ предстоящихъ маневровъ, по которому послѣдній и слѣдилъ съ живымъ любопытствомъ за ихъ ходомъ. Маневры происходили у Нѣмана, напротивъ Лососны и прусской границы, въ мѣстности, „при пріятномъ положеніи отъ натуры“. На берегу Нѣмана была раскинута палатка для угощенія; въ ней находилось опять множество дамъ, русскихъ и польскихъ, и между ними гр. Замой-

мойская, кн. А. Н. Волконская и Грабовская. Мимо палатки должны были проходить всѣ войска, участвовавшія въ маневрахъ и теперь возвращавшіяся въ лагерь; такъ и прошли церемоніальнымъ маршемъ 7 баталіоновъ пѣхоты при 12 орудіяхъ полевой артиллеріи, ведомые тѣмъ же генераломъ Мерлинымъ. Король былъ въ восторгѣ отъ видѣннаго и благодарилъ генералъ-губернатора. 6-го августа онъ послалъ, на имя Мерлина, 100 червонцевъ, въ подарокъ войскамъ, участвовавшимъ въ маневрахъ, и просилъ къ себѣ на обѣдъ на 7-е число этого генерала и всѣхъ батальонныхъ командировъ. На обѣдѣ этомъ присутствовали и генералъ-губернаторъ съ приставомъ. „Сдѣлавъ пристойный и ласковый комплиментъ“ Мерлину, полковникамъ (Коновницыну и Ливену) и батальоннымъ командирамъ, король много разговаривалъ съ ними. Но этимъ однимъ не ограничилось воинственное настроеніе Станислава-Августа: онъ пожелалъ видѣть солдата въ образцовой, должно быть, какой-нибудь новой формѣ. И это удовольствіе, съ позволенія кн. Репнина, доставлено ему было полковникомъ Ливеномъ: 6-го сентября этотъ полковникъ представилъ ему мушкетера, одѣтаго въ полной аммуниціи, „въ каску, мундиръ и пр.“ Уже изъ сказаннаго нами явствуетъ, что отношенія между кн. Репнинымъ и Станиславомъ-Августомъ были самыя дружелюбныя; это стало особенно замѣтно во время довольно продолжительной и жестокой (по словамъ дневника) болѣзни генералъ-губернатора, въ концѣ сентября. Князь Репнинъ заболѣлъ ночью подъ 22 сентября, подъ день коронаціи императрицы, почему и не принялъ короля, пріѣхавшаго къ нему съ поздравленіемъ. Этотъ послѣдній посылалъ своего доктора Бекклера къ больному и успокоился только тогда, когда узналъ, что ему стало нѣсколько полегче. На другой день, не желая безпокоить больнаго, король навѣстилъ княгиню; 27-го король снова ѣздилъ провѣдывать больнаго, и пробылъ у него часъ; 1-го октября сдѣлалъ тоже самое; но 2-го Репнинъ уже могъ пріѣхать на обѣдъ къ королю; во время болѣзни княгини Репниной, случившейся въ томъ же мѣсяцѣ, Грабовская часто ее навѣщала. 6-го ноября кн. Репнинъ выѣхалъ изъ Гродна въ Вильну, конечно, для обозрѣнія губерній; но, вѣроятно, вызванный извѣстіемъ о смерти императрицы, 12-го числа онъ поспѣшилъ въ Петербургъ, куда 15-го числа король уже отправляетъ къ нему эстафету. Гр. Н. П. Панинъ еще ранѣе главнокомандующаго оставилъ Гродно. Въ этотъ послѣдній городъ извѣстіе о смерти императрицы пришло очень поздно,—только 16-го числа.

По разсказу Безбородка, это случилось такимъ образомъ... Въ этотъ день обѣдалъ у короля гр. Безбородко. Во время самаго обѣда приставъ былъ вызванъ словами, что къ нему прискакалъ курьеръ изъ Вильны отъ графа Румянцева. Посланный извѣстилъ графа о восшествіи на престолъ императора Павла. „Не знавъ причины пріѣхавшаго курьера, говоритъ дневникъ [1]), былъ король и прочіе приведены въ удивленіе, и, по возвращеніи къ столу гр. Безбородка, весьма хотѣли узнать тому причину; но онъ за нужное почелъ во время стола о семъ умолчать, а сказалъ, что курьеръ къ нему пріѣхалъ отъ гр. Румянцева, извѣщающій, яко бы отъѣздъ его с—ства главнокомандующаго въ С.-Петербургъ послѣдовалъ не 12, а 13 числа, чѣмъ и были успокоены. Послѣ обѣда гр. Безбородко, чрезъ г. Фриза, просилъ тихонько короля, чтобъ его величество въ кабинетъ свой пожаловать изволилъ, гдѣ онъ имѣетъ ему нѣчто сказать; и когда король вошелъ въ кабинетъ, то онъ ему тайно объявилъ о всемъ томъ, что за столомъ не хотѣлъ сказать. Его в—ство весьма былъ потревоженъ таковымъ печальнымъ извѣстіемъ. Въ 10 час. вечера приставъ гр. Бозбородко былъ у его в—ства и, предваривъ его, что завтрашній день въ городѣ будетъ возвѣщено о смерти императрицы и учинена присяга на вѣрность государю, съ пушечною пальбою, просилъ при томъ, чтобъ его в—ство, пока вся оная церемонія будетъ продолжаться въ городѣ, гдѣ многочисленное собраніе народа будетъ и войско, въ отвращеніе всякихъ непредвидѣнныхъ случаевъ, съ нимъ послѣдовать могущихъ, не выѣзжалъ по обыкновенію за городъ проѣзжаться и съ отправленіемъ писемъ въ Варшаву и эстафетъ въ С.-Петербургъ поудержался, представивъ на то резоны, кои требовали отъ него на этотъ разъ осторожности, дабы запереть на сутки всѣ выѣзды изъ города. Король за благо все то принялъ и охотно на оное согласиться изволилъ“. — Уѣзжая въ Петербургъ, кн. Репнинъ поручилъ надзоръ надъ королемъ непосредственно гр. И. А. Безбородку и коллежскому совѣтнику Фризу, уже знакомому намъ, секретарю Станислава-Августа. Эти два лица начинаютъ теперь вести съ кн. Репнинымъ продолжительную и довольно дѣятельную переписку о лицѣ, порученномъ ихъ непосредственному наблюденію. По отъѣздѣ князя, послѣ смерти императрицы Екатерины, Гродно начинаетъ пустѣть. Поразъѣхались представители русской власти; изъ нихъ остались только генералъ-пору-

---

[1]) См. *Журн. Пребыв. въ Гроднѣ С. А. Понятовскаго*, стр. 150—151.

чики гр. Безбородко и Михельсонъ, но послѣдній 24 декабря уѣхалъ въ Херсонъ, и генералъ-маіоръ кн. Лобановъ-Ростовскій; о семействѣ Репнина въ дневникѣ упоминается въ послѣдній разъ 8-го ноября и 26-го декабря; оно уѣхало въ Вильну. Замѣчательно, что, по поводу этого отъѣзда, Безбородко ни слова не говоритъ о прощальныхъ визитахъ, — потому, можетъ быть, что дневникъ его приходилъ къ концу и послѣдніе два мѣсяца 96 года, очевидно, писался торопливо. Польское общество, почуявъ перемѣну вѣтра и узнавъ о вызовѣ бывшаго своего короля въ Петербургъ, также начало разлетаться изъ теплаго гродненскаго гнѣзда. Но кн. Репнинъ и въ Петербургѣ не забывалъ о королѣ: оттуда онъ рекомендовалъ гр. Безбородку имѣть „всевозможную предосторожность и охранительность королевской особы“, особенно во время прогулокъ короля за Нѣманъ; но приставъ успокоилъ князя извѣстіемъ, что король послѣ него за Нѣманъ ни разу не ѣздилъ, да и ѣздить не было возможности, по причинѣ ледохода и снятія моста. Безбородко былъ очень доволенъ поведеніемъ короля и его свиты, но за перепискою поляковъ началъ строго слѣдить: всѣ полученныя на имя короля и ихъ письма, стали вскрываться; болѣе любопытныя изъ нихъ выписки, въ переводѣ, пересылались къ главному начальнику края.

Смерть императрицы Екатерины взволновала весь польскій міръ, —страхомъ и надеждою, но больше надеждами, чѣмъ страхомъ. Натянутыя отношенія Россіи къ Пруссіи, ненависть поляковъ къ нѣмцамъ, пруссакамъ, слухи о рекрутскомъ наборѣ, вызовъ главнокомандующаго въ Петербургъ,—все это питало страхи. Слухи о характерѣ новаго императора, необузданно-вспыльчивомъ, но рыцарски-благородномъ, вѣсти о первыхъ шагахъ его царствованія, пророчившія политику, діаметрально противуположную той, которой неуклонно слѣдовала покойная Екатерина, — эти вѣсти, съ электрической быстротою распространившіяся по самымъ темнымъ закоулкамъ польскаго міра, заволновали самыми несбыточными надеждами легко воспламеняемую націю. Гродно, гдѣ сосредоточивалась теперь квинт-эссенція польскаго шляхетства, могла служить термометромъ общественнаго настроенія по поводу событій, совершившихся въ Петербургѣ 6-го ноября 1796 года; уровень польскихъ надеждъ поднимался такъ высоко, что были минуты, когда воскресеніе шляхетской республики казалось непреложнымъ,—по крайней мѣрѣ, для пламенной фантазіи.

Что касается лично до короля Станислава, отъѣздъ въ Петербургъ князя Репнина заставилъ его струсить. Въ продолженіи нѣ-

сколькихъ дней онъ ходилъ самъ не свой, не спалъ покойно ночи.— „У насъ будетъ война, сказалъ онъ однажды наединѣ Фризу, — и тогда насъ перевезутъ отсюда. Я разспрашивалъ Хребтовича, возвратившагося только 8 дней изъ Варшавы, — не говорятъ ли тамъ о войнѣ, или не дѣлаютъ ли тамъ какихъ-нибудь къ ней приготовленій. Хребтовичъ увѣрялъ меня въ противномъ, въ томъ даже, что войска ставятъ на мирную ногу...“ — Фризъ старался успокоить короля миролюбивыми слухами. — „А неожиданный отъѣздъ въ Кенигсбергъ Шведера, который былъ въ Бѣлостокѣ?...“ возразилъ Станиславъ-Августъ своему собесѣднику. Эти неожиданные отъѣзды русскаго и прусскаго генераловъ, сторожившихъ бывшее достояніе Польскаго короля въ Литвѣ, слухи о разбитіи русской арміи Персами, о смерти Бенингсона, убитаго будто-бы въ этой войнѣ,—весьма тревожили Понятовскаго: онъ боялся, что его увезутъ изъ Гродна куда-нибудь въ глубь Россіи, боялся лишиться такого добродѣя, какимъ не переставалъ быть для него князь Репнинъ. „Пруссаки громко говорятъ въ Варшавѣ, что они не хотятъ войны; прусскій король хочетъ уплатить 3-ю часть королевскихъ долговъ, а остальные ⅔ уплачиваетъ русская императрица“,—вотъ какія вѣсти привозили изъ Варшавы Станиславу-Августу его придворные. Но придворные мало знали или умышленно скрывали отъ короля то, что происходило въ Варшавѣ. Здѣсь раздраженіе противъ пруссаковъ достигло крайней степени.—„Здѣсь, писали въ Гродно, ни дарованія, ни разумъ, ни способности ни одного поляка не уважаются“. — „Желаешь отъ меня бюллетеня выходящимъ здѣсь отъ правленія повелѣніямъ и универсаламъ (говорится въ одномъ письмѣ изъ Варшавы),—признаюсь, что они не любопытны, а только касаются до установленія всякій разъ новыхъ податей, что все болѣе умножаетъ скудость и удрученіе бѣдныхъ людей... Побѣги въ здѣшнемъ гарнизонѣ никогда не перестаютъ: что день,— по нѣсколько десятковъ разомъ уходятъ солдаты. У оныхъ отнятъ хлѣбъ, а оставлено только по 12-ти грошей въ день. Со времени вступленія пруссаковъ въ Варшаву, считаютъ болѣе 2-хъ тысячъ бѣглыхъ солдатъ.“ „По полученіи извѣстія о смерти прусской королевны (разсказывается нѣсколько позднѣе въ другомъ письмѣ), примѣчено здѣсь на улицѣ — одѣтую въ черное сукно собаку съ надписью: *трауръ по прусской королевнѣ.* Послѣ чего учинено тотчасъ изслѣдованіе, но только нашли портнаго, дѣлавшаго оное (платье), который однакожъ сказалъ, что онъ не знаетъ, кто ему далъ таковую работу и не можетъ его примѣтить“.—Придворные

короля, давая присягу новому императору, хотѣли и здѣсь отличиться отъ простыхъ смертныхъ. Они отлынивали отъ публичной присяги въ церквахъ, и упрашивали гр. Безбородка о дозволеніи принести ее у него на квартирѣ. Такъ присягнули графы Мнишекъ и Хребтовичъ, Шидловскій и Фризъ; гр. Безбородко давалъ имъ особыя присяжныя свидѣтельства. Но такъ какъ число желающихъ воспользоваться такою *привиллегіею* страшно возрастало, то Безбородку надоѣло съ ними возиться, и онъ посылалъ ихъ или прямо въ церковь, или къ командовавшему въ то время войсками, расположенными въ Гроднѣ, генералъ-поручику И. И. Михельсону. Бывшія польскія войска также принесли новому императору и его наслѣднику вѣрноподданическую присягу, по установленной формѣ, въ которой они, между прочимъ, обѣщались извѣщать о всемъ „вражескомъ и предосудительномъ противъ персоны е. и. величества или е. и. высочества законнаго наслѣдника, или е. величества войскъ, такожде его государства и людей и пр.“ Польская щепетильность и осторожность доходили до мелочей: такъ, наприм., гродненскій дворъ надѣлъ трауръ по умершей императрицѣ только тогда, когда увидѣлъ его на Безбородкѣ и Михельсонѣ. Между тѣмъ вѣсти, приходившія изъ Петербурга въ Гродно, съ каждымъ днемъ становились все благопріятнѣе. Проживавшій тогда въ Петербургѣ королевскій племянникъ Станиславъ былъ главнымъ, но не единственнымъ источникомъ всѣхъ петербургскихъ новостей. Возвышеніе князя Репнина, милостивое письмо императора Павла къ королю Станиславу-Августу, благосклонность русскаго государя къ польскому герою Косцюшкѣ, къ королевскому племяннику Іосифу Понятовскому и благоволеніе его къ другимъ полякамъ, проживавшимъ въ Петербургѣ,—все это не только возбудило непритворный восторгъ въ польскомъ обществѣ, не только расшевелило фантазію поляковъ, и безъ того не сонную, но и воодушевило ихъ самымъ рьянымъ русолюбіемъ. Новый русскій императоръ вызывалъ въ свою столицу бывшаго польскаго короля и увеличилъ его содержаніе съ 11-ти на 16,666 черв. и 2 руб. ежемѣсячно; всѣ ссыльные, въ качествѣ русскихъ государственныхъ преступниковъ, поляки, получили свободу. Въ высшей степени любопытны тогдашніе польскіе голоса по поводу всего этого. Вотъ что, напримѣръ, писалъ самъ король: „При отъѣздѣ въ С.-Петербургъ, его с—ство кн. Н. В. Репнинъ писалъ мнѣ только въ двухъ строкахъ, увѣряя въ непремѣнной дружбѣ его ко мнѣ. Изъ Петербурга по сіе время (28 ноября) не получилъ отъ него извѣстія. Катерина II повелѣла предъ

смертью своею набрать 100 тыс. рекрутъ, каковой наборъ и на здѣшнія провинціи простирался; но Павелъ то отмѣнилъ“. „Не должно опасаться, пишетъ камергеръ Вольскій, войны съ сосѣдственною державою, ибо рекрутскій наборъ отмѣненъ; жребій короля еще не извѣстенъ“.—„Его императорское величество, пишетъ то же лицо, составилъ совѣтъ изъ великихъ князей Александра и Константина Павловичей, графовъ Остермана, Салтыкова и Безбородка (А. А.), къ коему пригласилъ и его сіятельство кн. Репнина, пожаловавъ онаго генераломъ-фельдмаршаломъ. Изъ самыхъ первыхъ дѣяній императора, всѣмъ надлежитъ ожидать великаго благоденствія. Въ генварѣ императоръ ѣдетъ въ Москву короноваться, послѣ чего объявитъ свои новыя учрежденія къ управленію имперіей“. „Императоръ, разсказываетъ Бачіарелли, лишилъ Пассека, Барятинскаго Маркова и Рибаса всѣхъ должностей; два первые шли противъ отца его.... Мы надѣемся, что королевскія дѣла лучше нынѣ пойдутъ, нежели за (при) жизнь императрицы, а, можетъ быть, и возьмутъ совсѣмъ другой видъ... Говорятъ, что рѣшеніе о королѣ было уже подписано императрицею и долженствовало быть объявлено въ генварѣ. Новый императоръ утвердилъ ли оное, или совсѣмъ перемѣнитъ?—не извѣстно“.—А вотъ и варшавскіе отголоски о петербургскихъ событіяхъ въ письмѣ неизвѣстнаго къ Бачіарелли, отъ 21 декабря:

„Полученное здѣсь извѣстіе объ освобожденіи Косцюшки и всѣхъ прочихъ поляковъ [1]) произвело въ сердцахъ и умахъ всѣхъ поляковъ наитрогательнѣйшее и наичувствительнѣйшее впечатлѣніе, а особливо способъ увольненія Косцюшки, къ которому самъ императоръ приходилъ; о семъ вы, конечно, въ Гроднѣ свѣдомы. Мы здѣсь имѣемъ о томъ таковое извѣстіе. По разводѣ, императоръ пошелъ лично къ Косцюшкѣ и приказалъ всѣмъ часовымъ удалиться. Вшедши до онаго, сказалъ ему:

— Brave general! Je vous apporte la nouvelle de votre delivrance: vous étes libre! Mais conaissez-vous Moi? Je suis Czar.

Видно Косцюшко императора не зналъ, и не вѣдалъ, кто къ нему пришелъ. Императоръ требовалъ отъ Косцюшки, чтобъ онъ далъ честное слово, что нигдѣ, ни въ какую революцію не будетъ входить, и противъ Россійской имперіи ни въ какомъ войскѣ не

[1]) Высочайшимъ указомъ, даннымъ Сенату 29 Ноября 1796 г., всѣ ссыльные поляки получили право возвратиться на родину и даже за границу, откуда также не возбранялся имъ выходъ. — См. Полн. Собр. Зак. Т. XXIV, № 17,585.

станетъ служить. За тѣмъ пожаловалъ ему земли; но Косцюшко, отговариваясь принять оныя, изъявилъ желаніе ѣхать въ Америку и просилъ у императора милости тѣмъ, которые стали жертвою довѣренности къ нему, относительно спасенія отечества, и находятся, наравнѣ съ нимъ, въ неволѣ,—была-бъ дарована вольность. На что императоръ отвѣчалъ, что таковыхъ находится 11 тысячъ и что оные немедленно будутъ выпущены на волю [1]). Теперь возвращаюсь къ восторгу, каковой произвело упомянутое извѣстіе. Видѣлъ я плачущихъ отъ радости и падающихъ на колѣни предъ онымъ божествомъ земнымъ, предъ оною геройскою добродѣтелію и великодушіемъ, предъ онымъ примѣромъ великодушія и величества для всѣхъ царствующихъ монарховъ. Теперь лишь мимоходомъ читаютъ заграничныя газеты о тѣхъ кровопролитныхъ дѣйствіяхъ и удачахъ съ одной и съ другой стороны: всѣ сердца и умы заняты исполненными человѣколюбія и великодушными дѣлами Павла 1-го. Каждая середа и суббота съ нетерпѣливостію ожидаема для узнанія новыхъ великихъ дѣяній онаго монарха, всякой разъ болѣе любопытныхъ и болѣе усчастливливающихъ человѣческій родъ. Такое-то всеобщее здѣсь впечатлѣніе! При изображеніи сего радостныя изъ глазъ слезы текутъ у меня [2]). Уже здѣсь мно-

---

[1]) Въ Pamiętnikахъ z XVIII Wieku (Т. 11, стр. 307—312 и 315—320) помѣщены два разсказа о свиданіи императора Павла съ польскимъ полководцемъ. Первый есть польскій переводъ съ разсказа Матѳея Гагарина. По словамъ разсказа, императоръ высказалъ свое соболѣзнованіе о судьбѣ Косцюшки въ царствованіе своей матери. Косцюшко заводитъ рѣчь о своемъ отечествѣ, о его судьбѣ. Императоръ прерываетъ эту рѣчь замѣчаніемъ, что Польша постоянно вредила интересамъ своихъ сосѣдей и что сами поляки за деньги служили на погибель своего отечества. Польскій полководецъ проситъ государя уволить его отъ такихъ разговоровъ и оправдываетъ передъ нимъ свой народъ. Второй разсказъ—разговоръ между императоромъ Павломъ и Косцюшкой. Послѣдній проситъ государя объ освобожденіи товарищей своего заключенія и, получивъ согласіе, падаетъ предъ нимъ на колѣна; глубоко разстроганный императоръ предлагаетъ ему 300 душъ крестьянъ въ Витебской губерніи и 60 тысячъ рублей, съ правомъ жить въ Россіи, гдѣ хочетъ. Косцюшко почтительно отказывается и проситъ о дозволеніи отправиться въ Америку.

[2]) Сличи погулянскія сцены у Огинскаго (Memoires sur la Pologne, t. 1, p. 429—434) столь же искреннія, какъ все, что говорится въ приведенномъ письмѣ, совершенно интимномъ. А руссолюбіе варшавскихъ поляковъ любопытно сличить съ воплями польскихъ женщинъ противъ *казацкой справы*, когда ихъ, во время послѣдняго мятежа, собравшихся, демонстраціи ради, просили не совсѣмъ, конечно, вѣжливо, удалиться все съ той же Погулянки. (См. примѣч. на стр 61).

гіе дѣлаютъ разныя заключенія относительно дальнѣйшаго благополучія поляковъ и имени польскаго. Дай Боже, чтобы то сбылось, чѣмъ всѣ мы ласкаемъ себя. Время и будущія обстоятельства окажутъ то, что сбыться имѣетъ. Между тѣмъ я, въ неизрѣченной радости, приказалъ паннѣ Іозефѣ, чтобъ въ медальонѣ носила на шеѣ силуэтъ Павла 1-го, отца и благотворителя человѣчества“.

„Въ пруссака впечатлѣніе совсѣмъ другое; и хотя хорошо скрываютъ (наши поляки) оное, однако видна ихъ притворность, съ коею показываютъ, что они имѣютъ сильныя связи съ императоромъ, и что онъ (Павелъ) короля ихъ (Понятовскаго) любитъ и пр., но Зубова нѣтъ... Но съ однимъ или двумя милліонами таллеровъ уже много не сдѣлаетъ (Зубовъ?), а надобно будетъ употребить на то 100 тыс. войска и пр...“

„Здѣсь снѣгъ великъ и санная въ Варшавѣ дорога хороша. Молодые люди, проѣзжаясь по улицамъ, кричатъ по-русски:—*Пошелъ! Поскоряс! Поди!*—и другимъ, тому подобнымъ, образомъ. Всѣ проходящіе взираютъ на то съ радостнымъ удивленіемъ и смотрятъ, какъ бы на вновь пришедшихъ россіянъ (!!). Все то относится къ восторгу, каковой въ народѣ виденъ, по полученіи недавно извѣстій изъ Петербурга: есть то (все это) малая вещь, но есть (служитъ) знакомъ радости и благодарности къ новому императору!“

„Одинъ изъ камеры г. Гофманъ на сихъ дняхъ давалъ званый обѣдъ, на коемъ находились пруссаки и нѣкоторые поляки, какъ-то: Малаховскій, сеймовой маршалокъ (такъ его всѣ здѣсь называютъ), Малаховскій, бывшій канцлеръ, и Рачинскій. Когда хозяинъ пилъ здоровье маршалка Малаховскаго, всѣ, сидѣвшіе у стола, вставъ, не сѣли, пока онъ не выпилъ рюмки; потомъ, когда Бухгольцъ, поднявшись, пилъ за здоровье Рачинскаго,—никто не тронулся съ своего мѣста“.

Изъ Варшавы присылали въ Литву печатные экземпляры брошюръ польскихъ и латинскихъ, съ одами и гимнами, въ честь возшествія на престолъ императора Павла. Одинъ изъ корреспондентовъ объясняетъ это „новымъ доказальствомъ благодарности отъ польскаго народа къ великому императору: такимъ-то образомъ народъ бесѣдуетъ съ царствующимъ государемъ, коего человѣколюбіе не только въ Европѣ, но и во всѣхъ четырехъ частяхъ свѣта будетъ извѣстно. Да будутъ добродѣтели великодушнаго Павла примѣромъ для всѣхъ государей!“—Не мудрено, что въ Варшавѣ предавались такимъ надеждамъ, когда въ этомъ городѣ прусское управленіе крѣпко давало себя чувствовать. Такъ, въ ночь

съ 3-го на 4-е января, во всемъ городѣ произведены были большіе аресты; схвачено множество лицъ, принадлежащихъ къ низшему классу граждан, ремесленники, слуги и проч. По всѣмъ улицамъ стояли конные пикеты и пѣхотные патрули; полиція была вся на ногахъ. Отъ 12 часовъ ночи до 7 час. утра, осматривали кабаки, харчевни, трактиры, брали людей, идущихъ въ церковь, такъ какъ день былъ воскресный. Всѣ гауптвахты и караулы были переполнены арестованными, которые, впрочемъ, по предъявленіи видовъ и свидѣтельствъ о ихъ личности, въ тотъ же день были выпущены, за исключеніемъ бродягъ и безпаспортныхъ. Пруссаки объясняли такой способъ дѣйствія тѣмъ, что въ ихъ владѣніяхъ, а особенно по большимъ городамъ, часто дѣлаются такіе обыски, съ цѣлію нахожденія подозрительныхъ людей и наведенія страха на зловредныхъ. Корреспондентъ, сообщавшій эти извѣстія, соглашается съ этими доводами тѣмъ болѣе, что, по его словамъ, въ Варшавѣ появилось множество воровъ и праздношатающихся, и что арестованнымъ не дѣлали „никакой обиды и истязанія". У того же корреспондента мы читаемъ слѣдующія извѣстія:—„Г. Лукезини скоро имѣетъ отправиться въ Петербургъ, на мѣсто г. Тайенцина. Но надобно ожидать, что оный почтенный прелатъ не наилучше будетъ тамо принятъ; правда, онъ хорошо служитъ своему государю (прусскому королю), но и насъ хорошо умѣлъ ввести въ сѣти... О князѣ Станиславѣ всякій разъ утвердительно говорятъ, что онъ обручился съ дочерью императора (!!), что вся императорская фамилія къ нему очень благосконна, и что онъ всякій день бываетъ у стола съ фамиліею императора. Говорятъ также здѣсь повсемѣстно, что Польша будетъ опять поставлена на ту ногу, на какой была послѣ Гродненскаго Сейма. Даже всѣ почти пруссаки гласно говорятъ, что тò, что имъ досталось по раздѣлу, — доставляетъ имъ болѣе расходъ, нежели приходъ, а при томъ, великіе происходятъ въ солдатахъ побѣги, по причинѣ той невыгоды, что оные ничего не могутъ заработать въ Варшавѣ. Твердятъ здѣсь, что Косцюшко не выѣхалъ еще изъ Петербурга и что сказалъ ему императоръ слѣдующее:—Надѣюсь, что вы еще нѣсколько времени здѣсь останетесь?—На что отвѣчалъ Косцюшко такъ: „О сей одной только милости я хотѣлъ просить ваше императорское величество". Императоръ сказалъ ему на то, что онъ весьма доволенъ, что предупредилъ его тѣмъ. Здѣсь надѣются, что данный князю Іосифу кирасирскій полкъ будетъ навсегда данъ королю для гвардіи. Пишутъ сюда изъ Петербурга, что императоръ

много трудится всякій день, и даже большую часть ночи посвящаетъ на труды, и что, для дѣлъ, требующихъ скораго исполненія, коронація отложена до апрѣля мѣсяца".—А вотъ что писали изъ Вѣны, въ январѣ 1797 года: „Въ Вѣнѣ многіе особы превозносятъ похвалами Павла 1-го за его великодушное обхожденіе съ польскимъ королемъ, фамиліею его и со всѣмъ польскимъ народомъ. Сіе подаетъ надежду; но здѣшняя публика говоритъ, что предавшій васъ сосѣдъ (Пруссія) воспротивится событію ожидаемаго, и потушитъ и въ другомъ дворѣ (русскомъ) справедливыя желанія, каковыя въ немъ могли бы родиться: сего-то многіе ваши партизаны опасаются".

Король Станиславъ-Августъ, по поводу милостей новаго императора къ нему и къ племяннику его Іосифу, которому государь возвратилъ имѣнія его Воляны, Жижморы и Ушполе, радовался, какъ истый полякъ, до самозабвенія, до смѣшнаго. Онъ пишетъ къ роднымъ восторженныя письма, собирается писать къ папѣ, — совѣтовать, что ему нужно дѣлать; зоветъ къ себѣ въ Гродно старыхъ друзей, требуетъ каталоги своей варшавской библіотеки, говоря, что они ему понадобятся.—„Часъ тому назадъ, пишетъ онъ Кицкому (отъ 1 декабря), я получилъ отъ императора Павла І-го письмо въ пріятнѣйшихъ выраженіяхъ. Князь Репнинъ далъ мнѣ доказательство, что (онъ) есть моимъ искреннимъ и дѣятельнымъ пріятелемъ".—„Когда пріѣдешь, пишетъ онъ въ то же время Горжинскому,—наговоримся съ тою откровенностію и искреннею дружбою, съ какою мнѣ къ вамъ быть неотмѣннымъ пріятно, есть и будетъ." [1])—„Напиши (изъ письма къ m-lle Люлли) къ г-жѣ Понятовской, что императоръ Павелъ І-й обѣщалъ кн. Репнину дать въ вѣчность принцу Іосифу Воляны, Жижморы и Ушполе. Благодаримъ Бога! болѣе нечего писать". Благодаря вѣнскаго доктора Салабата за излѣченіе своихъ родныхъ, племянника и племянницы, король посылаетъ ему золотую медаль, величиною въ голландскій таллеръ, съ своимъ портретомъ съ одной стороны, и надписью: *Станиславъ-Августъ, Божіею милостію король польскій и великій князь литовскій* (!!), а съ другой, надъ лавровымъ вѣнкомъ, — metrentibus (заслуживающимъ). „Не могу, вашему сіятельству, не сказать, извѣщаетъ Безбородко кн. Репнина (отъ 1 декабря), особливаго обрадованія, которое ощущалъ король, получивъ пись-

[1]) Очевидно, дословный переводъ съ польскаго, принадлежащій нѣкоему Огіевскому, официальному переводчику при кн. Репнинѣ.

мо отъ его императорскаго величества. Прочитавъ оное и вашего с—ства (письмо), обнялъ меня и сказалъ, что онъ не въ силахъ открыть свое чувствительное признаніе и совершенное удовольствіе къ столь благосклоннѣйшему и трогающему его отзыву нашего всемилостивѣйшаго государя. Того-жъ времени послалъ за графинею Мнишекъ и мужемъ ея, пошелъ къ обѣимъ своимъ сестрицамъ и показалъ имъ письма. Но сего еще не довольно! Бывшимъ у него придворнымъ не пропустилъ сказать его радость, которая у его изображалась на лицѣ". Нечего удивляться сочувствію къ Станиславу-Августу гродненскихъ русскихъ сидѣльцевъ, и было бы странно объяснять его ихъ женолюбіемъ: оно объясняется тѣмъ, во-первыхъ, что за два года, они сжились съ нимъ, свыклись, и что, во-вторыхъ, всѣмъ имъ смертельно надоѣла затворническая жизнь; выѣздъ короля изъ Гродна давалъ и имъ возможность покинуть литовскую юдоль и умчаться въ средоточіе русскаго свѣта и жизни, — въ Петербургъ. „Да благословитъ Богъ его величество императора, его царствованіе, его августѣйшее семейство! Молимъ Всемогущаго за нихъ, и за нашего несравненнаго князя Репнина!" — вотъ восклицанія, раздававшіяся, по словамъ Фриза, въ гродненскомъ дворцѣ по прочтеніи писемъ, полученныхъ изъ Петербурга. Король, по словамъ своего секретаря, обливался радостными слезами и благодарилъ Бога. Къ чести бывшаго польскаго короля надобно сказать, что онъ въ эти отрадныя для него минуты не забывалъ и другихъ: онъ поручилъ Фризу просить князя ходатайствовать передъ императоромъ о возвращеніи Мнишкамъ старòства Поросяткова, доставшагося Ферзену (оно было возвращено), и о помилованіи 18-ти лицъ, руководившихъ апрѣльскою революціею 94-го года. Отъ послѣдней просьбы тщетно и долго его отговаривали Фризъ и Мнишки. — „Я исполню, по крайней мѣрѣ, сказалъ король своему секретарю,—долгъ моей совѣсти, прося за нихъ кн. Репнина, моего друга; его сострадальное сердце и его добродѣтель скажутъ ему,—можно ли будетъ что-нибудь для нихъ сдѣлать? Пишите!"—Въ упоеніи своей радостью не забылъ Станиславъ-Августъ и о лицахъ его окружающихъ: онъ просилъ кн. Репнина ходатайствовать предъ государемъ о награжденіи своего адъютанта Гордона и тѣхъ русскихъ офицеровъ, которые при немъ дежурили.

Возвышеніе кн. Репнина вызвало два восторженныхъ поздравительныхъ письма къ нему изъ Гродна, — одно отъ пристава, гр. Безбородка, другое отъ Фриза. Безбородко радовался возвышенію

своего шефа, не по долгу признательности къ нему, за „особливое благоволеніе", но, по его словамъ, „по искреннѣйшей моей къ вамъ приверженности". „Да будетъ (продолжаетъ графъ) предъ освященнымъ престоломъ подпора, покровительство и хотя малое одобреніе ваше служащему подъ высокимъ начальствомъ вашего сіятельства, взысканному довѣренностію вашею и рвущемуся усердіемъ, вѣрностію и, по мѣрѣ силъ моихъ, способностію и пр." — Болтливый французъ поздравляетъ въ слѣдующихъ напыщенныхъ выраженіяхъ: „Да будетъ благословенъ Господь и августѣйшій государь! Да сохранитъ Господь ваше сіятельство для службы его императорскаго величества, для блага и счастія его имперіи и для утѣшенія милліоновъ существъ всякаго званія (de tont genre), которыя уже благословляютъ и не перестанутъ благословлять ваше с—ство, въ соединеніи съ тѣмъ, кто не престанетъ, до послѣдняго издыханія, быть вѣрноподданнымъ и рабомъ (le fidel sujet et serviteur) его императорскаго величества, точно такъ-же какъ неизмѣнно и почтительно-преданнымъ и вашему с—ству и пр."— При поражающей деморализаціи высшаго польскаго общества, нечего удивляться, что секретарь послѣдняго польскаго короля былъ давнишній *знакомый* русскихъ. Еще въ 1793 г. онъ, по собственному признанію, далъ слѣдующее обѣщаніе Сиверсу: „de ne jamais lui cacher la verité des faits et garder le secret, [1])" — что и сдѣлалось, будто бы, его принципомъ. При щедрыхъ милостяхъ, изливавшихся съ высоты императорскаго трона, онъ надѣялся воспользоваться хотя малою толикой,— вотъ почему не перестаетъ онъ, въ каждомъ письмѣ къ Репнину, распространяться въ своихъ вѣрноподданическихъ чувствахъ къ русскому государю (à mon très gracieux nouveau Maitre et Souverain) и даже втягиваетъ князя въ свои личные, семейные интересы. Такъ, когда какой-то господинъ сдѣлалъ предложеніе его дочери, Фризъ, якобы, сказалъ ему такъ:— „Je n'avais rien contre; mais mon existance, ainsi que mon sort et celui de ma femme et enfants dépendent, après Dieu, de Sa Majesté l'Empereur et de p-ce Repnin, [2])" — Впрочемъ, въ письмахъ своихъ Фризъ постоянно держалъ сторону короля и, кажется, не оказался противъ него вѣроломнымъ.

---

[1]) „Не скрывать отъ него правды и соблюдать тайну".

[2]) „—Я ничего не имѣю противъ; но мое существованіе, судьба моей жены и дѣтей, послѣ Бога, зависятъ отъ его императорскаго величества и отъ кн. Репнина".

Вмѣстѣ съ Косцюшкой, императоръ Павелъ далъ свободу и Игнатію Потоцкому, извѣстному приверженцу конституціи 3-го мая. Эта милость была въ Гроднѣ непопулярной, какъ это видно изъ писемъ Фриза, служившихъ отголоскомъ большинства польскаго общественнаго мнѣнія, котораго держался и самъ король. „Что касается до Косцюшки, онъ пишетъ, многіе изъ здѣшнихъ поляковъ благословляютъ его императорское величество; но что касается до графа Игнатія Потоцкаго, то осмѣлюсь сказать.... это—врагъ Россіи, врагъ короля, врагъ своего отечества, который, по своему самолюбію, по продажности души своей и по своимъ связямъ съ Берлиномъ, Колонтаемъ и Зайончекомъ и галиційской молодежью (les jeunes gens en Galicie) первый, по своемъ возвращеніи, раздуетъ пламень (революціи?), по несчастію еще скрывающійся подъ пепломъ". По словамъ Фриза, переписка депутатовъ 4-хъ лѣтняго сейма съ Деболи, польскимъ посланникомъ въ Петербургѣ, переписка Мостовскаго съ Боннó (Bonneau) и др. и планъ извѣстной польской брошюры, [1]) французскій отвѣтъ на которую принадлежалъ Фризу, были главнѣшимъ образомъ дѣломъ Игнатія Потоцкаго. Фризъ очень сожалѣетъ, что, не имѣя подъ рукою журналовъ 4-хъ лѣтняго сейма, которымъ заправлялъ все тотъ же Потоцкій (сеймовый архивъ, по его словамъ, перевезенъ въ Петербургъ), онъ не можетъ представить князю тѣхъ словъ и выраженій, которыми тогда поляки оглушали міръ, жалуясь на угнетеніе Россіи.

Чрезвычайное благоволеніе русскаго императора къ польскому королю, дозволившаго послѣднему покинуть скучную Гродно, въ которой онъ прожилъ два года, хотя въ довольствѣ и почетѣ, но все же подъ надзоромъ, ограничивающимъ свободу движеній, долго восхищала короля и всѣхъ искренно расположенныхъ къ нему людей. Вотъ что писалъ къ нему изъ Варшавы старшій братъ, Казиміръ Понятовскій: „Я надѣюсь, что дружба россійскаго императора заставитъ васъ позабыть безпрестанныя огорченія, каковыя вы имѣли во все время вашего царствованія. Настоящимъ устройствомъ (переѣздомъ въ Петербургъ) я, по крайней мѣрѣ, успокоился относительно затрудненій, въ которыхъ бы вы нашлись, удаляясь отъ Россіи, которая одна только твердою для васъ подпорою остается. Завидую отъѣзжающимъ съ вами! Я бы и самъ не преминулъ то сдѣлать, еслибы здоровье мое позволяло сіе".—Но когда прошли первыя минуты восторга, проза жизни начала брать свое, а у Станислава-Августа, безпечнаго и расточительнаго, она главнѣйшимъ образомъ состояла въ его денежныхъ дѣлахъ.

[1]) Mémoires sur les affaires actuelles de la Pologne, приписываемой Гэльсу и написанной въ пользу Пруссіи. (Костомаровъ, стр. 296.)

Мы уже видѣли (стр. 90—93), что вопросъ о королевскихъ долгахъ составлялъ и въ прошломъ году предметъ немаловажныхъ заботъ для литовскаго генералъ-губернатора. Князь Репнинъ не переставалъ писать въ Петербургъ, просилъ Зубова, Салтыкова, сердился и объяснялъ волокиту этого скучнаго дѣла, съ которымъ однакоже приставалъ къ нему король, общею неурядицею, царствующею тогда въ правительственныхъ сферахъ Петербурга. Могло быть, конечно, и такъ; но главная причина волокиты заключалась не въ этомъ, а въ томъ, что петербургскій дворъ еще не покончилъ въ это время съ союзными дворами, берлинскимъ и вѣнскимъ, всѣхъ сношеній, обусловливавшихъ паденіе Польши и послѣдній раздѣлъ: королевскіе долги были предметомъ продолжительной дипломатической негоціаціи, такъ какъ, естественно, ихъ не могло принять на себя одно русское правительство. Въ Варшаву, принадлежавшую теперь Пруссіи, гдѣ находились недвижимыя имущества Станислава-Августа, не разъ ѣздилъ, для устройства дѣлъ его, Кицкій, который велъ переговоры съ прусскимъ министромъ Гоймомъ (Hoym) и съ королевскими кредиторами. Но всѣ эти переговоры не привели ни къ чему: въ Варшавѣ, по тогдашнему прусскому обычаю, указывали на русскую императрицу, говорили, надобно подождать,—что скажетъ она?

Гродненскимъ сидѣльцамъ, конечно, хотѣлось рѣшить вопросъ этотъ гораздо проще,—отсюда ихъ треволненія и досада. При Екатеринѣ, очевидно, было безполезно снова поднимать вопросъ о долгахъ; но теперь, когда поднялись фонды польскаго короля, заговорили о немъ снова. Пребываніе кн. Репнина въ Петербургѣ и особенное благоволеніе къ нему императора Павла, давали Станиславу-Августу предлогъ бомбардировать своего добродѣя письмами (прямо отъ себя и черезъ Фриза), съ просьбою, ускорить рѣшеніе этого, существенно важнаго для него, вопроса. У послѣдняго польскаго короля находились въ Варшавѣ и др. мѣстахъ слѣдующія, лично принадлежавшія ему, имущества: 1) варшавское предмѣстіе Уяздовъ съ Лазѣнками и со всѣмъ, къ нимъ принадлежащимъ,—дворцомъ, мраморомъ, картинами и пр.; 2) домъ почты; 3) домъ Ириневича; 4) 13 соляныхъ магазиновъ въ южной Пруссіи; 5) дома въ Маріенштадтѣ. Пруссаки оцѣнивали всѣ эти иму-

щества въ $1\frac{1}{2}$ милліона рейхсталлеровъ и, какъ само собою разумѣется, не давали ими пользоваться королю Станиславу-Августу, до окончательной имъ уплаты своихъ долговъ разнымъ лицамъ, теперь прусскимъ подданнымъ. Не довольствуясь этимъ, пруссаки угрожали выгнать престарѣлыхъ слугъ короля, жившихъ его пенсіономъ и помѣщавшихся въ разныхъ постройкахъ, окружавшихъ королевскій дворецъ, и въ одномъ поіезуитскомъ домѣ, купленномъ Станиславомъ-Августомъ; на мѣсто дряхлыхъ стариковъ и ихъ семействъ, прусское правительство хотѣло расположить своихъ солдатъ; наши источники не говорятъ, удался ли энергическій протестъ Кицкаго по этому дѣлу, посланный имъ графу Гойму? Совсѣмъ иначе относились къ интересамъ короля польскаго русскіе,—и не одни его гродненскіе пріятели, но самъ Суворовъ. Вслѣдъ за тѣмъ, какъ польскій король покинулъ свою столицу и отправился на жительство въ Гродно, генералъ Буксгевденъ представилъ фельдмаршалу, что варшавскій монетный дворъ необходимо или уничтожить, или взять въ казну. На всѣ доводы этого генерала, Суворовъ, по его словамъ, приказалъ: „соблюсти всячески собственность королевскую, относя къ оной и монетный дворъ, такъ какъ оный не отъ республики, а единственно отъ особы королевской былъ зависимъ“. Буксгевденъ ограничился однимъ непосредственнымъ надзоромъ за монетнымъ дворомъ, хотя и очень тревожился, опасаясь непріятностей изъ Петербурга; онъ писалъ письма къ гр. П. А. Румянцеву и кн. Репнину, прося у нихъ совѣтовъ, что ему дѣлать; но дѣло о монетномъ дворѣ оставалось въ томъ же положеніи до передачи Варшавы въ руки пруссаковъ. Фризъ въ письмахъ къ фельдмаршалу Репнину даетъ нѣкоторое понятіе о частныхъ долгахъ короля. Онъ, напримѣръ, былъ долженъ одному Скарбеку 21 милліонъ флориновъ; долженъ былъ тысячами и десятками тысячъ другимъ лицамъ; долженъ былъ сотнями злотыхъ своимъ придворнымъ, варшавскимъ и гродненскимъ. Финансовая безпорядочность короля съ каждымъ мѣсяцемъ увеличивалась даже въ Гроднѣ, гдѣ онъ жилъ на русскія деньги. По сознанію даже Фриза, король былъ окруженъ людьми, которые его объѣдали и обирали. Почти половина получаемаго имъ отъ русскаго правительства содержанія уходила на варшавскіе пенсіоны; между лицами, получающими послѣдніе, было множество дармоѣдовъ, такъ что на долю престарѣлыхъ слугъ, нуждающихся въ помощи, доставалась ничтожная сумма, недостаточная для удовлетворенія первоначальныхъ потребностей. По всѣмъ этимъ причи-

намъ, когда вопросъ о выѣздѣ изъ Гродна былъ рѣшенъ, и когда уже была ассигнована нужная для этого сумма (50 тысячъ червонцевъ), Станиславъ-Августъ не зналъ — чѣмъ ему расплатиться съ кучею долговъ, ежедневно возрастающихъ; какъ добраться до Петербурга съ своимъ дворомъ, и на какія средства прокормить его до тѣхъ поръ, пока снова будутъ выдавать мѣсячное жалованье? Вопросъ о долгахъ бывшаго польскаго короля былъ рѣшенъ конвенціею, заключенною 15 января 1797 г. между тремя государствами, участвовавшими въ раздѣлѣ Польши. По этой конвенціи, долги короля опредѣляются въ 40 милліоновъ польскихъ гульденовъ; уплату ихъ принимаютъ на себя договаривающіяся стороны; для разбора долговыхъ претензій учреждается особая смѣшанная комиссія отъ Россіи, Австріи и Пруссіи. „Усердствуя изъявить (гласитъ VI ст. конвенціи) его величеству королю Станиславу - Августу отличный опытъ ихъ къ нему уваженія, договаривающіяся стороны опредѣляютъ *сему князю* 200 тысячъ червонныхъ ежегодной пенсіи, въ два срока впередъ—1-го января и 1-го іюля“. Король долженъ былъ возвратить императору Павлу ту сумму, которая составитъ излишекъ сверхъ причитающейся съ России доли. Статья VII предоставляетъ Станиславу-Августу свободное пользованіе движимыми и недвижимыми его имѣніями [1]).

Когда прошли первыя минуты восторга отъ милостей русскаго императора, когда надобно было сбираться въ путь, покидать Гродно, удалиться отъ роднаго края въ глубь Россіи,—всѣ заговорили другимъ языкомъ, и игривое настроеніе мыслей смѣнилось совершенно противоположнымъ. Между придворными короля начались обычныя у поляковъ интриги. Такъ въ одномъ письмѣ читаемъ: „Браницкій выѣхалъ уже въ Петербургъ, а сестру свою послалъ въ Гродно *для вывѣдыванія*—что тамъ говорятъ?—и *для шпіонства*. Надлежитъ касательно оной имѣть осторожности.“ Одни изъ поляковъ хотѣли, другіе не желали съ королемъ ѣхать; собиравшіеся ѣхать оттирали тѣхъ, кто имъ не нравился; большинство настаивало, чтобы ѣхать прямо въ Москву, и притомъ, послѣ пасхи (5 апрѣля), а оттуда уже въ Петербургъ: „la santé, la bourse et toutes les affaires y gagneraient infiniment,“ писалъ король къ Фризу, прося его провести эту мысль, какъ будто отъ себя, въ письмѣ къ князю; но фельдмаршалъ, черезъ Безбородка и Фриза, зналъ о всемъ. Наши источники не объясняютъ, какія были побудительныя

1) См. Полн. Собр. Зак. Т. XXVI, № 17,736, стр. 280—285.

причины, заставившія поляковъ предпочесть Москву Петербургу; безконечные сборы и поздній выѣздъ изъ Гродна можно объяснить нежеланіемъ присутствовать при коронаціи императора Павла, имѣвшей быть въ первый день свѣтлаго праздника, 5-го апрѣля. Но какъ бы то ни было, и отъ чьихъ бы вліяній ни происходило, король сталъ на сторонѣ недовольнаго большинства, и вотъ что писалъ онъ къ Бышевскому въ Варшаву, въ отвѣтъ на вопросъ его: ѣхать ли ему въ Гродно? „Столь мнѣ несносно и больно разставаться съ отечествомъ, и тѣми особами, съ коими я долженъ здѣсь разлучиться, что по истинѣ не знаю, какъ я доселѣ то выдерживаю; почему не усугубляй печали пріѣздомъ своимъ: иначе бы мы напрасно только наплакались. Скажи и другимъ желающимъ ѣхать сюда, дабы проститься со мною, чтобы они не трудились (отъ 16—27 января 1797 г.).“—Русскую партію при гродненскомъ дворѣ составляли Мнишки, д-ръ Беклеръ и Фризъ. Они воздерживали короля отъ всякаго рода крайностей и увлеченій, и совѣтовали ему дѣйствовать согласно наставленіямъ фельдмаршала Репнина; къ тому же побуждалъ Станислава-Августа и баронъ д'Ашъ, въ своихъ письмахъ, совѣтуя ему какъ можно торопиться пріѣздомъ въ Петербургъ и не брать съ собою большой свиты. Но сборы къ выѣзду изъ Гродна, тѣмъ не менѣе, были еще продолжительнѣе, чѣмъ, назадъ тому два года, при переѣздѣ изъ Варшавы въ этотъ городъ.

Въ числѣ причинъ, замедлявшихъ отъѣздъ короля Станислава-Августа изъ Гродна, было желаніе его ѣхать въ Петербургъ вмѣстѣ съ любимымъ своимъ племянникомъ, идоломъ его сердца Пепи (Pepi), княземъ Іосифомъ Понятовскимъ. За этимъ послѣднимъ, еще въ концѣ ноября, король посылалъ Рыкса, но Іосифъ не поѣхалъ, отговариваясь болѣзнію, происходящею отъ ранъ. Черезъ два мѣсяца король снова послалъ въ Вѣну, гдѣ жилъ Іосифъ Понятовскій, адъютанта своего Гордона, поручивъ ему привезти племянника, и тщетно ожидая его ко дню своего выѣзда изъ Гродна. Но отъ Іосифа приходили все тѣ же вѣсти о болѣзни и увѣренія, что по выздоровленіи онъ самъ, послѣ дяди, пріѣдетъ въ Петербургъ. Объ этой болѣзни, какъ о чемъ-то важномъ, говорится во многихъ польскихъ письмахъ, прочтенныхъ тогда въ Гроднѣ, хотя нигдѣ не говорится о томъ, чтобъ она была притворною: „князя Іосифа еще не видать; всякій день и всякую минуту ожидаютъ его здѣсь. Но трудно будетъ для него разстаться съ г-жею Вобанъ, къ которой надобно послать расторопнаго человѣка, дабы онъ

могъ внушить ей, что Іосифу непремѣнно должно ѣхать въ Петербургъ“. Но Іосифъ съ дядею не поѣхалъ, хотя стоялъ первымъ въ спискѣ его свиты, точно также, какъ и назадъ тому два года. Отказываясь ѣхать, Іосифъ Понятовскій принесъ однакоже присягу на вѣрноподданство, препроводивъ свой присяжный листъ нашему послу въ Вѣнѣ, гр. Разумовскому. Осыпанный милостями Павла, Іосифъ написалъ къ нему почтительное, вѣрноподданическое письмо, въ которомъ, по причинѣ ранъ и слабаго здоровья, отказывался отъ военной службы, увѣряя, при этомъ, что, при другихъ обстоятельствахъ, за счастіе счелъ бы служить государю. „Смѣю увѣрить ваше и—ское в—ство, писалъ онъ,—я высоко цѣню честь служить подъ знаменами монарха, который каждый день своего царствованія ознаменовываетъ справедливостію, милостію и добродѣтелью“. Неизвѣстно, какъ было принято это письмо; но Станиславъ-Августъ струсилъ за своего любимца, а поэтому убѣдительнѣйше просилъ кн. Репнина расположить императора въ его пользу, т. е. чтобъ государь повѣрилъ и ранамъ, и вѣрноподданической готовности, по выздоровленіи, явиться на службу [1]). Убѣдившись, что въ Москву не позволятъ ему ѣхать, Станиславъ-Августъ оттягивалъ свой выѣздъ изъ Гродны еще и по слѣдующему соображенію: ему хотѣлось, очевидно, встрѣтиться съ императоромъ Павломъ *какъ-бы случайно*, не въ главной столицѣ Россійской имперіи, а гдѣ нибудь въ иномъ мѣстѣ,—прежде въ Москвѣ, а теперь, вздумалось ему, въ Вильнѣ или Ригѣ, такъ какъ было извѣстно, что, послѣ своей коронаціи, императоръ посѣтитъ эти города. Можно предполагать, что, кромѣ тщеславія и щекотливости, бывшему польскому королю непріятна была первая встрѣча въ Петербургѣ со многими изъ своихъ соотечественниковъ, изъ числа приверженныхъ къ конституціи 3-го мая и Косцюшки, которые несомнѣнно посмотрѣли бы съ злораднымъ чувствомъ на незавидное положеніе бывшаго короля Польши, становившагося теперь простымъ придворнымъ русскаго императора, которому (могли думать недоброжелатели Станислава) понадобился онъ въ Петербургѣ лишь для увеличенія придворнаго блеска. Какъ бы то ни было, ѣхать прямо въ Петербургъ никому не хотѣлось изъ королевской свиты, даже тѣмъ, которые увѣряли въ противномъ. По первоначальному маршруту, король долженъ былъ ѣхать на

---

[1]) Оба письма (на французскомъ) напечатаны въ сборникѣ Pamiętnici z XVIII wieku Poznan 1868. T. X. ч. 2, стр. 92 — 94.

Ковно, минуя Вильну; но теперь, когда никому не хотѣлось спѣшить выѣздомъ, и когда нельзя было отправиться въ Москву, всѣ вдругъ заговорили о необходимости ѣхать черезъ Вильну, и начали просить объ этомъ кн. Репнина, — всѣ, начиная отъ короля и кончая секретаремъ его Фризомъ: путь чрезъ Вильну все же удлиннялъ время и отдалялъ отъ Петербурга; была, какъ мы видѣли, слабая надежда на встрѣчу съ императоромъ, ибо въ январѣ еще предполагали, — что коронація будетъ вскорѣ; многіе, и въ томъ числѣ, конечно, Станиславъ-Августъ, желали побольше пожить въ чисто-польскомъ городѣ, подышать, можетъ быть въ послѣдній разъ, польскимъ воздухомъ; въ числѣ причинъ, заставившихъ проситься въ Вильну, очутилось вдругъ, почему-то особенно вспыхнувшее, пламенное желаніе „засвидѣтельствовать почтеніе ея сіятельству княгинѣ Н. А. Репниной", еще жившей въ этомъ городѣ съ своею дочерью и внуками. Семейство Репнина выѣхало изъ Гродна кажется ранѣе 15 ноября; возвратившаяся въ это число изъ Варшавы Грабовская уже не застала его, почему, вѣроятно для прощанія съ нимъ, ѣздила въ Вильну, 26-го ноября. На желаніе короля ѣхать черезъ Вильну фельдмаршалъ Репнинъ изъявилъ свое согласіе.

Здѣсь кстати сказать, что выѣздъ короля изъ Гродна и путешествіе его до Петербурга, породили чуть не цѣлую литературу, —безконечное множество писемъ, на русскомъ, польскомъ и французскомъ языкахъ, просьбъ, меморандумовъ и пр., и пр. Всѣ эти груды писаной бумаги, униженно-просительнаго и плаксиваго содержанія, почти ежедневно отправлялись съ нарочными и курьерами къ фельдмаршалу, котораго въ январѣ и февралѣ мѣсяцахъ 1797 г. мудрено было застать на одномъ какомъ-нибудь мѣстѣ. Просили и плакались не одинъ король и его придворные, а всѣ, и почти каждый. По истинѣ нельзя не удивляться тому общему добродушію, съ которымъ относились русскіе люди прошлаго вѣка къ полякамъ,—далеко не одинъ кн. Репнинъ. Нельзя не удивляться не одному его терпѣнію перечитывать всѣ эти писанія, но и его ходатайству за писавшихъ. Одни письма Фриза, своимъ льстивымъ тономъ, своимъ мелочнымъ содержаніемъ, въ состояніи привести въ отчаяніе самаго терпѣливаго человѣка нашего времени. Хитрый французъ, очевидно, злоупотреблялъ довѣріемъ къ нему фельдмаршала, заваливая послѣдняго постороннею, не относящеюся до короля корреспонденціею. Мы уже сказали, что на проѣздъ до Петербурга королю было назначено 50 т. червонцевъ; князь Репнинъ

приказалъ Безбородку выдать ему эти деньги впередъ, но приставъ ослушался этого приказанія, по совѣту родныхъ и по *просьбѣ* самого Станислава, просившаго, чтобы не давали ему на руки много денегъ: со старикомъ, замѣтно одряхлѣвшимъ, быть можетъ вслѣдствіе послѣднихъ душевныхъ его волненій, радостныхъ и скорбныхъ, приходилось няньчиться, какъ съ ребенкомъ. Почуявъ отъѣздъ короля, видя его доброту и щедро расточаемые червонцы, польская голытьба окружила его со всѣхъ сторонъ и отнимала у него послѣдній покой: явилась въ гродненскомъ дворцѣ и наглость съ своими претензіями, и мольбы о ходатайствахъ и помощи, и навязчивое выпрашиваніе „хотя умѣреннаго подаянія", по выраженію нашихъ источниковъ. Старикъ Понятовскій только кряхтѣлъ и жаловался; но родные его неотступно просили графа Безбородка, чтобы не допускать до него просителей послѣдней категоріи, безъ предварительнаго разсмотрѣнія ихъ просьбъ. Но никакія предосторожности не остановили безполезныхъ тратъ: ассигнованной суммы далеко не хватило до Петербурга, и несчастный Станиславъ опять сталъ занимать у тѣхъ, которые такъ или иначе ее расхищали.

Свита Станислава-Августа, отправлявшаяся съ нимъ въ Петербургъ, хотя и была почти вдвое менѣе, чѣмъ при выѣздѣ его изъ Варшавы, однакоже число всѣхъ его спутниковъ, вмѣстѣ съ прислугою, простиралось до 80-ти человѣкъ. Ему сопутствовали Мнишки (мужъ, жена и дочь ихъ, графиня Изабелла) и слѣдующія новыя лица: 1) адъютантъ Цихоцкій, 2) духовникъ Юревичъ, 3) двое Грабовскихъ, полковникъ Михаилъ и мальтійскій кавалеръ Станиславъ, 4) секретарь Коханскій, 5) три лекаря: Гензельманъ, Ауспенгеръ и Войцицкій, 6) полковникъ Вицкій, обозничій всего поѣзда (marechal du voyage), 7) священникъ Бартелеми, бывшій при графинѣ Замойской, французскій эмигрантъ, испросившій дозволеніе посѣтить Москву. Изъ лицъ, находившихся въ спискѣ варшавскихъ спутниковъ, нѣкоторыя совсѣмъ сошли со сцены, остальныя поѣхали въ Петербургъ или сами по себѣ, особо, или въ королевской свитѣ; послѣднихъ мы не указываемъ. Большинство первыхъ присоединилось къ многочисленному польскому обществу, находящемуся въ сѣверной столицѣ, нѣкоторымъ образомъ къ оппозиціи противъ *партіи* короля Станислава Понятовскаго. Одно мѣсто письма Фриза къ Репнину даетъ право предполагать, что въ Петербургѣ дѣйствительно существовали такія польскія *партіи*: онъ говоритъ, что Дзѣконскій, Вольскій и нѣкоторые другіе господа

употребляють во зло доброту государя. Обѣ сестры короля, Грабовская, Соболевская, Кицкій и старикъ Бачіарелли, выѣхавшіе изъ Гродна до отъѣзда Станислава-Августа, поѣхали въ Петербургъ прямо изъ Варшавы.

13-го января былъ отправленъ предварительно тяжелый королевскій обозъ съ его и свиты его лошадьми и съ менѣе нужными и громоздкими вещами. Надзирателями за этимъ обозомъ были назначены подконюшій Кавецкій и подпоручикъ Васильевъ съ однимъ рядовымъ егеремъ. При ночлегахъ, земскимъ и военнымъ начальникамъ было вмѣнено въ обязанность отводить квартиры для помѣщенія людей и лошадей, приставлять караулы и давать по 6-ти человѣкъ конвойныхъ отъ мѣста до мѣста. Этотъ обозъ пошелъ прямо на Ковно. Свиту королевскую и весь багажъ, для удобства путешествія, предполагалось раздѣлить на двѣ партіи. Первая партія составляла кухню, кондитерскую, буфетъ и др. вещи; для поднятія ея требовалось 120 лошадей. Она должна была всегда выѣзжать днемъ впередъ и, остановившись въ томъ мѣстѣ, гдѣ назначался королевскій ночлегъ, приготовить все нужное для поздняго обѣда, а по окончаніи его, поспѣшно слѣдовать къ мѣсту другаго ночлега. Лошади, отвезшія первую партію, возвращались на мѣсто королевскаго ночлега, отдыхали и затѣмъ поднимали вторую партію: короля со всей его свитой. Времени на такой перегонъ предполагалось достаточнымъ 10 — 14 часовъ; на подъемъ второй партіи назначалось 150 — лошадей; свита графа Безбородка, послѣдніе русскіе заключенники въ Гроднѣ, должна была составить особое, третье отдѣленіе этого оригинальнаго путешествія; для поднятія ея потребовалось 30 лошадей. При каждой партіи, для порядка и благоустройства, долженъ былъ находиться штабъ-офицеръ и особые, вѣроятно изъ мѣстныхъ уроженцевъ, пристава, на попеченіе которыхъ возлагалось наблюденіе за правильностію перегоновъ. На каждой станціи, мѣстные исправники выставляли старостъ, для полученія прогонныхъ денегъ отъ полковника Вицкаго, маршала пути, подъ ихъ росписку; за лошадей подъ обозъ Безбородка и русскихъ платилось особо, казначеемъ при графѣ поручикомъ Розенбаумомъ; лошади были обывательскія, большею частію весьма плохія; по мнѣнію русскихъ, рогатый скотъ и особенно лошади были несравненно хуже на Литвѣ, чѣмъ у насъ въ Россіи. На каждой станціи долженъ былъ встрѣчать короля военный караулъ, по слѣдующему росписанію: а) при перемѣнѣ лошадей—24 человѣка солдатъ при офицерѣ; б) при ночлегѣ—отъ 40—60 человѣкъ; с)

въ большихъ городахъ, гдѣ находятся войска, — полная рота. Гр. Безбородко, по поводу этого путешествія, входилъ въ частую и обстоятельную переписку съ губернаторами литовскимъ и остзейскими, донося въ тоже время о всѣхъ мелочахъ фельдмаршалу Репнину, который и съ отдаленнаго востока не переставалъ наблюдать за тѣмъ, что дѣлалось въ свитомъ имъ, разлетавшемся теперь, гродненскомъ гнѣздѣ. Словомъ, отъѣздъ бывшаго польскаго короля изъ Гродна и его путешествіе до Петербурга были тогда *событіемъ*, которому современники придавали большое значеніе; и для насъ это утомительно-длинное странствованіе, по неизмѣримымъ снѣжнымъ пустынямъ, болѣе чѣмъ сотни людей разнаго общественнаго положенія и національностей, не лишено характернаго значенія. Тщеславію стараго Станислава-Августа въ этомъ пути было не мало пищи: его вездѣ *встрѣчали* съ почестями, подобающими высокому сану. Въ Вильнѣ готовили ему что-то въ родѣ патріотической демонстраціи со стороны литовскаго дворянства, которую онъ, впрочемъ, отклонилъ, прося графа Безбородка не дѣлать для него лишнихъ почестей. Одинъ изъ остзейскихъ губернаторовъ, лифляндскій (дѣйств. стаск. совѣт. Лангель), превзошелъ въ своемъ усердіи самихъ поляковъ: онъ приказалъ исправить дороги (въ ужаснѣйшую зиму!) и просилъ фельдмаршала Репнина о дозволеніи выѣхать на встрѣчу къ королю, „дабы имѣть возможность *пасть къ его освященнымъ стопамъ* (!!)“. Понятны хлопоты Безбородка, но нельзя не изумляться усердію остзейскихъ губернаторовъ, которые, не довольствуясь указаніями графа, надоѣдали самому фельдмаршалу мелочными вопросами о встрѣчѣ, просили инструкцій и т. п.: такъ, тотъ же самый Лангель, спѣшившій пасть къ ногамъ бывшаго польскаго короля, проситъ князя Репнина снабдить его предписаніемъ о томъ, что онъ *долженъ примѣчать* во время пребыванія его въ Ревелѣ? — „Заготовляйте лошадей,“ отвѣчалъ коротко усердствующимъ главнокомандующій. Первая партія отправилась въ путь 4 (15) февраля, вторая на другой день, въ 11 часовъ почи. Въ этой послѣдней, какъ значилось въ росписаніи, находился самъ король, сестра его графиня Браницкая и племянница графиня Тышкевичъ, сестра Іосифа; эти двѣ дамы отправлялись въ Варшаву, и до Бѣлостока провожалъ ихъ король Станиславъ-Августъ. Такимъ образомъ, уже съ самаго начала, предполагаемый порядокъ путешествія измѣнился, и громадный обозъ раздѣлился болѣе, чѣмъ на три партіи; по мѣрѣ приближенія къ Петербургу, начиная отъ Риги, онъ еще болѣе разстроился, такъ какъ многимъ

надоѣло тащиться, и вотъ эти послѣдніе, конечно съ дозволенія короля и пристава, поскакали въ Петербургъ; между ними находился и Фризъ.

Изъ Бѣлостока король отправился на Лиду, черезъ Изпчикъ и Мосту; изъ Лиды, черезъ Солнечки въ Вильну; изъ Вильны путь его лежалъ на Ковно, Шавли, Митаву и Ригу; изъ Риги — на Вольмаръ, Валкъ, Дерптъ и на Нарву, а отсюда до Петербурга. Переѣзды были отъ 50 до 85 верстъ въ сутки. Зима 1797 г. была снѣжная и суровая не на одномъ востокѣ Европы; даже въ Италіи она крѣпко давала себя чувствовать: такъ, озеро, находящееся близь Мантуи, замерзло, и французы, осаждавшіе этотъ городъ, угрожали пройдти по льду и начать штурмъ. И съ нашими гродненскими путешественниками не обошлось безъ непріятныхъ приключеній, обычныхъ въ такую пору; кромѣ толчковъ отъ ухабовъ, пришлось не разъ опрокидываться, отдѣлываясь не всегда страхомъ, или незначительными ушибами: нѣкоторые ломали члены, едва не замерзали, проводили ночи въ полѣ, занесенные снѣжными сугробами.

Въ Вильну прибылъ Станиславъ-Августъ 8 (19) февраля. Путешествіе его замедлилось по причинѣ дурной, ухабистой дороги, по которой едва можно было двигаться; карета, въ которой сидѣлъ король, опрокинулась, стекла разбились и слегка поранили гр. Мнишка; во время пути, Станиславъ еще сильнѣе почувствовалъ пароксизмы своихъ обычныхъ недуговъ—удушья и головной боли. Въ Вильнѣ, за отсутствіемъ Булгакова, встрѣтилъ его Фризель. По улицамъ разставлены были цехи ремесленниковъ съ ихъ знаменами; городничій подалъ королю рапортъ о состояніи города Вильны, а самъ Фризель — Литовской губерніи; вечеромъ городъ былъ иллюминованъ. вопреки желанію короля [1]). Станиславъ-Августъ пробылъ въ Вильнѣ до 11 (22) февраля, дожидаясь своихъ запоздавшихъ спутниковъ. Онъ посѣтилъ виленскую академію, Вѣрки и другія замѣчательныя мѣста литовской столицы. Въ Вѣркахъ и въ самомъ городѣ спутники короля любовались произведеніями талантливаго польскаго архитектора Гоцѣвича; но, вслѣдствіе событій послѣднихъ лѣтъ, городъ былъ въ большомъ запустѣніи, почти въ развалинахъ. Впрочемъ, порядокъ видимо возстановлялся:

[1]) Подробности смот. въ Mémoires secrets et inédits de Stanislas-Auguste (compte Poniatowski), dernier roi de Pologne, journal privé du roi pendant son voyage en Russie etc. Liepzig. Volfgang Gerhard. — стр. 47 — 65.

академія и госпитали произвели на спутниковъ Станислава самое благопріятное впечатлѣніе; въ первой ех-король былъ привѣтствованъ французской рѣчью однимъ изъ профессоровъ; на улицѣ не встрѣчалось нищихъ, которые прежде бродили толпами. Въ Вильнѣ королевскій поѣздъ раздѣлился на три части. Мнишки и графиня Тышкевичъ, въ пяти каретахъ, отправились въ путь за день до выѣзда дяди, котораго должны были ожидать въ Ригѣ. Собственно королевскій поѣздъ состоялъ изъ 13 каретъ; въ немъ находились, кромѣ пристава и русскихъ чиновъ, д-ръ Беклеръ, хирургъ Гензельманъ, Киркоръ, аббатъ Юревичъ (духовникъ), Фризъ и Фабрицій Понятовскій,— послѣдній, какъ знатокъ русскаго языка, въ качествѣ толмача. Третья партія, состоявшая изъ 20 каретъ, выѣхала черезъ три дня послѣ Станислава-Августа. Дурно составленный маршрутъ, дурныя дороги, смѣна морозовъ сильными оттепелями, недостатокъ въ лошадяхъ, — все это замедляло дальнѣйшій путь ех-короля до такой степени, что въ Митаву онъ прибылъ только 17 (28) февраля, въ 11 часовъ ночи. Здѣсь, какъ и по всему пути, продолжали приходить изъ Петербурга самыя отрадныя для Станислава вѣсти: тщеславію его необыкновенно польстилъ неоправдавшійся потомъ слухъ, будто бы императоръ Павелъ назначилъ къ нему камергеромъ старика Штакельберга, бывшаго русскаго посла въ Варшавѣ. 19 (2 марта) февраля, въ 9 часовъ вечера, король пріѣхалъ въ Ригу, гдѣ былъ встрѣченъ генералъ-губернаторомъ Бенкендорфомъ и губернаторомъ Кампенгаузеномъ. Въ это время Двина выступила изъ береговъ, поэтому рижскія власти совѣтовали Станиславу-Августу переночевать въ предмѣстьѣ, въ надеждѣ, что за ночь подмерзнетъ. Онъ послушался ихъ совѣта и переночевалъ въ домѣ одной купчихи. На другой день, въ 8 часовъ утра, рижскія власти пришли къ королю, и, сопровождаемый ими, онъ перешелъ пѣшкомъ рѣку, вслѣдъ за экипажами. Въ это время началась пушечная пальба. Войска въ парадной формѣ провожали короля до самаго замка, гдѣ онъ помѣстился въ покояхъ, занимаемыхъ прежде кн. Репнинымъ. Въ 12 часовъ дня онъ присутствовалъ на парадѣ, по окончаніи котораго пригласилъ къ своему обѣденному столу Бенкендорфа, Кампенгаузена и нѣкоторыхъ другихъ значительныхъ лицъ; въ 6 часовъ вечера пожелали ему представиться рижскія дамы, въ числѣ 20 особъ. Вообще любезностямъ и почету бывшему польскому королю со стороны лифляндцевъ, казалось, не будетъ конца: такъ, напримѣръ, до самой Нарвы, его провожалъ цѣлый конвой всадниковъ, состо-

явшій изъ высшихъ представителей лифляндскаго дворянства, въ которомъ, между прочими, находились: Сиверсы, братья грознаго посланника, Штакельбергъ, Унгернъ-Штернбергъ и др. Въ Ригу прибыли также нѣкоторые поляки, какъ Огинскій и Михаилъ Вьельгурскій; приставъ гр. И. А. Безбородко, до сихъ поръ не отстававшій отъ короля, выѣхалъ раньше его изъ Риги. 25 февраля (8 марта) въѣхалъ Станиславъ-Августъ, при громѣ пушекъ, въ Нарву и расположился въ губернаторскомъ домѣ; въ этомъ городѣ губернаторъ Тизенгаузенъ сдѣлалъ ему также самую торжественную и даже *очень трогательную* (extrémement touchante) встрѣчу. На другой день король прибылъ въ деревню Ропшу, въ 35-ти верстахъ отъ Петербурга, принадлежавшую армянину Лазареву. Здѣсь былъ приготовленъ для него великолѣпный ужинъ; здѣсь уже ожидали его: императорскій гофмаршалъ Вьельгурскій и 15 другихъ придворныхъ чиновъ (въ числѣ ихъ находился и князь Станиславъ Понятовскій), присланныхъ великими князьями Александромъ и Константиномъ и великою княжною Александрой Павловной, для привѣтствованія высокаго гостя. На другой день, 27 февраля (10 марта), утромъ, выѣхалъ Станиславъ-Августъ изъ послѣдняго своего ночлега и, не доѣзжая 2-хъ верстъ отъ Петербурга, остановился на дачѣ графини Скавронской, гдѣ ожидалъ его вице-канцлеръ кн. Куракинъ со множествомъ придворныхъ чиновъ и экипажей. Король сѣлъ рядомъ съ кн. Куракинымъ, племянникъ его — напротивъ; пажи ѣхали съ боковъ; шталмейстеръ кн. Голицынъ у самыхъ дверецъ, отрядъ кавалергардовъ и лейбъ-гусаръ—впереди и сзади. Необычайное зрѣлище представлялъ въѣздъ послѣдняго польскаго короля въ столицу Всероссійской имперіи, въ которой старая Польша была теперь лишь одной изъ провинцій. Это хорошо понимали въѣзжавшіе въ Петербургъ поляки; понималъ это и русскій народъ, толпами сопровождавшій поѣздъ отъ городской заставы до Мраморнаго дворца, предназначеннаго мѣстопребываніемъ Станиславу-Августу Понятовскому. Многіе изъ очевидцевъ этого событія, русскіе и поляки, конечно, вспомнили о въѣздѣ въ Варшаву московскаго царя Василія Шуйскаго 19 октября 1611 года, повидимому, рѣшавшемъ политическую смерть восточной Россіи.

Въ тоже самое время, на противуположной, восточной половинѣ русскаго государства, точно такимъ же образомъ, въ жестокую стужу, при сильныхъ морозахъ и мятеляхъ, тащился и другой герой нашего разсказа, князь Н. В. Репнинъ. Несомнѣнно, онъ, массонъ „обмышлялъ“ путешествіе бывшаго польскаго короля и печальную судьбу того, съ кѣмъ онъ возился столько лѣтъ, — „обмышлялъ“, можетъ быть, и въ тотъ день, когда, по его приказанію, въ селѣ Брасовѣ, Дмитровскаго у., Орловской губерніи, дано было формальное сраженіе возставшимъ крестьянамъ, поплатившимся 20 убитыми и 70 человѣкъ ранеными! [1]).

Съ отъѣздомъ короля и его свиты, Гродно окончательно опустѣло. Гр. Безбородко приказалъ сдѣлать опись всѣмъ вещамъ, находившимся во дворцѣ и старомъ замкѣ, и передалъ ее вмѣстѣ съ командою, караулами и кордонной стражей, назначенному для пріема всего этого генералу. Изъ бывшаго генералъ-губернаторскаго дворца и иныхъ мѣстъ, всѣ казенныя вещи перевозились въ Вильну и пошли на обмеблировку квартиръ: губернаторской, вице-губернаторской, трибунала и дома, гдѣ помѣщалось дворянское собраніе. Поіезуитскій костелъ, который часто посѣщалъ Станиславъ-Августъ, былъ обращенъ въ фару; дворцы и нѣкоторые дома, занимаемые русскими и поляками, перешли въ казенное вѣдомство; перенесеніе административнаго центра въ Вильну низвело Гродно до ничтожества уѣзднаго города.

---

[1]) Подробности см. въ нашей статьѣ, въ № 3 „Русск. Архива“ за 1869 г.

ГЛАВА V.

Польскій вопросъ и отношеніе къ нему императора Павла Петровича. Перемѣны, произведенныя имъ въ управленіи краемъ. Я. И. Булгаковъ. Минская петиція. Уніатское дѣло. Вопросы: судебный, почтовый, благотворительный и врачебный. Незавидное положеніе края. Путешествіе по немъ императора Павла. Движеніе польской эмиграціи вслѣдствіе событій, происходившихъ въ Италіи. М. Огинскій. Польскія банды въ Молдавіи и на границахъ Австріи. Моровая язва. Заговоръ ксендза Домбровскаго: открытіе его, показанія главныхъ участниковъ и результаты слѣдствія, произведеннаго по этому дѣлу. Историческое значеніе этого заговора. Заключеніе.

Въ нашей исторической литературѣ довольно распространено мнѣніе о томъ, что ближайшіе пріемники Екатерины II, Павелъ и Александръ I, уклонились отъ ея политики по отношенію къ Польшѣ и, такъ называемому, *польскому вопросу*. Намъ это мнѣніе всегда казалось одностороннимъ, такъ какъ судьба Польши и, такъ называемый, *польскій вопросъ*,—понятія, далеко не тождественныя. Въ объемъ понятія о польскомъ вопросѣ входитъ то, что составляетъ яблоко раздора между русскими и поляками. Что̀ же это такое?—На этотъ вопросъ обыкновенно, и очень вѣрно, отвѣчаютъ: *Нашъ* западный край, *наши* западныя губерніи, которыя поляки считали и продолжаютъ считать *своими*. Для разбирательства спора никогда не слѣдуетъ забывать слѣдующихъ историческихъ положеній.

Съ XIV столѣтія русская земля распадается на два политическихъ тѣла, образуетъ два государства, двѣ Россіи, — восточную и западную, *Московскую* и *Литовскую* [1]). Эти двѣ Россіи начинаютъ

[1]) По мнѣнію Герберштейна, *русская земля* дѣлилась между тремя государями,—московскимъ, литовскимъ и польскимъ.

обособляться, начинаютъ жить своею особою жизнію. Россія западная создается и скрѣпляется подъ вліяніемъ литовскаго элемента; Россія восточная—татарскаго; но оба элемента дикіе, варварскіе, —и вотъ къ нимъ примѣшиваются два элемента духовныхъ, культурныхъ: въ первой Россіи, западной, это былъ элементъ польскій, во второй, восточной, — византійскій. Результатомъ такихъ сліяній и воздѣйствій элементовъ другъ на друга было то, что Московская Россія сдѣлалась крѣпче политически, Литовская Россія стала культурнѣе. Вслѣдствіе такого различія, при родствѣ, симпатіяхъ и влеченіи одной Россіи къ другой, появляются и антипатіи, отчужденія; племена русскаго народа (велико-мало и бѣло-русское) начинаютъ болѣе обособляться. Литовская Россія, въ которую вошли племена малорусское и бѣлорусское, соединяется съ Польшею двойными узами, политическими и религіозными (унія); узы эти очень сильны въ собственной Литвѣ и Бѣлоруссіи, слабы— въ Малороссіи. Отъ такого соединенія Польша становится могущественнымъ государствомъ, и польскій король начинаетъ называть себя великимъ княземъ литовскимъ и *русскимъ*. Связь Польши съ Литовской Россіей кладетъ на эту послѣднюю особыя краски; польская гражданственность съ языкомъ и литературой, польскія государственныя учрежденія проникаютъ весь ея организмъ; вслѣдствіе *такого* польскаго вліянія, отчужденіе и антипатія, существовавшія и прежде между обѣими Россіями, крѣпнутъ и увеличиваются, не исключая, конечно, родства и сходства. Сила этихъ антипатій у насъ не достаточно еще измѣрена, такъ какъ въ исторіи нашихъ племенныхъ отношеній мы все еще являемся романтиками и, обвиняя во враждѣ поляковъ, забываемъ о старинной, начавшейся гораздо прежде враждѣ къ москалямъ, великоруссамъ, русскихъ литовскихъ людей, мало- и бѣло-руссовъ. Силу этой вражды легко примѣтить въ Смутномъ времени (въ этой гигантской борьбѣ собственно двухъ Россій, или двухъ русскихъ племенъ противъ одного), въ исторіи раскола, въ тѣхъ преобразованіяхъ Петра, гдѣ русскіе *литовскіе люди* являются его пособниками; типъ *литовскаго человѣка* рисуется въ самомъ мрачномъ видѣ въ великорусской народной поэзіи и въ нашихъ историко-юридическихъ памятникахъ, ни сколько не лучше типа ляха: *поганой* и *проклятой* постоянно прозывается Литва въ великорусской народной поэзіи; *ворами* долго назывались у насъ черкасы (малороссіяне). Усилившись соединеніемъ съ Литовской Россіей, Польша, однакоже, не пріобрѣтаетъ политическаго разума, историческаго

чутья,—качествъ, необходимыхъ для созданія великаго государства, какими начинаетъ отличаться, при первыхъ своихъ шагахъ, Московская Россія. Послѣдняя превозглашаетъ слѣдующій принципъ, послужившій зародышемъ польскаго вопроса: *московскій царь есть государь всея Россіи; Литовская Россія есть древнее достояніе Москвы!* Принципъ этотъ, благодаря церкви и литературѣ, входитъ въ общественное, всенародное сознаніе, котораго не было у русскаго литовца (бѣлорусса и малорусса). Русскій москаль, владѣя Новгородомъ, поморскимъ Сѣверомъ, Сибирью, не считалъ никогда и Кіева чужимъ городомъ, а Малороссія по лѣвую сторону Днѣпра была для него лишь Украйной, продолженіемъ своей собственной, начинавшейся на югъ отъ Воронежа и Курска; и только собственно Заднѣпровье да Бѣлоруссію онъ соглашался признать *ляшскою* землею; говоримъ о человѣкѣ не книжномъ: взглядъ книжнаго великорусскаго человѣка ни чѣмъ не отличился отъ притязаній государства, а увѣренность его въ объединеніи Москвою *всей* Россіи, *всѣхъ* русскихъ племенъ была непреоборима. Этого всенароднаго великорусскаго притязанія никогда не хотѣли (къ своему горю) понять поляки, считая его притязаніемъ дипломатическимъ, правительственнымъ, и пренаивно воображая, что суживаніемъ понятія о Московскомъ государствѣ и москалѣ они убиваютъ великую идею *всероссійзма*, воплощенію которой москалями они, частію, помогли сами. Чѣмъ громче становилось провозглашеніе этой идеи, тѣмъ неразумнѣе поступала Польша, съ такимъ ожесточеніемъ предавшаяся деспотической абсорбаціи національностей, что слабо связанныя съ нею части начинаютъ отпадать. Отпаденіе Малороссіи было первымъ раздѣломъ Польши, пророчившемъ позднѣйшіе, первымъ торжествомъ Москвы, de facto начинавшей становиться Всероссіей. *Поляки просмотрѣли*, какъ у нихъ подъ бокомъ, на востокѣ, явился колоссъ созданный геніемъ Петра, — государство, съ другими стремленіями, съ другою физіономіею, жизнію, чѣмъ старая Москва и старое Московское государство; не замѣтили, что колоссъ этотъ вдвинулся въ Европу и не нуждается ни въ чемъ польскомъ, даже въ культурѣ, которая для Москвы первыхъ трехъ царей изъ дома Романовыхъ стала имѣть притягательную силу; *Польша не замѣтила, какъ старая ея соперница, Москва, преобразилась во Всероссійскую Имперію!* Съ Петра Великаго, съ образованія новой Россіи, по образу и подобію европейскому, вмѣсто старой Московской Россіи, по образцу полуазіятскому, съ появленіемъ новой первокласной державы на востокѣ

Европы, участь Польши, не будучи пророкомъ, можно было предсказать: она могла существовать въ качествѣ небольшаго третьеклассначо государства, но безъ присоединенныхъ, хотя еще и неотпавшихъ частей ея, Литвы и Бѣлоруссіи, въ которыхъ, естественно, мысль о *всероссійзмѣ* (т. е. о притяженіи къ востоку, къ Москвѣ, вмѣсто прежнихъ *западныхъ* влеченій), родившаяся еще въ московскую пору, теперь начинаетъ распространяться и приниматься не за одно умное, дипломатическое выраженіе. *Польскій вопросъ* при Петрѣ Великомъ уже являлся на свѣтъ. Но вполнѣ созрѣлъ онъ только при Екатеринѣ II, послѣ перваго раздѣла Польши (1772 г.). Ничего не могло быть искреннѣе, какъ нежеланіе Екатерины и нѣкоторыхъ ея сподвижниковъ видѣть паденіе Польши: маленькая, слабая Польша, каковою она стала въ ту эпоху, по собственной своей винѣ, не могла мѣшать такому могущественному государству, какъ Россія. Паденіе Польши обусловливалось присоединеніемъ къ Россіи такихъ неудобно-спаяваемыхъ частей, какъ элементы собственно—польскій и литовскій, связью съ которыми можно бы и повременить, — этого не могло не понимать правительство Екатерины Великой; по этой причинѣ оно и не желало этого паденія. — Раздѣленіемъ Польши, присоединеніемъ къ Россійской Имперіи остатковъ бывшей Литовской Россіи, начинается такъ называемый *польскій вопросъ;* ибо внѣшнее, политическое *присоединеніе* этихъ частей, на первыхъ порахъ, не могло быть *соединеніемъ* органическимъ, культурнымъ и соціальнымъ (какъ и не сдѣлалось). Отсюда пошли наши безконечные споры съ поляками, доходившіе и доходящіе до нелѣпостей, до озлобленной ругни, до появленія польскихъ и русскихъ [1]) Духинскихъ, отрицающихъ самое бытіе русской и польской народности. Легкомысліе и мечтательность польскаго національнаго характера, послѣ раздѣловъ, усугубляются, благодаря эмиграціи, этого естественнаго, хотя и печальнаго результата раздѣловъ Польши. Польскіе историки и публицисты, романтичные, какъ и вся нація, становятся еще болѣе таковыми и, вмѣсто того, чтобы довольствоваться скромной синицей въ рукѣ, тщатся поймать журавля въ небѣ,—вопія о *братствѣ* народовъ, входившихъ въ составъ Рѣчи Посполитой, о *свободной* уніи Литвы съ Польшею, Литовской, яко бы *настоящей*, Россіи съ государствомъ Польскимъ.. На эти запозда-

[1]) Послѣдніе, напримѣръ, не считаютъ даже Мицкевича полякомъ, а „ополяченнымъ шляхтичемъ Новогрудскаго уѣзда (!)“.

лые вопли, воспитавшіе цѣлыя поколѣнія,—запоздалые, потому что поляки не умѣли дорожить тѣмъ, чѣмъ владѣли, — мы отвѣчали имъ дипломатической фразой (съ ихъ точки зрѣнія) *о древнемъ достояніи*, въ которой, покрайней мѣрѣ, виденъ большой историческій тактъ. Но ни романтическіе вопли, ни дипломатическіе акты, какъ бы ни были они умно составлены, ни сама историческая правда и доказательность, не опредѣляютъ существа, такъ называемаго, *польскаго вопроса, состоящаго въ процессѣ слiянія еще неспаявшихся между собою частей Россіи и въ помѣхѣ этому сліянію со стороны поляковъ*, озлобленныхъ собственной неудачей, своимъ роковымъ историческимъ промахомъ. Екатерина II успѣла познакомиться практически съ этимъ процессомъ лишь по примѣненію собственно къ Бѣлоруссіи, гдѣ самое дѣло сліянія было гораздо легче. Нельзя не пожалѣть, что мы почти ничего не знаемъ о томъ, какъ шло тамъ это дѣло съ 1772 по 1796 г. Несомнѣнно, что великая императрица нашлась бы въ самыхъ затруднительныхъ обстоятельствахъ, какъ это доказываютъ ея отношенія къ католическому вопросу, къ іезуитамъ и папѣ; но съ цѣлою массой затрудненій, представшихъ на пути сліянія Литвы и остальныхъ частей Бѣлоруссіи и Украйны съ имперіей, послѣ 2-го и 3-го раздѣловъ Польши, почти одновременныхъ, ей не пришлось познакомиться, какъ слѣдуетъ, почти не пришлось опознаться въ нихъ. Мы видѣли, въ чемъ состояли эти затрудненія. Польская гражданственность, съ языкомъ и литературой, сильный католицизмъ съ уніей, иначе—громадное культурное и, притомъ, полонизирующее вліяніе религіи; особые нравы и обычаи, особые социальные и политическіе идеалы; особые города и деревни; иныя—хозяйство, почва земли и производительныя силы; иныя понятія о судѣ и правдѣ, объ интересахъ личныхъ, общественныхъ и государственныхъ; цѣлый иной, незнакомый восточной Россіи, въ этой безднѣ всяческихъ особенностей, міръ еврейскій: — вотъ что представляли литовскія провинціи, подлежавшія сліянію съ имперіей. Сліяніе, дѣйствительно, началось, но весьма слабое, — именно по недостатку спаивающихъ средствъ. Кромѣ войска, какъ извѣстно, плохаго фактора гражданственности, другихъ орудій для ея распространенія въ краѣ мы почти не имѣли: чиновный элементъ, по самой натурѣ своей непригодный для цивилизаторской роли, былъ тогда еще хуже военнаго, притомъ же его не откуда было набирать, да и набранные долго не уживались на одномъ мѣстѣ, среди чуждой и непривѣтливой для нихъ жизни; са-

мые высшіе сановники, при первомъ случаѣ, старались улепетнуть изъ края; русскіе землевладѣльцы, появившіеся цѣлой тучею, разлетались; русская торговля и промышленность не появились совсѣмъ въ край; о русскомъ просвѣщеніи и литературѣ не было и слуха,—потому, конечно, что они находились тогда еще въ пеленкахъ у себя дома... Вотъ при какихъ условіяхъ начался процессъ сліянія Литвы и Бѣлоруссіи съ Россіей! Условія были самыя неблагопріятныя; эта-то неблагопріятность, недостатокъ силъ и породили такъ называемый *польскій вопросъ* (какъ съ Алексѣя Михайловича до Елизаветы былъ *малороссійскій вопросъ*); безъ этихъ затрудненій, вопросъ, возникнувъ, могъ бы скорѣе разрѣшиться, не возбуждать горячихъ споровъ, не доводить до прискорбнаго озлобленія. Не смотря на вѣчную вражду и всякаго рода контрасты, все же племенное сходство русскихъ (тѣмъ болѣе—мало- и бѣлоруссовъ) съ поляками, для посторонняго, безпристрастнаго наблюдателя, очень велико. Прежде оно было еще больше; поэтому нѣтъ ничего страннаго въ томъ, что сами они, даже при внимательномъ, спокойномъ взглядѣ, не могли отличить—гдѣ начинается польскій, и гдѣ оканчивается русскій элементъ: условіе, способствующее не къ охлажденію, а къ вящшей горячности споровъ! *Польскій вопросъ* сталъ зрѣть и развиваться, вслѣдствіе раздѣла Польши между нами и нашими сосѣдями. Послѣдніе не переставали мутить приманками свободы и возбуждать противъ насъ *вертопрашныя* (по выраженію Репнина) польскія головы; французская революція, провозгласившая человѣческія и національныя права, еще болѣе ихъ возбуждала. Поляки возмечтали о своей либеральной миссіи, толпами покидали отечество и собирались подъ французскія знамена съ отвагою, достойною лучшей доли. Эмигрировавшіе, обезсиливая польскій элементъ въ краѣ, (слѣд., къ нашей выгодѣ), съ другой стороны мутили и волновали остающихся, не давая имъ покоя, возможности усѣсться, удовлетвориться окружающею ихъ дѣйствительностію. Такъ, напр., въ то время, когда варшавскіе поляки предавались крайнему руссофильству, въ Литвѣ перехватывались письма изъ Познани и Галиціи, приглашавшія родныхъ и знакомыхъ бросить все и летѣть въ Италію, сражаться за свободу народовъ, вмѣстѣ съ французами [1]); изъ Варшавы, Кракова, Львова и иныхъ цен-

[1]) Письма, по содержанію своему, для насъ не новыя, наивныя до школьничества, напр., въ родѣ такой лаконической записки: „Не грусти, пане Павле! еще мы будемъ танцовать съ тобою краковяка!“

тровъ польской литературной дѣятельности цѣлыми тучами летѣли въ край самыя зажигательныя статьи, брошюры и стихотворенія, обходившія и проводившія цензурныя предосторожности; приводимъ одно изъ послѣднихъ въ современномъ русскомъ переводѣ:

Портретъ двухъ Поляковъ.

На одной землѣ родились; оба
Одно носятъ имя.
Одинъ жребій края выше жизни ставитъ;
Другой на сгубу (sic!) края стремится.
О, юноши! стрегитесь измѣннической работы,
Не вдавайтесь съ оплошностью въ обманъ:
Первый — вамъ покажетъ дорогу къ добродѣтели,
А другой только ищетъ васъ ввести въ погибель.

Спрашивается: какъ быть и что нужно было дѣлать при такихъ обстоятельствахъ? Отвѣтъ на этотъ вопросъ, повторяемъ, если только онъ возникалъ во всей своей полнотѣ, Екатерина унесла съ собою въ могилу. Намъ кажется, что болѣе того, что дѣлалось Репнинымъ, въ ту эпоху, и сдѣлать было нечего: *вмѣсто органическаго слiянiя, пришлось довольствоваться присоединенiемъ, государственной спайкой*, что, какъ извѣстно, приводитъ къ самому прочному изъ слiянiй въ будущемъ, если только накопляется значительный запасъ силъ, нужныхъ для этой работы, и если съ умомъ и тактомъ направляютъ эти силы. Но, не видя прочнаго, культурнаго слiянiя съ нами областей бывшей Литовской Россiи, поляки естественно не могли, въ *своемъ* сознанiи, упразднить *польскаго вопроса*,—и помимо врожденной имъ романтической мечтательности о прошломъ: имъ еще видѣлась въ этихъ областяхъ старая Польша, невымершiе ея остатки, какъ видѣлась и видится намъ старая (западная) и новая, петровская Россiя. Но такой взглядъ не упраздняетъ вопроса *русскаго* для насъ, *польскаго* для поляковъ, а лишь воспламеняетъ вражду, которая потухнетъ только подъ влiянiемъ всепобѣждающей и умиротворяющей культуры, каковою должна стать культура русская.

Императоръ Павелъ былъ человѣкъ въ высшей степени страстной натуры; страсть, аффектъ управляли всѣми его дѣйствiями и покоряли себѣ его волю: отсюда шелъ тотъ произволъ, который у него ничѣмъ не умѣрялся, и тѣ порывы великодушiя, которые поистинѣ были въ немъ трогательны. Не имѣя ничего общаго съ своей генiальной матерью, мало знакомый съ Россiей, съ ея прошлыми судьбами и современнымъ ему состоянiемъ, Павелъ Петровичъ искупалъ эти недостатки, какъ равно и всѣ темныя стороны своего характера, необыкновенною искренностiю: онъ былъ честный человѣкъ въ буквальномъ смыслѣ этого слова, всегда дѣйствовавшiй, какъ говорится, на чистоту, по влеченiю сердца; эта искренность примиряетъ съ нимъ историка даже въ самыхъ прискорбныхъ его дѣянiяхъ. [1]) Отношенiе его къ послѣднему польскому королю и къ полякамъ объясняется главными чертами его характера. Будучи человѣкомъ консервативныхъ, ретроградныхъ убѣжденiй, нося въ душѣ своей такой политическiй идеалъ, который былъ безконечно ниже материнскаго, императоръ Павелъ отъ всей души ненавидѣлъ новыя идеи, новые идеалы государства и общества, родившiеся во время французской революцiи; но и въ этой ненависти было много романтическаго, примиряющаго. Еще болѣе примиряетъ съ нимъ та рыцарская, хотя и безплодная роль, которую онъ принялъ въ борьбѣ за старый порядокъ, провозгласивъ себя защитникомъ угнетенныхъ и низверженныхъ. Въ его устахъ *возстановленiе низвергнутыхъ алтарей и троновъ* не звучитъ фальшивой нотой, а потому и самая борьба его, во имя этого принципа, не возбуждаетъ въ безпристрастномъ историкѣ непрiятнаго чувства, тѣмъ болѣе, что она велась генiяльнымъ русскимъ полководцемъ и окончилась крутымъ поворотомъ,—сочувствiемъ русскаго императора къ генiяльному человѣку, управлявшему тогда судьбами Францiи, и отвращенiемъ къ тому мертвому, разлагающемуся трупу, который мы хотѣли тогда воскресить. Чувство сожалѣнiя возбуждала въ Павлѣ Петровичѣ судьба поляковъ и послѣдняго польскаго короля Станислава-Августа: ему просто было жаль ихъ, какъ и все несчастное и гонимое; на случившуюся съ ними катастрофу онъ не могъ смотрѣть иначе, какъ на результатъ ненавистныхъ ему идей *якобинизма*, распространившагося, не по одному его мнѣнiю, въ Польшѣ, во что онъ, конечно, искренно вѣровалъ. Въ дѣятельности императора Павла, на первыхъ порахъ, поражаетъ его антипатичное отношенiе къ дѣламъ своей матери; но это случалось всегда только при первомъ, и у него всегда страстномъ, приступѣ къ дѣлу. Подобные ему люди лишены бываютъ, въ большинствѣ, по крайней мѣрѣ, случаевъ, личной инициативы и всегда нуждаются въ руководителѣ; тѣмъ болѣе подчи-

[1]) Характеръ императора Павла прекрасно обрисованъ П. А. Саблуковымъ въ его запискахъ. См. Рус. Архивъ 1869 г., № XI-й.

няются они указаніямъ великаго ума, тѣмъ охотнѣе идутъ по проложенному имъ пути, конечно, безсознательно, помимо собственной своей воли. То же случилось и съ Павломъ Петровичемъ, по отношенію его къ Польшѣ и такъ называемому *польскому вопросу*. На *первыхъ порахъ* мы видимъ его быстрыя распоряженія, дѣйствительно, противорѣчащія тѣмъ, которыя были сдѣланы при его матери; весьма вѣроятно, что онъ имѣлъ мысль возстановить Польшу въ скромныхъ предѣлахъ третьеклассннаго государства, какъ объ этомъ говорилось въ Варшавѣ; но... и только! Дальше онъ не шелъ и никогда бы не пошелъ, и ровно ничѣмъ, какъ мы увидимъ, и какъ это извѣстно изъ всей исторіи кратковременнаго его царствованія, не заявилъ онъ своего желанія отказаться отъ пріобрѣтеній, справедливо доставшихся Россіи послѣ всѣхъ раздѣловъ бывшей Рѣчи-Посполитой, или какъ-нибудь иначе упразднить польскій вопросъ, неупраздняемый, впрочемъ, никакими комбинаціями. Все, въ чемъ можно упрекнуть его,—это въ видимой, но конечно безсознательной, замѣнѣ органическаго слиянія простымъ государственнымъ присоединеніемъ территоріальныхъ пріобрѣтеній къ Россіи. Но при самыхъ сильныхъ натяжкахъ, едва ли можно доказать возможность такого сліянія въ концѣ прошлаго вѣка, какъ равно и опровергнуть, что Польша въ тѣхъ размѣрахъ, въ какихъ искренно желала оставить ее Екатерина II, [1]) нисколько, по крайней мѣрѣ, существеннымъ образомъ, не мѣшала зрѣлости и рѣшенію *польскаго вопроса*,— роковаго по своей исторической необходимости. Соболѣзнуя о судьбѣ послѣдняго польскаго короля, ласкzая и приголубливая поляковъ, кассируя въ Литвѣ прежнія правительственныя распоряженія, еще невошедшія въ силу, императоръ Павелъ далекъ былъ отъ нелѣпой мысли—возстановить разрушенную храмину Рѣчи Посполитой, павшей отъ собственной архитектонической монструозности; не распространяемся о его порывистомъ характерѣ, о быстротѣ переходовъ въ чувствахъ и мысляхъ, самыхъ противоположныхъ: это испыталъ на себѣ, въ Петербургѣ, Станиславъ-Августъ и многіе изъ поляковъ; тоже непремѣнно было бы и со всѣми ими, съ ихъ мечтательными надеждами.

Съ небольшимъ черезъ мѣсяцъ по вступленіи на престолъ, именно 12 декабря 1796 г., новый императоръ издалъ повелѣніе объ

1) Мысль эту прекрасно доказываетъ г. Костомаровъ въ своемъ сочиненіи.

уничтоженіи Виленской и Слонимской губерній и объ образованіи изъ нихъ одной губерніи, Литовской, съ главнымъ городомъ Вильною; такимъ образомъ, эти двѣ губерніи, указъ объ учрежденіи которыхъ данъ Екатериною сенату 8-го августа, просуществовали всего четыре мѣсяца. Тогда же послѣдовало распоряженіе о томъ, чтобы не отбирать и не выкупать староствъ и чтобы собирать подати на томъ же самомъ основаніи, на какомъ онѣ собирались прежде. Указъ сенату объ учрежденіи Литовской губерніи послѣдовалъ 6-го февраля 1797-го года [1]). Князь Репнинъ, взысканный милостями новаго государя, удержавъ постъ генералъ-губернатора Эстляндскаго, Лифляндскаго и Литовскаго, получилъ новый титулъ — „главнокомандующаго арміей, въ Лифляндіи и Литвѣ расположенной, или, какъ назывались при Павлѣ военные округа, „Литовской дивизіей“. Императоръ, любившій фельдмаршала, предназначалъ его для другой дѣятельности; кн. Репнинъ остался генералъ-губернаторомъ лишь для надзора за управленіемъ Литвою, больше для почета. Настоящимъ правителемъ Литовской губерніи, помощникомъ кн. Репнина, былъ назначенъ (6-го февраля), конечно по его же совѣту, давнишній его знакомый, Яковъ Ивановичъ Булгаковъ, воспитанникъ Московскаго университета, товарищъ Фонъ-Визина, Потемкина и пріятель Державина, который прямо называетъ его „генералъ-губернаторомъ польскихъ губерній“, хотя и ошибочно [2]). Кн. Репнинъ узналъ Булгакова въ Варшавѣ, въ качествѣ совѣтника и секретаря нашего посольства (1764—1765); въ 1775—76 г. онъ ѣздилъ съ нимъ въ Константинополь, а въ 1778 г. на Тешенскій конгрессъ, гдѣ Яковъ Ивановичъ былъ секретаремъ князя. Въ 1790—91 г. Булгаковъ былъ уже нашимъ полномочнымъ министромъ въ Варшавѣ, въ важный и критическій моментъ въ судьбѣ Польши, — во время конституціи 3-го мая и образованія Тарговицкой конфедераціи. Назначеніе его на низшую, губернаторскую, должность объясняется, конечно, дружественнымъ расположеніемъ къ нему кн. Репнина и тою пользою, какую онъ могъ принести краю своимъ отличнымъ знаніемъ польскихъ дѣлъ и жизни, своимъ умомъ, кроткимъ нравомъ и неутомимою дѣятельностію. Отсутствіе Репнина изъ края и отношеніе къ нему давали Булгакову возможность дѣйствовать самостоятельно. Въ Вильну онъ прибылъ 15 (27) февраля. Трудился онъ съ утра до поздней

1) Полн. Собр. Закон. Т. XXIV, №№ 17634 и 17788.
2) См. *Записки Державина*, изд. 1860 г. стр. 381.

ночи и почти не зналъ покоя; все написанное имъ свидѣтельствуетъ о его просвѣщенномъ умѣ; самый слогъ его писаній напоминаетъ фонъ-визинскій, уже болѣе обработанный, чѣмъ, напримѣръ, неуклюжая проза Державина. Словомъ, какъ мы уже и замѣтили, по отбытіи изъ Литвы Репнина и послѣ того, какъ окончательно опустѣло Гродно, Я. И. Булгаковъ и Фризель были достойнѣйшими представителями Россіи въ Литвѣ [1]).

Въ числѣ распоряженій новаго императора, относившихся до присоединеннаго края, было также повелѣніе, чтобы при коронаціи его въ Москвѣ присутствовали и литовскіе депутаты, по избранію мѣстнаго дворянства. Этимъ дозволеніемъ не преминули воспользоваться поляки: являлся соблазнительный случай составить делегацію, широкій просторъ открывался для фантазіи! Она пришла въ движеніе прежде всего въ Минскѣ, во время съѣзда дворянъ для выбора депутатовъ къ коронаціи. Въ этомъ городѣ нѣкто Дашкевичъ, предсѣдатель гражданской палаты, началъ подговаривать помѣщиковъ къ составленію делегаціонныхъ пунктовъ, которые депутаты должны были представить новому императору и, сверхъ того, позволилъ себѣ дѣлать публично „многія дерзостныя израженія“ противъ русскихъ. Мнѣніе Дашкевича было принято и онъ сталъ агитировать и сноситься съ Вильною, гдѣ сочувственно встрѣтили его предложеніе, которое, будто бы, находило себѣ одобреніе даже въ Станиславѣ-Августѣ, еще невыѣзжавшемъ изъ Гродна. Въ Вильнѣ, по слухамъ, также составили делегаціонные пункты, на латинскомъ языкѣ, и пошли еще далѣе минчанъ,— именно, „чтобы ни одного русскаго, ни войска, ни начальника, въ Литвѣ не было и чтобы никто, безъ суда, арестованъ быть не могъ, выводя сіе право изъ юсъ-натуры“. Въ Гроднѣ, впрочемъ, по другому, болѣе достовѣрному извѣстію, ничего подобнаго, „а толь меньше дерзостнаго“, не было; но и здѣсь поговаривали о подачѣ государю прошенія, но въ иномъ родѣ и притомъ не иначе, какъ черезъ руки фельдмаршала Репнина и съ его одобренія. Какъ бы то ни было, но минскія происшествія дошли до Петербурга и очень встревожили императора, который поспѣшно далъ приказаніе генералу отъ инфантеріи Философову, усмирявшему въ это время крестьянское движеніе въ Псковскомъ и Полоцкомъ на-

[1]) О Булгаковѣ см. статью П. И. Бартенева въ „Моск. Вѣдом.“ 1855 г., №№ 5, 6 и 8, а также письма къ нему Фонъ-Визина въ глазуновскомъ изданіи этого автора, стр. 267—273.

мѣстничествахъ [1]), „тамошнее дворянство усмирить и сократить въ ихъ буйности“. Дашкевичъ былъ арестованъ и отправленъ въ Петербургъ, еще до пріѣзда Философова въ Минскъ; за губернскимъ предводителемъ дворянства, Хоминскимъ, уѣхавшимъ въ деревню, посланъ былъ штабъ-офицеръ, привезшій его подъ карауломъ. Отправивъ 21 февраля Хоминскаго въ Петербургъ, Философовъ произвелъ дознаніе и пришелъ къ тому убѣжденію, что, кромѣ составленія петиціи, никакого бунта и заговора минское дворянство не дѣлало. Этотъ генералъ, въ своей реляціи, не только старался успокоить государя увѣреніемъ, что минское дворянство не думаетъ объ отложеніи отъ Россіи, но и просилъ о прощеніи Дашкевича и Хоминскаго, о которомъ, по словамъ Философова, всѣ русскіе чиновники, живущіе въ Минскѣ, единогласно свидѣтельствуютъ, что Хоминскій „въ вѣрности къ государю и къ Россіи нигдѣ не оказалъ ни малаго поползновенія“. Сообщая объ этихъ происшествіяхъ фельдмаршалу и препровождая къ нему, въ плохомъ переводѣ, делегаціонные пункты, добродушный генералъ такъ выражается о полякахъ: „вы знаете, милостивый князь, свойственное навсегда полякамъ — при благоденственномъ — возноситься; при малѣйшей невзгодѣ—упадать. Онѣ, по арестѣ тѣхъ двухъ чиновниковъ, стали столь унижены, что, не думаю, чтобъ и объ делегаціонныхъ своихъ пунктахъ что мнили; и больше нужно стало ихъ ободрять, нежель усмирять“. Вѣсти, доходившія изъ Вильны, черезъ евреевъ, объ арестахъ, впрочемъ оказавшіяся ложными, увеличивали панику минскихъ помѣщиковъ.

Вотъ эта минская петиція:

„Минской губерніи губернскіе и уѣздные отъ дворянства предводители и прочее, въ собраніи тогда бывшее, дворянство, во исполненіе высочайшей воли, для бытья въ Москвѣ, при торжественнѣйшемъ совершеніи обряда коронаціи его императорскаго величества, избрали въ депутаты чиновъ, знаки заслугъ на себя носящихъ, и при таковомъ торжественномъ обрядѣ въ лицѣ всего дворянскаго общества быть достойныхъ, а именно: 1) тайнаго совѣтника, губернскаго отъ дворянства предводителя и кавалера Ксаверія Хоминскаго; 2) генералъ-лейтенанта войскъ и орденовъ польскихъ кавалера Іосифа Юдицкаго; 3) каштеляна витебскаго и кавалера Игнатія Корженецкаго; 4) бывшаго министра въ Англіи и кавалера Францышка Букатаго; 5) дѣйствительнаго камергера и

[1]) См. нашу статью въ „Русскомъ Архивѣ“ 1869 г., № 3, стр. 525—577.

кавалера князя Михайлу Радзивила и 6) генералъ-маіора войскъ и орденовъ польскихъ кавалера Іосифа Вильчинскаго. Сіи избранные нами обязываются къ 15-му числу марта явиться въ столичномъ городѣ Москвѣ. Таковымъ случаемъ пользуясь, вознамѣрились мы уполномочить изъ оныхъ депутатовъ гг. Хоминскаго и Букатаго къ поднесенію предъ высочайшій тронъ, отъ имени всего дворянства, просьбы, по дозволенію 47 и 48 ст. высочайше жалованной дворянству грамоты; чего для, силу оной повелѣваемъ тотчасъ въ книгу дворянства записать, съ подписомъ нашимъ на оной запискѣ, обязуя сихъ двоихъ особъ, дабы они, собственнымъ своимъ и нашимъ именемъ, оную его императорскому величеству просьбу непремѣнно подали, имѣвъ въ памяти то, что сіе возлагается ко всему общему благу собранія, отъ чего они ни какъ отговориться не могутъ. Пункты же просьбы нашей суть слѣдующіе:

1) „При изъявленіи должнаго повиновенія высочайшему престолу, гг. депутаты должны поздравить е. и. в. съ благополучнымъ восшествіемъ на высочайшій престолъ, коего польза изливается на весь народъ, увѣрить о вѣрности своей, изъявить истиннѣйшую благодарность за увольненіе изъ неволи всѣхъ польскихъ плѣнниковъ, и просить о милосердіи и для тѣхъ, кои по несчастному случаю изъ предѣловъ края сего выбыли, чтобы благотворительный монархъ милостиво и безопасно въ ихъ жилища и имѣнія возвратиться (имъ) дозволилъ."

2) „Дабы судилища польскія оставлены (были) по прежнему на правахъ нашихъ польскихъ, въ собственномъ языкѣ (sic!) и порядкѣ, по дѣламъ гражданскимъ. Дабы помѣщики, законъ совершенно знающіе, въ судилищахъ, буде не во всемъ комплектѣ, по крайней мѣрѣ въ большомъ числѣ, помѣщены были."

3) „Дабы власть правленія (администрація) никакого участія въ гражданскихъ дѣлахъ, формальнымъ порядкомъ производиться долженствующихъ, не имѣла, кольми же паче воздерживать исполненія по состоявшимся приговорамъ."

4) „Для дѣлъ того рода, кои, по послѣднемъ очевистомъ (гласномъ) приговорѣ, изъ начальнаго судилища могутъ быть взяты на апелляцію, къ успѣшенію (sic!) рѣшительнаго удовлетворенія, обязаны гг. депутаты просить у высочайшаго престола о назначеніи въ губерніяхъ высшаго суда, или трибунала, коего бы приговоры исполнялись и чтобы его исполненія не были воздерживаемы, или же особаго въ сенатѣ департамента для губерній новоприсоединенныхъ."

5) „Дабы коммисія воинская, или военно-гражданская, столь съ выгодою для края существовавшая, возобновлена была, и дабы между воинскими и гражданскими чинами, въ разныхъ случаяхъ во время прохода и постоя войскъ въ предѣлахъ губерній, справедливость была ограждена, и домы дворянскіе, въ селеніяхъ и мѣстечкахъ, отъ постоевъ, какъ воинскихъ, такъ и статскихъ чиновъ, свободными были."

6) „(Дабы) метрики и архивъ, изъ предѣловъ губерній вывезенные, — въ сіи-жъ губерніи возвращены (были) къ сохраненію."

7) „За выставляемый семью разами (sic!) фуражъ во время конфедераціи Тарговицкой (въ чемъ имѣвшіяся квитанціи, съ увѣреніемъ о заплатѣ, забраны), кромѣ собираемаго безъ квитанціевъ,— просить, чтобы, по крайней мѣрѣ, по квитанціямъ удовлетворено было."

8) „Почты до сего времени обывательскими лошадьми содержатся съ угнетеніемъ крестьянъ, такъ что и въ хлѣбопашествѣ послѣдовало немалое упущеніе; почему просить, за содержаніе, удовольствія (sic), а впредь чтобы таковое содержаніе было отъ казны."

9) „Пошлины отъ разныхъ продажъ, закладовъ и т. п. сдѣлокъ, тоже и прочія, по тяжебнымъ дѣламъ установленныя, какъ для насъ весьма отяготительныя, просить о оставленіи, при соотвѣтственныхъ правамъ нашимъ."

10) „Во время присоединенія здѣшняго края къ Всероссійской имперіи, высочайшая, пресвѣтлѣйшая монархиня плакатомъ подтвердила здѣшнимъ обитателямъ обрядъ религіи римскаго исповѣданія. Противно, однакожъ, тому, съ стѣсненіемъ сердецъ взирали мы въ молчаливости на отмѣну сего высочайшаго соизволенія,— на принужденіе крестьянства нашего, одного съ нами исповѣданія, однимъ только обрядомъ разнствующаго (т. е. уніятовъ), къ воспріятію вѣры господствующей, на обращеніе церквей нашихъ и предками нашими устроенныхъ (въ православныя?), съ изверженіемъ съ мѣстъ епископовъ, съ опроверженіемъ права наддачи (?). Вѣрить тому не можемъ, дабы сіе завѣдомо, а паче по апробаціи высочайшаго престола, производимо было! А съ поводу того, гг. депутаты имѣютъ принесть къ высочайшимъ всемилостивѣйшаго монарха стопамъ объ нашей чувствительности просьбу, съ прошеніемъ объ назначеніи коммиссіи для достиженія (узнанія): *гдѣ самовольно жители воспріяли отмѣну религіи и гдѣ насиліемъ къ тому принуждаемы были?*".

11) „Имяннымъ, блаженныя и вѣчнодостойныя памяти госуда-

рыни императрицы Екатерины Алексѣевны, 1793 г. апрѣля въ 13 день состоявшимся, указомъ, всѣ прежнія подати оставлены (прощены?); противно тому, чрезъ 1½ года второю коммисіею взыскиваемы отъ насъ были, равно изъ суммы граничной оною же коммисіею взято 15 т. злотыхъ польскихъ, также за употребленныя подводы, къ перевозу казеннаго магазина къ портовымъ мѣстамъ, не заплачено".

12) „Всепокорнѣйше просить, дабы и польскихъ членовъ часть въ правленіи помѣщена была и канцеляріи раздѣлены бы были на двѣ части, — польскаго и россійскаго діалекта."

13) „Принесть просьбу ко всещедрому монарху за воинскихъ бывшаго правительства (польскаго) чиновъ, кои, по вольности и по обыкновенію, за собственныя деньги покупали чины, а, по случаю уничтоженія войска, лишась того способа, къ бѣдности приведены" [1]).

14) „Много есть раздаренныхъ имѣній россійскимъ чиновникамъ, за прежними владѣльцами коихъ значатся долги и прочія претензіи; также (есть) и монастырямъ по провизіи (на содержаніе) привязанныя (т. е. имѣнія) и за оными обезпеченныя; въ нѣкоторыхъ идетъ споръ по наслѣдству законнымъ порядкомъ, а отъ нѣкоторыхъ (помѣщиковъ) собственныя имѣнія забраны, чѣмъ до послѣдняго убожества приведены. Хотя же блаженныя и вѣчнодостойныя памяти государыни императрицы Екатерины Алексѣевны указомъ сказано: „что всякій, имѣющій къ таковымъ имѣніямъ претензію, удовлетворенъ будетъ", однако форма поискиванія собственности столь затруднительна, что и надежда въ полученіи удовольствія исчезла. И для того, просить о назначеніи коммисіи въ губерніяхъ, простираемой (sic!) на всѣ уѣзды, княжество Литовское составляющіе, которая бы обо всѣхъ таковыхъ претензіяхъ разсмотрѣла и рѣшила" [2]).

15) „Просить, дабы училища для дворянскаго юношества привелись въ прежнее состояніе и академія Виленская возобновлена бъ была".

16) „Просить, чтобъ имѣнія римско-католическаго духовенства, учинившаго на вѣрность и подданство присягу, въ революцію не вмѣшавшагося, подъ одинъ нынѣ скипетръ и самодержавство при-

[1]) О томъ же самомъ ходатайствовалъ предъ императрицею Екатериною Станиславъ-Августъ. См. выше стр. 103—104, а также мнѣніе кн. Репнина, на стр. 171.

[2]) Эта статья переведена въ особенности плохо.

соединеннаго, тѣмъ же духовнымъ лицамъ и владѣльцамъ возвращены были". — Подлинный подписали: 1) Губернскій предводитель дворянства *Хоминскій*; 2) уѣздные предводители: а) минскій — Вальковичъ, b) игуменскій — Ельскій, c) вилейскій — Володковичъ, d) несвижскій — Рейтанъ, e) докшицкій [1]) — Зеновичъ, f) бобруйскій — Осецинскій, g) мозырскаго верхняго земскаго суда 2-го департамента засѣдатель Еленскій.

Не извѣстно, вслѣдствіе ли прочтенія этой петиціи, несомнѣнно доложенной императору, произведены были тѣ измѣненія въ судѣ и администраціи края, о которыхъ мы скажемъ ниже, или же по мысли тѣхъ русскихъ людей, которымъ пришлось его вновь реформировать, и которые настаивали на необходимости такихъ перемѣнъ, —т. е. Репнина, Булгакова и Фризеля. Изъ всѣхъ статей минской инструкціи обращаетъ на себя вниманіе статья 10-я, трактующая объ исповѣдномъ вопросѣ, о *присоединеніяхъ* и *обращеніяхъ*,—предметѣ, занимающемъ въ исторіи польскаго вопроса не послѣднее мѣсто. Говоря объ этомъ предметѣ, поляки всегда жалуются на притѣсненія и плачутъ; но какъ всѣ польскіе плачи далеко не имѣютъ историческаго оправданія, такъ и этотъ: религіозный фанатизмъ и нетерпимость, въ особенности къ православію, проходятъ черезъ польскую исторію XVII и XVIII в.; религіозный фанатизмъ создалъ унію; въ соединеніи съ романтическимъ патріотизмомъ и политическимъ донъ-кихотствомъ, онъ и до настоящей минуты составляетъ больную сторону польскаго національнаго характера. Но тѣмъ не менѣе, вопросъ о *присоединеніяхъ* и *обращеніяхъ* представляетъ любопытное и исключительное явленіе, возможное лишь въ нашихъ отношеніяхъ съ Польшей. Всякая сдѣлка въ дѣлѣ совѣсти, религіи, есть фальшь; самая возможность подобной сдѣлки предполагаетъ въ слабѣйшей сторонѣ непрочность убѣжденій, такъ какъ въ противномъ случаѣ, при насиліи совѣсти, долженъ былъ бы явиться или расколъ, или борьба безъ конца и уступокъ; характеромъ вынужденной сдѣлки отличается и польская унія, польское соединеніе церквей римско-католической и православной, упрочившееся въ Литвѣ и Бѣлоруссіи, но ненавидимое въ Украйнѣ: — это съ одной стороны. Но съ другой, продолжительная практика такого соединенія ослабляла религіозную нетерпимость, сближала церкви если не въ ихъ догматахъ, то въ обрядности, составляющей, какъ извѣстно, для простаго неграмотнаго люда самый жизненный

[1]) Докшицы — мѣстечко Минской губерніи.

религіозный вопросъ. При неразвитости бѣлорусскихъ народныхъ массъ, при ихъ забитости, нищетѣ и крайней умственной ограниченности, религіозная унія, вначалѣ ограничившаяся главенствомъ папы, однимъ лишь внѣшнимъ соединеніемъ церквей, потомъ, при дальнѣйшемъ своемъ развитіи, благодаря католической обрядности и польскому языку, начинавшимъ распространяться, стала для поляковъ могущественнымъ средствомъ ассимиляціи: и безъ того близкое къ нимъ физіологически русское племя теперь сближалось и срощалось еще болѣе. Но въ религіозномъ индеферентизмѣ, лежащемъ въ основѣ уніи и поддерживаемомъ общеніемъ съ православными, жившими въ краѣ, уже таился источникъ будущаго ея распаденія. Если не съ образованіемъ народныхъ массъ, то съ коренным измѣненіемъ въ ихъ судьбѣ, какъ это случилось по паденіи Польши, должна была непремѣнно распасться и унія; ибо историческая необходимость религіознаго компромисса переставала существовать. Таже судьба постигла бы унію и въ томъ случаѣ, еслибы возможно было въ Польшѣ протестантское движеніе, нѣкогда въ ней сильное, но давно задушенное іезуитами: уніяты, по всей вѣроятности, перестали бы существовать, подѣлавшись или *настоящими* католиками или протестантами, какъ подѣлались, и теперь еще остаются, этими послѣдними, даже самыми строгими реформаторами, многіе изъ поляковъ, непереставшихъ отъ этого быть и теперь самыми пламенными патріотами. Съ присоединеніемъ Бѣлоруссіи и Литвы къ Россіи, давшемъ сильный толчекъ народной инерціи, при условіи нормальнаго, свободнаго хода событій, должно было бы случиться что нибудь одно изъ двухъ: или полный католицизмъ, или чистое православіе должны бы были смѣнить унію. По характеру совершившихся событій, не случилось ни того, ни другаго; но *движеніе* началось, все равно кѣмъ бы оно ни производилось, самой ли массой или индивидуальной инициативой, — движеніе въ пользу православія, несомнѣнно, какъ мы уже и замѣтили, въ надеждѣ улучшенія быта. Обманувшись въ этой надеждѣ и не имѣя возможности уйдти въ совершенно противоположную сторону, движеніе это остановилось, т. е. снова сталъ запутываться одинъ изъ узловъ русско-польскихъ отношеній. Не одни паны и ксендзы (*паны, ксендзы, шляхта* и *жиды* стали потомъ козлами очищенія за наши неудачи въ исторіи этихъ отношеній) препятствовали уніятскому движенію: оно должно было само собою остановиться; ему, наконецъ, не могло сильно сочувствовать уніятское духовенство, болѣе свободное и обезпеченное, стоящее несравненно въ меньшей

зависимости, чѣмъ наше, отъ высшей администраціи и отъ прихожанъ. Императоръ Павелъ сначала, съ обычною своею горячностію, отнесся къ уніятскому вопросу. Въ мартѣ 1797 г. онъ издалъ указъ о *непривлеканіи* въ католицизмъ и о *нестѣсненіи* свободы присоединенія къ православію. „Помѣщики и духовенство римско-католическаго вѣроисповѣданія, говорится въ этомъ указѣ, явнымъ образомъ притѣсняютъ священно-служителей православныя греко-россійскія церкви, и не токмо тайно, внушеніями, но даже и насильственно, отторгаютъ отъ церкви сей людей, добровольно къ ней прилѣпившихся отъ уніатства“ [1]). Но потомъ, черезъ нѣсколько мѣсяцевъ, онъ критически уже относится къ дѣлу и, по этому, даетъ приказанія минскому губернатору д. с. с. Корнѣеву произвести дознаніе: почему нѣкоторые приходы, *присоединившіеся* къ православію, обнаруживаютъ желаніе *возвратиться* снова въ унію? По мнѣнію Корнѣева [2]), „при первомъ *призывѣ* къ обращенію“, присоединявшіеся крестьяне разсчитывали, что и всѣ ихъ единовѣрцы сдѣлаютъ тоже и надѣялись „на уменьшеніе всякихъ податей и работъ, что можетъ быть обращающими неосторожно (!) предлагаемо имъ было“; ревнители обращенія, записывая присоединяющихся, включали въ эти списки многихъ, ничего ровно объ этомъ незнавшихъ. Результатомъ этого было то, что въ нѣкоторыхъ *присоединенныхъ* приходахъ крестьяне совсѣмъ не ходили въ церковь, отказались отъ исполненія главнѣйшихъ таинствъ по православному чину, возвращались въ унію или *принимали католичество.* Православные священники въ этихъ новыхъ приходахъ, лишась доходовъ, „оскорбляли народъ, принуждая ихъ противъ воли, ходить въ церковь и принимать требы и принося жалобы, *безъ основанія*, въ развратѣ на уніятскихъ въ сосѣдствѣ поповъ, отчего множество заведено слѣдствій и народъ, большею частію, безвинно подверженъ истязанію“. Говоря о „крутомъ и неискусномъ оборотѣ“ въ дѣлѣ присоединенія, Корнѣевъ обвиняетъ вновь прибывшихъ православныхъ священниковъ въ грубомъ обращеніи ихъ съ народомъ, въ непопеченіи ихъ объ одной обрядности, въ пренебреженіи къ проповѣди, къ чему привыкъ народъ: все это, по мнѣнію губернатора, сдѣлало ихъ „отвратительными народу“. Изслѣдуя дѣло о присоединеніи „самымъ скромнымъ и ласковымъ образомъ“, Кор-

[1]) Полн. Собр. Зак. т. XXIV № 17,873 стр. 513.

[2]) См. рапортъ этого губернатора императору Павлу, отъ 9-го іюня 1779 г. въ „Русск. Архивѣ“ 1869 г. вып. 9-й, стр. 1559—1566.

нѣевъ входилъ по этому поводу въ объясненіе съ уніятскими священниками и крестьянами; и тѣ и другіе говорили ему, что они не прочь отъ возсоединенія, но лишь бы оно было общимъ для *всей* уніятской мѣстности, а иначе оно производитъ вражду и непріязнь между ея жителями. По замѣчанію Корнѣева, католическіе и уніятскіе попы пользовались великимъ уваженіемъ въ народѣ, вполнѣ ими заслуженнымъ, по своей жизни и дѣятельности. Считая присоединеніе дѣломъ легкимъ, минскій губернаторъ не придаетъ значенія такимъ вещамъ, какъ передѣлка иконостасовъ, бритья бороды и сутаны (одежда) уніятскихъ священниковъ. Слѣдствіемъ корнѣевской ревизіи было то, что, во 1-хъ, присоединившимся крестьянамъ, колеблющимся въ вѣрѣ, дозволено было принимать требы и отъ уніятскихъ поповъ, и, во 2-хъ, православные, но неспособные священники замѣнены были другими, изъ *мѣстныхъ*, знающими польскій языкъ, необходимый, по мнѣнію губернатора, для проповѣди.

Желанія, высказанныя въ минской петиціи, осуществились, кажется, раньше ея подачи, если только она состоялась. Такъ 6-го февраля 1797 г. императоръ Павелъ, въ указѣ сенату, приказалъ возстановить въ Литовской губерніи „существовавшіе, по правамъ польскимъ, суды земскіе, градскіе, подкоморскіе и надъ ними бывшій Литовскій трибуналъ, подъ именованіемъ Главнаго Литовскаго суда“. Судьи избирались мѣстнымъ дворянствомъ; главный судъ полгода имѣлъ пребываніе въ Вильнѣ, полгода — въ Гроднѣ; жалобы на него приносились сенату [1]): т. е. сдѣлано почти тоже самое, что и при Екатеринѣ; разница лишь въ томъ, что уничтожилось Верховное Правленіе, и трибуналъ, вмѣсто его, теперь подчинялся сенату. Ясно, что такимъ возстановленіемъ не могли быть довольны; оно и дѣйствительно мало принесло пользы для края, по крайней мѣрѣ, не водворяло порядка въ дѣлахъ; безпорядокъ происходилъ отъ смѣшенія понятій, отъ столкновеній польскихъ учрежденій съ русскими. Въ продолженіи всего 1797 г., въ письмахъ къ фельдмаршалу Репнину, Булгаковъ жалуется на судебную безурядицу, главнѣйшимъ образомъ происходившую теперь отъ столкновенія судебной власти съ администраціею и полиціей, почти не существовавшей въ Польшѣ; онъ ставитъ вопросы, проситъ на нихъ разрѣшенія, но — изъ Петербурга не присылалось отвѣтовъ. Ту же безурядицу замѣтилъ и Державинъ, посланный въ этомъ году въ

[1]) Полн. Собр. Закон. т. XXIV, № 17,788, стр. 318 и слѣд.

Шкловъ на слѣдствіе по дѣлу Зорича съ евреями, по поводу непослушанія крестьянъ нижнему земскому суду; Державинъ объясняетъ это непослушаніе именно „несообразностію польскихъ законовъ съ русскими“, старыхъ, польскихъ, судебныхъ порядковъ съ новыми, русскими, по которымъ исполненіе судебныхъ приговоровъ предоставлялось полиціи. По возвращеніи въ Петербургъ, Державинъ представлялъ, куда слѣдуетъ, объ устраненіи „сего великаго въ землѣ безпорядка, но, по его словамъ, съ сожалѣніемъ или стыдомъ признаться должно, что никто ни о чемъ, касательно общаго блага отечества, кромѣ своихъ собственныхъ пользъ и роскоши, не пекся“ [1]). Несомнѣнно также и то, что въ то время, какъ давались распоряженія, отмѣняющія однѣ учрежденія, продолжали вводить другія, совершенно противоположныя; притомъ же, при введеніи тѣхъ и другихъ, довольствовались — полумѣрами.

Но почтовый вопросъ рѣшился позже, именно 24-го апрѣля того же года, указомъ, даннымъ на имя фельдмаршала [2]). Фризель, какъ мы видѣли, занимавшійся почтовымъ дѣломъ и хвалившій прежнія польскія почты, въ вопросѣ о возстановленіи ихъ видѣлъ однако слѣдующія неудобства: 1) почтовая регалія, имѣющая возстановиться въ Литвѣ, была бы аномаліею съ подобными учрежденіями, существующими въ другихъ мѣстахъ имперіи; 2) позволительно сомнѣваться, что едвали найдутся охотники изъ мѣстныхъ обывателей, которые пожелали бы содержать почту на прежнихъ основаніяхъ, безъ пособія со стороны правительства; такъ какъ въ прежнее время, при существованіи Польши, литовскіе помѣщики безпрестанно ѣздили въ Варшаву, и всегда на почтовыхъ, что и выгодно было для почтсодержателей, теперь же такія поѣздки прекратились, паны засѣли по деревнямъ, а если и ѣздятъ куда, то уже на своихъ лошадяхъ. Имѣя въ виду, что многія изъ прежнихъ почтъ, въ слѣдствіе потрясеній, испытанныхъ краемъ, прекратили свое существованіе, правительство возложило содержаніе ихъ на обывателей, на города и деревни. На содержаніе почтъ по губерніи требовалось 70,200 руб. фуражныхъ ежегодно, и 133,977 р. (единовременно), для построенія почтовыхъ станцій и корчемъ. По непривычкѣ къ подушной подати литовскихъ обывателей, Фризель предлагалъ Булгакову разложить ежегодно потребную

[1]) Записки Державина, стр. 405—406. Ту же мысль высказываетъ и Мертваго въ своихъ запискахъ, называя Литву провинціей Пруссіи, „отданною Россіи на аренду“.

[2]) Полн. Собр. Зак., Т. XXIV, № 17,930, стр. 594.

сумму подымно (по числу домовъ въ губерніи—218,117), что составитъ по 32¼ коп. съ дома, т. е. менѣе 12 коп. съ души, предоставивъ раскладку этой суммы самому дворянству и городскимъ жителямъ. Что касается до единовременнаго взноса, потребнаго для устройства почтовыхъ станцій, Фризель разлагаетъ взиманіе его на три годичныхъ срока и вообще совѣтуетъ, для быстраго и окончательнаго устройства почтовой части, собрать дворянство въ уѣздные города и „требовать его о томъ положенія и дѣятельнаго исполненія". Но эти предположенія Фризеля потерпѣли крушеніе отъ главнаго директора почтъ, замѣтившаго литовскому вице-губернатору, что онъ не имѣетъ права входить въ разсмотрѣніе почтовыхъ распоряженій въ губерніи, высочайше порученныхъ фельдмаршалу Репнину и ему, почтъ-директору.

Такое рѣшеніе почтоваго вопроса, естественно, никого не могло удовлетворить. Почтовые безпорядки продолжались попрежнему; почтовыхъ лошадей бралъ всякій, кто хотѣлъ, особенно офицеры. По свидѣтельству кн. Прозоровскаго, начальника Кіевской дивизіи, „здѣсь кто хочетъ, тотъ и даетъ подорожныя". Этотъ же генералъ, квартировавшій въ маетностяхъ кн. Чарторыйскаго, въ м. Меджибожѣ [1]), объясняетъ и причину такихъ безпорядковъ—именно: страшный упадокъ военной дисциплины, происходившій отъ того, что полки его дивизіи, въ продолженіи 4 мѣсяцевъ, „сами себя довольствуютъ", а потому, говоритъ онъ Репнину, „глядѣть должно между пальцевъ, чтобы денегъ не просили". О казнокрадствѣ и другихъ страшныхъ злоупотребленіяхъ по провіантскому вѣдомству единогласно свидѣтельствуютъ всѣ русскіе современники [2]).

Что касается до благотворительныхъ учрежденій въ краѣ, то они и при новомъ императорѣ не только пользовались сочувствіемъ русскаго правительства, но положительно были улучшены. Въ пользу виленскаго воспитательнаго дома „Іисусъ-Младенецъ", императоръ Павелъ приказалъ взимать со всѣхъ кавалеровъ ордена св. Станислава, находящихся въ Литвѣ, ежегодно по 4 червонца (12 р.),—сумму, которую они прежде взносили въ варшавскій дѣтскій пріютъ; въ пользу Госпитальной коммисіи онъ назначилъ

[1]) Въ замкѣ владѣльца, гдѣ квартировалъ кн. Прозоровскій съ своею семьей, родился, по его словамъ, князь Н. В. Репнинъ.—Не отсюда ли беретъ свое начало расположеніе этого „женолюбца" къ фамиліи Чарторыйскихъ?

[2]) См. *Записки Д. Б. Мертваго*, Рус. Арх. 1867 г., стр. 98—154.

сборъ „съ публичныхъ увеселеній и позорищъ (общественныхъ и частныхъ театровъ)", а также извѣстный процентъ съ тяжебныхъ дѣлъ. Сверхъ того, императоръ приказалъ, въ пользу благотворительныхъ учрежденій, выдавать ежегодно 63,275 р. 55 к., изъ процентныхъ доходовъ съ поіезуитскихъ имѣній [1]).

Статьи 6-я и 15-я минской петиціи, объ архивахъ и возобновленіи Виленской академіи, были также исполнены. Высочайшими указами, данными на имя литовскаго генералъ-губернатора, отъ 6-го февраля и 1-го августа 1797 года, доходы съ поіезуитскихъ имѣній и денежныхъ капиталовъ, находившіеся въ вѣденіи Эдукаціонной коммиссіи, теперь возобновленной, предоставлялись для той же цѣли,—воспитательно-учебной, для Виленскаго университета, или академіи, и для среднихъ, повѣтовыхъ училищъ [2]). Впрочемъ, о состояніи этихъ училищъ и университета наши источники не говорятъ ни слова, и во все время царствованія Павла дальнѣйшихъ правительственныхъ распоряженій о нихъ совсѣмъ не было,—потому еще, быть можетъ, что преобладаніе частной, общественной инициативы въ воспитательномъ дѣлѣ, замѣчаемое повсюду у поляковъ, должно было сильно затруднять тогда наше правительство; но несомнѣнно одно, что Эдукаціонная коммиссія вновь начала свои дѣйствія, какъ объ этомъ можно судить по циркуляру ея предсѣдателя, епископа Коссаковскаго, по поводу направленія образованія въ повѣтовыхъ училищахъ, долженствовавшаго быть, по мнѣнію епископа, строго классическимъ и религіознымъ [3]).

При возобновленіи Виленской академіи, Репнинъ и Булгаковъ имѣли въ виду преимущественно медицинскую часть, снабженіе края достаточнымъ количествомъ врачей. Въ этомъ отношеніи Виленская академія, естественно, должна была приравняться къ Московскому университету, по своимъ правамъ; но и здѣсь встрѣтилось затрудненіе. Медицинская коллегія ежегодно посылала въ Московскій университетъ своихъ депутатовъ, для повѣрки экзаменовъ на медицинскія степени и званіе. Неудобство присылки такихъ депутатовъ въ Вильну Булгаковъ объясняетъ отдаленностію, хотя Вильна и Москва находятся почти въ одинаковомъ разсто-

[1]) Полн. Собр. Зак. Т. XXIV, № 17,791.

[2]) Полн. Собр. Зак. Т. XXIV, №№ 17,791 и 18,069.

[3]) См. Kuryer Litewski 1797 г., 10 октября, № 3. Въ Импер. Публичной Библіотекѣ, къ сожалѣнію, находится только одинъ годъ этого журнала, да и тотъ неполный.

янія отъ Петербурга. По мнѣнію литовскаго губернатора, щадившаго мѣстное самолюбіе, было бы справедливымъ предоставить самой Виленской академіи право давать медицинскія степени съ тѣмъ, чтобы медицинская коллегія утверждала ихъ своею „апробаціей“,—чѣмъ, справедливо замѣчаетъ Булгаковъ, докажется и равенство академіи съ Московскимъ университетомъ, и ея зависимость отъ коллегіи. Можно бы было, говоритъ онъ далѣе, предоставить мѣстной врачебной управѣ право присутствовать при академическихъ экзаменахъ, въ качествѣ депутата отъ медицинской коллегіи; „но какъ управа врачебная не умнѣе, а можетъ быть и не вѣрнѣе академіи,—то сію послѣднюю таковое депутатство огорчитъ, безъ всякой искусству пользы, и подастъ случай къ толкамъ, что она врачебной управѣ подчинена“. Вновь учрежденной врачебной управѣ вмѣнено было въ обязанность разсмотрѣніе документовъ практикующихъ врачей; правомъ практики пользовались только одобренные ею, съ утвержденія, впрочемъ, медицинской коллегіи. Булгаковъ ходатайствовалъ было объ увеличеніи жалованья штатнымъ медицинскимъ чинамъ, находившимся въ его губерніи; но отъ коллегіи это увеличеніе не зависѣло. Литовскій губернаторъ не только примирился съ этою мыслію, но и говорилъ потомъ, что увеличеніе жалованья не сдѣлаетъ лѣкаря лучшимъ, что мѣстные врачи имѣютъ хорошую практику и что, во всякомъ случаѣ, лучше ихъ имѣть больше съ малымъ жалованьемъ, чѣмъ наоборотъ,—„по крайней мѣрѣ, больные утѣшены будутъ помощію, когда число врачей больше, а особливо по деревнямъ“. Какъ извѣстно, при императорѣ Павлѣ введена была у насъ самая строгая цензура, и полученіе книгъ, напечатанныхъ за границей, было крайне затруднительно. Это почувствовали Виленская академія и ея профессоры: они не могли получать книгъ, даже купленныхъ въ Варшавѣ, безъ того, чтобы эти книги не отвозились на цензурный просмотръ въ Ригу или Радзивиловъ. Булгаковъ и въ этомъ случаѣ является ходатаемъ за академію и проситъ Репнина, — нельзя ли сдѣлать исключеніе, хотя для книгъ ученаго содержанія. Но, относясь сочувственно къ Виленской академіи, Булгаковъ раздѣлялъ антипатію Репнина къ піарамъ-воспитателямъ и приводилъ въ исполненіе мысль императрицы Екатерины о закрытіи содержимыхъ ими школъ и о секуляризаціи ихъ имущества. Въ числѣ этого послѣдняго первое мѣсто занималъ Снипишенскій монастырь. Булгаковъ предполагалъ перевести монаховъ въ городъ, въ другой, имъ принадлежащій монастырь, а новиціатъ закрыть. Снипишенскій монастырь онъ предполагалъ обратить на какое-нибудь общеполезное дѣло,—центральный госпиталь, на артиллерійскія казармы, арсеналъ, коммиссаріатское или провіантское депо. Книги, мебель и все движимое имущество, по мнѣнію Булгакова, нужно отдать піарамъ; долговыя претензіи ихъ шли своимъ порядкомъ по судамъ, „и я ихъ защитилъ, добавляетъ онъ, даже въ насильственномъ забраніи ими деревни у одного дворянина“.

Мы уже знаемъ мнѣніе Булгакова объ административномъ состояніи края, ввѣреннаго его управленію. Этотъ человѣкъ на все жаловался, всѣмъ былъ недоволенъ, постоянно просилъ и писалъ къ Репнину съ откровенностію, вовсе неслужебной. По его словамъ, все выходило плохо, и старое и новое, польское и русское,—и полиція, и суды, и почты, и чиновники. „Литва, пишетъ онъ уже въ цитированномъ нами письмѣ, почитаетъ ваше с—ство своимъ спасителемъ, а теперь будетъ называть отцемъ, когда подъ почту ямскихъ лошадей не возьмутъ, а велятъ обывателямъ давать на нихъ кормъ деньгами. По сію пору не могу я рапортовать (въ сентябрѣ 97 г.), что вездѣ лошади приняты; всѣ затрудненія происходятъ отъ военныхъ, но... лучше объ нихъ не говорить!“ Онъ постоянно зоветъ, въ своихъ письмахъ, фельдмаршала Репнина въ Литву, говоря: „прибытіе вашего с—ства насъ оживитъ; есть тысячи вещей, требующихъ разрѣшенія и проч.“. Но князь въ Литвѣ не показывался и, попрежнему, многое не разрѣшалось. У того же Державина мы находимъ указанія на печальное положеніе края и не въ одномъ административномъ, но и въ экономическомъ отношеніи. Въ странѣ былъ страшный голодъ: крестьяне ѣли пареную траву и были такъ тощи и блѣдны, какъ мертвые; разорившіеся паны вытягивали изъ нихъ послѣдніе соки; реорганизація края преимущественно на нихъ ложилась всею своею тяжестію; сегодня они принадлежали одному помѣщику, русскому или поляку, завтра другому. Раздача и возвращеніе имѣній, безпрестанно смѣняющія другъ друга, производили страшный хаосъ и доводили до полнѣйшаго разоренія всѣхъ,—крестьянъ, помѣщиковъ и администраторовъ. Въ такомъ положеніи засталъ Державинъ въ 1797 г. бывшія старостинскія имѣнія въ предѣлахъ нынѣшнихъ Витебской и Минской губерній, ранѣе присоединенныхъ; по словамъ этого же писателя, которому нельзя отказать въ искренности и честности, высшее русское общество въ Петербургѣ, государственные сановники и чиновники, не довольствуясь раздачею 300 т. душъ крестьянъ, пожалован-

ныхъ новымъ императоромъ (конечно, въ награду „истинныхъ заслугъ и прямыхъ достоинствъ“), алкало новыхъ добычъ и пріобрѣтеній. Державинъ не отобралъ, какъ надѣялись въ Петербургѣ, бывшихъ старостинскихъ имѣній, розданныхъ въ количествѣ до 100 т. душъ, откуда слышались жалобы на голодъ, притѣсненія и даже неповиновенія крестьянъ,—и тѣмъ возбудилъ противъ себя страшную бурю [1])! Мы не пишемъ исторіи присоединенныхъ провинцій, не имѣя для этого нужныхъ, но никому еще неизвѣстныхъ, источниковъ; но, судя по запискамъ современниковъ, и между ними того же самаго Державина, состояніе края было не въ лучшемъ положеніи и при преемникѣ Павла, въ первые годы его царствованія.

Послѣ коронаціи, происходившей 5 апрѣля 1797 г., императоръ Павелъ, вмѣстѣ съ великими князьями Александромъ и Константиномъ, возвращаясь въ Петербургъ, проѣхалъ по присоединеннымъ бѣлорусскимъ и литовскимъ губерніямъ; въ сѣверную столицу онъ возвратился въ маѣ,—въ такой короткій срокъ времени, очевидно, нельзя было вездѣ быть и многое видѣть. Изъ Москвы императоръ поѣхалъ, черезъ Смоленскъ, на Минскъ, Слонимъ, Вильну и Ковно, а изъ этого города, черезъ Митаву и Ригу, возвратился въ Петербургъ. Что замѣтилъ императоръ и какое впечатлѣніе произвела на него эта поѣздка,—намъ неизвѣстно: знаемъ только о готовившейся для него встрѣчѣ. Въ Слонимѣ ждали государя изъ Несвижа, откуда онъ ѣхалъ черезъ Ціавъ, Столовичи и Полонку. Въ свитѣ императора, кромѣ великихъ князей, находились: князь А. А. Безбородко, 3 генералъ-адъютанта, 2 флигель-адъютанта и 3 статсъ-секретаря. Для государя и великихъ князей приготовлена была квартира въ домѣ графа Огинскаго, для свиты—въ лучшихъ домахъ города. Домъ Огинскаго, со всѣми строеніями и принадлежащими ему землями, возвращенъ былъ прежнему владѣльцу, которому, сверхъ того, высочайше назначена была ежегодная пенсія въ 1,200 червонцевъ, пожизненно, изъ литовскихъ доходовъ. Въ Слонимъ ожидали императора на ночь 11 мая. Церемоніальныхъ встрѣчъ не приказано было дѣлать никакихъ и „рѣчей никому не говорить“; но духовенство должно было стоять передъ своими церквами въ полномъ облаченіи. Всѣмъ желавшимъ видѣть государя, помѣщикамъ и крестьянамъ, на

[1]) Записки Державина, стр. 407—414.

станціяхъ и въ Слонимѣ, не возбранялось,—„и прилично то будетъ“, говоритъ Булгаковъ въ предписаніи слонимскому городничему; но просьбы на высочайшее имя должны быть подаваемы губернатору, сопровождавшему государя. Въ Вильнѣ императоръ остановился въ домѣ кн. Масальскаго, который занималъ литовскій губернаторъ; въ домѣ подскарбія Огинскаго, гдѣ прежде было намѣстническое правленіе и дворянское собраніе, собраны были дворяне и чиновники, въ ожиданіи призыва ихъ къ государю. Кн. Репнинъ даетъ Булгакову подробныя наставленія о виленской встрѣчѣ. Въ квартирѣ государя, кромѣ губернатора, вице-губернатора и генераловъ, командующихъ войсками, никого не должно быть. О времени представленія духовенства и купечества доложить государю; рѣчей не говорить, не испросивъ высочайшаго разрѣшенія,—да и то, если пожелаютъ, духовенству, дворянству и академіи, но купечеству совсѣмъ не позволять. При представленіи, для цѣлованія руки, подходить къ императору по старшинству, каждая часть особо, становиться на одно колѣно и, поцѣловавъ руку, тотчасъ же отходить прочь на прежнее свое мѣсто, во избѣжаніе тѣсноты. Иллюминацій въ городѣ *отнюдь не приказывать*, такъ какъ *государь ничего подобнаго не требуетъ*; но желающимъ освѣтить свои дома, не запрещать этого. При выѣздѣ изъ Вильны, одна часть купечества должна находиться у ратуши, другая—у Острыхъ воротъ (брамы). „Обыватели, заканчиваетъ инструкція, могутъ смотрѣть по улицамъ, но чтобы отъ тѣсноты не было затрудненія въ проѣздѣ, и отнюдь чтобы никто за государемъ, въ слѣдъ и по сторонамъ, не бѣгалъ, а смотрѣлъ бы всякій, стоя на своемъ мѣстѣ. Что же относится до гг. дворянъ, то они могутъ по домамъ изъ оконъ смотрѣть“ (отъ 22-го апрѣля). Судя по подобнымъ инструкціямъ, невеселое зрѣлище представляло императорское путешествіе по краю: запрещеніе „собираться корпусами“ и говорить рѣчи заставляетъ предполагать, что императоръ былъ чѣмъ-то встревоженъ, чего-то опасался. Это было и дѣйствительно такъ: еще въ Москвѣ могли дойдти до него слухи, если не о зарождающемся возмущеніи въ краѣ, то объ усиленіи эмиграціи; минская петиція могла также тревожить; императоръ не могъ принимать руссолюбіе, обнаруженное въ Варшавѣ, за ручательство спокойствія присоединенныхъ провинцій. Но, не смотря на это, проѣздъ свой по краю императоръ ознаменовалъ нѣкоторыми милостями: такъ въ Лидѣ (15 (26) мая) онъ пожертвовалъ 5 т. р. на строившійся въ этомъ городѣ костелъ, а въ

Вильнѣ простилъ подушную недоимку за прежніе годы, въ количествѣ 36,734 руб. ³/₄ коп. [1]).

Мы уже замѣтили, что польская эмиграція была неизбѣжнымъ явленіемъ раздѣловъ, а характеръ ея дѣятельности объясняется свойствами польскаго національнаго характера, мечтательнаго и романтичнаго. Французская революція, совпавшая съ распаденіемъ Польши, подожгла ее. Поляки явились самыми искренними республиканцами, самыми горячими патріотами, но, увы! съ тѣмъ же мертвымъ идеаломъ о республикѣ и гражданской свободѣ, который погубилъ ихъ отечество. Въ жертвахъ, которыя они приносили во имя этого идеала, для посторонняго, незнакомаго съ ихъ жизнію и исторіей, глаза можетъ показаться много трогательнаго, рыцарскаго; но безпристрастный историкъ иначе не можетъ взглянуть на эти жертвы, какъ съ чувствомъ глубокаго сожалѣнія, какъ о напрасной тратѣ силъ, самыхъ свѣжихъ и юныхъ,—тратѣ, только способствовавшей національной порчѣ. Эмигранты въ одиночку и толпами потянулись въ Италію сражаться подъ знаменами французовъ; они появились въ предѣлахъ Турціи, именно въ Молдавіи, собирались въ Галиціи и въ другихъ мѣстахъ, въ ожиданіи *чего-то*,—перемѣны политическаго вѣтра, рѣшительнаго успѣха французскаго оружія въ Италіи и Австріи, торжества либеральныхъ французскихъ идей, отождествляемыхъ ими съ *польскими*, воскресенія Польши. Печальное зрѣлище начинаетъ представлять, съ этого времени, *польское скитаніе:* потянулись поляки по разнымъ дорогамъ, — кто куда! Одни, во слѣдъ за послѣднимъ своимъ королемъ, въ Петербургъ, на русскіе хлѣбы; другіе—на русскую и австрійско-прусскую службу въ чиновники, перещеголявъ потомъ въ этой спеціальности и консерватизмѣ нѣмцевъ и русскихъ; третьи — застрѣльщиками всѣхъ революціонныхъ движеній, ничего имъ недавшихъ, кромѣ черстваго хлѣба. Ко всѣмъ этимъ движеніямъ народная масса, на которой покоилась бывшая польская республика, оставалась, попрежнему глухо-нѣмою. Четырехтомные мемуары Михаила Огинскаго можно назвать Одиссеей польской эмиграціи. Послѣ 2-го раздѣла мы его видимъ въ Петербургѣ, гдѣ онъ заискиваетъ у Зубова, а слѣдовательно, и у императрицы. Во время революціи Косцюшки онъ играетъ нѣкоторую роль въ Вильнѣ. Послѣ взятія Праги, онъ отправляется въ Вѣну, живетъ въ Венеціи, откуда ѣдетъ въ Константинополь. Здѣсь у него созрѣлъ проектъ союза Франціи,

[1]) Kuryer Litewski 1797, № 75.

Швеціи, Даніи и Турціи для возстановленія Польши. Между тѣмъ въ Парижъ прибываетъ польская депутація (Мнѣвскій, Ташицкій, Дмоховскій, Прозоръ и Гедройцъ). Депутаты извѣщаютъ Огинскаго, что Франція хочетъ устроить для поляковъ генеральную конфедерацію, актъ которой просятъ его составить, а также предлагаютъ ему образовать армію на границахъ Турціи. Толпы польскихъ офицеровъ начинаютъ прибывать въ Константинополь. Отъ нихъ Огинскій узнаетъ объ образованіи конфедерацій во Львовѣ и Краковѣ (въ январѣ 1796 г.) и читаетъ акты этихъ конфедерацій, взывающіе къ французскому великодушію и исполненные похвальбой, свободолюбіемъ и готовностію на всѣ жертвы; всѣ эти планы, въ устахъ разсказчиковъ, являются самыми грандіозными. Въ ноябрѣ 1796 г. Огинскій оставляетъ Константинополь и ѣдетъ въ Галицію, чтобы самому узнать на мѣстѣ силу патріотическаго воодушевленія. Но, оставивъ этотъ планъ, онъ отправляется въ Парижъ, оттуда въ Италію, къ генералу Бонапарте, затѣмъ опять въ Парижъ, Гамбургъ и Берлинъ, принимая во всѣхъ польскихъ замыслахъ самое дѣятельное, хотя нѣсколько и дипломатическое участіе; впрочемъ, и сама эмиграція, кажется, смотрѣла на него, какъ на необыкновенно искуснаго дипломата. Въ числѣ эмигрантовъ находился въ Италіи, уже упомянутый нами, бывшій генералъ польскихъ войскъ Генрихъ Домбровскій. Съ одобренія эмиграціи, онъ вошелъ въ переговоры съ итальянскими патріотами и съ предводителями французскихъ войскъ, расположенныхъ въ сѣверной Италіи, и началъ формировать польскій легіонъ, какъ будто бы на службу Цизальпинской республики, на самомъ же дѣлѣ, какъ кадры будущей польской арміи. Въ этотъ легіонъ толпами стекались поляки со всѣхъ странъ бывшей республики; патріотизмъ ихъ былъ до такой степени жгучъ, что „каждый изъ нихъ, отъ солдата до генерала, носилъ на себѣ по горсти родимой земли“ [1]); патріотическому воодушевленію соотвѣтствовали и ихъ надежды. Объ этихъ мечтательныхъ надеждахъ даютъ понятія слѣдующія вѣсти, относящіяся, впрочемъ къ концу года, найденныя въ письмѣ изъ Кракова, перехваченномъ въ Брестѣ. Поляки возлагали великія надежды на Раштадскій конгрессъ. Они вѣрили, что польскіе легіоны, снабженные всѣмъ необходимымъ со стороны Цизальпинской республики и Бонапарте, отправятся, подъ начальствомъ Домбровскаго, для освобожденія отечества; что австрійскій импе-

[1]) Исторія Войны 1799 года Д. Милютина, Изд. 2-е, Т. 1 стр. 50.

раторъ, согласно секретной статьи Кампформійскаго договора, дастъ имъ свободный пропускъ въ Галицію, уступка которой дѣлается первымъ актомъ освобожденія Польши; что этотъ государь признаетъ варшавскій сеймъ существующимъ, и только прерваннымъ; носятся слухи, что русскій императоръ арестованъ (!), а другіе говорятъ, что отравленъ бывшимъ польскимъ королемъ Станиславомъ; что польскіе легіоны пойдутъ также къ прусской границѣ и уже совсѣмъ готовы къ этому походу и проч., и проч.! Товарищемъ Домбровскаго былъ нѣкто Рымкевичъ. Недовольствуясь вербовкою для польскихъ легіоновъ, эмиграція задумала поднять на возстаніе противъ новыхъ правительствъ бывшія польскія области и, съ этою цѣлію, составила планъ самаго искуснаго заговора, едвали непослужившаго прототипомъ позднѣйшихъ. Надѣясь на поддержку Франціи, щедро платившей сочувствіями за пролитую кровь, и на симпатіи итальянскихъ патріотовъ, вскорѣ понявшихъ блага свободы, приносимыя французскими штыками, польскіе заговорщики, по обычаю, предались самымъ несбыточнымъ мечтаніямъ: *безпочвенные*, оторванные отъ народа люди, въ чужой землѣ они думали создать то, что было не мыслимо, — какъ генеральный сеймъ въ Миланѣ и національный польскій конвентъ въ Парижѣ! Впрочемъ, для образованія того и другаго и для произведенія возстанія, предварительно предпологалось устройство центральныхъ комитетовъ и тайныхъ обществъ, или ассоціацій, которыя должны были покрыть сѣтью всѣ бывшія воеводства; надѣялись на успѣхъ ассоціацій въ такихъ даже мѣстностяхъ, какъ Кіевъ! Всѣ эти планы, вся махинація заговора содержались долго въ величайшей тайнѣ; но движеніе поляковъ, тревога ихъ не могли долго таиться отъ внимательнаго глаза. Правительства русское и австрійское стали за ними слѣдить. Послѣднее не пропускало въ Галицію безпаспортныхъ и вооруженныхъ людей; но тѣмъ не менѣе, однако, въ іюнѣ 97 г. одна польская банда сдѣлала нападеніе, съ оружіемъ въ рукахъ, на австрійскую границу со стороны Буковины. Вслѣдствіе этого событія, — по другимъ извѣстіямъ вымышленнаго австрійцами, такъ какъ напали-то собственно не поляки, а 16 человѣкъ турецкихъ дезертировъ, — союзныя правительства потребовали отъ Порты изгнанія польскихъ эмигрантовъ изъ ея предѣловъ; это требованіе было исполнено, на сколько, конечно, можно было вѣрить туркамъ, такъ какъ, по другимъ свѣдѣніямъ, въ Молдавіи набралось до тысячи человѣкъ поляковъ, спокойно жившихъ по деревнямъ на полномъ иждивеніи Порты. Несомнѣнно

одно, что въ Молдавіи подготовлялось польское движеніе подъ руководствомъ бывшаго подскарбія Огинскаго, проживавшаго въ Парижѣ, и что Австрія его сторожила. Мѣстная русская администрація, сѣверо-и-югозападная, не придавала особеннаго значенія всѣмъ этимъ движеніямъ, считая ихъ экономически безумными: край былъ разоренъ, вслѣдствіе событій послѣднихъ пяти лѣтъ голодъ продолжалъ неумолимо бичевать его; въ юго-западныхъ губерніяхъ открылась моровая язва, чума: до заговоровъ ли, казалось бы, людямъ! Литва была спасена отъ моровой язвы, но въ Подоліи и на Волыни она была очень значительна, не смотря на энергическія мѣры, принятыя военной и гражданскою властью. Зараженныя мѣста были окружены сельскими караулами, недозволявшими въѣзда; вездѣ устроены были карантины для ѣдущихъ изъ мѣстъ, гдѣ свирѣпствовала язва; сверхъ того, цѣлые полки были разставлены цѣпью отъ Могилева на Днѣстрѣ, на Летичевъ, Старый Константиновъ, Заславль, Кременецъ и до австрійской границы, при Радзивиловѣ; отъ Заславля на Дубно, Луцкъ, Ковель и до границы, при Кладневѣ, была протянута еще вторая военная цѣпь. Всѣ эти предосторожности казались достаточными не противъ одной заразы, во всякомъ случаѣ негубительной; вотъ почему фельдмаршалъ Репнинъ, живя въ Петербургѣ, получалъ самыя успокоительныя извѣстія на счетъ польскаго движенія, не отъ одного Булгакова изъ Вильны, но и изъ Каменца-Подольскаго и Житоміра; галиційская администрація сообщала также успокоительныя вѣсти и до нѣкоторой степени подтрунивала надъ русскими тревогами. Намъ неизвѣстно, быть можетъ, въ самомъ Петербургѣ были въ ту пору нѣкоторые признаки, по которымъ кн. Репнинъ имѣлъ причины не довѣрять всѣмъ этимъ успокоительнымъ слухамъ и держать своего помощника, литовскаго губернатора, въ напряженномъ вниманіи. По крайней мѣрѣ, недовѣрчивость эта оказалась вполнѣ основательной: Булгаковъ напалъ на слѣды заговора, при помощи одного еврея-фактора, доставившаго ему забытое квартирантомъ его Юдицкимъ письмо къ друзьямъ своимъ, въ которомъ этотъ послѣдній извѣщалъ ихъ, что ѣдетъ за границу, для спасенія отечества. Вслѣдъ за этимъ, 18-го сентября 1797 г. былъ задержанъ въ Гроднѣ поручикъ бывшихъ польскихъ войскъ Себастіанъ Цецерскій, остановившійся въ городѣ подъ именемъ австрійскаго дворянина. При обыскѣ нашли у него зашитыми въ воротникъ фрака слѣдующія бумаги: 1) Akt powstania Wilenskiego, 2) Artykuly do associacji przyjęte, 3) Artikuly czlenom

associacyi и 4) гieроглифическую азбуку. Цецерскiй былъ такъ пораженъ этимъ открытiемъ, что, въ отчаянiи, хотѣлъ зарѣзаться, до чего не допустилъ его генералъ Мерлинъ, производившiй обыскъ. На требованiе открыть заговорщиковъ, Цецерскiй отвѣчалъ: „Лучше мнѣ одному погибнуть, нежели погубить многихъ!" — Мерлинъ замѣтилъ ему, что правительству уже все извѣстно и напрасно онъ скрываетъ: въ самомъ дѣлѣ, Булгаковъ въ Вильнѣ зналъ гораздо болѣе, и по его указанiю былъ произведенъ самый арестъ Цецерскаго. Получивъ обѣщанiе отъ Мерлина, что его не сошлютъ въ Сибирь и *не обнаружатъ передъ товарищами*, Цецерскiй указалъ на слѣдующiя лица, живущiя въ Вильнѣ: 1) на ксендза Зюльковскаго, живущаго въ женскомъ бенедиктинскомъ монастырѣ, 2) на доминиканскаго ксендза Цецерскаго, 3) на Грабовскаго и 4) Станислава Юдицкаго, сына польскаго генерала. Участiе свое въ заговорѣ Цецерскiй объяснилъ—*неимѣнiемъ средствъ для пропитанiя*. Какъ велъ себя преступникъ,—можно судить изъ словъ Мерлина, ходатайствовавшаго у государя, черезъ фельдмаршала Репнина, объ исполненiи даннаго имъ Цецерскому обѣщанiя: „По лицу его судить можно, что *духу у него немного;* однимъ словомъ: патрiотизмъ его на острiяхъ шпоръ. какъ у поляковъ".—Вотъ прокламацiя предполагавшагося возстанiя, въ современномъ русскомъ переводѣ:

„Пока силы обывателя стѣснены окружающимъ его со всѣхъ сторонъ могуществомъ и не могутъ быть употреблены во всемъ ихъ пространствѣ, до тѣхъ поръ, по крайней мѣрѣ, обязанъ каждый дѣлать, что только ему можно. Не проходило ни одной минуты, въ которую бы не мыслили мы, стеная подъ чужимъ бременемъ неволи, о возвращенiи правъ нашихъ, свободы и вольности, каждому человѣку врожденной, и, съ нетерпѣнiемъ ожидая сего блаженнаго времени, питались лестною надеждою, *что, можетъ быть, когда-нибудь ослабѣетъ удручающее насъ могущество* и не будетъ уже такою сильною преградою преданнымъ своему отечеству, въ употребленiи средствъ къ полученiю похищенныхъ древнихъ правъ и вольности. И сiе-то было причиною всегдашнихъ вздоховъ нашихъ къ Богу. По немъ мы основали надежду на правительствѣ (?), оружiя и на славной французской республикѣ, къ коей, возможныхъ успѣховъ желая во всѣхъ ея предпрiятiяхъ, вздыхали всѣ объ улучшенiи нашей участи. При всей ограниченности стѣсненныхъ силъ нашихъ и дѣйствiяхъ, осталась намъ врожденная свобода мыслить и какiя только она средства позволяетъ намъ выбрать, тѣ и употребимъ теперь на нашу пользу. Утвердясь на вышесказанныхъ основанiяхъ, ввѣряясь народной репрезентацiи какъ въ Парижѣ, такъ и въ Медiоланѣ, существующей старанiемъ французской республики, актъ сей возстанiя, сходно съ сдѣланнымъ актомъ 1794 г., подписываемъ, учиня присягу по сдѣланной формѣ, и открываемъ сессiю подъ предсѣдательствомъ обывателей.—27 го августа 1797 года".

Планъ виленскаго заговора былъ слѣдующiй. Предполагалось составить общества (ассоцiацiи), съ подраздѣленiемъ ихъ на отдѣлы (децезiи). Въ общество не должно входить болѣе 15-ти членовъ, въ отдѣлы—5-ти или 4-хъ; каждый вступающiй въ заговоръ обязанъ вносить по крайней мѣрѣ 3 червонца. Собираемая сумма предназначается для корреспонденцiи, для пересылки нужныхъ людей и для помощи „несчастнымъ и гонимымъ". Собранiя общества должны происходить чрезъ каждыя двѣ недѣли, кромѣ чрезвычайныхъ случаевъ. Члены общества въ публичныхъ собранiяхъ переговариваются другъ съ другомъ посредствомъ особенныхъ знаковъ, никому неизвѣстныхъ; въ случаѣ надобности, эти знаки перемѣняются ассоцiацiей. Каждый изъ членовъ общества долженъ набирать новыхъ членовъ, но *не болѣе трехъ;* принятiе ихъ въ общество рѣшается большинствомъ голосовъ. Въ члены могутъ входить люди всякаго званiя „съ талантами и превосходными свойствами", но не иначе, какъ по строгомъ испытанiи ихъ образа мыслей, характера, честности, твердости и рѣшимости на самомъ дѣлѣ. Вновь избранный членъ даетъ присягу и рукоприкладство и обязывается сообщать обо всемъ только тому, кто принялъ его членомъ. Каждый членъ обязанъ честiю и жизнiю скрывать имя того кто его принялъ, даже и отъ тѣхъ лицъ, которыхъ самъ онъ избираетъ членами; самая величайшая осторожность рекомендуется во всѣхъ дѣлахъ, касающихся общества. Если бы образовалось какое общество, съ тою же патрiотическою цѣлiю, отличаясь только инымъ уставомъ, ассоцiацiя, узнавъ объ этомъ, входитъ съ нимъ въ соглашенiя.—Каждый членъ обязывался имѣть эти правила, переписанныя собственною рукою, и, вмѣстѣ съ присягою, читать ихъ каждый день. А вотъ форма присяги:

„Клянусь Богомъ, коего правосудiе яснѣе видно въ казни измѣнниковъ, что присягу сiю даю съ здравымъ разсудкомъ, безъ всякаго къ тому принужденiя, но по собственному желанiю, что въ ономъ союзѣ, ни предметомъ (ради) подлой корысти, ни (по) персональной ненависти, и ни (по) слабости,—измѣнникомъ не буду;

никого изъ членовъ, а тѣмъ болѣе товарищества, какимъ бы то ни было знакомъ, не выдамъ; тайну сію сохраню во глубинѣ души моей, пока успѣхъ или смерть не окончитъ сего предпріятія. И, кромѣ казни небесной, которая да нпспадетъ на голову мою!— предаюся всей мести и стыду, естли бы имѣлъ намѣреніе учиниться измѣнникомъ: въ чемъ, Боже, помоги мнѣ!"

Показаніе Цецерскаго дало возможность открыть другихъ заговорщиковъ; въ теченіи сентября и октября они были всѣ переловлены въ городахъ Вильнѣ, Кобринѣ и Брестѣ. Вотъ имена ихъ: 1) пріоръ Домбровскій; 2) ксендзъ Зюльковскій; 3) пріоръ Цецерскій; 4) подпоручикъ Цецерскій; 5) адвокатъ Грабовскій; 6) шляхтичъ Чарновскій, 7) шляхтичъ Паздзерскій (Pazdzierski); 8) другой Паздзерскій, братъ его; 9) Юдицкій; 10) профессоръ Кондратовичъ; 11) Снѣжко (Snieszko), судья изъ Кобрина; 12 и 13) братья Сестревитовскіе, служившіе въ кобринскомъ земскомъ судѣ; 14) Невяровичъ; 15) Нагурскій; 16) Калинскій, башмачникъ; 17) Эйтманъ; 18) Нарбутъ; 19) Гедройцъ; 20) Городецкій, поручикъ; 21) Петральскій, портной.

Главою виленскаго заговора былъ настоятель тринитарскаго монастыря въ Берестечьѣ, на Волыни, монахъ Авреліанъ Домбровскій, обучавшійся въ Брестѣ и прежде бывшій въ виленскомъ тринитарскомъ монастырѣ, что на Антоколѣ [1]); ему было около, или съ небольшимъ, 30 лѣтъ отъ роду. По лѣту 1797 г. онъ два раза пріѣзжалъ въ Вильну, въ іюнѣ и августѣ, гдѣ многіе его знали и гдѣ было не мало его школьныхъ и монастырскихъ товарищей. Причину своего пріѣзда онъ объяснялъ необходимостію собрать документы для составленія генеалогіи фамиліи Пашкевичей. Съ грудою такихъ документовъ явился онъ однажды, въ іюнѣ, къ одному изъ школьныхъ своихъ товарищей, виленскому городовому палестранту (адвокату) Михаилу Грабовскому (30 лѣтъ) и просилъ его сдѣлать изъ нихъ генеалогическую выписку, что тотъ и исполнилъ. На вопросъ Грабовскаго, что ему за охота хлопотать по чужимъ дѣламъ,— Домбровскій отвѣчалъ, что Пашкевичи оказали много благодѣяній его монастырю и ему лично. Послѣ этого Домбровскій изчезъ изъ Вильны и до августа не показывался къ Грабовскому, объясняя это своей поѣздкой въ Ошмяны, для прісканія новыхъ документовъ, такъ какъ, по его словамъ, въ генеалогіи, составленной Грабовскимъ, пропущена цѣлая (какая-то) фа-

[1]) Нынѣ православная церковь, во имя архангела Михаила.

милія. Въ этотъ разъ Домбровскій сталъ бывать у своего товарища очень часто, нерѣдко по два раза въ день. Однажды, заставъ его одного, Домбровскій сказалъ, что онъ имѣетъ открыть ему важную тайну. Зайдя съ своимъ хозяиномъ въ уединенное мѣсто его дома, Домбровскій вынулъ изъ-за пазухи бумаги и сказалъ, что въ нихъ заключается „спасеніе нашего отечества". Грабовскій, если вѣрить его показанію, до такой степени испугался, что не хотѣлъ слушать своего гостя. Этотъ послѣдній умолялъ его, именемъ распятаго Спасителя, придти, по крайней мѣрѣ, въ тотъ же день, въ часъ по полудни, въ женскій бенедиктинскій монастырь, къ ксендзу-исповѣднику Вацлаву Зюльковскому, для выслушанія новостей. Грабовскій далъ слово, но въ назначенный часъ не пошелъ. Между тѣмъ, въ 6 часовъ вечера, явился къ Грабовскому подпоручикъ Цецерскій и, именемъ Домбровскаго, сталъ звать его опять; тотъ пошелъ. У Зюльковскаго, кромѣ Домбровскаго, они нашли пріора доминиканскаго монастыря Цецерскаго и двухъ монаховъ миссіонерскаго ордена; но послѣдніе скоро ушли. По ихъ уходѣ, Зюльковскій замкнулъ дверь и сказалъ:—„Ну! Начнемъ присягою, что все, что ксендзъ Домбровскій намъ откроетъ, никому не обнаружимъ!" По окончаніи присяги, пріоръ Цецерскій написалъ своею рукою актъ вступленія въ общество (акцессъ), въ единомысліе съ львовскимъ центральнымъ комитетомъ (съ „центральностію", по выраженію перевода). Грабовскій, заплативъ 3 червонца, наотрѣзъ отказался подписать акцессъ, а чрезъ два дня, встрѣтивъ на улицѣ подпоручика Цецерскаго, просилъ его, что бы его, Грабовскаго, болѣе не принуждали, ибо онъ „не намѣренъ ни во что вмѣшиваться". Однакоже, встрѣтившись опять на улицѣ съ тѣмъ же Цецерскимъ, потребовавшимъ отъ него еще денегъ, необходимыхъ будто бы послѣднему для поѣздки въ Львовъ съ рапортомъ къ тамошнему ржонду, онъ далъ еще 3 червонца. При свиданіи съ Зюльковскимъ, на упрекъ послѣдняго въ равнодушіи къ дѣлу, Грабовскій сказалъ, что данные имъ 6 червонцевъ не его, а принадлежатъ нѣкоему Блодецкому (вымышленное лицо) и снова отказался отъ принятія правилъ общества. — Меньше хлопотъ было Домбровскому съ шляхтичемъ Чарновскимъ (61 года), смотрителемъ дома епископа Лопацинскаго. Домбровскій, вѣроятно, болѣе ему довѣрявшій, съ перваго же своего посѣщенія посвятилъ его во всѣ тайны заговора, сказавъ, что въ Польшѣ составилось общество, положившее, чтобы во всѣхъ воеводствахъ были учреждены ассоціаціи и чтобы каждая изъ этихъ послѣднихъ отправила по одному

делегату во Львовъ, въ центральный комитетъ, который, съ своей стороны, одну часть этихъ депутатовъ отошлетъ въ Миланъ, для присутствія въ тамошнемъ польскомъ конвентѣ, а другую—въ то мѣсто, гдѣ имѣетъ возникнуть генеральный сеймъ. Къ этому Домбровскій прибавилъ, что все это дѣлается по проекту миланской депутаціи, состоящей изъ пяти членовъ, во главѣ которой стоитъ Прозоръ Огинскій. Приведеніе къ присягѣ Чарновскаго происходило у того же Зюльковскаго и съ тѣми же церемоніями; Чарновскій далъ въ кассу 5 червонцевъ. При обыскѣ у этого Чарновскаго были найдены записки о тогдашнихъ политическихъ новостяхъ, преимущественно французскихъ, виленская прокламація и множество пасквилей. Подсудимый объяснилъ, что записки составлялъ онъ изъ свѣдѣній, доставлявшихся ему изъ Варшавы отъ одного стараго знакомаго, нѣкоего Зубковскаго, прокламацію далъ ему Домбровскій, а пасквили получилъ въ разное время и отъ разныхъ лицъ. — Третій подсудимый, Станиславъ Юдицкій, сынъ генералъ-поручика польскихъ войскъ, 20 лѣтъ отъ роду, воспитанникъ піаровъ, нигдѣ не служившій и не имѣвшій никакой собственности, далъ такое показаніе. Пріѣхалъ онъ въ Вильну въ іюлѣ мѣсяцѣ для разсчета съ кредиторами и для того, чтобы пошить себѣ платье. Жилъ онъ въ домѣ Гребницкой, что у Рудницкихъ воротъ, у своего фактора, еврея Тобіаса. Къ ассоціаціи, „наиусильнѣйшимъ образомъ", склонилъ его подпоручикъ Цецерскій; но онъ, опасаясь попасться въ руки правительства, рѣшился уйдти за границу, именно въ Галицію, въ городъ Львовъ, подъ предлогомъ самому развѣдать о положеніи польскихъ дѣлъ. Цецерскій обѣщалъ достать ему паспортъ, но не успѣлъ этого сдѣлать. Не имѣя денегъ на дорогу, онъ разсчитывалъ отправиться въ Кенигсбергъ, гдѣ надѣялся занять нѣсколько сотъ червонныхъ. Изъ Вильны ѣздилъ Юдицкій въ Браславскій повѣтъ къ шляхтичу Кондратовичу, котораго и подговорилъ пристать къ ассоціаціи; въ этомъ же смыслѣ писалъ онъ къ своему пріятелю Бржезовскому, но письмо это было забыто имъ на квартирѣ у Тобіаса, который передалъ его потомъ литовскому губернатору Булгакову. Возвращаясь отъ Кондратовича въ Вильну, Юдицкій встрѣтился на дорогѣ съ знакомымъ жидомъ, который сказалъ ему, что въ городѣ многихъ взяли подъ стражу. Желая убѣдиться въ этомъ лично, онъ, переодѣтый въ простую шубу и зимнюю шапку, пріѣхалъ въ Вильну, услышалъ тоже самое отъ многихъ и узналъ, что его самого ищутъ. Испугавшись, онъ убѣжалъ въ лѣсъ; но, не найдя возможности долго тамъ оставаться,

онъ пробрался въ Троцкій повѣтъ къ шляхтичу Эйтману, у котораго онъ и былъ схваченъ. Изъ членовъ общества, кромѣ подпоручика Цецерскаго, онъ, Юдицкій, никого не знаетъ.—Очень любопытны, по своимъ подробностямъ, показанія шляхтича Францишка Паздзерскаго, управителя виленской юрисдики кн. Радзивила, данныя имъ, 14 октября, на очной ставкѣ съ самимъ Домбровскимъ.

— Спрашивалъ меня настоятель тринитаровъ Домбровскій: имѣю ли я знакомыхъ офицеровъ?

— Очень многихъ, былъ мой отвѣтъ.

— Не можно ли, сказалъ Домбровскій, уговорить ихъ отправиться въ цесарскій кордонъ, а оттуда въ Италію, въ легіоны Домбровскаго? Но прошу пана содержать сіе въ тайнѣ.

— Они бѣдны и не имѣютъ средствъ туда доѣхать.

— Надобно достать столько денегъ, сколько имъ нужно, замѣтилъ Домбровскій.

— У меня всего десятка полтора червонцевъ, сказалъ Паздзерскій; но можно будетъ сдѣлать складчину.

Въ это время проходило по улицѣ двое офицеровъ въ сѣрыхъ сюртукахъ,—Петкевичъ и Цецерскій.

— Вотъ патріоты, сказалъ Паздзерскій, подводя къ окну Домбровскаго: они поѣхали бы въ Италію, да денегъ нѣтъ! Есть и у меня братъ, служившій въ бригадѣ Мадалинскаго, онъ бы поѣхалъ, да тоже бѣда: не на что, а я ему могу дать лишь нѣсколько червонцевъ.

— Пусть подождетъ: я его возьму съ собою во Львовъ, когда уѣду отсюда.

Опять взглянули въ окно и увидѣли Калинскаго.

— Не позвать ли? спросилъ хозяинъ.

— Не худо бы, отвѣчалъ гость.

Пришелъ Калинскій. Паздзерскій оставилъ ихъ вдвоемъ, а самъ вышелъ изъ комнаты. Офицеръ Паздзерскій, на предложеніе брата, охотно согласился отправиться въ Италію, но просилъ денегъ. Опять приходитъ Домбровскій къ шляхтичу Паздзерскому и спрашиваетъ: — Ну, что? Говорилъ съ офицерами?

— Говорилъ только съ братомъ.

— Сколько, примѣрно, слѣдуетъ дать денегъ каждому офицеру на путевыя издержки до Львова? спросилъ Домбровскій.

— По меньшей мѣрѣ, десять червонцевъ, отвѣтилъ его собесѣдникъ.

— Ежели уговоришь, продолжалъ Домбровскій, офицеровъ от-

правиться за границу, скажи имъ, чтобы отыскали себѣ подводы до Руманъ или до Деречена, гдѣ находится жившій прежде на Антоколѣ Антоновичъ. Оттуда я сыщу способъ къ дальнѣйшему ихъ отправленію.

— Не понимаю я, сказалъ Паздзерскій, какъ можно подговаривать польскихъ офицеровъ къ отъѣзду за границу, когда, какъ слышно, римскій императоръ далъ повелѣніе всѣхъ праздношатающихся поляковъ выгонять изъ Львова.

— Слышалъ и я тоже самое. Ну, такъ подождемъ подговаривать до того времени, когда я получу вѣрныя извѣстія.

Послѣ этихъ словъ, Домбровскій просилъ Паздзерскаго сыскать вѣрнаго человѣка для отправленія съ нимъ письма въ Свислочъ, къ Роммеру, давъ на это деньги. Человѣкъ былъ найденъ и вскорѣ возвратился съ отвѣтомъ. Въ третій свой приходъ, Домбровскій просилъ Паздзерскаго, чтобы тотъ пригласилъ къ себѣ Нагурскаго, съ которымъ ему очень нужно видѣться. Нагурскій долженъ былъ Паздзерскому десять червонцевъ за стѣнныя зеркала, купленныя у послѣдняго его братомъ. Подъ предлогомъ полученія этого долга, Паздзерскій отправился къ нему въ домъ, но, встрѣтивъ его у воротъ, только сказалъ:

— Настоятель Домбровскій желаетъ съ тобой говорить и ожидаетъ тебя въ моемъ домѣ, въ 4-мъ часу.

— Хорошо, приду.

Пришелъ въ назначенное время Нагурскій; Домбровскій, въ ожиданіи его, не выходилъ изъ квартиры. Они „замкнулись въ гардеробѣ“ хозяина, который совсѣмъ ушелъ со двора. На другой, или на третій день пошелъ Паздзерскій опять къ Нагурскому за полученіемъ долга, но тотъ денегъ не отдалъ.

— О чемъ съ тобою разговаривалъ Домбровскій? спросилъ Паздзерскій.

— Все вздоръ и сущее дурачество; я выбранилъ ксендза.

Опять черезъ нѣсколько дней приходитъ Домбровскій. Паздзерскій вручаетъ ему письмо отъ Роммера. Домбровскій началъ длинный разсказъ о томъ, что французы побили пруссаковъ, что въ Базелѣ учрежденъ польскій сеймъ, гдѣ уже и находятся польскіе маршалы, что въ пораженіи пруссаковъ участвовали польскіе легіоны, что ему, Домбровскому, нѣкій панъ далъ сто червонцевъ, которые онъ роздалъ офицерамъ, а изъ послѣднихъ нѣкоторыхъ уже отправилъ за границу, что въ Базелѣ могутъ собраться теперь делегаты изъ польскихъ провинцій. Этотъ потокъ краснорѣчія былъ

прерванъ восклицаніемъ Паздзерскаго:—Какъ можетъ статься, чтобы наши маршалы находились въ Базелѣ! Сапѣга надѣлалъ въ Вѣнѣ долговъ, и его оттуда не выпустятъ, а Малаховскій живетъ въ Варшавѣ! — Домбровскій промолчалъ, но предложилъ своему собесѣднику новый вопросъ: не знаетъ ли онъ, кого бы послать репрезентатомъ въ Вѣну?

— Зачѣмъ ты *меня* все спрашиваешь о такихъ дѣлахъ? справедливо замѣтилъ Паздзерскій: кто туда поѣдетъ! на это нужны деньги!—Однакожъ указалъ „на весьма хорошаго, но бѣднаго человѣка“,—лѣкаря Войнича. Уходя, Домбровскій позабылъ на столѣ распечатанное письмо Роммера слѣдующаго содержанія: „Пишешъ мнѣ, чтобы я пріѣхалъ въ Вильну; но моя сестра имѣетъ во мнѣ нужду, для которой не могу отлучиться: ей потребна моя помощь“. Въ послѣдній разъ Домбровскій приходилъ къ Паздзерскому за забытымъ письмомъ. Кредитъ его у послѣдняго сталъ значительно падать; онъ сталъ прятаться отъ сумазброднаго монаха, въ особенности послѣ словъ своей жены: „Зачѣмъ этотъ ксендзъ къ намъ шляется!“ — Братъ Паздзерскаго, вѣроятно, получивъ деньги отъ Домбровскаго, совсѣмъ отбился отъ рукъ, — таскался по трактирамъ, проигрывался на билліардѣ и въ пьяномъ видѣ упалъ съ лошади на Антоколѣ. Подсудимый прогналъ его изъ своего дома, и онъ потомъ поступилъ въ услуженіе къ г-жѣ Салтановой. Церцерскій только разъ приходилъ къ Паздзерскому спросить: не знаетъ ли онъ оказіи въ цесарскій кордонъ? прибавивъ, что онъ ѣдетъ въ Италію, въ легіоны Домбровскаго и что уже получилъ (!) до Варшавы паспортъ.—Не знаю. Дѣлай, что хочешь, отвѣчалъ ему Паздзерскій.

Изъ другихъ показаній узнали немного. Такъ, ксендзъ Зюльковскій велъ списокъ офяръ, который онъ называлъ *коллекціей.* Въ этомъ спискѣ одинъ изъ подсудимыхъ замѣтилъ цифру — 23 червонца, пожертвованные 6-ю лицами, имена и фамиліи которыхъ обозначены только одною буквою. Ассоціаціи, по словамъ Домбровскаго, коновода всего дѣла, были уже учреждены въ Брестѣ, Минскѣ, Луцкѣ и въ Варшавѣ. Сессій, кромѣ сходокъ у Зюльковскаго, нигдѣ не было. У этого же ксендза разсуждали о томъ, кого послать делегатомъ въ Львовъ и Миланъ; долго колебались между Гейшторомъ, бывшимъ на сеймѣ 1789 г. посломъ, теперь живущимъ въ Пруссіи, и Роммеромъ; но остановились на подпоручикѣ Церцерскомъ; положили также вести переписку симпатическими чернилами, составъ которыхъ Домбровскій сказалъ на ухо Зюльков-

скому. Себя самого Домбровскій выдавалъ за довѣренное лицо, посланное львовскимъ центральнымъ комитетомъ; но кѣмъ именно,—не говорилъ. Онъ настаивалъ на вербовкѣ членовъ въ ассоціацію; но на вопросъ: что же ей дѣлать,—совѣтовалъ ждать распоряженій львовскаго комитета и миланскаго сейма. — Грабовскій показывалъ, что многократно совѣсть его побуждала объявить обо всемъ начальству; но, съ одной стороны, онъ удерживался „опасеніемъ подвергнуться наказанію, яко участникъ", а, съ другой, — „страхомъ подпасть публичному поруганію и упреку, яко измѣнникъ и доносчикъ на своихъ соотчичей": показаніе, несомнѣнно, искреннее, если принять во вниманіе тогдашнія обстоятельства. Проклиная Домбровскаго, Грабовскій обращается къ милосердію государя и проситъ за невинную жену и малолѣтныхъ дѣтей. — Къ 3-му октября всѣ литовскіе заговорщики были переловлены и опрошены. „Главный изъ нихъ, доноситъ Булгаковъ Репнину, монахъ Домбровскій есть наивеличайшій плутъ: добровольно ничего не хочетъ сказать, а въ томъ, что уже знаемъ, признается. Два полицейскіе офицера, поймавшіе его и генераловича Юдицкаго достойны награжденія и пр.". Мѣстные заговорщики были переловлены, но хотѣлось открыть нити заговора и въ другихъ мѣстахъ,— и вотъ, съ этою цѣлію, пріѣзжаетъ въ Вильну, по высочайшему повелѣнію, самъ фельдмаршалъ Репнинъ, печатаетъ въ мѣстной газетѣ прокламацію ко всѣмъ обывателямъ края [1]), разсылаетъ печатныя объявленія о заговорѣ по сосѣднимъ губерніямъ и вступаетъ въ сношенія съ австрійскими властями въ Галиціи, черезъ подольскаго губернатора Александра Андреевича Беклешова. Но вообще новаго пришлось узнать немного: напали только на слѣды ассоціаціи въ Луцкѣ. У тамошнихъ заговорщиковъ нашли бумаги, за подписью двухъ членовъ львовскаго центральнаго комитета, какихъ-то Майтковскаго и Улястовскаго; послѣдній служилъ у генерала Корвицкаго и былъ отправленъ этимъ послѣднимъ въ Вильну, съ законнымъ паспортомъ отъ волынскаго вице-губернатора и съ письмомъ къ Фризелю, виленскому вице-губернатору. Главнымъ заводчикомъ луцкой ассоціаціи былъ нѣкто Ципріянъ Годебскій, который жилъ въ Львовѣ, въ качествѣ луцкаго депутата, и чрезъ котораго происходили всѣ сношенія между ассоціаціями. Въ Луцкѣ были схвачены Янъ Нартовскій и Михаилъ Длусскій, прикащики на мѣстной табачной фабрикѣ. Показанія ихъ были

[1]) См. Kuryer Litewski 1797 г., № 14, 6 (17) ноября.

тѣже, что и виленскихъ: замыселъ возстанія шелъ изо Львова прямо на Луцкъ и по всѣмъ воеводствамъ бывшей Польши; луцкая ассоціація должна была открыть таковыя же въ воеводствахъ Кіевскомъ и Брацлавскомъ, но сдѣлать этого не успѣла. Луцкая ассоціація успѣла набрать до 20-ти членовъ и болѣе 20-ти тысячъ польскихъ злотыхъ, переведенныхъ во Львовъ, куда отправилось 4 офицера, но набора солдатъ не было. Домбровскій, для собственнаго спасенія, очевидно, запутывалъ въ дѣло, кого только можно; но несомнѣнно, что и австрійская администрація двоедушничала. Львовскій губернаторъ Гейзрукъ увѣрялъ, что львовская полиція не отыскала никакихъ слѣдовъ центральнаго комитета; что одни изъ лицъ, оговоренныя Домбровскимъ, еще съ апрѣля, т. е. до начала заговора, находились подъ стражею, по инымъ уголовнымъ дѣламъ; другихъ совсѣмъ не было въ Галиціи, или давно выѣхали, или вовсе въ ней не жили; а третьи, очевидно, выдуманы. Сверхъ того, послѣ покушенія на австрійскую границу, всѣхъ поляковъ, прибывшихъ толпами изъ Короны и Литвы, „какъ презрительныхъ бродягъ и негодяевъ", по словамъ львовскаго губернатора, выгнали изъ всей Галиціи; такихъ, въ самомъ дѣлѣ, множество возвращалось и добровольно отдавалось въ руки русскаго правительства, генералу Беклешову. Могъ между изгнанными изъ Галиціи находиться и Годебскій, очутившійся потомъ въ Варшавѣ; могъ, вмѣстѣ съ нимъ, и центральный комитетъ перейдти въ этотъ городъ, если только настаивать на томъ, что инсуррекціонная затѣя ксендза Домбровскаго и К° была вполнѣ созрѣвшимъ и зрѣло обдуманнымъ заговоромъ. Но такимъ она не была: ксендзъ Домбровскій и его товарищи были не болѣе, какъ застрѣльщики, погибшіе, вслѣдствіе неудачи. Нити заговора даже не находились въ рукахъ генерала Домбровскаго: этому воякѣ некогда было заниматься темной интригой, а потому онъ и не распространяется о немъ въ своихъ запискахъ. Воззрѣнія австрійскихъ властей на поляковъ были не очень для нихъ лестны. „Заключенный съ французами миръ, пишетъ львовскій губернаторъ къ подольскому, и химерическіе замыслы нѣсколькихъ польскихъ вѣтренныхъ головъ, которыя, по врожденному своему легкомыслію, позволяютъ обольщать себя всякому обманщику, конечно уничтожатъ и истребятъ ихъ сумасбродныя надежды". — Дѣло о виленскомъ заговорѣ окончено производствомъ въ ноябрѣ мѣсяцѣ. Изъ числа оговоренныхъ, по неизвѣстнымъ намъ причинамъ, принялъ подъ особое свое покровительство фельдмаршалъ Репнинъ шлях-

тича Нагурскаго. О немъ, черезъ кн. Алексѣя Борисовича Куракина, былъ особый докладъ государю; государь пожалѣлъ его, но дѣло о немъ велѣлъ представить на судъ правительствующаго сената, который и оправдалъ его. Нагурскій ранѣе другихъ былъ отправленъ въ Петербургъ, но не въ качествѣ государственнаго преступника. „Шляхтичъ Нагурскій, писалъ Репнину въ Вильну князь Куракинъ отъ 29 ноября, сперва хотя и содержался у меня въ домѣ, но не такъ, какъ арестантъ, а напослѣдокъ былъ уже, какъ домашній знакомецъ (?), и на сихъ дняхъ имѣетъ быть представленъ лично къ его императорскому величеству, о чемъ я и повелѣніе его величества уже имѣю“. Кромѣ Нагурскаго, шляхтичъ Паздзерскій, Невяровичъ, Калинскій, Эйтманъ, Городецкій и Петральскій, по сенатскому указу, также были оправданы и возвращены на родину. Домбровскій, Зюльковскій, пріоръ Цецерскій братъ его и Юдицкій были сосланы въ каторжную работу, въ нерчинскіе рудники, съ лишеніемъ всѣхъ правъ состоянія; Грабовскій, Чарновскій, оба Сестровитовскіе, другой Паздзерскій и Кондратовичъ были сосланы безъ лишенія этихъ правъ, на поселеніе въ Тобольскую губернію [1]).

Булгаковъ и Фризель, на плечахъ которыхъ легла вся тяжесть этого дѣла, по представленію Репнина, получили высочайшія награды: первый — чинъ дѣйствительнаго тайнаго совѣтника и похвальную грамоту, второй—чинъ дѣйствительнаго статскаго совѣтника.

Когда въ сенатѣ происходили пренія по поводу дѣла Домбровскаго, соучастниковъ котораго, вмѣсто смерти, приговаривали къ каторгѣ, Державинъ обратился къ Макарову съ вопросомъ:—„виноваты ли были Пожарскій, Mининъ и Палицынъ, что, желая избавить Россію отъ рабства польскаго, учинили между собою союзъ и свергли иностранное иго?“—Разумѣется, не виноваты, отвѣчалъ тотъ, но достойны нашей благодарности. „Почему же, спросилъ Державинъ, такъ строго обвиняются сіи несчастные, что они имѣли нѣкоторые между собою разговоры о спасеніи отъ нашего владѣнія своего отечества?... Чтобы сдѣлать, продолжалъ Державинъ, крѣпко недолюбливавшій поляковъ, истинно вѣрноподданными завоеванный народъ, надобно его прежде привлечь сердце правосудіемъ и благодѣяніями, а тогда уже и наказывать его за преступленіе... И такъ, по моему мнѣнію, пусть они думаютъ и говорятъ о спасеніи своего отечества, какъ хотятъ, но только къ самому дѣйствію не приступаютъ, зачѣмъ нашему правительству прилежно наблюдать должно и до того ихъ не допускать кроткими и благоразумными средствами, а не наказывать и не посылать всѣхъ въ ссылку; ибо всей Польши ни переказнить, ни заслать въ заточеніе не можно“ [1]).

[1]) При вступленіи на престолъ императора Александра, всѣ эти лица получили свободу и право возвратиться на родину. См. Полн. Собр. Зак. Т. XXVI, № 19,784, манифестъ отъ 15 марта 1801 г.

Горячій протестъ Державина, конечно, былъ рѣзкимъ укоромъ присутствовавшимъ тогда сенаторамъ, изъ поляковъ, равнодушно подписывавшимъ строгіе приговоры своимъ соотечественникамъ. Императоръ Павелъ, узнавъ о протестѣ Державина, приказалъ сказать ему, чрезъ генералъ-прокурора, что бы онъ „не умничалъ“, что и передалъ ему во дворцѣ на другой день кн. Куракинъ, впрочемъ, съ улыбкою.

Несомнѣнно, что въ Литвѣ замыселъ Домбровскаго былъ многимъ извѣстенъ и что сочувствіе къ нему не ограничивалось одними неимущими офицерами. Высшее духовенство не могло не знать о немъ: такъ одинъ ксендзъ изъ мѣстечка Шадова, на Жмуди, формально жаловался, что жмудскій епископъ Ядровичъ еще 6-го января требовалъ отъ него, ксендза, чтобы онъ взбунтовалъ крестьянъ противъ правительства; когда же ксендзъ не согласился на это, то епископъ, будто бы, послалъ на него, ночною порою, 10 человѣкъ своихъ людей, которые разбойническимъ образомъ ограбили ксендза до послѣдней нитки, а епископъ посадилъ его въ холодный анбаръ, на хлѣбъ и воду, гдѣ несчастный ксендзъ томился до іюля мѣсяца, когда удалось ему спастись бѣгствомъ. Но Ядровичъ (если справедливъ доносъ) и люди равнаго ему соціальнаго и экономическаго положенія выжидали, были въ сторонѣ, прятались, конечно, вполнѣ сочувствуя Домбровскимъ и Цецерскимъ.

Въ исторіи польской инсуррекціи виленскій заговоръ, не смотря на свою незначительность, важенъ какъ первая попытка, первообразъ позднѣйшихъ польскихъ движеній. Кромѣ „безмозглости“, „вертопрашности“, „сумасбродства“ и другихъ непривлекательныхъ сторонъ національнаго польскаго характера, польская инсуррекція объясняется, главнѣйшимъ образомъ, причинами экономическими и соціальными. Такъ взглянуло на затѣю Домбровскаго и само правительство, назвавъ главныхъ виновниковъ ея

[1]) Записки Державина, стр. 424—425.

„бѣглецами и бродягами, неимѣющими достойно (достаточно?) ни собственности, ни пристанища, у коихъ идолъ—корысть, законы—развратъ, грабежъ и убивство“ [1]). И, дѣйствительно, *явными* участниками въ первомъ заговорѣ, кромѣ сытыхъ и обезпеченныхъ ксендзовъ, которыми, конечно, двигали фанатизмъ и патріотическое „вертопрашество“, мы видимъ одну голытьбу,—пролетаріевъ, оставшихся безъ куска хлѣба и ничего неимѣющихъ впереди: толпы оставшихся безъ мѣстъ офицеровъ, грозную тучу шляхты, ничѣмъ неразряженную. Весь этотъ горючій, революціонный матеріалъ поляки совершенно ошибочно называютъ здоровымъ демократическимъ элементомъ: онъ былъ, напротивъ, ультра - аристократическимъ и ультра - консервативнымъ (конечно, въ польскомъ духѣ); но намъ отъ этого не было легче. Не порѣшивъ вопроса о шляхтѣ, отождествивъ понятія о русскомъ гражданствѣ съ правами россійскаго дворянства и служащаго сословія, мы сами—съ одной стороны открыли ей свободный путь къ привиллегіямъ, до которыхъ поляки всегда были падки, къ нобилизаціи, *къ русскому шляхетству*, съ другой раздражили и озлобили противъ себя, ничего не давъ, взамѣнъ утерянныхъ, хотя и аномальныхъ правъ, людямъ, во всякомъ случаѣ привыкшимъ къ праву, такъ какъ наши крестьянскія и мѣщанскія права того времени, предоставлявшіяся шляхтѣ, были весьма ограниченны и уже ни коимъ образомъ не могли идти въ сравненіе съ таковыми же прусскими и австрійскими, безъ особеннаго труда охлаждавшими горючіе матеріалы польскаго вулкана. Потушить, охладить его у насъ было не чѣмъ; даже напротивъ, воспламеняющагося матеріала стало накопляться болѣе.—Первый виленскій заговоръ, конечно, не болѣе какъ простой, неудавшійся замыселъ и, безъ сомнѣнія, по этому мы не видимъ въ немъ ни участія женщинъ, ни дикаго разгула религіознаго и патріотическаго фанатизма. Но и эти явленія, обычныя въ позднѣйшихъ польскихъ инсуррекціяхъ, имѣя свое основаніе въ національномъ характерѣ, усиливаются и развиваются подъ вліяніемъ все тѣхъ же причинъ, — по недостатку охлаждающихъ средствъ, по неумѣнію ими пользоваться. Виленскій заговоръ былъ послѣднимъ дѣломъ въ Литвѣ, въ которомъ кн. Н. В. Репнинъ принималъ посредственное участіе: вотъ еще причина, по которой мы такъ долго на немъ остановились. По окончаніи его, фельдмаршалъ уѣхалъ въ Петербургъ и уже въ Литву болѣе не возвращался.

[1]) Полн. Собр. Закон. Т. XXIV, № 18,248, указъ Сенату, стр. 801.

Какъ бы ни было безотрадно положеніе Литвы въ первые три года присоединенія ея къ Россіи, какъ ни велики были наши культурныя неудачи, все же, въ концѣ концовъ, выигрышъ былъ на нашей, а не на польской сторонѣ: край, т. е. фонъ его, основаніе,—простой крестьянскій людъ, успокоивался, получалъ отпоръ отъ будоражившихъ и истощавшихъ его силъ, бродившихъ и взаимно убивавшихъ себя въ Польской республикѣ, въ послѣдніе два вѣка ея существованія. На этомъ политическомъ, государственномъ покоѣ, на этомъ внѣшнемъ благополучіи можно было выстроить, создать нѣчто прочное и благообразное, между тѣмъ какъ, не смотря на доброкачественность нѣкоторыхъ матеріаловъ, изъ которыхъ была создана Рѣчь Посполитая Польская, зданіе ея рухнуло съ шумомъ; ибо фундаментъ ея не прошелъ совсѣмъ въ почву, связи были хрупки, строители—плохіе художники.

КОНЕЦЪ.